

Владимир Поселягин

Второй фронт

Александр Демин, сотрудник секретного отдела межмировых перемещений, успел передать в 1941 год информацию из будущего. Используя современные методики ведения боевых действий, Красная Армия встретила орды немецких войск во всеоружии. Теперь СССР потребуется поддержка потомков, нужно обеспечить выпуск новой военной техники.

Для этого Александр занимается поиском других межвременных порталов и случайно перемещается в 1851 год, в царскую Польшу. Ему необходимо вернуться назад, в будущее. Но как? Единственный выход — ехать в столицу к императору и просить помощи у просвещенных людей того времени.

Владимир Поселягин

Второй фронт

Пролог

**Москва. Кабинет Сталина. 26 июня по миру СССР.
24 по миру Александра. 18 часов, 15 минут.**

— Прорыв танковых частей под Кобрином успели локализовать используя три засадных гаубичных дивизиона. Корректировщики очень хорошо поработали, как и группы минеров. Передовые части немцев фактически уничтожены, но и у нас большие потери, сказывается слабая подготовка бойцов и командиров, — докладывал маршал Шапошников.

— А ведь там собраны наши лучшие бойцы, — с легкой горечью произнес Сталин.

— Это так, но за последние четыре дня действия наших засадных групп становятся все лучше и лучше. Многие бойцы уже прошли через первый бой, и сейчас понемногу осваиваются.

— Хорошо, продолжайте, что там у Кобрин?

— На данный момент вторые эшелоны немецких войск заняли город. На сутки раньше, чем мы планировали. Все-таки, несмотря на то, что они фактически лишены связи, а мы нет, не дает такого сильного преимущества на которое мы рассчитывали. Слишком большая разница у нас в подготовке войск, — вынужден был признать очевидную вещь, маршал.

— Я знаю об этой проблеме, именно поэтому Ставкой и было принято решение вывести войска на старую линию УРов. Бойцы, прошедшие горнило приграничных боев, станут костяком в воевавших частях, и поделятся своим опытом с другими необстрелянными бойцами, — сказал Сталин.

Маршал об этом знал, поэтому только кивнул в ответ, продолжив:

— Два гаубичных дивизиона успели выйти на другое место сосредоточения, к сожалению, насчет третьего я ничего сказать не могу, связь с ним оборвалась. Последнее радиосообщение было, что они ведут бой с парашютистами. Посланная на помощь усиленная мотогруппа нарвалась на прорвавшийся моторизованный полк противника, и отступила, понеся потери. Группы минеров, так же вышли в не полном составе. Однако это небольшие потери в сравнении с немцами, в одном только пригороде Кобрин они потеряли больше пятидесяти единиц бронетехники, точное количество потерь в людях пока не известно. Используя Ту-двадцать два как высотных разведчиков, благо союзники успели передать нужное оборудование, мы в курсе всех планов Вермахта, и также сосредоточения их резервов. Ночные бомбардировщики сделали больше двух сотен вылетов по резервам немцев, не трогая передовые части. К сожалению тут тоже не обошлось без потерь. Мы не досчитались восемь машин.

— Что там с генералом Паулюсом? — спросил Сталин.

— Пока отказывается сотрудничать, но пресс-конференцию для иностранных журналистов провести все-таки придется. Немцы обнародовали известие о пленении генерала.

— М-да, рассчитывать на то, что они попридержат эту информацию, не стоило, — задумчиво сказал Сталин.

Загудел зуммер селектора.

— Слушаю, — произнес Сталин, нажав на одну из кнопок.

— К вам товарищ Берия, товарищ Сталин, — послышался в динамике голос секретаря.

— Пропустите, — ответил Сталин.

Бесшумно отворилась дверь, и в кабинет вошел Берия. Поймав взгляд Сталина, он отрицательно покачал головой.

— Проходите, товарищ Берия, — указал мундштуком трубки на свободный стул неподалеку, велел Главнокомандующий: — Сейчас мы закончим с Борис Михайловичем закончим, и продолжим уже с вами.

Пока Берия приготавливал к докладу бумаги, Шапошников продолжил:

— На других участках нашей границы практически все тоже-самое, только на Украине был крупный прорыв моторизованных частей немцев, но попав в огненный мешок артиллерийского корпуса генерала Горбатого, был остановлен и отброшен новыми танковыми бригадами генерала Лисина. Должен сказать, что действия немецких диверсантов в наших тылах, фактически сведены к нулю, по сравнению с историей в мире Александра. Эпизодические случаи, практически не заметны, тем более подразделения охраны тыла, реагируют на удивление оперативно.

— Хорошо. Что у нас с авиацией?

— Бои за небо идут страшные. Командование воздушного флота Люфтваффе фактически забросило охрану своих войск от налетов бомбардировщиков, и борется за господство в воздухе. Наши потери в устаревших истребителях огромны, но и немцы потеряли немало хороших пилотов. Хорошо помогают в этих случаях засадные эскадрильи асов, на новейших истребителях. Капитана Вольных, сбившего за эти четыре дня двадцать шесть самолетов противника на своем ЯК-один М, Геринг объявил своим личным врагом, как только заметка о подвиге капитана вышла в 'Звезде'.

— Капитан уже представлен к награде?

— Да, сегодня утром была отправлен наградной лист, как на него, так и на других командиров сбивших немало самолетов противника.

— Хорошо, Борис Михайловичем, следующий доклад через два часа, — сказал Сталин.

Собрав все листы с докладом в папку, маршал отдал честь и вышел из кабинета.

— Что с Аномалией? — немедленно спросил Сталин у Берии.

— Ученые пока ничего не говорят. Пользуясь тем, что Аномалия закрыта мы снова стали водить людей в поисках 'видящих', но пока безрезультатно. В том месте, где исчез Александр, мы строим сторожку, и посадили взвод егерей. Местность оказалось уж очень лесистая. Так что на это время, у нас только два пути. Это ждать Александра, и найти другого 'видящего'.

— Хорошо, что с настроениями в среде белорусских военспецов?

— Пока все нормально. С ними были проведены разговоры, и объяснены почему не работает почта и связь с их миром, так что волнений ждать не приходится, все они отнеслись с пониманием к этой новости, и тоже ждут пока портал заработает. Тем более некоторые особо дальновидные забрали семьи с собой.

— Приятно иметь дело с такими союзниками, — сказал Сталин, и добавил: — Что у нас по Румынии?..

**Российская Империя. Царство Польское. Усадьба пана Пшеновского.
Гостевая спальня.**

26 июня. 19 часов 40 минут местного времени.

Очнулся я от тихого хлопка закрывающейся двери. Несколько секунд тупо смотрел на белый потолок с красивой церковной лепниной. Всякие амурчики, ангелочки, просто усеяли углы комнаты. Попытавшись приподняться на локте, со стоном рухнул обратно. Переждав приступ слабости и головокружения скрутивший меня, попытался снова сделать это. На этот раз у меня все получилось. Сел, уперся спиной на подушку, вытер мокрый от пота лоб, и осмотрелся.

Судя по обстановке я находился в музее.

'А профессор то был прав, мы провалились в прошлое, а не в будущее как я надеялся!' — подумал, закончив осмотр комнаты. Тяжелые, непроницаемые шторы закрывали окно, но и так понятно, что это не родной мне мир, если только мы не попали к какому-нибудь олигарху повернутому на антикваре, что было сомнительно.

Больше всего меня беспокоило то, что рядом не было Али. Насколько я ее знал, она не оставила бы меня одного, и это особенно тревожило. Одежды тоже не было, не назвать же одеждой халат, который висел на резном стуле у изголовья. Ни лампочек, ни проводки тоже не рассмотрел, а вот подсвечник с тремя оплывшими свечами стоял на большом красивом резном буфете, вводя в сомнения.

В отличие от меня постель была сухая, и это значило, что ее только что поменяли.

'Хоть заботятся, уже хорошо', — подумал я, мысленно пробегая по своему телу, пытаюсь понять, что со мной. Чувствовалась только слабость, голова же была на удивление ясной.

Вдруг за дверью послышались шаги, я мгновенно сполз обратно и принял тут позу, при которой очнулся.

Сквозь ресницы, смотрел на трех вошедших мужчин в странных, скорее даже старинных одеждах, которые разглядывали меня, подойдя к изголовью.

'Поняли? Или тут стоит система видеонаблюдения?' — подумал я. Мысли просто скакали в голове, давая все новую и новую версию.

— Что вы скажите профессор? Когда он очнется? — спросил по-русски, с каким-то старинным говором, один из них. Говорили странно, вставляя эс на конце, но как ни странно более-менее я их понимал. Сухопарый мужчина с жесткой щеточкой усов наклонился надо мной, и приподняв веки всмотрелся в глаза. Понадобились все мои способности, чтобы никак не отреагировать.

— Тут я пока ничего не могу сказать, нужно время и покой, — ответил тот, разогнувшись.

— Меня интересует, откуда они взялись. Это 'поручик', чтоб его, убил одиннадцать моих жандармов, и я хочу знать кто они такие. Девка молчит, старик тоже, может хоть этот заговорит?!

Я чуть не дернулся когда услышал слова одного из мужчин.

— Рано или поздно он очнется, и тогда вы все узнаете, — ответил неизвестный профессор.

— Я поставлю у входа охрану, — пробормотал молчавший третий, когда они выходил из комнаты.

Как только дверь закрылась, я попытался встать, но и тут же со стоном рухнул обратно. Слабость, слабостью, но головокружение еще никто не отменял. Переждав, пока комната перестанет кружиться перед глазами, все же встал и начал ходить из угла в угол,

потихоньку вновь принимая командование над собственным телом. Беда с этой болезнью, судя по фигуре, сбросил я не меньше десять килограмм.

'Где я? И что произошло с моими спутниками?' — эти мысли крутились в моей голове круговоротом. И странная одежда у побывавших в моей комнате тоже навевала сомнения — не знаю, в какую эпоху я попал, но точно где-то рядом с Наполеоном. У одного были чулки.

Белорусская ССР. Двадцать километров от Кобрина. Подразделение капитана Леонтьева.

26 июня по миру СССР и 28 июня по миру Александра. 19 часов. 29 минут.

— Давайте-давайте, — командовал сержант Карпов, изредка бросая взгляды в сторону наблюдателей, которые находились дальше по дороге.

Бойцы отделения сержанта, споро копали небольшие ямки для противотанковых мин ТМ-57, другие подразделения занимались тем же самым, создавая полукилометровую зону полного минирования дороги.

— Карпов, что у вас? — спросил подошедший капитан Леонтьев, придерживая на ходу ППС.

— Через десять минут закончим, — отрапортовал тот выпрямляясь.

— Поторопитесь, наблюдатель на дереве засек шлейф пыли, минут через двадцать они будут тут, — сказал капитан, и оглядев работающих бойцов и их охранение, побежал дальше.

Эта засада была не первой для их группы сдерживания. Вернее сказать третья, и бойцы уже не сомневались что не последняя, будучи уверенными в своем командире. Они еще не знали, что время жизни подобных групп не превышало более пяти-шести боев.

— Быстрее! Немцы на подходе, — сообщил бойцам Карпов. Те уже закончили и сразу же отошли в сторону, началась закладка мин.

— Я их уже слышу, — негромко произнес красноармеец Вересков, Карпову, поглаживая ложе пулемета Дегтярева.

— Уже все, маскировать заканчивают, — ответил сержант, пристально смотря на край леса, откуда должны появиться немцы.

Минеры, закончив маскировать закладки, уже скрылись с глаз, заняв свои места.

Лейтенант-корректировщик приложив наушники к правому уху слушал эфир, ловя волну своего дивизиона. Поймав, кивнул Леонтьеву, и сказал несколько кодовых слов в микрофон.

— Приготовиться! — пронеслась команда по укрывавшимся бойцам.

Немедленно защелкали затворы, и раздался легкий шум шевелящихся людей.

Вот из-за поворота появилась одиночная грузовая машина с набитыми в кузове мешками. Следом за ней на расстоянии двухсот метров следовали два бронетранспортера и средний Т-III. Прошедшие горнило приграничных боев и встреч с другими подобными группами, немцы стали вырабатывать свою тактику движения колонн и противодействия против подобных групп.

— Товарищ капитан, воздушная разведка только что сообщила. Колонна состоит из сорока двух машин, семнадцати танков, и восьми орудий. Пехоты по примерным подсчетам до батальона. По параллельной дороге следует еще одна колонна, похоже, прикрывает эту, — произнес радист, отвлекшись от радиостанции.

— На соседней? Свяжитесь с капитаном Лобановым, это его участок, пусть встречает, — на секунду задумавшись, ответил капитан.

— Они в курсе, уже ждут ее, — сообщил радист, связавшись с соседней группой.

— Вихирев, готовься. Начинай с конца колонны, — скомандовал капитан, как только проехавшая по заминированной дороге первая машина проследовала дальше, а основная колонна показалась на нужном участке.

— Кира, ДАВАЙ!!! — крикнул капитан, не отрываясь от бинокля.

Проехавшую через заминированный участок передовую группу охраны из бронетранспортеров и танка, просто отшвырнуло в стороны мощной взрывной волной.

Придерживающий каску рукой, сержант Карпов, тряхнул головой пытаясь прогнать звон в ушах, крикнул, повторяя команды других сержантов:

— А-а-агонь!!!

Не попавшие под губительный град осколков уцелевшие машины гитлеровцев содрогнулись от мощного залпа самозарядок. Несколько уцелевших танков уже дымили от попавших в них экспериментальных бронебойных сорокапятимиллиметровых снарядов. Чуть в стороне, у двух орудий шевелились артиллеристы.

Глядя в прорезь прицела, сержант одним выстрелом снял выпрыгнувшего из машины водителя, после чего открыл огонь по покидающим кузов солдатам, но их уже начали косить из пары ручных пулеметов, что стояли рядом.

— Осмотреться, — прозвучала команда через пару минут.

После осмотра вперед двинулись группы досмотра.

— Долбят кого-то, — сказал лейтенант Гарин, давая закурить Карпову, указывая на дым от стрельбы нашего дивизиона, который обеспечивал прикрытие шести подобных групп.

— Главное что немцев, — ответил тот, и скомандовал своим бойцам, недовольных, что их не допускают к разбитым машинам, отдавая трофеи досмотровым группам.

— Построится!

Отделение за отделением уходили они от места засады. Главный принцип, после боя свалить как можно быстрее соблюдался свято, поэтому они и уходили как можно быстрее.

Полностью собравшись в километре от разбитой колонны, группа последовала дальше после приказа из штаба. То, что чуть ли не до метра штаб знал, где находится каждая группа, уже давно не удивляло бойцов, поэтому собрав свои вещмешки, они последовали дальше, через полчаса выйдя к дороге, где находился очередной патруль советских войск.

— Странные патрульные, — сказал Леонтьев глядя на четырех бойцов НКВД, которые стояли на перекрестке.

— Там у опушки леса, похоже кто-то укрылся, — сообщил лейтенант Гарин наблюдая за патрульными в бинокль.

— Опять 'Бранденбургцы'? Надоели уже, третий раз встречаемся за эти дни, — пробормотал капитан.

— А может все-таки наши? — спросил Гарин.

— Может... Нужно проверить. Пошли Карпова, пусть осмотрит их, в случае чего уничтожит, они нам не нужны, — скомандовал капитан.

Через пару минут из леса вышли шестеро бойцов и направились к дороге. Заметив их 'энкэвэдэшники' насторожились.

— Точно в кустах кто-то есть, — сказал Гарин, продолжая смотреть в бинокль. К противнику, а то, что это немцы, все были уже уверены, подошли бойцы Карпова во главе с ним.

— Витя ну как же ты? — говорил тихо Гарин, идя рядом с носилками. Карпов бледно улыбнулся обескровленными губами, и ответил:

— Ловкий попался... что-то я... прощелкал, товарищ лейтенант.

Немецкие диверсанты были уничтожены, о чем уже сообщили в координационный штаб в Минске, получив приказ ждать эвакуационную машину для раненных, которых уже было одиннадцать человек. Двух убитых похоронили в лесу.

Уже стемнело, когда подъехали машины, и раненных погрузив в кузова, отправили под охраной двух броневинов к ближайшему медсанбату. Откуда их на транспортных самолетах эвакуируют в Московские госпитали, где они будут играть свои роли для иностранных посольств, но раненные бойцы пока еще не знали об этом.

Российская Империя. Царство Польское. Усадьба пана Пшеновского. Гостиная спальня.

26 июня по миру СССР или 24 по миру Александра. 20 часов. 05 минут — местного времени.

Я осторожно выглянул из-за штор. Ближился вечер, судя по заходящему солнцу.

— Первый этаж, не удивлюсь, если охрана есть и тут! — подумал я и стал осторожно осматриваться.

Охранника, обнаружил в трех метрах от окна.

'Грамотно, не сразу разглядишь!' — осмотрел его и вернулся к кровати.

Оставаться у 'гостеприимных' хозяев я не собирался. Освободить друзей — и свалить отсюда как можно быстрее — вот был мой план. Останавливало другое, я даже представления не имел, где нахожусь, а планировать операции без полной информации, это 'не есть гуд'.

Единственная возможность узнать хоть что-то, это опросить моего охранника за дверью. Что здесь может сойти за оружие? Я задумчиво посмотрел на дрова сложенные у камина. Даже не на дрова, а лучины для растопки.

Выбрав одну из них, покрепче и с острым концом, я подошел к двери, стараясь не скрипеть паркетом.

Приоткрыв дверь, в щелочку увидел скучающего парня в странном мундире серого цвета, как немецкое 'фельдграу'. Вот только каска на голове вызвала ассоциации скорее с 1812 годом, чем с 1941. И ружье со штыком, прислоненное к стене рядом, было, похоже, из тех же времен. Кремневое оно, я такое в музее видел.

Тихо скользнув к нему, приставил к горлу острый конец лучины, и сказал, оглядываясь:

— Не дергайся... руки чтобы я видел... а теперь за мной в комнату.

Парень, на цыпочках, боясь сглотнуть, чтобы не насадиться на лучину последовал за мной. Правую руку за спину, захват, и на пол мордой вниз! Теперь можно и вязать — вон та веревка, которая шторы держит, подойдет! Вздергиваю тушку на стул, для верности привязываю и к нему. Вынимаю изо рта пленника край портьеры.

— А теперь голубчик, объясни мне, что тут происходит?

Он с испугом косился на лучину в моей руке, снова приставленную к горлу, видимо такое нестандартное использование щепки, выбило его из колеи. Вполне готовый к разговору, он спросил:

— Что вы хотите услышать?

— Ну, во-первых где я?

— Это усадьба пана Пшенковского. Вы в Польше. В двадцати верстах от Варшавы.

— Занимательно. Усадьба. Польша. Варшава. Какой сейчас год, месяц, и день?

Несколько секунд пленник с недоумением смотрел на меня, но после паузы все-таки ответил:

— Сейчас тысяча восемьсот пятьдесят первый год. Сегодня двадцать шестое июня... шесть часов пополудни, — после некоторой паузы добавил он.

— М-да, занесло. Хотя время совпадает, не то что... Слушай, а правитель у вас кто?

— Император Всероссийский Николай Павлович.

— В смысле Польша входит в Россию?

— Да! — так же коротко ответил он.

— Как интересно. Ладно, это потом, ты объясни мне, что случилось с моей невестой и спутниками?

Поправив штаны, я провел рукой по рукавам, убирая складки, и направился к покоям хозяина. Нужно забрать у него наши вещи.

Пленный, назвавшийся Савелием Истоминым, унтер-офицером полицейской команды Варшавы, охотно рассказал, из-за чего начался весь сыр-бор, со стрельбой и погонями.

'Блин, а я спал! — огорченно подумал я, — настолько все просто и обыденно'.

Если он не соврал, все началось со знаков внимания, которые начал оказывать один из гостей Але. Гость был главным полицейским чином Варшавы. А еще приходился близким родственником хозяину усадьбы.

Так вот, когда гости на второй день разъехались, полицейский, стал усиленно увиваться рядом с Алей. Получив отказ, еще раз и еще, он, пользуясь тем, что ни у кого из нас не было никаких документов, стал давить на нее, угрожая своим положением. Дальше все было просто. Андрей вступился за честь дамы, побитый полицейский с позором удалился, хозяин усадьбы пан Пшенковский отрицательно встретил прыть гостей, но из-за больного пока ничего не предпринимал. На следующий день, то есть вчера, полицейский вернулся, и не один, а с пятью своими подчиненными, да еще прихваченным для 'силовой поддержки' взводом драгун какого-то там полка, с поручиком во главе. Савелий не знал, что там были за разговоры, благоразумно оставаясь в тылу — но началась стрельба и, получилось одиннадцать трупов. Причем Андрей смог уйти, а вот Аля и профессор отказались это делать, надеясь, что я очнусь. Сейчас же загонщики, только что вернувшиеся с суточных безрезультатных поисков Андрея, решали нашу судьбу. Арестованные Аля и профессор были заточены в разных комнатах.

Сейчас я, переодетый в полицейскую форму поднимался по лестнице, припоминая наш разговор с унтером...

— Так, теперь подробно. Какие комнаты, где? Сколько людей в усадьбе? Чем вооружены?

Блин, как я пленного развязывал, это целая эпопея! Хорошо, веревка длинная — та, которой я его к стулу привязал. А на потолке крюк от люстры. Перекидываю туда конец, спускаю, завязываю петлю на шее полицая.

— Так, Савелий, теперь ты быстро разденешься, исподнее снимать не надо, а вот мундир изволь, — штаны и сапоги я с него еще на стуле стянул и на себя нацепил: — Попробуешь крикнуть, или еще чего, я за веревку дерну со всей силы.

И до того мундир ему с плеч приспустил, чтоб не мог он руки вверх вскинуть и за веревку ухватиться. Сделал напуганный полицай все, как я просил. И дал себя снова связать, и кляп в рот. А до меня лишь сейчас дошло, зачем? Достаточно было его со стула, снова мордой в пол, руки за спину уже, развязал, стянул, снова связал. Ну да ладно...

Так вот, когда я по лестнице поднимался, с деловым видом, мимо меня горничная прошмыгнула, приятная на вид, с тазиком в руках. На меня внимания не обратила — идет человек в форме, значит так надо. А мне придало уверенности, так сейчас недостающей (ну не Штирлиц я все ж и не Джеймс Бонд) — и я, перескакивая через ступеньки, стал подниматься на второй этаж. Кабинет хозяина, это по лестнице и вторая дверь справа. Посмотрим, Савелий Истомин, не соврал ли ты. А то вдруг открою, а там караульная, и десять служивых со стволами мне в грудь? Нет, там, в господской части, их вряд ли бы разместили. Вот она, дверь — оп-па, и еще один часовой. Форма у него зеленая, и сабля на боку.

Кавалерист, драгун, не полицей. Вряд ли он знает в лицо — и меня, и всех полицей. Что ж, примем вид торопящегося курьера — и запалено дыша, ничуть не притворяясь, я быстро зашагал к охраннику. Подойдя, вопросительно смотрю на него. Скосив на меня взгляд, солдат молча показывает на дверь кабинета, мол, мне туда.

Хук справа у меня всегда был нокаутирующим, несмотря на то, что разрабатывал я в основном левую. Подхватив часового под мышки, аккуратно положил его на коверную дорожку, расстеленную в коридоре.

Обыскав охранника, я кроме сабли обнаружил у него за поясом пару пистолетов. У Савелия ничего подобного не было. Быстрый осмотр показал, что они заряжены.

Подойдя к двери, осторожно приоткрыл ее и заглянул вовнутрь. За столом сидел хозяин дома и крутил в руках полуразобранный ТТ, на столе лежали еще два, видимо профессора и Али. Рядом сидел сухопарый парень, в военной форме, который с большим интересом рассматривал разложенные на столе вещи. Мои вещи. Рядом со столом ходил, заложив руки за спину расфуфыренный тип в мундире иного вида. Не зная, как отличить форму военную от полицейской, я предположил, что этот тип и есть обидчик Али, ну а второй обмундированный, это поручик-драгун.

Быстро и молча вхожу в комнату. Первые секунды, самые важные. Не бой, когда пули вокруг, и обычному человеку трудно вот так, сходу, опознать в вошедшем врага, в которого надо стрелять. А мне надо приблизиться — чтобы схватить оружие. Мое оружие — потому что я никогда не стрелял из пистолета позапрошлого века. Но мои противники этого не знают.

Улыбаюсь начальнику, и говорю:

— В сторону. Быстро! Убью!

И дуло ему в живот. Риск был — вдруг начальник, старый вояка, ствола не испугается? Но тут наверное, подсознательное мое сработало, оценить — такой бы, мундир со всякими финтифлюшками не одел бы.

И оказался прав. Начальник оказался именно начальником. Приказать мог, но вот самому... Когда до него дошло, что сейчас убьют конкретно его... Страз в глазах — ни с чем не спутаешь. Да что ж ты стоишь, тумба такая? Играет? Нет — пара секунд всего прошло! Не успел бы, вот так мгновенно просчитать, и программу запустить.

Левым глазом стараюсь не терять из вида поручика — показавшегося мне самым опасным. И влепляю полицейскому с ноги каратистский 'еко-гири'. Брюс Ли обзавидуется. Давно занимался — а тело помнит, да и недавно была пара тренировок с осназом. Вышло конечно хреново, не удар, от которого противник на месте, а внутри у него все отбито до полной небоеспособности, а сильный толчок, но и его хватило, главполицай отлетает метра не три, и грохается на пол. Несколько секунд его можно в расчет не брать.

Теперь, все внимание, на поручика. Руки назад, сво!.. Убью! Давить на нервы, выиграть время! Вот я уже у стола, бросаю на край правый пистолет — но так, чтобы никто не мог дотянуться, быстро протягиваю руку, хватаю один из неразобранных ТТ, делаю это в темпе игры в пинг-понг. Их трое — а я не уверен в своем оружии, блефую!

Удача — судя по весу ТТ, обойма на месте! Но вот есть ли патрон в стволе? Так ведь и они этого не знают!

Уже ТТ на поручика, не забывая взглядом и хозяина. Прodelываю такой же трюк со вторым пистолетом. Уже весело.

— Спасибо что посторожили мои вещи, — говорю, — а теперь встать!

Поручик наконец пришел в себя. Захлопнув рот, стал осматривать меня с таким видом, куда бы ударить по больнее.

— Не стоит, — замечаю, — если вы разобрали уже наше оружие, то должны были видеть: здесь восемь зарядов, вставляются в ствол механически, при нажатии на спуск. Кто дернется, убью. Мой подчиненный положил одиннадцать ваших, поверьте, что я как-нибудь справлюсь с вами троими.

Поддействовало. Блин, что дальше? Если не знаешь, то по уставу, поставить их лицом к стене, упор руками на нее, чтоб ноги отдалено, тело под наклоном — и обыскать, начиная с крайнего в шеренге, ствол в затылок, левая рука проверяет карманы. Затем отправить обработанного в тот конец строя, и следующего крайнего — чтобы все от тебя в одной стороне. Убеждаюсь, что спрятанного оружия ни у кого нет. Приказываю всем сесть на корточки, зажав между согнутых ног кисти рук.

Подождав пару минут, я спокойно подошел к столу, стал за ним, лицом к пленным, положил на оружие, но так чтобы сразу схватить, и стал быстро собирать ТТ. Чей — а какая разница, я что, номера их помню? Закончил, перешел к соседнему столу, где был расстелен мой камуфляж, естественно, перенес все оружие, скинул трофейные тряпки, оделся в свое, накинул разгрузку, стал запихивать обратно свои вещи. Взяв пояс, я прощупал его и, застегнув на поясе, поправил кобуру. Взяв со стола все четыре магазина к пистолету, засунул их в кармашки разгрузки, рядом ссыпал патроны.

Троица молча наблюдала за мной, изредка морщась от болей в ногах.

— Я так понимаю, вы господин Александр, собираетесь покинуть нас? — спросил тот, что до этого сидел за столом.

— Ну что вы, признаться, я никогда не встречал такого гостеприимства как у вас. Большое спасибо. Когда увижу императора-батюшку, обязательно сообщу ему о вашем гостеприимстве. Ему будет интересно узнать, как вы встретили часть посольства направляющегося к императору.

Троица недовольно зашевелилась. Я знал, что ложь среди дворян не принята, поэтому они не то чтобы поверили мне, но задумались.

— Мало того что вы приставали к моей невесте пользуясь моим беспомощным состоянием, так еще и спровоцировали инцидент с офицером нашей охраны, — продолжал я давить.

У них были кислые лица, я видел это отчетливо, а вот хозяин что-то быстро обдумывал. Пробежавшись по своим словам, понял, что не оставил им выбора. Нет свидетелей, нет дела. Вообще-то я рассчитывал стрясти с них бабло и с комфортом доехать до Москвы или Питера, не знаю где у них сейчас столица, но похоже, что они приняли другой вариант, и мне с ними уже не договориться. Секунду поколебавшись, я не спуская с них взгляд, подошел к дивану и взял одну из диванных подушечек. Вернувшись к столу, я сказал хозяину:

— Думаю нам пора раскланяться. Встретили вы нас хлебом и солью, за это спасибо, а вот прощаться мы будем, уж простите великодушно, не так приятно как встретились.

Не успел я договорить, как вскочивший офицер бросился на меня, вслед за ним зашевелились остальные, пытаюсь встать на затекших ногах. Как ни был хорош офицер, но и у него затекли ноги, так что его рывок был похож на танец пьяного.

Я ждал этого, опасался, но ждал. Пистолет трижды бухнул в комнате. Подушка не слишком заглушила выстрелы, но я надеялся, что за пределы комнаты звук вышел совсем

тихим. Заметив, что расфуфыренный тип еще жив, без колебаний подошел к нему и накручивая себя тем, что это из-за него все произошло с нами в усадьбе, произвел еще один выстрел в упор.

Затащив в комнату тело оглушенного охранника, связал его, потом быстро зашарил по столу и карманам троицы. Найденная мелочь и не только, уютно разместились в кармашках моей разгрузки. Собрав все гильзы, я несколько секунд смотрел на трупы, все-таки это мои первые убитые, и я никак не мог прийти в себя, думая о них.

'Со временем пройдет. Вооружился, экипировался, теперь можно спасти Алё с профессором!' — подумал я, и осторожно выглянув в коридор, тихо направился к лестнице.

Девушка и профессор были заточены в комнатах на первом этаже, туда я и направлялся.

Белоруссия. Минск. Особый зал для совещания.

24 июня по миру Александра или 26 июня по миру СССР. 21 час по местному времени.

Задумчиво потирая лоб, Александр Григорьевич читал доклад, который Виктор, начальник спецслужб Белоруссии лично положил к нему на стол.

Закончив читать доклад, Александр Григорьевич, повел слегка опущенными плечами, что указывало на его сильную усталость, осмотрел всех сидящих за большим столом людей. Два десятка мужчин и две женщины, внимательно смотрели на президента.

— Ну что ж товарищи, могу точно сказать вам, что правительство России ЗНАЕТ! И это уже не скрыть, слухи пошли.

Посмотрев на представителя Сталина, генерала Гоголева, Лукашенко спросил его:

— Что вы нам можете сказать?

— На последний момент ничего существенного. Наша агентурная сеть в России растёт, это так. Однако сотрудники, работающие в Москве пока не сообщают о выбросе подобной информации в массы. О нас знает только ограниченный круг лиц.

— И бойцы Альфы, если я не ошибаюсь? — устало поинтересовался Лукашенко.

Гоголев сделал непроницаемое лицо и ответил нейтральной фразой:

— Это была инициатива командира базы, его примерно наказали.

— Хорошо. У вас есть еще что добавить?

— Есть. По предположениям наших аналитиков, если правительство РФ выбросит информацию о нас в нужной ИМ последовательности, то боюсь, количество наших сторонников может резко сократиться.

— Вы хотите сказать, что нужно опередить их? Начать информационную войну? — с интересом поинтересовался Лукашенко.

— Да! Запланированный нашим спецотделом выброс информации должен был бы состояться через неделю, но думаю можно и поторопиться, как бы нас не опередили. Это даст нам время продержаться до того как Александр откроет портал.

— Согласен с товарищем генералом, — негромко произнес Виктор Лукашенко, не отрывая взгляда от бумаг на столе.

— Ну, хорошо. Поговорим об этом в конце совещания. А теперь продолжим. Юрий Викторович доложите, что у нас по сборам?

— Все военнообязанные уже проходят переподготовку. Большинство кадрированных частей доведено до полного штата. Вновь создано восемь учебных полков. Проводятся учения в авиационных частях. Они показали, что подготовка наших войск находится ниже среднего уровня.

— Какое время вам требуется, чтобы привести войска к оптимальным показателям? — спросил президент.

— От четырех до шести месяцев, — коротко ответил военный министр.

— Даю вам три месяца, больше просто нет. Увеличьте время на обучение.

— Есть! — кивнул министр, делая пометки в лежащем перед ним блокноте.

— Андрей Михайлович, объясните нам, что за конфликт вышел у ваших подчиненных с Российскими посредниками?

— Товарищ президент, посредники саботировали проводку документов для продажи нам комплексов РЛС-третьего поколения, и нами были приняты меры. Сейчас переговоры начались через других людей, и это дало свои результаты.

— К утру доклад мне на стол.

— Хорошо.

Посмотрев на одну из дам, что присутствовала на совещании, Александр Григорьевич спросил:

— Ирина Игоревна, а вы что скажете?

Давно ждавшая этого вопроса Ирина Игоревна Исполянская, встала и после взмаха руки Лукашенко села на место:

— Брошюры и пара журналов с товарищем Сталиным на обложке уже готовы к выпуску. Редакторы немало постарались поработать над психологическим портретом Вождя. Очень помогли психологи, которых прислал к нам Виктор Александрович. Понемногу начали выводиться на экраны телевизоров наших сограждан, ролики об Отечественной Войне. В основном, какой ценой была получена эта Победа. У немногочисленных ветеранов, из тех, кто еще может передвигаться и внятно говорить, берут репортажи об их воспоминания, концлагерях которые видели. Об зверствах немцев, об не очень надежных союзниках, которые прибежали на все готовенькое. Первый выпуск был позавчера, и воспринят нашими согражданами довольно патриотично. По крайней мере, опрос, который был произведен на улице, показал, что большинство видело наши передачи, на что указывает и большой ажиотаж среди населения.

— Фотографии с телами погибших в концлагерях тоже показывали?

— Нет, но они выложены на нашем официальном сайте. Кстати многие иностранные подданные приняли наши передачи в штyki.

— Да пусть их, — отмахнулся президент, прерывая докладчицу.

— На заключительном этапе, планируется выпуск ряда передач 'Оболганная эпоха!' — закончила она доклад.

После того как совещание было полностью закончено и зал совещания стал пустеть, задержавшиеся по приказу Лукашенко генерал Гоголев и сын Виктор, вопросительно посмотрели на президента.

— Михаил Алексеевич, когда мы начнем операцию 'Возращение'?

— Наша агентура завербовала несколько людей работающих в разных телекомпаниях России, так что с этой стороны все в порядке. Диск с записанной информацией находится у специалистов Виктора Александровича они готовят выпуск под местные реалии, так что как только мы его получим, то начнем действовать.

— Понятно, у меня такой вопрос...

Окраина Москвы. Квартира полковника Истомина.

Утро 25 июня по миру Александра и 27 июня по миру СССР.

Зазвонивший телефон, вырвал полковника из сна. В подобные мгновения противный писк китайского телефона становился просто невыносим, и полковник в

очередной раз с ненавистью посмотрев на издававший неповторимые звуки аппарат, только тихо выматерился.

Встав, он подошел к телефону и снял трубку.

— Истомин.

Привычка вместо 'алло' говорить одну только фамилию, появилась у полковника давно, но он не боролся с ней, даже чем-то гордился.

— Включи телевизор, новости на 'Первом', - услышал он хорошо знакомый голос начальника его отдела.

С недоумением посмотрев на трубку издающую сигналы отбоя, Истомин пожав плечами положил ее обратно на аппарат, и подойдя к телевизору, включил его.

— ...мы повторяем сообщение, выданное в эфир телекомпанией 'ТНТ', - говорила так хорошо знакомая многим россиянам телеведущая новостей Екатерина Андреева.

Не глядя, полковник плюхнулся на диван с изумлением смотря на такой знакомое лицо Сталина. Верховный, как будто заглядывал в души всех зрителей, кто смотрел эту запись, спрашивая 'что же вы натворили потомки?'

Сталин смотрел прямо с экрана телевизоров тем спокойным взглядом, про которые говорят 'Отцовским'. Несколько секунд помедлив, он сказал:

— Потомки... хм, потомки, — покачал он головой: — Вы сами понимаете, ЧТО можно сделать со страной, если управление государством попадает не в те руки. Россия тому пример. Мы строили-строили, а тут такое... Неприятно!.. М-да, неприятно узнать, что сделали со странной в которую ты вложил душу. Машина времени, что создал один из ВАШИХ ученых, пробила путь в наш мир, и дала возможность узнать свое будущее. 'Шок' — именно так вы называете то состояние, в которое мы впали, когда узнали будущее своей страны. Наши сотрудники воспользовались машиной времени и смогли связаться с правительством Белоруссии. Именно через нее мы решили вести все отношения с вашим миром, остальные, к сожалению НАМ не подходят. Мы не будем говорить лишнего, скажу просто, нам нужны люди. Трудяги, для которых в России места нет. Не нужны сейчас трудовые люди вашей стране, одни менеджеры да чиновники. Поэтому мы заявляем прямо, мы примем в СССР тех кто будет и хочет работать. Получать ту зарплату, на которую можно ЖИТЬ, а не существовать. С Белоруссией у нас заключены торговые и ВОЕННЫЕ договоры, с ними есть договоренность на прием эмигрантов в СССР. Решать вам. От себя добавлю. У нас трудно, но того произвола что творится у вас, в СССР НЕТ! Для правительства России хочу сказать. У нас началась Война с фашисткой Германией, пограничные округа наводнены немецкими войсками, мы успели немного подготовиться, но времени было слишком мало, и советские войска грудью встали на защиту своей родины. Помните, что там воюют ваши предки, поэтому я ПРОШУ вас, не мешайте нам...'

Слушая, что говорит Сталин, таким знакомым акцентом полковник только крепко сжал зубы, он понял, это крах...

Москва. Мир Александра, это же время.

— Нет, ну ты видел, а? — восхищенно хлопнув себя по коленям, сказал старший смены на заводе 'Салют, ФГУП'.

— Что-то будет, — хмуро сказал один из слесарей.

— И я даже догадываюсь что, — кивнул старшой.

— Ребята там митинг, — забежал в подсобку, улыбающийся представитель профсоюза.

— Парни... Дашь митинг? — припомнив старый призыв, вскинув вверх кулак, крикнул старший смены, и побежал вслед за инженером.

С ревом два десятка мастеров и подмастерьев, выбежали из подсобного помещения, который рабочие переделали в кабинет для отдыха. У владельцев завода третий месяц задерживающих зарплату настали трудные времена.

Москва. Кабинет президента РФ. Спустя час.

Присутствующие в кабинете люди с хмурым видом смотрели на экран телевизора. Наконец один из них нажал на кнопку на пульте и спросил с задумчивым видом:

— Что скажете?

Присутствующие посмотрели на премьера, который закинув ногу на ногу, сидел в кресле, подперев рукой щеку.

Президент тоже посмотрел на него, и после едва заметного кивка премьера сказал:

— А сделаем мы вот что ...

Экстренный выпуск ежедневных новостей. 11 часов дня.

' ...Да мы находимся в администрации президента Российской Федерации, где президент Дми... ... выступит, чтобы сообщить что решила правительство и Госдума в связи с такими шокирующими событиями этого дня!' — заливался соловьем журналист.

Президент РФ, выразил свою полную поддержку параллельному миру, в связи с войной идущей там и предложил Сталину разрешить переселение в РФ всех кого советское государство считает врагом народа и держит в системе ГУЛАГ.

Белоруссия. Кабинет президента Лукашенко. То же время.

— Ой, не верю. Ой, что-то они мутят, — покачал головой Александр Григорьевич, глядя на выступления своего коллеги из России.

На экране в это время показывали тысячи горожан с красными транспарантами вышедших на улицах города. Информационная война начала набирать свои обороты.

Москва. Кабинет Сталина.

27 июня по миру СССР и 29 июня по миру Александра. 12 часов дня.

— Товарищ Сталин, прорыв немецких моторизованных частей в районе города Гродно локализован частями сдерживания Западного фронта. В результате было уничтожено восемь тысяч солдат противника, подбито сто сорок один танк, семьдесят два орудия, шестнадцать минометов. Взято в плен: семь тысяч солдат противника, захвачено шесть танков, тридцать одно орудие, восемь минометов, а так же большое количество стрелкового оружия. Войсками ВВС сбито триста шестьдесят восемь самолетов противника, наши потери семьдесят два самолета, — докладывал начальник генерального штаба генерал-полковник Василевский.

— Хорошо товарищ Василевский, я вас слушаю. Объясните мне, почему, несмотря на то, что данные по сосредоточению немецких войск в этом районе были у вас еще два дня назад, но ни смотря на это, не были предприняты никакие шаги, кроме выдвижения подрывных групп?

— Товарищ Сталин... — начал было генерал, но был прерван Сталиным.

— Доложите мне КАКИЕ потери МЫ понесли?

Чувствуя, как по спине потек холодный пот, генерал стал докладывать слегка охрипшим голосом. Вины в том, что не были подготовлены резервы на генерале не было. Он действительно не знал, что там твориться пока не появилось сообщение об общем прорыве немецких войск. И только самоотверженная оборона подрывных групп и других частей в этом районе, помогло немного задержать немцев, успев подготовить оборону, которую немцы ломают зубы до сих пор, но результатов пока не добились. И сейчас Василевский докладывал о практически полном уничтожении минно-подрывных групп в этом районе, количеством более восьмидесяти.

'Спасибо братцы, если бы не вы... А того полковника который преступно задержал поступление разведданных уже 'увели!' — подумал генерал заканчивая доклад.

— Оставьте сводки и можете быть свободны.

После того как генерал вышел Сталин стал сверять сводки генерального штаба со своими данными, как он и думал в сводках штаба шла завышенная оценка потерь немцев и заниженная наших.

— Нужно разобраться с этим, — пробормотал Сталин и сняв трубку телефона произнес в микрофон.

— Товарища Швецова, пожалуйста.

— Олег Гаврилович, товарищ Иванов вас беспокоит. Нужно немедленно выслать директивы в боевые части о проверке данных о потерях противника. Когда директива будет готова, ознакомьте меня с ней.

Положив трубку обратно, Сталин нажал на кнопку селектора.

— Товарища Берию ко мне. Немедленно!

Через двадцать минут Поскребышев доложил о приходе наркома НКВД.

— Проходите товарищ Берия. Доложите мне, что у нас по Объекту? — немедленно спросил Сталин, как только Лаврентия Павлович вошел в кабинет.

— Пока никаких новостей с обоих Объектов не поступало, товарищ Сталин, кроме очередных сводок, так что...

— Плохо. Очень плохо. Прочитайте это.

Взяв протянутую Сталиным папку, Лаврентий Павлович развязал тесемки и, открыв ее, углубился в чтение.

Подняв удивленные глаза на Сталина, Берия спросил:

— Так что они все знают?

— Не все, далеко не все. Нужно было хорошенько почистить этот крысятник оставшийся после Литвинова, но вы правы информацией ОНИ уже владеют, хотя и не в полном объеме. Не конкретной, но об Объекте что-то знают. Это пришло от наших британский 'друзей' намек жирный и понять его не трудно.

Это была катастрофа, и они оба понимали это. Если бы портал не закрылся, то никаких особых проблем не было бы, но...

— А сделаем мы с вами, товарищ Берия вот что...

Российская Империя. Царство Польское. Усадьба пана Пшеновского.

26 июня. 20 часов. 35 минут местного времени.

Блин, снова переодеваться? Как я к часовому возле Алиных дверей подойду?

Или нет. Беру еще одну подушку, ТТ наготове — и как ниндзя, выскальзываю в коридор. Тут недалеко.

Выскакиваю из-за поворота. Охранник, полицей в сером, столбенеет в трех шагах от меня. Была мысль, стрелять через подушку сразу, и взять ключи со жмура — или, если не удастся найти, и шум поднимется, то тупо пулю в замок, и дальше вместе с Алей ищем

профессора, валя насмерть всех встречных. Но у охранника был такой напуганный вид, что я передумал. Не оттого, что его пожалел — а просто так мне показалось быстрее.

— Дверь открой! — говорю ему, — только молча. Пискнешь, убью!

Охранник поворачивается. Не учили полицаев в этом времени рукопашке, а ружье у стенки стоит, и хрен с ним в коридоре развернешься, даже если схватишь каким-то чудом.

Полицай открывает дверь. Дальше — это видеть надо было, чтобы рассказать, больше времени уйдет! Дверь открывается вовнутрь. Охранник делает шаг, и исчезает. Мне показалось, что он нырнул рыбкой вбок — сначала согнулся, а затем весь вниз!

Я открываю рот. И тут из-за двери вылетает разъяренная фурия, в которой успеваю узнать Алю!

Слава богу, она меня узнала тоже. Вернее не меня, а наш камуфляж, в полутемном коридоре. Вот было бы — если б я переоделся в полицая, как хотел?! Получил бы, как тот страж — сначала по... в общем, ниже пояса, а затем, согнувшись от боли, почти одновременно, ладонями по ушам (а это ОЧЕНЬ больно!), и сразу голову в захват и лицом об колено, и все это меньше чем за секунду, я лишь рот открыть успел. И в лучшем случае, если б она не стала второе и третье доводить, шипел бы я, прыгая на пятках:

— Догадывался, что ты меня ударишь, но не думал что так сильно!

А она крутилась бы вокруг.

— Прости милый, я думала, что это один из местных полицейских!

— А если бы я убрал полицая, как хотел, и открыл бы сам? — спросил я ее после.

— Милый, ну я не дура, услышала бы выстрел! — Аля надула губки, совсем как обычная девушка, а не машина-убийца, — или, если бы ты сделал это бесшумно, увидела бы твою форму, как ты вошел.

— А если бы я переоделся?

— Ой! Ну, тогда уж... прости...

И она трогательно шмыгнула носиком.

— Ладно, пошли профессора освобождать и уходим отсюда, — говорю я.

Укусили, порезали, в воде искупали, так теперь еще и без яиц могли оставить, доколе, я спрашиваю, доколе это будет продолжаться?

Аля, горевшая желанием искупить вину, шла впереди, держа наготове ТТ. Возле комнаты, где находился профессор, она стремительно метнулась вперед. Через секунду раздался хрип. Я посмотрел на охранника и невольно потер шею. Тому полицая, из ее комнаты, она нос буквально в мозг вогнала, этому шейные позвонки свернула, как гусю.

— Ну что ты милый, с тобой я так никогда... — как-будто прочитала она мои мысли.

— Позже поверю. Давай профессора выпускай, — пробормотал я, осматривая коридор и прикрывая Алю. Однако все было в порядке в комнате действительно находился наш профессор, и он беспробудно дрых, лежа на большой кровати.

— Вот ведь гад, буди его и пойдем, — велел я, заглядывая в комнату.

В усадьбе еще оставался противник. Арифметика — было, убыло, итого восемь драгун и двое полицаев. Вторым не повезло — они караулили под окнами, и попались разозленной Але. Что ж, крапивное семя — вы умерли быстро и легко. С солдатами было сложнее, потому что как выяснилось, они расположились на сеновале, по соседству с конюшней. Аля кровожадно предложила подпереть дверь вон тем бревном и поджечь сено — а кто полезет наружу, пристрелить. Но я воспротивился. Это все же были не немцы сорок первого, а наши, русские солдаты, не виноватые ни в чем. К тому же пламя будет издали заметно, соседи примчатся, крестьяне, всех валить? Подозреваю, что второй аргумент показался Але более действенным. Так что мы всего лишь устроили служивым построение (во дураки! Не выставили часового! И это после того, как неизвестный злоумышленник вчера положил одиннадцать из них, больше половины!), и загнали всех в

погреб, подперев единственную дверь тем самым бревном (героизм решили проявить лишь двое. Один получил пулю ТТ в колено, жить будет, ногу лишь отрежут, зато комиссуют, не надо двадцать пять лет дембеля ждать, а вот второму досталось в живот, ну не повезло мужику, но нефиг было за ружье хвататься, сам виноват). Затем мы обошли усадьбу, собирая трофеи.

Пешком я топать не собирался, о чем сразу же заявил обоим компаньонам. Поэтому мы заставили кучера подготовить к выезду небольшое ландо, она спокойно вмещала четверых человек. Нагрузив ее продовольствием, которое взяли на кухне, и одеждой хозяев, мы заперли всю прислугу в одном из флигелей, уселись в повозку и поехали к выезду из усадьбы.

— Где будем искать Андрея? — спросил я, морщась от скачков на кочках.

— Он не маленький мальчик и сам нас найдет, — ответила Аля, прижимаясь ко мне.

Профессор, управлявший ландо, близоруко щурясь, сказал:

— Там на дороге кто-то стоит.

Велев профессору остановить повозку, достал бинокль.

— Андрей. Точно он. Гони, подберем его!

Подъехав к устало стоящему Андрею, мы спросили его хором:

— Ну как ты?

— Лучше не бывает, — ответил он и, поправив ремень автомата, поинтересовался, — у вас для меня место найдется?

Место нашлось — напротив нас. Профессор взмахнул вожжами — а мы с Алей стали расспрашивать Андрея. Суду по его виду, ему пришлось немало побегать.

Рассказ его подтвердил то, что я слышал от полиция. Сначала он двинул в морду полицейскому чиновнику, тот умотал, и утром следующего дня вернулся с солдатами.

— Вы представляете, эти ненормальные на меня с шашками поперли, — рассказывал он, едва не со смехом.

— А ты? — спросил я с любопытством.

— А я очередь на полмагазина и... клин, пришлось пистолетом работать, но проредил я их знатно... — продолжал рассказывать Андрей, — магазин расстрелял, чуть не зажали, ноги пришлось делать в лес!

В лесу он осмотрел автомат — оказалось, патрон переклинило — разобрал, выбил, заново переснарядил, и стал уходить дальше в лес, как только услышал лай собак. Почти сутки водил преследователей за нос, пока они не скисли. Два часа назад он вернулся к усадьбе и стал вести наблюдение. Понял, что в ней идет какая-то кутерьма, затем увидел нас, и решил просто ждать на единственной большой дороге, ведущей из имения — легко можно было понять, что мы поедем именно по ней.

Остановившись, мы переоделись в трофейную одежду. Дворянская — что ж, будем играть благородных! Одной лишь Але досталось выходное платье горничной — милое, но явно мещанского вида. Ну, не крестьянка, и то хорошо.

Однако, вот влипли! Сколько помню историю, Царство Польское, провинция Российской Империи, вовсе не была тихим захолустьем! Бунт тысяча восемьсот тридцатого, бунт в шестьдесят третьем, когда русских резали поголовно, 'хай живе Речь Посполита от можа до можа!' То есть, хватало недовольного элемента, да еще и граница рядом, Пруссия на севере, Австрия на юге, а там недавно лишь революция отгремела, причем у австрийков вообще, настоящая гражданская война, русскими штыками прекращенная, за что фельдмаршал Паскевич кажется, четвертого Георгия получил — год сорок восьмой... или сорок девятый, угли еще тлеют! И в России революционеры уже есть, в Петербурге кружок петрашевцев накрыли, Герцен из Англии в 'Колокол' трезвонит, и везут его тайком в Россию, совсем как Ильич 'Искру' через полвека — а жандармы, естественно, активно ловят. То есть конкретно здесь, в Польше, войск и жандармерии, как

блох на барбоске. В то ж время не война, двадцать или сколько там мы накрошили трупиков — это СОБЫТИЕ! А значит, как только дойдет информация, встанет вся эта военно-полицейская машина на уши, и искать будет со всем рвением! Мы же по сути, злодейски убили и ограбили хозяина имения, да еще главполицая Варшавы — ой, мама, это какая ж статья? Боюсь, каторгой не отделаемся, если поймают — повесят, как декабристов.

— Сворачивать надо, — сказал профессор, — погоню возможную со следа сбить.

Мне захотелось выматериться. Невзирая на присутствие Али.

— Какую нах... погоню?? До Варшавы, двадцать верст, ну километров по-нашему! Пока те освободятся, пока сообщат кому надо — это несколько часов, а телефона и радио ведь нет! Раньше мы уже в Варшаве будем, город большой, спрятаться легче — а начнем здесь плутать, вот точно дождемся, драгуны прискачут, все тут перекрыть и прочесать, что тогда? Ладно, хоть немного, но я знаю это время. Попалась книжка на дежурстве, прочел со скуки. Хотя, честно говоря, зацепила она, заинтересовала. Железных дорог тут, кстати, не было. Ну да, учи матчасть, знай историю — первая в России 'чугунка', это год тысяча восемьсот... э-э-э... пятидесятый год? Или сороковой? Точную дату не помню. Петербург-Царское Село. Затем, как раз в этом, тысяча восемьсот пятьдесят первым, открылась дорога Питер-Москва. И других дорог на тот момент в Российской Империи не существовало!.. Смотри-ка. А я думал забыл.

— Ничего. При скорости нашего гужевого средства заметно больше десяти километров в час, мы будем в Варшаве еще быстрее, чем предположили, — обернулся профессор.

Что мы будем делать в Варшаве, пока было неясно. Деньги, документы, и исчезнуть. Вот только как?

И случай нашел нас сам. Нас попытались ограбить.

— Убей его, и валим, — хмуро говорю я, обозревая ползающего у ног Андрея разбойника. Последнего, оставшегося в живых.

— Ну что ты, не надо быть таким кровожадным! — ворковала Аля, — вдруг он может быть нам чем-то полезным?

Да уж... гоп-стоп, в средневековом варианте! Едем, никого не трогаем, до Варшавы уже недалеко. И не лес даже, а кусты какие-то. Правда, уже довольно темно. И вдруг выскакивают на дорогу четверо рыл, один, здоровенный, хватает под уздцы наших лошадей, а трое направляются к нам, даже не особенно спеша, у одного пистолет, двое других с ножами.

Эти секунды их и погубили. По идее, это должно было давить на психику жертв. А реально, дало нам возможность оценить обстановку.

— Слева, большой куст, — шепчет Аля, — справа...

— Вижу, — так же тихо Андрей, — левый твой! Все — работаем на раз, два, ТРИ!!!

И Андрей дает очередь из ППС куда-то вправо от меня, и чуть назад. В руках к Али, как по волшебству, оказывается ТТ, и она стреляет в большой куст. Я тоже успеваю выхватить пистолет, быстрее чем разбойник поднял свой ствол — но прежде чем успеваю нажать на спуск, вижу в башке бандита кровавую дырку. Аля меня опередила — тогда я стреляю в его соседа, на этот раз одновременно с моей ненаглядной. Разбойник, подходящий слева, поворачивается и пытается бежать, вот дурак, под стволами, до кустов шагов десять! Стрельба по мишени, 'бегущий бандит', выигрывает опять Аля! Здоровяк, держащий коней — так и стоит. Вот только глаза у него как плошки, а челюсть отвисла.

Андрей уже на земле. Аля за ним. Сообразив с запозданием, что в кустах могут быть сообщники, и лучше не торчать мишенью, я тоже прыгаю наземь.

Никого больше нет. Андрей появляется из кустов, швыряя на дорогу ружье, солдатского образца. Длинное такое. У засевшего по ту сторону, убитого Алей, была охотничья двустволка. Со страховкой, значит, трудились, романтики большой дороги, работнички ножа и топора. Ну и что нам делать с последним?

— Стой! — шепчу я Але, прочтя в ее глазах явное намерение, отправить последнего бандита вслед за остальными, — он может нам помочь! Кому-то они награбленное сбывали? Ведь не в деревне же — и одежда на городскую больше похожа. А бумаги достать?

Аля молодец, сообразила сразу. И мы разыграли сцену, хороший и плохой полицейский. Топорно конечно — это с моей стороны — но как могли.

Нет, все ж, как нам повезло! Не какой-то мелкий воришка попался, какие толпами крутятся на любом вокзале или пристани — и который никого и ничего не знает. А говоря по-нашему, 'деловой', главарь, атаман. Но сейчас вся крутизна его пропала, и он буквально ползал на коленях, цепляясь за свою жизнь. Поскольку было ясно, что те, кто только что, не моргнув глазом, насмерть положили пятерых его дружков — прибавят к ним еще один труп с такой же легкостью, как чихнуть.

— Вот смотрите Александр типичный представитель польского народа, — говорил профессор, — светловолосый, северянин, однако они как были для нас врагами, так и остались. Вспомните бессмысленную резню деревень, устроенную польскими солдатами, у них совершенно другая логика, изуверская что ли.

Да уж! Типаж — через девяносто лет, прямо в Ваффен СС! Белокурая бестия, двухметрового роста, самой что ни на есть арийской внешности. Интересно, эсэсовцы в сорок пятом тоже так — молодцы, когда сами режут, а вот когда их... Короче, может он чем-то нам помочь, или нет? Если нет, то валим его и поехали!

— Густав хороший мальчик, — проворковала Аля, — он говорит, что тот, кому они сбывали награбленное, знает кого-то, кто может сделать документы. Сам Густав не знает, но он берется свести нас с барыгой. Ведь так, Густав, ты хорошо себя будешь вести? Потому что если ты меня разочаруешь, Я ТЕБЕ ЯЙЦА ОТРЕЖУ И ЗАСТАВЛЮ СЪЕСТЬ!

Разбойник проникся. Желания мстить за поделщиков не показал. Ну, они ж ему не братья, своя шкура дороже! А вот право, сила в уголовной среде ценится очень... сильно.

И что нам делать с этим уродом? Убить? Просто слишком. А вот если использовать, как учил Сунь-Цзы...

Короче, мы доехали с ним до самой Варшавы. Слышал, что тогда на въезде в город стояли будки со шлагбаумами, ну прямо блокпост ГАИ, где у всех въезжающих и выезжающих требовали документы (или деньги наверное, кто бумаг не имел). И мы готовы были по ситуации, валить стража или сунуть ему деньги — да, будка у дороги, окрашенная полосами, наличествовала, но никого рядом не было. Впрочем, и въезд был точно не парадный, в какие-то закоулки. На улицах, однако, горели фонари — керосиновые? Народу было мало, никто к нам интереса не проявил. В каком-то переулке наш уголовный знакомый указал на вывеску лавки. И мы вошли. Вот так сразу? А почему мы должны были задержаться? Куй железо, пока горячо! Особенно когда часы тикают — ох, что начнется, когда на стол их высокого начальства ляжет сообщение о побоище в имени пана... тьфу, имя забыл!

Профессора с нашими немногочисленными вещами мы оставили стоять за углом, вроде и рядом, но не сказать, что у той самой лавки. Андрей остался у двери на подстраховке, держа и улицу, и помещение, если что. А мы с Алей и Густавом вошли. Судя по виду лавки, там продавался всякий ширпотреб. Кроме хозяина, невысокого худощавого мужчины, внутри никого не было.

— Здравствуйте, вас что-то интересует? А, Густав, это вы? Ну, я же сказал — слишком часто не приходите! Что на этот раз принес?

— Это мы его попросили. Работаем по высшему свету, пора сменить свой образ и документы, а то скоро заметут, — цыкнув зубом, произнес я, отслеживая реакцию хозяина лавки.

Аля молчала, предоставив мне вести переговоры. На мое возмущение:

— Я же их проваляю!

В ответ:

— Ничего, милый, нужно когда-нибудь учиться! По крайней мере, командовать у тебя выходит хорошо.

— Командовать?

— Ну как же, находить нужные пути ты умеешь.

Сначала хозяин сразу же пошел в отказ, но бегающие глаза сразу показали, что он врет. Достав крупную банкноту, я помахал перед его лицом. У хозяина почти сразу расширились ноздри и он, не сводя с купюры взгляда, спросил:

— Что вас интересует?

— Ваш знакомый, который делает надежные документы, — ответил я.

Через пару минут мы вышли из лавки и направились по указанному адресу. А хозяин остался лежать на полу — холодный. И Густав рядом с ним. А что нам еще было с ними делать?

Второй барыга тоже сперва все категорически не понимал, что мы от него хотим, но блеск золотого кольца, который я вручил ему для предоплаты, немного развеял сомнения, и мы стали договариваться.

Наверное, не следовало показывать, сколько денег и золота у нас с собой. Нас снова попытались банально ограбить.

— Очень интересно, — сказал местный спец по подделкам, отрываясь от заинтересовавшего его браслета.

В усадьбе я греб все подряд, не выбирая. Поэтому расплачиваться мы решили не живыми деньгами, а именно ювелирными украшениями. По моим прикидкам, размер и стоимость этого женского браслета должно вполне хватить для оплаты, но этого не хватало пану Жереху, как он представился. Не знаю, то ли это действительно его фамилия, то ли он издевался над нами, однако называть его нам пришлось как он сказал.

— Пан Жерех, вы посмотрите на камешки в нем, можете не сомневаться это настоящие изумруды. Да-да, те, зелененькие. Так что, оплата даже выше чем нам хотелось бы.

После получасовой торговли мы все-таки договорились. Дальше последовал опрос, который мы блестяще провалили. Ну не знал ни я, не Аля местных реалий. Так что под подозрительными взглядами Жереха, он записал на бумаге наши фамилии и будущие дворянские звания.

Проблемой было то, что он мог изготовить документы только для польской шляхты. То есть документы какого-нибудь дворянчика из Урала, он сделать не мог. Нет, мог конечно, но за качество не ручался.

Поэтому мы и стали местечковой элитой из какого-то захолустья Польши. Мы с Алей супруги, Андрей ее старший брат, а профессор дядя.

Почему дворянство? Низы конечно, не так на виду. Зато дворян прав существенно побольше. Я конечно не знаю насчет Польши, но в России именно так. Так что теперь мы будем, в некоторой степени, неприкосновенны.

— Прошу вас. Вот пройдите пока в эту комнату там есть чай. Работа не займет долгое время.

Если я принял это как должное, то Аля слегка нахмурилась размышляя. Ей явно что-то не нравилось. Когда я подходил к двери, на которую указал шуршащий бумагами

делец. Аля остановила меня и, оттеснив, первой туда скользнула. Пан Жерех что-то делал за столом, не поднимая головы. Я вошел следом.

И сразу вздрогнул. Аля, нагнувшись, вытирала нож об одежду трупа на полу. Одного из трех. И даже лицо у нее было в каплях крови. Все было предельно ясно — захотелось барыге срубить легких денег у непонятных лохов, и он не упустил своего шанса.

— Я сейчас этому Жереху яйца отрезать буду, — пообещала Аля.

Стены были тонкие, да и дверь приоткрыта — и пан нас прекрасно слышал.

Услышав шум отодвигаемого стула, я метнулся обратно. Ударом ноги сбив барыгу на пол, вырвал из рук самый настоящий древний револьвер, вроде тех с которыми ходили ковбои на Диком Западе. Пока Аля потрошила дельца, я осмотрел оружие и увидел, что револьвер заряжался не патронами, а порохом и пулями прямо в каморах барабана, так что при перестрелке быстрая перезарядка была проблемой. В столе хозяина я обнаружил в одном из ящиков еще два снаряженных барабана, пуль и пороха отдельно не было.

— Милый сходи за Андреем, — вежливо попросила меня Аля, пока всхлипывающий делец, что-то искал в стопках бумаг. Аля стояла над ним как дамоклов меч, контролируя каждое движение. Судя по виду торгаша, на него произвели неизгладимое впечатление боевые качества такой внешне тихой и милой девушки.

Позвав Андрея, я продолжил изучать ящики хозяина. В одном из них нашел стопку бланков на документы.

— Каменный век. Ни тебе водяных знаков, ни систем защиты. Не удивительно что такие безрукие фальшивки делают, — пробормотал я, внимательно изучив один из бланков.

— Они настоящие, мы их берем из канцелярии наместника, — шмыгая носом, простонал нечестный торгаш. Даже возмущения в голос добавить смог.

— Воруете?

— Нет, покупаем. Есть один человек, который нам их продает, — ответил он, доставая какую-то книгу. Которая оказалась вроде грессбуха, где были вписаны все дворяне Польши.

Нам пришлось ждать почти полтора часа, пока делец заполнит все графы как положено. У него был образец, так что мы проверили все, что написал.

— Вроде нормально, — с сомнением сказал я, осматривая сделанные фальшивки.

— Не сомневайтесь. Мне редко приходится делать дворянские, но я знаю как.

— И много успели сделать подобных фальшивок? — спросил я его, продолжая изучать документы.

Делец угрюмо молчал.

— Андрей?

— Шестеро было, — простонал торгаш, пытаясь подняться с пола.

— О как. Наверняка и записи есть?

Посмотрев на меня с ненавистью, он показал на зеленый блокнот, лежащий на столе среди вещей, что я выгреб из ящиков.

Прихватив сделанные документы, блокнот, и грессбух, откуда делец взял данные для документов, вышел с ними на улицу, ожидая своих спутников. Аля вышла почти сразу, а вот Андрей задержался минут на десять.

Свою задержку, он объяснил одним словом:

— Деньги.

Понятное дело что свидетелей мы не оставляли, так что делец отправился вслед за своими поделчиками, но оставив нам небольшую компенсацию, которую мы немедленно потратили в довольно дорогом магазине готового платья. Там закупались в основном зажиточные торговцы или бедные дворяне вроде нас. Так как магазин был 'семейным

предприятием', то есть хозяин и особо доверенные работники жили в этом же доме, то для клиентов, приехавших с деньгами, магазин мог быть открыт всегда. Даже за час до полуночи.

Себе я выбрал строгий немаркий дорожный костюм, и котелок, тоже довольно приличный. Приказчик быстро снял с нас мерки, и обещал подогнать одежду по нашим размерам к завтрашнему дню. Но если с нами особых проблем не было, то вот с Алевтиной... Только взглянув на готовые платья, девушка категорически отказалась даже примерять их.

Тихо сказав Але на ушко, чтобы она не выбивалась из образа и не палила нас, велел ей брать то, что дают. Тут оказалось, что платья бывают разные, что все они как колокольчики, это просто показывает принадлежность женщины к благородному сословию (попробуйте в нем работать!) — но мало того, как нам объяснил разговорчивый приказчик, они еще на статус женщины или ее мужа указывают. Наряды, которые можно одеть или снять только с помощью служанки, это для состоятельных. А те, с которыми хозяйка может управиться сама, сразу указывают, что прислуги нет — пусть даже покрой похож и качеством материала несколько не хуже.

Выбор у нас не стоял, так что мы заказали три платья, два простых и одно дорогое, 'для выхода в люди', как сказал нам приказчик.

Мерки с Али снимала жена приказчика, она же помогала примерять готовые платья. В это время я разговорился с приказчиком, который занимался мной и Андреем — и за какие-то полчаса узнал многое о дворянах и дворянках — манера поведения, привычки, одежда. Мне даже не надо было особенно выспрашивать — словоохотливый приказчик охотно ставил в пример своих клиентов, так что понемногу я понял, что нужно делать, чтобы не выбиваться из образа.

Среди дворян считается, что если он служит или служил на благо государства, на военной стезе, или гражданской, то его статус в глазах общественности заметно поднимается. Поэтому военная или полувойсковая одежда среди дворян считалась как бы само собой разумеющейся. Теперь ясно, почему среди 'партикулярного' платья висело так много мундиров и сюртуков полувойскового вида. Подумав, мы с Андреем и профессором решили прикупить такие и для себя.

Кто я здесь? Поляк, образованный, служивый. У себя я отслужил в инженерных войсках — но блин, тут не было стройбатов, были саперы, интеллектуальная элита армии, наравне с артиллеристами! И что плохо, еще более малочисленные, и на виду — так как обычно придавались в малом числе полкам и дивизиям. А значит, их многие знали, даже не принадлежащие к этому роду войск. Артиллерист — аналогично. Кавалерист — ой, только не это, что я в лошадях понимаю? А ведь лошадь здесь, такое же средство передвижения, как у нас авто — а сколько я помню, какая тема самая распространенная была, в разговоре у нас мужиков в курилке? — правильно, 'железные кони', ой влип, а если и в этом времени так же, но про коней живых, в коих дворянин обязан разбираться? Ладно, будем думать...

Моряк — то же самое. Пехотный офицер. Подпоручик из какого-то далекого Задрючинска. А здесь что забыл? Ну как же, в отпуску, на родину, жениться на прелестной пани, с которой знакомы с детства, теперь возвращаюсь к месту службы... Нет, не пойдет. Строевой, это все ж военная косточка, выправка, она видна должна быть... И в Петербург тогда зачем?

Ведь если ТА аномалия, через которую мы сюда попали, там, возле Ленинграда была, значит? Если принцип парности соблюден? Вспоминая разговор, пока мы ехали сюда...

— ... Я, конечно, понимаю, что ваша теория, о том что вторая Аномалия в этом мире может быть ниже, чем через которую мы попали, но вспомните о том что она

выходит на территорию не дружественной нам Польши, которая к тому же оккупирована немецкими войсками, — говорила тогда Аля, вырывая профессора из раздумий.

— Я не только предполагаю, но более чем уверен, что она ниже. Вспомните что обе Аномалии в мире Александра, да и нашего тоже находятся на разных высотах. На тридцать сантиметров, но все же. Тем более если сравнить размеры Аномалий. Так что я более чем уверен она ниже, нужно только добраться до нее...

'Ладно, думаем дальше. А зачем мне, вообще говоря, быть УЖЕ заслуженным? Ведь намерение отслужить, в самом ближайшем будущем, тоже ценно? Молод? Так это старому пердуну Акакию Акакиевичу запахло, ну а мне, молодому и растущему, помните типаж великолепный из 'Белого солнца пустыни', И ВСТАТЬ, КОГДА С ВАМИ ГОВОРIT ПОДПОРУЧИК!!! Самая та психология — вот только не переиграть, а то и на дуэль нарваться можно, а пуля в живот, как Александру Сергеевичу, и через сто лет не лечилась, так что в случае чего быть готовым отыграть назад — 'да у него гранаты не той системы' — тьфу на тебя, шляхтич опереточный, живи! — ничего, мы не гордые!' — хмыкнув, я продолжил размышлять.

'Так зачем мне в Петербург? Ну а если я по службе статской? Уже теплее. Молодой, толковый, на хорошем счету у начальства, откуда-то из далекой провинции, которая 'к тетке, в глушь, в Саратов'. Получил отпуск на обустройство на родине личных дел. И решил ловить за хвост птицу-удачу, в оставшееся отпускное время — в Петербург, как незабвенному Д.Артаньяну, вдруг повезет зацепиться, обратить на себя чье-то благоволение, а там и место получить? А ведь подходит! Аля? С ней все ясно. Замуж, за молодого растущего перспективного, да в столицу, в свет! Андрей? Вот его как раз можно офицером сделать, из него эта военная косточка за версту прет. Кто у нас аналог спецназа в эти времена — пластуны? Так ведь это пешие казаки, назови ты казака презренной пехтурой, еще в морду получишь! Ну, а отчего бы Андрею не быть казаком? Что бы там ни говорили про Хмельницкого и панов, одна ведь культура! А кем паны Вишневецкие и Потоцкие прежде были, пока в католичество не переметнулись? Так что мог пан затесаться, скажем в Оренбургское казачье войско, еще плюс, что не будут армейские с казаком лясы точить, а казака оренбургского тут встретить, это если очень не повезет!

Так что, носить мне здесь 'статский' мундир. Приказчик показал мне пару образцов, которые были мне очень к лицу, по крайней мере я так считал разглядывая себя в зеркало. Купили еще, мне три костюма, и два Андрею, взяв ему нечто, по утверждению приказчика, казачье. Для профессора решили брать обычное, 'партикулярное', но очень хорошего вида. Теперь мы полностью выглядели, как положено дворянам. Конечно, они одеваются у именитых портных, но и наши документы были оформлены на небогатых дворян, так что наши действия вполне укладываются в рамки.

Еще, по совету приказчика, мы приобрели и обувь к костюмам. Сапоги для повседневной носки, и ботинки с тапками для помещений.

— Одно дело сделали. Работаем по отходу, — скомандовал я, укладывая большие новенькие дорожные кофры, купленные в том же магазине, в наше ландо. Чемоданов, к моему изумлению, еще не существовало, поэтому пришлось обходиться тем, что есть. И один кофр, прихваченный еще в имении — где хранилась наша камуфляжная форма.

По совету хозяина, мы нашли и меблированные комнаты, не слишком далеко. Подняв в номер вещи, я и Аля остались, а профессор с Андреем отправились избавляться от ландо, могущее навести на наш след. Отогнать подальше и бросить на окраине — раз уж тут криминальный элемент прямо на дорогах грабит, то бесхозное имущество оприходуют быстро. По крайней мере, с нами его будет уже никак не связать — дактилоскопии еще нет... наверное.

Я с интересом изучал гроссбух, когда рядом раздавался шорох платья.

— Милый, помоги мне застегнуть! Раз у меня нет служанки, исполнять ее роль пока будешь ты. Если не возражаешь, конечно.

Она крутилась перед зеркалом, сверкая белоснежными панталончиками с рюшечками, купленными в том же магазине. И я помог ей обрушить на себя целый водопад чего-то шуршащего.

— Знаешь, милый, а ведь оно почти мне не мешает. Если не затягивать корсет. Как солнце-клеш, только очень большое. Интересно, если ветер подует, оно так же, на голову улетит? Я думала, оно на обручах — а тут только под ним юбка вторая, жесткая очень, как из дерюги, и под ней еще одна, чтобы ноги не ободрать; можно еще юбки под нее надеть, но это уже не обязательно. А двигаюсь вполне легко, ну если только не прыгать и через заборы не лезть. Я в нем красива? — обрушила она на меня град вопросов.

— Очень! — искренне отвечаю я, — как Скарлет из 'Унесенных ветром'. Даже красивее, и наряднее. Вот только как же теперь с тобой под руку?

— А никак! — рассмеялась Аля, — кстати, милый, я даже не знала, что все настолько сложно! Модистки меня просветили, в общих чертах. Что дама на улице обязательно должна быть в шляпке и в перчатках. Причем цвет и фасон должны соответствовать платью — вот, купить пришлось, под каждое! Шляпка обязательна еще и потому, что дворянке категорически неприличен загар — потому, если поля не широкие, то обязателен зонтик, в солнечный день. И не подобает выходить в одном платье — надо поверх накинуть что-то, хоть легкую шаль, если жарко. А вот с верхней одеждой здесь легче всего — вместо узких и тесных жакетов, даме можно это надеть, взгляни!

На ней легкая свободная накидка, плащ без рукавов, но с капюшоном. Длиной до колен, фигуру скрывает совершенно, как восточное покрывало. Мне не нравится — именно по последней причине.

— Ну как ты не понимаешь? — хмурится Аля, — вот!

И в руке ее появляется ТТ.

— Платье не бальное, дорожное. И я попросила модисток вшить мне, ну что-то вроде кармана. Моих рук не видно. А под этим, даже автомат спрятать можно — и никто не заметит, пока не начну стрелять! Ну и потом, милый, если вот так опустить капюшон, я становлюсь безликой. Одна из многих женщин, которую после можно даже не узнать, встретив в иной одежде! Но вообще-то капюшон так надевать положено лишь при плохой погоде, поверх шляпки, оттого он такой большой. И конечно, если у дамы шляпку ветер унесет — простоволосыми тут, оказывается, лишь доступным женщинам прилично на людях быть. А в платках — мешанкам или крестьянкам. Милый, тут столько условностей! Я не знаю, как буду с дворянками беседовать — ведь, оказывается, есть огромное число вещей, о которых дама из благородных не знать просто не может! Даже если она из самой глухой провинции — тем более, какие у бедной барышни забавы, кроме сплетен с подругами о модах? Да и журналы с картинками, уже есть! А Варшава, 'это не Самара, милочка, у нас парижские моды едва ли не раньше, чем в Петербурге'. Так что, надеюсь что вы не оставите меня на растерзание — я могу конечно, улыбаться и кивать, но очень недолгое время!

Да, вот еще одна проблема. Будем думать.

После возвращения профессора и Андрея, мы сели за стол, чтобы обсудить, кто есть кто. Предложенное мной, возражений не вызвало. Вот только не сорваться бы, не сфальшивить, заучить роли? Не ляпнуть какую-нибудь нелепицу, как Андрей в 'обкатке' к счастью меж нами — 'ранен был в сшибке с бандой у Крымской границы'. Мля, какая там граница, с кем, Крым давно уже часть Российской Империи! Может, ты с Кавказом перепутал — там действительно жарко сейчас, имам Шамиль прям как Бен Ладен местного разлива — но вот и 'Кавказская граница', никогда не скажет русский офицер!

К полудню, приодевшись во все новенькое, мы приготовились к отправке на речной вокзал. Андрей уже съездил с утра, и купил нам билеты до Данцига, откуда мы

пароходом поплывем уже в Питер, так что дело осталось за малым, доехать до пристани, и прощай Варшава! Данциг был прусским портовым городом, который в будущем будет известен как Гданьск. После недолгого обсуждения мы решили именно так оборвать все концы, в случае преследования. Получить разрешение на поездку за границу не потребовалось, просто нужно было показать свои паспорта с дворянскими вензелями, и вопрос у пограничников будет снят, по крайней мере делец говорил именно так. Из Данцига мы должны были отплыть в Питер на морском судне.

У порога стояли все кофры, радующих глаз своей новизной, с упакованными в них купленной одеждой, формой, и автоматом Андрея.

— Все взяли? — спросил я у Али, осматриваясь в приютивших нас на ночь комнатах.

— Все-все. Ты грессбух взял?

— Нет. Зачем? Вон он в камине догорает вместе с блокнотом, улики же.

— Да нет, все правильно, — ответила Аля, изучая местную газету.

— Ну что все пора отправляться в твой родной город. Это ведь ты у нас ленинградка?

— Да, мне самой охота посмотреть каков он был в это время... — сказала было Аля, как нас прервал стук в дверь. Пришли Андрей с профессором, который что-то дожевывал на ходу.

Сделав надменный и холодный вид, я сказал профессору:

— Карл Фридрихович, вы же дворянин. Как вы себя ведете? Это недопустимо есть на ходу. Для этого существует стол, покушали, вытерли губы и встали. Вы позорите честь дворянина, — добавил я пафосно.

Глядя на Андрея и Карла Фридриховича, застывших в дверях. Я старательно подавлял улыбку продолжая смотреть на него строго. Все испортила Аля приснувшая в кулачок.

Поняв, что их разыграли, Андрей сказал:

— Даже как-то не по себе было, прям настоящий дворянчик, как в фильмах показывают.

— Ничего, отрепетирую взгляд, вот тогда и увидите, как должна вести себя голубая кровь.

— Пролетка подъехала, — сообщил профессор, услышав под окнами шум колес по брусчатке.

— А, такси, тогда на выход! — тут же скомандовал я, подхватывая кофры. Свой и Алин.

Еще через полчаса мы были на той же пристани, где стоял под парами пакетбот. Самый настоящий, с паровым двигателем.

— Пятнадцать часов прошло, как мы из усадьбы уехали, а они все еще не чешутся, — крутя в руках раскрытый зонтик, тихо сказала Аля, разглядывая полицейский патруль на пристани.

— А вам не кажется что полицейских на пирсе уж больно много? — внимательно оглядываясь, так же тихо спросил Андрей.

Осмотревшись, мы были вынуждены признать его правоту. Спустя пару минут с той минуты как мы вошли на пристань вслед за носильщиком, отовсюду полезли полицейские, оцепляя его.

— Интересно, а кого они ищут? — с любопытством спросил я тоном Карлосона.

— Наверное нас, — с испугом тихо пробормотал профессор.

— Ага, и карету раззолоченную подогнали именно нам. Похоже, кто-то важный приехал, раз такие почести, — ответил я, с интересом разглядывая карету. Честно слово никогда такой красоты не видал.

Остальные после моих слов ощутимо расслабились, поняв, что погибать именно сейчас они не будут. Сдаваться, явно никто не собирался.

— Ты куда? — вцепилась мне в шюrtleк Аля.

— Да ты что, такая красотища рядом, а я не сфотографировал, — возмутился я, пытаюсь осторожно отодрать пальчики девушки от своей одежды.

— Чем ты фотографировать будешь?

— Телефоном. Он у меня выключен. Включу, сделаю десятка три снимков и вырублю. Зарядка почти полная, так что еще не раз фоткать буду, — успокоил я ее.

— Я с тобой, — сказала Аля, взглядом показав Андрею на профессора и сумки, чтобы охранял. Так подхватив девушку под локоток, я и направился к карете, из которой вылез напояженный тип в полувоенном с золотым шитьем шюртке.

Да, ходить так было не очень удобно. Колокол платья постоянно терся об мои сапоги, из-за чего Аля постоянно шипела, и мне приходилось отстраняться. Одет я был в дорожный костюм, девушка тоже была в самом простом из платьев, да еще и в накидке поверх (вот зачем дамы платья укрывают — асфальта еще нет, пыль летит по-страшному), так что мы особо не привлекали внимание.

Полицейские действительно отгородили часть пристани, чтобы этот высокопоставленный чиновник, а другого определения к нему просто никак не подходило, в сопровождении свиты из десятка человек проследовал по создававшемуся коридору в пакетбот, на котором мы должны были отплыть. Причем, судя по всему, они заняли лучшие каюты.

— А я думал, что подобным людям отдельные суда подают. Ну, в смысле пакетботы.

— Не знаю. Я вообще тут в первый раз, — ответила Аля, внимательно сканируя окружающих нас людей.

— А я в какой?! — тихо взмутился я, подходя к карете.

Близко не получалось ее тоже охраняли, хотя чиновник уже вышел. Но мне и не надо было близко, десяти метров вполне хватало. Покрутившись рядом с ней, под подозрительным взглядом офицера, я пару раз щелкнул и Алю на фоне кареты. Что ни говори, а они действительно были настоящим произведением искусства.

— Доволен?

— Ага, — согласился я, убирая выключенный телефон в карман.

— Куда прешь? — услышал я и почти сразу получил такой удар в плечо, от которого я отлетел назад, чуть не уронив Алю.

Вскочив, я заискивающе улынулся огромному мужчине в довольно приличной одежде с дворянским перстнем на одном из пальцев и с обрюзгшим и неприятным лицом. Запричитав, стал поглаживать и обхлопывать его убирая складки:

— Извините я такой неловкий, совсем не смотрю куда иду...

— Скажи спасибо, что я тороплюсь, а то поговорили бы, — буркнул мужик, и спокойно пошел прямо на меня к выходу с речного вокзала, от чего мне пришлось отскочить в сторону.

— И что это было? — приподняв брови, поинтересовалась Аля, когда боров удалился.

— Потом, — ответил я рассеянно.

— Пора все уже места занимают, — сказал Андрей, кивнув на пакетбот.

— Ну, тогда поторопимся, — согласился я.

Подозвав пару носильщиков, которые ошивались неподалеку, показал им на свой багаж. Подхватив кофры, они последовали за нами к трапу, где стоял третий помощник капитана с двумя матросами и проверял билеты. Кстати, вельможа, что подкатил с таким шиком, занял самую лучшую каюту. Мне, честно говоря было по фиг, нас просветил об

этом стюард, но раз ему так было нужно нам рассказать, то мы внимательно послушали. Вельможа, немного немало был замом губернатора Польши, или как их там называют. Наместника короче.

— Осторожно, — сказал профессор, показывая носильщику, куда укладывать кофры на полки в своей каюте, которую делил с Андреем.

Закрыв дверь такой же двухместной каюты. Я плюхнулся на сиденье, и под шум тронувшегося с места пакетбота, стал доставать вещи и складывать их на столик.

— Что это? — спросил зашедший к нам Андрей, вслед за ним протиснулся профессор. Аля молчала, сразу поняла, что я достаю из карманов.

— Компенсация, — коротко ответил я.

В карманах 'борова' кроме маленького женского дуствольного пистолета, был кожаный сверток перевязанный шнурком, толстый бумажник, золотые часы на такой же цепочке, мелочь, что была в карманах, монокль, носовой платок, два перстня с пальцев. Тот, на котором был дворянский герб я не тронул, просто он не слезал с пальца, хотя я его и маслицем полил, да и проблемы с ним могут быть.

— Ты смотри-ка!!! — сказал Андрей, который пока я сортировал содержимое карманов борова, осматривал тот странный сверток, похожий на чехол для инструментов.

На его руке перекатывались парочка стекляшек.

— Что это? — с интересом спросил я его.

— Похоже необработанные алмазы.

— Да? А что, умно. Дворянин-курьер. Попробуй останови, тем более такого.

— Думаю проблем с ними не будет. Вряд ли он работает на легальной основе. Если только со стороны криминала, — задумчиво сказала Аля, любуясь игрой света одного из алмаза.

— Интересно откуда он их вез. Насколько я знаю, месторождения алмазов в России еще не известны... Из Африки что ли? — с интересом спросил профессор, тоже полюбовавшись игрой света самого крупного на мой взгляд алмаза.

— Да кто его знает? — пожал я плечами.

— Не помню в каком году, но Польша считалась довольно сильной по части огранки алмазов. Дети Израилевне держали более восьмидесяти процентов рынка, так что я не удивляюсь не ограненным алмазам. Но лучше бы Александр вы взяли уже ограненные. Меньше проблем, — невозмутимо продолжил профессор.

— Вот спасибо, мне что там всех обхлопывать нужно было?! — возмутился я.

— Думаю тот кому они принадлежат не оставит это просто так. Нас будут искать. Хотя я сомневаюсь что найдут, — тихо сказал Андрей считая 'стекляшки'.

— Пусть ищет.

— Триста восемь, — закончил подсчет Андрей, после чего стал убирать их обратно.

— Тут и на имение так хватит. А то и не на одно, — хмыкнул профессор.

— Но все равно нужно быть осторожными. Так, на всякий случай, — сказал я, продолжая осматривать вещи на столе.

К куче уже осмотренных прибавился паспорт 'борова', где было написано, что хозяин вещей является Михаилом Михайловичем Оболенским, дворянином из-под Москвы, и дорожная иконка.

— Смотри-ка и в это время с талисманами ездят, — сказал я, выкидывая вслед за остальными ненужными вещами иконку в иллюминатор. Никто ничего не сказал, фанатиков среди нас не было.

— Кто останется с вещами, пока мы идем в ресторан? — спросил я через полчаса, как только мы закончили убирать более-менее ценные вещи в нашу ручную кладь. Часы я отдал профессору, он с ними смотрелся представительнее. И пока он развлекался, изучая

их, мы решали, кто останется. Желающих не было, поэтому решили бросить монетку. Я решил. И я же остался. Не повезло.

После некоторого раздумья Аля осталась со мной, решив разбиться на пары, так что пока Андрей с профессором ходили обедать мы, занялись более интересными занятием.

После возвращения отобедавших, мы оставили их и, убедившись, что они заперлись в каютах, направились в ресторан.

— Красиво тут, — тихо сказала Аля, с интересом разглядывая небольшой ресторан.

— Да, просто прелесть. Зайдем вон тот столик у окна, — предложил я и повел девушку к небольшому столику, и стал помогать ей присесть на стул, что с ее платьем было довольно трудной задачей.

Сделав заказ, и ожидая его, мы поели пока холодных закусок.

— Знаешь мне пришла в голову одна мысль... Ты не помнишь сколько стоял пакетбот до того как мы приехали на вокзал? — спросил я у Али.

Задумчиво ковыряясь в салатике, она припомнила:

— Часа два кажется.

— Вот, и я о чем. Не мог тот 'боров', просто так нам встретиться.

— Ты хочешь сказать, что он не приплыл на этом корабле?

— Именно. Я так думаю, он не просто курьер, а может быть даже компаньон, что более вероятно. Скорее всего, он встретился с настоящим курьером и забрал у него сверток.

— Да?... Возможно, ты прав... Да скорее всего ты прав, но кто он тогда?

— Да кто его знает? Любой на судне. Член экипажа, пассажир, капитан, в конце концов.

Тихо обсуждая пришедшую мне мысль, мы поели принесенный официантом обед, и после десерта попивая чай с воздушным печеньем, стали обсуждать дальнейшие планы, когда в ресторан вошли трое представительных мужчин.

Мельком бросив на них взгляд, я, не меняя выражения лица, с той же интонацией сказал:

— Трое у входа. Очень похоже — по мою душу.

— Думаешь? — спросила Аля, откусывая печенье.

— Уверен. Один из них 'боров'. О, увидел. Сюда идут.

Трое мужчин, действительно решительно направились к нам. Что было странно сам 'боров' семенил за двумя, явно пребывая в положении подчиненного. Командира я выделил моментально. Это был молодой мужчина с тонкими аристократическими чертами лица и тонкой щеточкой усов под красивым прямым носом.

— Добрый день. Не помешаю? — вежливо спросил он, небольшим наклоном головы приветствуя нас.

— В обще-то да. Помешаете. Странно, что вы подошли к нам, столиков свободных достаточно много?... — спокойно ответил я, ставя стакан с чаем на зеркальный поднос, где было блюдо.

Мои слова парень воспринял с легкой улыбкой. Чуть наклонившись, он сказал:

— Видите ли, тут недавно произошел неприятный инцидент, с участием нашего человека, — он легким кивком головы указал на 'борова'.

— Как интересно, а я-то здесь причем? — спросил я с легкой заинтересованностью, пробуя на вкус малиновый джем. Третий молчаливый спутник принес от соседнего столика свободный стул, и поставил его к нашему столику, на который и сел говорливый, без приглашения, слегка подтянув для удобства брюки на коленях.

— Именно это и хотелось бы выяснить. Наш человек. Олег Викторович, утверждает, что к этому причастны Вы.

Мельком посмотрев на него, спросил, вложив в голос сарказма:

— Да что вы говорите? Мало того что вы присоединились к нам за трапезой без приглашения, так еще и делаете нелицеприятные выводы. Да, я столкнулся с этим грубияном. Он чуть не уронил меня и мою супругу так еще и не соблаговолил извиниться. Я это хорошо помню. Так меня еще в чем-то подозревают?!

Джем мне не понравился и я с недовольной гримасой отодвинул его в сторону.

'Боров' вытирая платком пот, струившейся по его лицу, судорожно сказал:

— Это он господин Вит... — но получил незаметно локтем в живот от третьего мужчины, так и застыв с выпученными глазами.

Наша компания и так стала привлекать к себе внимание, а теперь уж и во все, нас разглядывали во все глаза.

Подхватив 'Олега Викторовича', под локоть третий спутник отвел его за соседний пустой столик и усадил за свободный стол.

— Понимаете, ТО, что к вам попало, представляет некоторую ценность для нас.

Я понимал, что сверток придется отдать, не знаю, кто стоит за этим парнем, но ввязываться в свару с неопределенным исходом было бы глупо с нашей стороны. Да и незаметный тычок от Али показал, что она пришла к такому же выводу, и тоже решила что лучше отдать.

— Однако! Что же тогда для вас является ценностью по сравнению с ЭТИМ?

— Можете поверить у нас разные возможности. Но вернемся к нашей проблеме, так как насчет свертка?

— Это такого коричневого цвета?

— Да!

— Кожаного?

— Да-а!

— С маленькими кармашками?

— Да-а-а! — с ласковым придыханием говорил он.

Мы оба упивались нашим разговором.

— С таким интересным содержимым?

— Да-а-а!

— Никогда не видел!

Укоризненно покачав головой, он убрал одну руку под скатерть и хорошо слышно щелкнул курком.

— Ну что же вы так? Только разговор начал складываться, и вы уже принуждаете меня перейти к крайним мерам.

— Знаете Владимир Михайлович, самое сложное было не вытащить капсулы из вашего допотопного оружия, а видеть снова Михаила Михайловича.

Я с удовольствием посмотрел на вытянувшееся лицо собеседника. Незаметно вынул руку, он посмотрел заряды в двустольном пистолете скрытого ношения и, убедившись, что я сказал правду, убрал его обратно в карман. После чего быстро обхлопав себя, тихо и вежливо попросил вернуть все вещи. Того гонору что у него был в начале нашего разговора я больше не видел.

— Ну так как? Я понимаю что с ВАШИМИ возможностями можно сделать много, но у моего человека в отличие от моего оружия, пистолет заряжен.

— У нас тоже, — с милой улыбкой сказал Аля, и стволом пистолета приподняла скатерть так, чтобы показался вороненый ТТ.

Внезапно наш собеседник рассмеялся и показал руки, мол, все, сдаюсь.

— Ваши условия? Вы должны понимать что мы от вас не отстанем, и куда вы направляетесь, знаем.

— И вы тоже должны понимать, что просто так мы вам ничего не вернем, я обещал жене купить... купить? — и растерянно посмотрел на девушку, мне ничего не приходило в голову.

— Ну, за тут сумму что у меня в бумажнике, который вы мне, кстати, не вернули, достаточно чтобы отблагодарить за ту вещь что потерял наш человек.

— Да, сумма солидная. Хорошо, согласен. Давайте пройдем к нам в каюту и совершим эту не равноценную сделку.

При слове неравноценная делец ощутимо дернулся, но молча встал и с приятной улыбкой поклонившись громко сказал:

— Приятно иметь дело с образованным джентльменом, — потом этот гад поцеловал ручку Али и с достоинством поклонившись в сопровождении своих людей, вышел из ресторана.

— Криминал? — спросила Аля, немного наклонившись ко мне.

— Не похоже, но связи имеет, это точно.

— Кто он?

— Вот его паспорт, на, посмотри.

Пока Аля изучала документы парня, я расплатился за обед и, встав, элегантно подал 'супруге' руку, помогая встать, направился с ней к каюте.

Около нее стояли со скучающим видом, наши новые 'знакомые'. Постучав определенным кодом, у нас их было три. Свои, свои с гостями, и свои с врагами. Я постучал третьим кодом. Поэтому как только вошел, ушел вместе с Алей в сторону не мешая работать Андрею.

— Андрей спокойно. Мы договорились, так что поспокойней, пинать не надо, — поторопился сказать я, когда Андрей навис над тремя разлегшимися на полу гостями.

— Ну что же вы Владимир Михайлович, пол холодный, заболете. Вставайте, уже можно. А вот остальным я разрешения не давал, — сказал я, заметив, что остальные тоже пытаются встать. Профессор, заинтересовавшись шумом выглянул из каюты, и с интересом уставился на ноги лежащих парней, но заметив мой жест быстро скрылся.

— Однако вы опять смогли меня удивить, — сказал делец, по моему приглашению садясь в плетенное кресло у иллюминатора.

— Бывает. Вот кстати ваши вещи. Бумажник я все-таки оставлю, там такой красивый орнамент.

Забрав все вещи, делец вопросительно приподнял бровь.

— Ах, да. Андрей можно вернуть тот сверток со стеклом, — сказал я.

Получив требуемое, и убедившись, что все на месте, гости удалились. На пороге делец обернулся и сказал:

— Хорошо, что мы решили все полюбовно. Все-таки разговоры бывают разные.

— Да, точно, я до сих пор еще не решил, правильно ли поступил. Может было лучше отправить вас на корм рыбам? — слегка отрешенно с холодком спросил я.

Еще раз окинув меня каким-то странным взглядом делец молча кивнул и удалился.

Сошли они на следующей остановке судна, в каком-то городке, под внимательным взглядом Андрея. Следующим был Гданьск, где мы должны были пересечь на судно петербургской линии.

До Питера мы доплыли вполне нормально. Я даже сказал бы превосходно. По крайней мере, я, точно. Мы просто отдыхали, получая удовольствие от самого путешествия. Многие часы проводили на палубе, где было странно мало народа — наверное, из-за сильного ветра, который жестоко трепал одежду и вырывал из рук вещи. Но нам нравилось, даже Але, принужденной здесь держаться за мою руку, а иногда и с силой повисать на моем плече, чтобы не улететь в море в раздуваемом платье и с раскрытым зонтиком, в то время как ветер бешено рвал ее накидку и шляпку. Однако для

нее все это было гораздо легче, чем часами сидеть в салоне, в женском обществе, за обсуждением модных новинок и всяких прочих вещей, и делать при этом титанические усилия, чтобы не проколоться. И уж конечно, это было приятно мне — видеть нашу непобедимую амазонку слабой, и нуждающейся в моей поддержке.

— Кронштадт, — облокотившись о перила, сказал Андрей, глядя на видневшиеся вдали громаду острова.

Но я рассматривал не базу флота, а большой парусный корабль, который в облаках парусов весь увешанный флагами шел нам на встречу. Наше судно было новой постройки и имело паровую машину, что позволило хоть и с трудом, идти против ветра, в отличие от красавца корабля который прошел в километре от нас.

— Тридцатипушечный фрегат, — сказал Карл Фридрихович, тоже с интересом разглядывая военное судно.

— Красавец, — глядя на получившиеся снимки, пробормотал я, — Вот только не понимаю, в книгах описываются белоснежные паруса. А где здесь? Желтые, какие-то неопрятно-грязные?

Андрей, оторвавшись от созерцания Кронштадта, повернулся к нам и тоже прислушался к разговору.

— Ну, это зависит от сроков использования. Новые, они конечно белые. Кстати заметьте у фрегата на второй мачте средний парус светлее. Это означает, его недавно меняли, — ответил профессор.

Ветер снова с яростью набросился на нас, и конечно же, больше всех досталось Але. Я обхватил девушку за плечи — здесь это было можно, так как все ее пышное платье летело за ее спиной, плотно облепив ноги, и мы могли стоять совсем рядом друг с другом, пытаюсь спрятаться от ветра за ее наклоненным зонтиком, он весь гнулся, хлопал, и порывался улететь. Мы целовались, широкие поля ее шляпки нам мешали. Вдруг Аля вскрикнула:

— Моя шляпа! Ты мне ленты распустил! Лови ее скорее! — и поспешно набросила капюшон плаща, чтобы не трепало волосы.

И была погоня за шляпкой, улетающей, по счастью, по палубе, а не за борт. И вручение пойманного приза нашей прекрасной даме, и ее милая улыбка, мне в награду. И процесс надевания шляпки, совсем не простой на таком ветру — в непрерывном Алином сражении с развевающимися юбками, накидкой, прической. Зонтик она сложила, чтобы было легче — но все равно, безнадежно проигрывала, ветер не оставлял ее в покое ни на миг. Девушку просто раздевало, вздувая платье до головы, куда там какой-то Мерилин, вы представьте эту же сцену в кринолинах, и добавьте парус накидки, получите слабое представление, что творил ветер на палубе с бедной Алей! И в завершение, неистовый порыв, штормовой силы, буквально бросил девушку в мои объятия — при этом сорвав с нее шляпку, надетую с таким трудом, и растерзав прическу в один миг. Поймать не удалось — в этот раз шляпу закружило высоко в воздухе, и швырнуло далеко в волны, как ненужный мусор.

— Упс, — хмыкнул я.

— Это значит что я доступная и распутная? — спросила совсем не огорченная Аля, провожая шляпку взглядом, — для тебя, может быть, милый.

Ветер рвал и трепал ее волосы, будто желая и их унести с головы, они бились и хлестали темным пламенем вокруг лица, платье на ней было совершенно как воздушный шар, накидка флагом рвалась ввысь. А Аля улыбалась, оставаясь в моих объятиях — и я боялся ее отпустить. Профессор пробурчал в сторону, но я расслышал:

— Ну как дети, ей-богу!

— Викентий Сергеевич, когда мы прибываем? — спросил я у второго помощника который пробежал мимо.

— Через пару часов войдем в устье и еще через час пристанем. Так что часа четыре у вас точно есть Александр Геннадьевич, — остановившись, ответил он мне.

Поблагодарив его, я спросил у спутников, глядя на удаляющуюся спину моряка:

— Ну что идем, и потихоньку собираемся?

— Целых четыре часа! — воскликнула Аля, — пойдем скорее в каюту, милый!

Посмотрев на трофейные часы, профессор сказал:

— Эдак мы получается, в восемь вечера пристанем. Однако поздновато.

— Ничего, попросим у капитана разрешения переночевать на судне, если стемнеет к прибытию. Я слышал, это здесь обычное дело.

Как я и думал из-за встречного ветра мы задержались с прибытием, и пришлось договариваться с капитаном остаться на ночь. Уже стемнело, так что ехать куда либо было немного не обдуманно с нашей стороны. Как ожидалось, капитан легко дал разрешение на наше дальнейшее пребывание.

— Не зря я с ним в карты на интерес играл, — самодовольно сказал я, входя в каюту вслед за Андреем, после разговора с капитаном Турниным.

— Я до сих пор не понимаю, почему никто не понял, что ты жульничал? — спросила немилосердно растрепанная Аля, сидя у столика и пытаясь что-то сделать с прической. Профессор, читавший двухнедельную газету с интересом поднял голову.

— Кто жульничал?! — возмутился я: — Где доказательства?!

— Тут даже доказательства не нужны. Такой выигрыш еще унести нужно.

— Не больно много мы и выиграли, — тихо пробормотал я.

Мне уже высказали все что обо мне думают, как профессор, так и Аля. В рамки, 'вести себя тихо и не заметно' я не вписывался никак. Обо мне на судне не знал разве что кочегары. Да и они знали, по крайней мере старший кочегар точно. Даже один из полковников, что плыл с нами под рюмку водки 'вспомнил' что мы с ним встречались на военных учениях. За что и выпили.

— Не больно много? — тихо, предгрозовым голосом спросила Аля, после чего закопавшись в выигрыше который я убрал в небольшой саквояж, и вытащив бумажку стала ей махать у меня перед носом.

— А выиграть дом у купца первой гильдии, это как, по-твоему? — тихо зашипела она.

— Если у него деньги кончились, что я сделаю? — возмутился я от такой предьявы. Вообще не понимаю этих женщин, приносишь денег в дом, мало им, тут принес, так шипит, ругаются, что больно много.

— Да ты сейчас как фонарь в ночи. Весь криминал на тебя как бабочки слетятся. Вот ты скажи, зачем тебе яхта? Ладно дом у купца выиграл, еще как-то можно пережить, но яхта у аристократа?!

Сделав высокомерное выражение лица, я гордо сказал, задрав нос.

— Не твое дело женщина. Твое место на кухне, — за что почти мгновенно поплатился.

Пытаясь отдышаться от не сильного удара в солнечное сплетение, я попросил у Андрея:

— Напомни мне в следующий раз не злить ее.

Сердито сопя, девушка села напротив меня и стала перебирать расписки и кучку денег что я выиграл. Расписок было больше, не все имели при себе нужные суммы, чтобы расплатиться по карточным долгам. Тем более если деньги только в монетах.

— Почти шестьдесят тысяч расписками и чеками, и восемь тысяч наличными. Не считая дома и яхты.

— Да, 'Каролина'. Хозяин сказал чудо, а не яхта.

— Лучше б ты деньгами взял, — все-таки пробурчала Аля.

- Ну, давай разложим все по полочкам. Дом нашему представительству нужен?
- Нужен, — вынужденно была признаться девушка.
- Средство передвижения нужно?
- Нужно, — опять согласилась со мной она.
- Так в чем дело, видишь, для нас же стараюсь.

В общем, Аля была вынуждена признать, что материальный смысл в этом есть, но категорически была не согласна так открыто работать. Те немногие часы, которые она все же должна была ради приличия, провести в 'светском' обществе, то есть в салоне, среди благородных дам, молча слушать разговоры о моде, улыбаться и кивать, в страшном напряжении сказать что-то не то, были для нее настоящей пыткой. Да еще делать вид, что всем довольна. И совсем уж неожиданная претензия — отчего у нас на палубе не было так раньше, милый, а лишь в самый последний день, это было так романтично, когда еще мы с тобой так поплывем? Так что я бы не сказал, что настроение у нее было на высоте.

Утро следующего дня нас встретило приветливым солнечным днем. И это в Питере, который славился своей плохой погодой.

Андрей нашел пролетку и мы, погрузившись в нее, поехали в гостиницу. Дом, вновь приобретенный мной, был хоть и в городе, но каков он я не знал, и было бы не осмотрительно сразу туда ехать. Нужно было сперва осмотреться.

Все-таки, несмотря на уверения профессора, таможня в порту на Васильевском острове присутствовала, пройдя регистрацию и легкий внешний осмотр, мы выехали из порта, и по Николаевскому мосту через несколько минут оказались в центре города.

Питер мне понравился — спокойный тихий город, с праздно гуляющими жителями. С удовольствием осматриваясь, мы следили за обстановкой, разглядывая город, дома и улицы.

Устроившись в гостинице, и оставив там вещи, мы стали искать возможность купить транспорт. Нас интересовали лошади, и легкий прогулочный экипаж.

Пока была возможность, мы собирались съездить на предполагаемое место второй Аномалии, и осмотреть ее. Нужно было возвращаться — я, по непонятному наитию, чувствовал, что там меня ждут.

Аля восприняла это серьезно, так что мы не стали откладывать дело в долгий ящик и занялись покупками. Профессор с Алевтиной остались в недорогой гостинице, охранять наши вещи, а мы с Андреем заехали в банк и положили деньги на три свежееоткрытых счета, все-таки таскаться с такими суммами было тяжеловато. Что вот только с расписками делать?

После поездки к тому дому, который я выиграл, выяснилось, что ничего покупать было не нужно. Вместе с домом хозяин оставил двух довольно приличных кляч, и старенькую, но крепкую коляску на четырех человек. Дом мне понравился. Был он хоть и на окраине, но впечатлял. Не размерами, нет. Я бы не сказал, что он был большой. Красив, это да. Но все равно, стоящий в небольшом ухоженном саду дом притягивал к себе взгляд. В доме нас дождался один из слуг, который и показал нам все, объяснив, что и как, после чего передав записку от бывшего хозяина дома, поклонился и удалился. При доме остался сторож Силантьич, который выполнял так же функции дворника и истопника.

— Зря в гостиницу вселялись, хороший дом, — сказал Андрей после осмотра кухни.

— Документы еще оформить надо, — ответил я, читая послание.

— Что там?

— Купец объясняет, где нам встретится, чтобы побыстрее уладить все дела с передачей дома. Завтра поедем, часов в десять утра.

— Хорошо, тогда в гостиницу? Или все-таки тут устроимся? Бросать пустой дом не стоит, — сказал Андрей изучавший подходы к дому.

— Да, думаю, не стоит. Ну ладно, тогда за вещами.

Силантьич, который дожидался нас у красивого крыльца вопросительно посмотрел на меня.

— Да. Дом мне нравится. Мы переедем сюда. Вы тоже остаетесь на прежней должности, сумму оплаты мы обговорим позже, а пока вы не могли бы посоветовать, где нанять кухарку, горничную, и прислугу для жены?

Силантьич, бы искренне удивлен моей речью, видимо тут так было не принято разговаривать с прислугой, но быстро справился с удивлением и обещал помочь, у него были знакомые, которым нужна работа.

Садясь в нанятую пролетку, махнул рукой велев везти нас в гостиницу.

Переезд в дом много времени не занял. Пока мы переезжали, подошли приглашенные Силантичем на работу люди.

Первой зашла в зал, где мы сидели, кухарка. Она мне сразу понравилась. Я всегда считал, что у поваров должно быть доброе лицо, если оно злое, то какая будет еда? Правильно, никакая. Дав ей задание приготовить ужин, выделил деньги и с Силантичем на пролетке отправил за продуктами. В доме на этот счет было шаром покати. Второй зашла достаточно молодая девушка с простоватым лицом. Выяснив, что она уже работала горничной, мы взяли ее на ту же должность, тоже с испытательным сроком.

Следующей была достаточно пожилая, лет пятидесяти женщина, которую мы взяли на работу ключницей. То есть она отвечала за весь дом и приусадебный участок. Подвоз продуктов и выплату зарплаты. Деньги на уплату за дрова, и корм для лошадей тоже распределялись ею. К тому же она была родной сестрой кухарки. Последним был бородатый мужчина. Мы его взяли на работу кучером и садовником. Насчет истопника решили пока погодить, лето на дворе, да и Силантьич пока справлялся.

— Ну что скажите? — спросил я, как только парень вышел.

— Шикарно. Видел бы ты себя со стороны. Настоящий барин, — слышался ехидный голос со стороны Али.

— Насчет прислуги решили, а вот что будем делать с мебелью? Вернее с ее отсутствием? — спросил профессор.

— Да, не везде есть мебель. Видно, что дом не жилой. Однако деньги на это мероприятие есть, так что прошу вас Алевтина озаботиться этим.

— Почему я?

— Потому что это женское дело покупать всякие пуфики, и диванчики. У нас несколько комнат совершенно пустые, благо хоть есть на чем спать. Так что пока мы съездим к купцу, ты вместе с профессором займись покупками. Силантьич в твоём распоряжении. Надеюсь, вы Карл Фридрихович поможете моей супруге?

— Да, конечно. Хотелось бы прокатиться по старому Петербургу, а то мы так быстро проехали, что я не успел хорошенько рассмотреть дворцы.

— Вот и совместите. Через час нам обещали ужин, после отбой. Завтра мы знаем что делать.

Кухарка, Марфа Захаровна, испытательный срок выдержала. Он длился до того момента пока я не попробовал ее оладушки, после которых точно решил что она остается.

Утром мы разъехались. Я с Андреем поехал к купцу, улаживать дела с домом на нанятой пролетке, а Алевтина с профессором за покупками.

Свои дела мы решили быстро, благо дом нотариуса был рядом с домом купца. Закончив и зарегистрировавшись в земельном управлении, что дом теперь на мне, мы поехали смотреть яхту. Она находилась в Питере.

Благодаря советам местного попрошайки, бывшего матроса с линейного корабля, потерявшего ноги во время одной из морских битв, мы быстро нашли стоянку, где находилось десяток яхт разного тоннажа.

— Станный попрошайка, — сказал Андрей с подозрением оглядываясь.

— Да обычный мошенник. Притворяется безногим ветераном, это хорошо давит на жалость.

— Так что ваш сиятельство, он с ногами? — спросил кучер.

— Ну уж отличить настоящего попрошайку и того кто вышел по нужде я всяко отличу. Да, он точно мошенник.

— Вот ведь гад. А я ему на прошлой неделе, когда молодоженов катал, копейку кинул, — выругался расстроенный возница. Судя по его виду, он раздумывал как забрать монету обратно, и по-видимому уже решил как, раз стал поглаживать толстую рукоятку кнута.

Яхта не была пришвартована, а стояла в заливе на якоре. 'Королина' была малотоннажной яхтой для прогулок. Правда, я не понимал, как можно совершать прогулки в Балтике. Но все равно парусник действительно был красив. Белоснежная парусная яхта тонн на восемьдесят, была как с картинки. Наняв лодку, мы поплыли к ней, качающейся на достаточно крупной в заливе волне.

— Кто такие? — окликнули нас с нее, как только мы подошли ближе.

— Новые хозяева! — крикнул я в ответ.

Матрос что охранял судно, спокойно стоял в стороне, когда мы взобрались на палубу.

— Барон Орловский, просил передать, что он хочет выкупить обратно свою закладную, — коротко сказал он нам. После чего достал из кармана штанов записку передал ее мне.

— А что вполне даже ничего, — пробормотал я, увидев написанную сумму. Видимо белоснежная красавица была ему дорога, раз он предлагает такую сумму.

Вернувшись на берег, мы сели обратно в пролетку и поехали к барону, где получили требуемую сумму в звонкой монете.

Вернувшись как раз к обеду, я за столом сказал всем:

— Завтра едем.

— Куда едем? — рассеяно переспросил профессор. Но потом видимо поняв, быстро добавил: — А, да, конечно.

После плотного обеда Аля отчиталась, что они закупили, и куда поставят мебель, когда их привезут. Одоблив ее покупки, попросил в кабинет поставить большой глобус, и большое роскошное кресло.

В общем, весь день был занят покупками и осмотром привезенного. Дав задание Зинаиде Захаровне, нашей ключнице подготовить к завтрашнему утру еды дня на три-четыре, на пятерых человек, и пролетку к выезду за пределы города, направился в беседку в саду, неся подмышкой кипу газет. Нужно было изучить светскую хронику за последние две недели.

Стук в дверь вырвал меня из крепкого сна.

— Кто это? — спросила Аля сонным голосом.

— Александр Геннадьевич, вы просили вас разбудить, — послышался голос нашей ключницы.

— Зинаида Захаровна, кто же еще, — ответил я и, встав, накинул купленный Алей халат, направился к двери.

— Да, благодарю вас Зинаида Захаровна, мы уже встали, — ответил я ей, отворив дверь.

— Пожалуйста, барин. Завтрак будет готов через десять минут.

— Хорошо, сейчас будем. Профессор и Андрей Николаевич уже проснулись?

— Да, барин, я их разбудила, — ответила 'домоуправ'.

— Мы скоро будем, — повторил я и закрыл дверь: — Солнышко вставай. Пора.

После завтрака мы сели в пролетку нагруженную снедью, и выехали со двора.

Еще через час проехали окраину города и поехали по одной из проселочных дорог, минуя тракт.

Через два часа я сжал руку Али и, наклонившись к ушку, тихо сказал, чтобы не слышал кучер:

— Я ее вижу.

— Далеко?

— Километров пять. Нам нужно левее взять. Она действительно огромная.

Проехав большое село, мы приблизились к лесу. Гигантская Аномалия нависла над нами.

— Нужно углубиться в лес. Она немного дальше.

Оставив пролетку вместе с кучером и Алеей у дороги, ей с таким платьем просто не пробраться по кустам, мы втроем направились в лес.

Когда Аномалия нависла точно над нами, я попытался подпрыгнуть чтобы достать ее.

— Не высоко? — спросил Андрей, сразу поняв, что я делаю.

— Метра три от земли, — ответил я, на глазок прикидывая расстояние.

— Лестницу?

— Да нет. Скорее большую стремянку. А вот на ту сторону придется прыгать. Переходить лучше ночью, как мне кажется.

— Когда? — спросил профессор.

— Как только, так сразу. Андрей займись средством проникновением.

— Стремянкой?

— Да. Ладно, возвращаемся, что нам надо мы увидели. Нужно подготовить рюкзаки, и продовольствие. Все-таки по вражеской земле пойдем.

Выйдя из леса, мы увидели у нашей пролетки трех гарцующих всадников. Один из них, похожий на помещика о чем-то разговаривал с Алеей.

— Это еще кто? — спросил Андрей, незаметно приготавливая оружие к бою.

— Сейчас и узнаем. Пшли, — сказал я и быстрым шагом направился к нашей пролетке.

Незнакомцы оказались хозяином местных земель и двое его друзей-сослуживцев. Все они были пехотными офицерами и находились в отпуске.

— Решил проехать осмотреть владения после долгого отсутствия, и тут что я вижу, алый цветок среди кактусов, — слегка грубовато, на мой взгляд, сказал штабс-капитан. Мы ехали в село, где находилась его усадьба, не отказавшись от предложения гостеприимного хозяина.

— Да это понятно, Аля прекрасна как никогда, но вы не ответили на мой вопрос. Так как насчет продажи? — спросил я.

— Знаете, пожалуй... нет. Лес хоть и находится на краю моих владений, но все-таки собственность, да и зачем вам?

— Хочу поставить охотничью сторожку, и летом жить там, дышать свежим лесным воздухом.

— Нет. Все-таки нет.

— Скажите Виктор Алексеевич, а вы в карты играете?..

К обеду следующего дня, наша пролетка с шумом колес и копыт по мостовой, влетела на территорию участка нашего дома.

— Разгружаемся. Андрей займись тем, что нужно в двух экземплярах.

— В двух?

— Потом объясню. Работай. Профессор. Вы все помните о Крымской войне?

— Не особо. Сам я писал дипломную работу по Бородинской битве... Хотя, мой сокурсник как раз писал о Крымской войне, я ему еще помогал.

— Вот и займитесь этим, с чего все началось, почему и как, первопричины обязательно. Так же не забудьте и про боевые действия, как с нашей стороны так и противника. Даю вам два дня, чтобы все было на бумаге.

— Хорошо, но... Это ведь давно все было, я мало что помню. На нашем математическом факультете, история была второстепенным предметом, и мы особо не старались в его освоении.

— Попробуйте хоть что-нибудь вспомнить. Мы уходим через десять дней. Отсчет пойдет с завтрашнего дня. Поторопитесь. Андрей это тебя тоже касается.

— А мне что делать? — спросила Аля.

— Изучи светскую хронику, мне нужно попасть на вечер, бал, в конце концов, к какой-нибудь знаменитой фигуре. Главное чтобы там были фигуры приближенные к правительству.

— Хорошо, сейчас пошлю Силантьича, за свежими газетами, — ответила она.

— Александр Геннадьевич, а вы там не объясните, зачем это нужно? — осторожно поинтересовался профессор.

Объяснил. В двух словах, но все же.

Все как-то быстро с задумчивым видом рассосались по дому. Профессор занял мой кабинет и активно пользовался пером, записывая свои воспоминания в черновые листы. Андрей уехал на поиски плотника, Аля воспользовалась Силантьичем и отправила его за газетами, а я пошел на кухню, узнать насчет обеда.

Что должен делать командир после раздачи ЦУ? Правильно, отдыхать. Чем я и занялся, до обеда. Ворочаясь с боку на бок, обдумывал наши дальнейшие планы.

На самом деле это были мои планы, которые я смог продать. Аля была в сомнениях, Андрей против, профессор же занял нейтральную позицию. Однако я смог убедить их не мешать мне. В общем, решил установить связь между мирами, а именно, навестись к Императору для сотрудничества между мирами. По-моему это была отличная идея. Да и польза для Сталина, если я наведу контакты. Можно конечно потом. Но что мы скажем когда начнется война, а мы не предупредили местную власть? Как в глаза будем глядеть? Лично я не смогу.

Вечером было совещание в рабочем кабинете.

— Карл Фридрихович, начнем с вас. Судя по пальцам, испачканным в чернилах, вы хоть что-то успели вспомнить?

— Два дня мне мало. Судя по всему, все, что я знаю о Крымской войне, уместиться на четырех листах, да и тут постараться нужно.

— Пишите. То, что не пригодится пропускайте. Помните, сколько наших солдат погибло на этой войне и в какое положение попало государство.

— Я это и имел ввиду, что сжатый текст, отредактированный, и уместиться на четырех листах. Полный по более будет. И мне не хватает бумаги. Много черновиков.

— Бумагу купим, насчет остального, тут я вам помочь не могу, этот период тоже мало помню. Поэтому постарайтесь побыстрее. Пока мы ищем контакты, время у вас есть, а вот если нащупаем, то извините, если не успели.

— Я постараюсь успеть, — кивнул он.

— Андрей?

— Нашел плотника. Хорошего, видел его работы, описал, что нам нужно, объяснив основные требуемые параметры это: высота четыре метра, легкость, крепость и надежность.

— Когда будут готовы?

— Обещал через день, то есть послезавтра.

— Хорошо, испытание на тебе. Аля?

— В Питере постоянно какие-то балы и вечера. Например, барон Краснопольский устраивает именины своей супруги. В газете написано, что будет много именитых людей из высшего общества.

— Каких не написано?

— Нет, расплывчато.

— Пропускаем, что еще?

— Прокурор города устраивает бал, в связи с совершеннолетием своей дочери.

— А вот это интересно. Когда?

— Через три дня. В субботу.

— Оставим на заметке, еще есть?

— Есть, но в основном мелочь. Прокурор, думаю идеальный вариант.

— Может кто-то из военных что устраивает?

— Вроде был какой-то адмирал. Нахимов кажется.

— Нахимов? — подскочил профессор: — Не Павел Степанович случайно?

— Тут инициалы, но совпадают, — мельком заглянув в газету, ответила Аля.

— Странно, он же в Севастополе живет. Может в гостях? — пробормотал профессор.

— Так, решено, встречаемся с адмиралом, а там по нарастающей.

— Как будем представляться? — спросила Аля.

— Как-как... Посольством. Но это только когда встретимся с государем, а пока просто простые дворяне. Это пока не раскусили, конечно.

— Думаю охранке, на это много времени не потребуется, — мрачно ответил Андрей.

— Вот и я так думаю. Поэтому все делаем в темпе вальса. Кстати если все получится, боюсь, вы Карл Фридрихович останетесь тут как представитель нашего правительства.

— А-а-а?

— Без 'а'. Через не могу.

Насчет профессора у меня появилась другая идея. Так что придётся оставить его тут.

— Ладно, продолжим, когда у адмирала вечеринка, или что там у него?

— Завтра вечером. Празднует получение награды в гостинице. Тут мельком написано, не совсем понятно.

— Адрес есть?

— Да.

— Тогда завтра будет тяжелый день. Аля, приготовь свое лучшее платье. Кстати надо озаботиться подарком. Оружие? Да, скорее всего лучше подарить оружие, — сказал я задумчиво.

— Утром займемся покупками, вечером к адмиралу, придем незваными гостями, — сказала Аля.

— Да, кстати, Карл Фридрихович, что вы знаете о Нахимове?

— Да... как все. Общие сведения и все.

— Сделайте мне краткую... Нет, лучше полную биографию адмирала на сколько помните. Сегодня успеете?

— Успею, если прямо сейчас начну.

— Начните, пока мы тут обсуждаем, что и как делать.

— Хорошо, — кивнул он и, встав, занял место за столом, где взяв в руку мою ручку — пером он пользоваться так и не научился, и стал что-то быстро записывать, на миг прерываясь на раздумья.

— Э-э-э. Профессор, вы все-таки пишете, что бы я смог потом разобрать.

— Хорошо, — буркнул он не прекращая писать.

— Андрей займись обороной дома, если нужно найми кого-нибудь, можно даже из бывших солдат, которые отслужили свое. Во флигеле места много, а они не прихотливые.

— Хорошо. Сколько?

— Я почему знаю? Это твоя работа.

— Тогда восемь, но это по минимуму.

— Бери, сколько требуется.

— Тогда десяток.

— Продолжим. Аля на тебе сборы на прием, кроме подарка я сам этим займусь, а тебе Андрей обеспечение нашей безопасности. Кстати, что там с деньгами? Хватает?

— Хватает, — хором сказали Аля и Андрей.

— Хорошо, завтра с утра съезжу, оформлю в земельной управе 'покупку' земли, и займусь покупками для адмирала. Думаю совещание на сегодня закончено. Разойдись.

После обеда мы сидели с Андреем в беседке рядом с домом и, попивая чай с вареньем, тихо беседовали:

— Закладки продовольствия, нашей одежды, и средств перехода, лучше начать за два дня до 'часа Икс', - говорил Андрей.

— Это понятно, но тебе не кажется, что нам нужно прикупить пару верховых и еще одну пролетку, лучше двухместную? — спросил я у него.

— Согласен. Пользоваться наемными... стремно, — повторил он услышанное от меня слово.

— Завтра займись этим.

— Хорошо. Вы все-таки решили оставить профессора тут?

— Плохая идея?

— Это смотря с какой стороны посмотреть. С одной стороны на него нельзя положиться, или забудет или переймет все по-своему. Но кроме него оставлять вроде некого.

— Я хотел тебя, так мне запретили.

— Да это невозможно, я ваш личный охранник. И оставлять вас без охраны, тем более в такой ситуации, это невозможно.

— Вот и Аля мне так сказала.

— А может?..

— Нет! Ее я не оставлю.

— Тогда профессор единственный вариант, на должность временного представителя СССР.

— Вот именно. Ладно, поздно уже. Завтра тяжелый день, идем спать.

— Вот этот образец, просто великолепно соответствует вашим требованиям, — лучась от радости, говорил приказчик оружейного магазина, куда я зашел, чтобы сделать закупки для адмирала.

'Образец', что он держал в руках, был красив. Но в его дальности я сомневался, что и сказал приказчику.

Возмущенно посмотрев на меня, ответил:

— Это самый дальнбойный штуцер существующий в мире. Дальше стреляют только пушки.

— Сколько?

— Триста рублей.

'Интересно — это много или мало?' — подумал я, и спросил:

— Дальность сколько?

— Пятьсот шагов, — гордо ответил он.

Заметив, как я скептически разглядываю показанное оружие, он быстро добавил.

— В комплекте идут запасы пороха и пуль.

Делать было не чего, пришлось брать. Остальное вообще было гладкоствольным. К тому же выяснилось, что штуцер дульнозарядный. Приказчик довольно сноровисто зарядил его, как-то хитро вкрутив пулю.

После того как он его разрядил, и упаковал в подарочную кожаную сумку, я вышел из магазина, и залез в двуколку.

— Домой.

После того как я зарегистрировал, теперь уже свои земли, где находится 'Аномалия-2', взял купленную Андреем двуколку, и со вторым нашим кучером, по имени Демьян, съездил в оружейный магазин.

Сейчас я ехал домой, нужно было готовиться к приему.

С грохотом колес по мостовой, которую дополняли цокот лошадиных копыт, мы въехали во двор моего дома. У конюшни уже стояла пролетка, которой пользовался Андрей.

'О, хорошо что попался. Выясним что он успел сделать!' — подумал я и, подхватив сумку, направился к дому.

Андрей и Аля были в столовой, обедали. Велев накрыть и для меня, сходил, привел себя в порядок, и присоединился к ним.

— Где профессор? — поинтересовался я, встряхивая платок и заткнув его за ворот расправив на груди.

Марфа Захаровна налила мне тарелку супа, и поставила рядом небольшие склянки со специями.

— Занят. Я ему говорила, но он все отвечает, что 'сейчас-сейчас'. Велела отнести обед к нему в кабинет, — ответила Аля.

— Ясно. Ну-с, как говорить 'когда я ем, я глух и нем', - пробормотал я, беря большую ложку.

Через полчаса, собравшись в гостиной, мы стали обсуждать дела на сегодня.

— Я съездил, оформил 'покупку' земли, так что теперь она наша. С подарком тоже проблем нет, взял штуцер.

— Потом посмотрю? — спросил Андрей.

— Да, конечно. Кстати, двуколка, что ты купил хороша. Молодец. Что у вас?

— Прошу, — уступил место Але, Андрей.

— Спасибо. Одежду к празднованию я приготовила, так же занималась облагораживания дома. А то он какой-то не жилой.

— Я заметил, у тебя замечательно получилось.

— Спасибо. У меня все.

— Андрей?

— Начну с охраны. Один парень, с которым я познакомился. Бывший офицер от кавалерии, посоветовал мне, где можно найти сторожа. И действительно в таверне на которую он мне указал, было несколько солдат и унтер-офицеров. Поговорив с одним, я нашел десять человек, лет по пятьдесят каждому, недавно уволенных в запас. Тут оказывается срок службы двадцать пять лет, после чего их гонят на все четыре стороны. Так что найти людей было не проблема. Старший у них унтер Куликов, подойдут к вечеру. Кстати все ветераны, у некоторых награды. Что на счет оружия?

— Возьмешь унтера, съездите в магазин, где я был. Купите по два пистолета на человека и ружью. В общем, снаряди их по полной.

— Хорошо. Насчет плотника... — начал было Андрей как, прервав его, в гостиную спустился со второго этажа профессор. В его руках была пачка бумаг.

— Вот, закончил по Нахимову, — сказал он, протягивая их мне.

— Здесь все?

— Да, то, что помню, я не все знаю, — ответил он, усаживаясь на отдельно стоящий стул.

С интересом изучая написанное, прорываясь через стиль написания профессора, одновременно слушал Андрея.

— Места во флигеле уже подготавливают, там есть возможность разделить перегородками на четыре спальных места, так что им есть, где жить. Нужно закупить дополнительно десять комплектов постельного белья, и тюфяки, но это забота Зинаиды Захаровны, деньги для обустройства я ей уже выделил. На соседней улице живет швея, ей я заказал три сидора, для продовольствия. Обещала сшить из брезента в течение дня, завтра заберу. У меня пока все.

— Хорошо. Андрей дом на тебе. Вам Карл Фридрихович есть чем заняться, так что продолжайте. А мы пока будем готовиться к встрече.

Наемная карета, была роскошной. Заплатить за ее услуги конечно пришлось, но дело того стоило, именно для этого она была и нужна. Чтобы составить о нас мнение как о состоятельных людях. Кроме нас никто не знал, что высадив, карета уедет, а забирать нас будет Демьян на двуколке.

Держа Алю под локоток, мы подошли к дверям в гостиницу, которые нам открыл швейцар.

— Мы к Павлу Степановичу Нахимову, — сказал я не успевшему открыть рот портье.

— Слуга проводит вас, — низко поклонился портье, пряча чаевые.

И действительно, прислуга в довольно роскошно расписанной ливреи, проводил нас в банкетный зал, или как он тут называется. К моему удивлению гостей было не так много. Человек десять, в основном в военной форме.

— Никак не привыкну к этим галунам и мишуре. Петухи разряженные, — тихо пробормотал я, когда мы вошли в зал, и слуга объявил нас:

— Шляхтич Рокоссовский с супругой.

Ко мне уже спешил сам адмирал... по крайней мере я надеялся что это он. К своему стыду в лицо его я не помнил.

— Прошу своего извинения, что не встретил как положено, но...

— Не надо гадать Павел Степанович, мы с вами не знакомы, но я надеюсь познакомимся. Я бы хотел поговорить с вами наедине. Но сперва вручу подарок в связи с вашим награждением. Прошу, — протянул я ему ящик со штуцером.

С этим ящиком вообще была забавная ситуация. Оказалось для оружия были изготовлены специальные ящички на подобии шкатулок, длинные такие, так что мне было как-то неудобно дарить подобную адмиралу покрытую лаком и хохломой. Но видимо для переноса и хранения подобная тара было обычной вещью, адмирал даже не удивился, а сразу поблагодарив, взял ее в руки.

Нахимов быстро открыл шкатулку-ящик и вытащил оружие. По офицерам прошелся шорох изумления. По-видимому, они знали, что это за оружие, и так же его цену. Я не знал, я купил.

Дам среди господ офицеров было всего две, поэтому пока военные восхищенно крутились рядом с Нахимовым, который продолжал вертеть штуцер его в руках,

разглядывая орнамент, я глазами показал Але на них. Сморщившись, она кивнула, и мы направились к дамам, где я представился и представил свою супругу.

— Прошу-с прощения, что бросил вас, но столь дорогой подарок отвлек мое внимание, — говорил он, вставляя 'с' в конце слов, было немного забавно его слушать, но вида я не показывал, привык.

— Спасибо за столько дорогой подарок, но стоило ли его дарить незнакомому человеку?

'А адмирал не дурак, понимает, что за просто так, подобное оружие не дарят. Блин, знать бы еще, что мне всучил этот приказчик, но у нового хозяина не спросишь, не хочется терять лицо своим не знанием!' — подумал я, и вежливо попросил о личном разговоре.

— Прошу прощения господа и дамы, но мы с господином Рокоссовским оставим вас на некоторое время, — неожиданно громко сказал адмирал.

Я этого никак не ожидал, думал, что мы просто выйдем незаметно, но тут были другие правила.

— Прошу, — показав на дверь, сказал Нахимов.

Дверь вела в коридор со множеством дверей, пройдя вслед за адмиралом я попал в отдельный кабинет, что-то вроде особого, для знати. Дорогие обои, гобелены со сценами охоты, обеденные стол, стулья, диван для отдыха. Все это создавало ощущение покоя и уюта.

— Я слушаю вас? — сказал Нахимов, проходя к дивану. Весь его вид выражал непреклонность. Видимо он настроился на то, что я собираюсь у него что-то просить. Причем, судя по подарку что-то очень трудновыполнимое. Ну что ж он отчасти был прав.

— Давайте начнем с тех слов, которые произносят все пришельцы, я родился в тысяча девятьсот одиннадцатом году. Я из другого времени. Из будущего.

Про свой родной мир, говорить я понятное дело не стал, зачем вводить адмирала в такие дебри времени.

— Позвольте. Это шутка? — грозно нахмурился собеседник.

— Да уж какая шутка. Прошу, вот доказательства.

Достав телефон, я включил его и пользуясь большим сенсорным экраном включил видеоролик.

— Пожалуйста, смотрите, — подал я ему в руки, аппарат. Неловко взяв задрожавшими руками розовый телефон и уставился в экран, отставив подальше руку.

Телефон я покупал второпях, ну не было тогда других в продаже, а на цвет мне было плевать с большой колокольни.

На экранчике мелькали кадры закаченных Юрой, части роликов о военной технике, но адмиралу я включил двухминутный посвященный флоту.

И судя по тому, как прикипели его глаза к экрану, он проникся красотой показанного эсминца. Вот он выпустил противокорабельные ракеты, показали матросов, шустро скатывающихся по трапу, занимающих свои места согласно боевому расписанию, и ролик кончился.

— Это все, — сказал я, вынимая аппарат из его рук, и сразу выключая.

Минут пять адмирал был в прострации, но потом его прорвало. Теперь было понятно, почему профессор назвал его 'боцманом в адмиральском мундире'. Судя по той брани, которой я не понимал даже половины, он так приходил в себя. Я его прекрасно понимал, сам так делал не раз, поэтому откинувшись и положив одну руку на спинку, закинул ногу на ногу, стал ждать, когда Нахимов выговорится.

Рядом с диваном висел золоченного цвета шнурок с кисточкой, накрутив его на палец я лениво дернул шнурок.

— Чего изволите? — спросил кто-то, заставив меня вздрогнуть.

Обернувшись, я увидел у открытой двери слугу.

— Выпить чего-нибудь легкого, — сказал я.

Адмирал уже пришел в себя, и тоже откинувшись на спинку дивана, о чем-то думал.

Когда слуга вышел, он спросил:

— Откуда вы?

— Вы про время или страну?

— Про все!

— А вот это извините, я сказать не могу. Только Его Императорскому Величеству. Могу только сказать что мы русские, из России. Время тысяча девятьсот сорок первый.

— Потомки... пришли вы ко мне не просто так. Что вы хотите?

— Встретиться с Императором.

— Но для этого же есть секретариат, — недоуменно сказал адмирал.

— Это конечно так, но по мы из будущего, и все шпионы, которые работают в близи Императора нам известны. Поэтому были вынуждены обратиться только через вас для прямой встречи.

— Почему именно я?

— Герой Крымской войны, не может предать... — сказал было я, но был прерван открывающейся дверью. В кабинет въехала тележка, которую вкатил слуга. Быстро расставив на столике у дивана пару бутылок красного вина, и несколько тарелок с салатиками и фруктами.

— Можете быть свободны, — нетерпеливо приказал адмирал, и как только слуга вышел спросил: — Герой войны? Крымской?

— Как много вопросов и как мало ответов, — улыбнулся я, но ответил, на требовательный взгляд адмирала, взяв один из бокалов и протягивая его адмиралу: — Крымская война тысяча восемьсот пятьдесят третий-тысяча восемьсот пятьдесят шестой, или Восточная война — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму... э-э-э, — завис я, так как дальше просто прочитать не успел. Поездка от дома была быстрой, да и трясло там не милосердно.

— И это все?

— Что успел прочитать то и рассказал. Вот здесь полный рассказ, правда я сам с трудом разбираю что тут написано, — сказал я и встав, стал расстегивать мундир. Достав тоненькую стопку бумаг, я отдал ее в жадные руки Нахимова, который немедленно углубился в чтение.

— Тут краткая история Крымской войны, и ваша биография, — сказал я застегиваясь.

Почти на полчаса застыл над бумагами Нахимов.

— Господин адмирал. Павел Степанович... время! — постучал я по наручным часам, чем заинтересовал адмирала, на миг оторвавшегося от чтения.

— Я вас слушаю, Александр Геннадьевич, — с трудом отложив бумаги в сторону, сказал адмирал.

— Я бы хотел сказать, что не стоит оставлять гостей на столь долгое время. Основная просьба для вас это ЗАВТРА устроить личную встречу с Императором, но что бы это происходило без лишних ушей.

— Хорошо я сделаю это. Как раз на завтра мне назначена аудиенция у Государя, он попросил задержаться после награждения. Так что завтра я его увижу и передам личную просьбу, без лишних глаз.

— Хорошо. Но вот бумаги я вынужден забрать, если они попадут не в те руки, вы понимаете, что будет?

— Да я понимаю, но нельзя ли?..

— Павел Степанович, вы узнаете все что нужно, по разрешению императора, я вам и так был вынужден показать лишнее. Вот листок тут записан мой адрес. Поверьте, нам крайне важно встретиться с ним как можно быстрее.

— Хорошо. Я подъеду к вам сразу после встречи с Государем, — сказал Нахимов после того как прочитал адрес.

Вернувшись обратно на банкет, где уже обеспокоились долгой пропажей адмирала.

Подойдя к жене, я извинившись перед дамами, спас ее от общения с ними.

— Кушать хочешь? — спросил я ее.

— Ты издеваешься? Как все прошло? — так же тихо спросила она меня.

— Договорились. Завтра адмирал поговорит с Государем, самое сложное это ждать. Солнышко я проголодался... смотри какая курочка на том блюде.

— Желудок бесчувственный.

Немного утолив голод, мы подошли к адмиралу и учтиво поклонившись, сообщили, что удаляемся с этого замечательного праздника.

— Надеюсь, мы еще свидимся, — ответил он, так же поклонившись.

— Фу-х, все домой, — велел я Демьяну, залезая в пролетку.

Минут за тридцать мы долетели до закрытых ворот моего дома.

— Отворяй, его сиятельство приехали, — тут же заорал Демьян.

Бородатый охранник, видимо один из нанятых сегодня внимательно нас осмотрел и, убедившись, что действительно свои, отворил ворота.

— Молодец, — похвалил его, когда проезжал мимо. Надо будет познакомиться со всеми бывшими солдатами.

— Как все прошло? — первым делом спросил Андрей, как только мы вошли в дом. Я посмотрел на Зинаиду Захаровну и укоризненно на Андрея, разве можно задавать такие вопросы при посторонних.

— Все в порядке, он удовлетворил мое прошение, — официальным тоном сказал я.

Андрею этого хватило, поэтому кивнув, он сказал:

— Ужин готов, накрывать?

— Накрывайте. Где профессор?

— Да все там же. Как получил новую пачку бумаги, так мы его вообще не видим. Все какие-то даты вспомнить пытается.

— Понятно. Слушай Андрей, я вот что думаю, тебе не кажется, что эти два дня охрану дома лучше вести в усиленном режиме?

— Уже. Дом охраняет три человека, пока остальные отдыхают, так что с этой стороны не беспокойся, парни опытные, знают что делать.

— Хорошо. Да и пригласите Карла Фридриховича к ужину, в конце концов. А то мы это бледное приведение уже пол дня не видели, — сказал я, доставая из-за пазухи стопку бумаги.

— Ну что, тихо? — спросил я к двум часам следующего дня.

Стоящий у окна Андрей в полном снаряжении осназа, спокойно ответил:

— Тихо.

— У адмирала назначена встреча на одиннадцать часов. Три часа прошло, видимо тут все делается без спешки.

Приехали за нами только через полтора часа. Среди солдат лейб-гвардии выделялся военно-морской мундир адмирала Нахимова. Он лично приехал с приглашением от Императора Всероссийского.

— Выходим, — сказал я, оглядывая всех присутствующих в комнате. Кроме своих, в ней никого не было.

Роли уже были распределены, поэтому подхватив сумку, мы с профессором направились к выходу. Аля и Андрей обеспечивали наш тыл, так что насчет этого мы не беспокоились. У нас было семь дней, для работы с Императором. Именно столько я выделил времени перед отправкой обратно в сорок первый.

Открыв дверь, я вышел на крыльцо дома, к которому уже подходил Нахимов, его сопровождал гвардейский офицер в каком-то звании.

— Здравствуйте, Александр Геннадьевич. Прекрасный охотничий костюм, — сказал Нахимов, осмотрев мой камуфляж. Профессор был в местном одеянии.

— Здравствуйте, Павел Степанович. Это военная форма, — коротко ответил я, мельком глянув на остановившегося рядом с адмиралом офицера.

— Вы можете говорить при полковнике Оболенском, он в курсе, — понял меня адмирал.

— В наше время войны идут совсем по-другому, и приходится подстраиваться под нее, это касается и формы. Чем незаметнее солдат или офицер, тем лучше.

— А парады? Балы? — спросил полковник.

— Для этого есть парадная форма, сейчас я в полевой, — так же коротко пояснил я.

— Понятно, — протянули офицеры, задумчиво рассматривая мое одеяние.

— Чаю, кофе? — спросил я.

— Нет, Государь ждет, очень вы заинтересовали его. Поэтому прошу в карету, не откладывая ни на минуту, — ответил Нахимов. По-видимому, они действительно торопились, даже гвардейцы, которые остались за территорией, продолжали находиться в седле.

— Ясно. Это даже лучше. Профессор, прошу вас на выход, — крикнул я в глубину дома, Карл Фридрихович не выходил, ожидал моего сигнала внутри.

'М-да, явление Христа народу!' — подумал я, когда профессор с сияющими глазами вышел на свежий воздух, и стал долго трясти руку адмирала, здороваясь, при этом говоря, что ему никто не поверит, что он здоровался с таким легендарным человеком.

— Карл Фридрихович, может все-таки поедem? — спросил я, указывая на карету, которая стопроцентно была из каретного двора Императора, слишком дорогая на вид.

— Да-да, конечно.

Наконец мы вчетвером, даже полковник со своей саблей уместился довольно комфортно, выехали со двора и трясаясь по брусчатке направились в неизвестном направлении. Я и вправду не знал куда, шторы были закрыты.

'Удивительная выдержка у человека, знает, откуда мы, а ничего не спрашивает!' — уважительно подумал я о полковнике.

Ехали мы почти час, постоянные повороты не давали определиться, куда мы едем, но меня это особо не волновало. Как привезли, так и отвезут обратно. Главное чтобы план сработал, и Государь адекватно встретил потомков.

В отличие от меня, профессор не был так спокоен как я. У него был зуд ученого, и хотя он не был историком, сдавал только общее направление, единственное, что у него было, это хорошая память, и он действительно помогал делать курсовую другу об этих временах, так что кое-что запомнил. Так вот видя исторических персонажей, он аж подпрыгивал от нетерпения что-то спросить. Хотя это может быть такие дороги, меня тоже подбрасывало.

Наконец мы остановились, и полковник прервал затянувшееся молчание:

— Приехали. Прошу вас господа следовать за мной, — после чего первым вышел из кареты.

Карета остановилась ровно у больших двустворчатых дверей, так что нам пришлось сделать всего два шага, чтобы войти через открытые двери в большое помещение, где лакей принял шляпу профессора и легкую накидку. Адмирал с полковником только сняли... нечто, что они носили на головах, и держа их в руках проследовали в следующее помещение. А вот там была охрана, причем сразу было видно, что хлеб они едят не зря, нас быстро обыскали, извлекли у меня штык-нож, из наплечных ножен, и на этом обыск закончился. Почему-то сумку профессора они заглянули только мельком, увидев, что там только бумаги закрыли ее.

"Зря хвалил!" — подумал я.

— Прошу за мной господа, — указал нам на дверь полковник, и прошел в следующее помещение, с шестью дверями, подойдя к тем, где стояли двое гвардейцев, он что-то сказал, те мгновенно вытянулись и застыли.

Лично открыв дверь, полковник вошел, мы с замыкающим нашу процессию Нахимовым, вошли вслед за полковником, в красиво оформленное помещение.

"Черт. Хочу себе так же квартиру оформить!" — была первая моя мысль, как только я вошел. И только потом я осмотрелся.

Кроме меня, профессора, адмирала и полковника, в этом я бы не сказал что большом помещении, находилось еще три человека. Один стоял у окна спиной к нам и наблюдал за чем-то, чего я со своего места не видел. Другой сидел за столом и что-то деловито писал, третий ходил с места на место и о чем-то усиленно думал.

— Ладно, сдаюсь, кто из них Император? — спросил я у профессора. А так как голос я и не думал понижать, то обернулись ко мне все.

— Вроде тот, что у окна, — тихо ответил он.

"Тот, что у окна" с интересом смотрел на нас холодными глазами, что-то обдумывая.

— Да? — с сомнением спросил я.

— Кхм, — прочистил горло полковник, и сказал: — Государь, разрешите представить вам полковника Демина, Александра Геннадьевича, и его спутника профессора математических наук, Карла Фридриховича Трауперга.

Представив нас, он коротко представил и Государя:

— Император Всероссийский Николай Павлович.

Несколько секунд мы с интересом рассматривали друг друга, после чего я не опуская глаз, спокойно сказал:

— Приятно познакомиться ваше Имперское Величество, — видимо я сказал что-то не так, как раздались тихие смешки, перешедшие в хохот.

— Прошу, — указал нам Император на стулья, сам же сел в кресло, буржуй, я его себе присмотрел.

Мы сели на стулья, и пока никто ничего не успел сказать, решил брать быка за рога:

— Ну что, начнем?

Двое неизвестных, которых почему-то не представили, видимо по приказу Николая Первого, оказались генералом-фельдмаршалом Паскевичем, и министром финансов графом Киселевым. Видимо это были его доверенные лица. Выпив еще бокал сока, местные почему-то удивились, что я не пью, и лакеи принесли яблочного сока, я осмотрелся. Правитель со своими людьми, продолжали о чем-то говорить с профессором мы же с адмиралом сидели на диване и стульях и лениво переговаривались, не участвуя в

разговоре. Николай Павлович быстро выяснил, что информацией я не владею, и затер меня в сторону, общаясь только с профессором. Пока ему нужна была информация о будущем, о политике он будет говорить со мной, так что я не особенно беспокоился. Однако наговориться за такой короткий день они не успели, поэтому нам были предоставлены комнаты.

Закончили они только через три дня, я вообще-то на два рассчитывал, но и так пойдет.

— Прошу вас Александр Геннадьевич, присаживайтесь, — указал Государь на кресло перед собой.

Нас теперь разделял только маленький столик, поэтому открыв сумку я достал ТТ и покачав его в руке, протянул Императору, со словами:

— Это вам подарок от меня лично.

Император принял его с охотой, я бы даже сказал с очень большой охотой, так как сведения о прорыве на военном поприще знал уже хорошо. Быстро показав как разбирать оружие и снаряжать его, положил на столик кобуру и два магазина.

— Патронов извините много дать не могу, но пятьдесят штук у нас есть, — сказал я, высыпая их на столик.

— Я так понимаю вы что-то за этот подарок хотите? — спросил лукаво улыбаясь Государь.

— Ну что вы из меня англичанина делаете, это ведь их суть подкупам решать свои проблемы... но в этот раз вы правы, вернемся к этому разговору попозже?

— Хорошо. Но теперь я вас слушаю, у вас ведь есть какое-то предложение? Судя по тем движущимся картинкам в вашем механизме, это предложение будет интересным.

— Ну да. Как вы уже знаете есть двухсторонний проход, от вас к нам и наоборот, поэтому возможно предпосылка к дальнейшему сотрудничеству.

— То есть в союзники? — поморщившись, спросил Император.

— Да.

— Мне не доставит удовольствия общаться с теми, кто убил моих потомков.

'Уф, молодец профессор, смог повлиять на Императора. Выложил будущее так, чтобы он не сильно разгневался. Молодец'

— Тут вы немного не правы, я сам монархист, но все равно вынужден признать, что они делают все для развития государства, а убийство ваших потомков вообще темное дело. Коммунистам это было ненужно, они взяли власть у тех, кто и уничтожил ваших потомков, так что это работа кого-то из верхушки. Сталин хозяйственник, и вы должны понимать, что будет при вашем союзничестве.

— Я это понимаю. Карл Фридрихович все достаточно точно описал. Ладно, какое у вас предложение?

— Только одно, — ответил я, подходя к большому глобусу на толстой ножке, после чего спросил: — Как МЫ будем делить этот шарик!

— Интересный вопрос! Что вы имели ввиду?

— Контрибуция. Главное чтобы они напали на вас, а дальше уже наше дело.

— Контрибуция? Я вас правильно понял?

— Ну да. Видите ли какое дело. Пока в вашей стране крепостное право, сотрудничество с нашим правительством будет несколько... э-э-э

— Затруднено? — подсказал правитель.

— Да... У меня вопрос, что вам рассказал Карл Фридрихович о времени с тысяча девятьсот, по тысяча девятьсот сорок первый?

— Не так много как хотелось бы.

— Давайте я расскажу, как все было. Своими словами, а то знаю, как может рассказывать профессор, уши пухнут.

— Пухнут?

— Это такое выражение, означает невозможно слушать. Так вот...

Император слушал внимательно, кое-где согласно кивал головой, в каких-то местах хмурился, но не прерывал, слушал молча.

— Мне в первый раз попадается такой хороший слушатель, — несколько озадачено сказал я через три часа. Был полдень, и нас пригласили на обед.

Позже мы продолжили.

— ...таким образом, вливание в инфраструктуру Российской Империи бессмысленно. Разворачивают.

— Значит только военное сотрудничество?

— Ну почему, торговое, мы вам даем все технологии, а выстроите заводы и создаете все что нужно по потребности, только на мой взгляд. Все это бессмысленно! Я же говорю, разворачивают.

— Вы в этом уверены?

— Это ваша фраза, 'в России не ворую только я'?

— В первый раз слышу, — коротко ответил правитель.

— Значит, позже скажите. Так вот. Для того чтобы получить контрибуцию, эти государства должны напасть на Россию. Как я уже говорил мы идем на помощь согласно союзному договору, и прибираем их земли. Думаю, двух армий хватит. Это около трехсот тысяч человек. Продолжим?

— Да.

— Что бы они напали на вас, не нужно делать НИЧЕГО, пусть все идет своим чередом. Можно делать некие нововведения, но чтобы это не отразилось на их планах.

— Не любите вы англичан.

— А за что их любить? — изумился я, и добавил: — Их уничтожать надо.

— Продолжайте...

— Ну что все готово? — спросил я оглядываясь. Время было вечернее, и хотя солнце еще не взошло, в лесу уже было темно.

— Замеры мы сняли. Вы говорите три метра и шесть сантиметров в высоту должна быть насыпь железной дороги?

— Да, не забудьте главное. Чтобы колея могла держать массу не мене двухсот тон, это важно, — ответил я, наблюдая за сборами своих спутников, они еще раз проверяли мешки с едой и амуницией.

— Мы это уже обговаривали, продолжим замеры, — сказал человек Императора, который будет тут вести железную дорогу. Ширину колеи мы тоже обговорили. Железная дорога была новым делом на Руси, и работали на ней в основном иностранные подданные. Удивительно, что хоть одного русского инженера смогли найти. Нет, на самом деле дорогу будут вести иностранные инженеры. Но замеры снимал наш, местный Ваня.

Всего в России о нас знали двадцать шесть человек, и к каждому был представлен охранник. Два года, именно такой срок мы установили, для продолжения дальнейшего сотрудничества. Через два года мы вернемся, и посмотрим смог ли Император хоть немного изменить ситуацию в стране.

— Готовы? — спросил я, когда совсем стемнело. Шесть фигур в простой, и трое в камуфляже подтвердили, что они готовы. Мы шли не одни, император навязал нам своих сопровождающих, и один из них адмирал Нахимов был его представителем.

За пять дней многочисленных словесных баталий мы с Николаем-1 все-таки пришли к единому мнению. Он нас не устраивал обоим, но мы решили, что это самое лучшее из возможных союзов.

И вот шесть человек дополнили нас. Профессор оставался. После некоторых колебаний, я решил все-таки оставить Трауберга в царском мире. Так будет надежнее.

— Стремянка готова? Тогда начинаем!

Я забрался на стремянку и активировал Аномалию. Почти сразу раздался несколько изумленных восклицаний, но все быстро стихло. Андрей знал что делать, поэтому просунув стремянку на ту сторону он попытался установить ее, но слышался только характерный бульк.

— Черт, а ведь там река, — вполголоса сказал я. Мы как-то не продумали эту ситуацию.

— Угу, как и в прошлый раз, где мы приземлились, — тихо подтвердил Андрей.

— Время. Ты первый прыгаешь. Давай.

Мои спутники по очереди с помощью стремянки прыгали на ту сторону, наконец, остался я один.

— Надеюсь, еще увидимся граф, — сказал я человеку царя, и единым махом перемахнул через портал Аномалии.

Вода была теплой, но дна я не достал, вынырнув, стараясь делать все бесшумно, тихо поплыл к берегу, где уже были видны человеческие фигурки, некоторые из них в исподнем. Похоже, люди выжимали одежду.

— Александр? — окликнула меня Аля.

— Да, я это, — шепотом ответил я.

Старательно высушив оружие, мешки, и продовольствие, мы собрались и компактной группой последовали за Андреем, углубляясь все дальше в лес. Прежде чем куда-то двинуться нужно узнать, где мы, поэтому Андрей и искал место для лагеря. С той минуты как мы попали обратно в СССР, он принял на себя функции разведки, так что найдя в ночи поляну, мы не разжигая огня устроились на опушке, и стали устраиваться на ночь, выставив караульных.

Теперь можно сказать о своих новых спутниках, что нам дал собой Император Николай-1.

Про Нахимова я уже говорил. Основная его задача была не только быть представителем правительства Российской Империи, но и изучить новейшую на данный момент тактику применения морских сил.

Пятеро остальных, офицеры, все полковники разных родов войск. Их задача та же, как и у адмирала. Учиться.

Первый: невысокий коренастый мужчина средних лет, немного похожий на актера Табакова в молодости, полковник от кавалерии, Игорь Миронов, из помещиков.

Второй: полковник от артиллерии, Александр Волков, потомственный дворянин.

Третий: полковник, пехотные войска, Игорь Зарубин, потомственный дворянин.

Четвертый: полковник, саперные войска, инженер Алексей Кузнецов, потомственный дворянин.

Пятый: капитан первого ранга, Михаил Ульянов, потомственный дворянин.

Вот и все. Более чем уверен, до того как их отправили в эту 'экспедицию' никто их них не был полковниками, майоры не больше.

Трое из них, Зарубин, Кузнецов и Миронов, стопроцентно успели где-то повоевать, видно по их неприхотливости и спокойствию.

Ночь прошла спокойно, и наступило утро. Посмотрев на стоявшего на часах Ульянова, который тихо ходил от одного дерева к другому, я потянулся и встал. Андрея на месте уже не было.

— Где? — тихо спросил я у каперанга.

— Ушел на разведку, — так же тихо ответил он.

Сходив и приведя себя в порядок, я велел будить остальных. Командир проснулся, значит и остальным вставать пора. Сонная Аля, недовольно посмотрела на меня, но как и все тоже ушла в кусты, только в противоположную сторону.

— Идет, — негромко сказал продолжавший стоять на часах Ульянов.

И действительно к нам быстро шагал Андрей, держа в руках автомат.

— Что? — спросил я у него

— То же место. Село на месте. По нему определились. Тут дорога не далеко, можно попытаться добыть транспорт.

— Да, возможно ты прав, не больно охота идти пехом столько километров. Собираемся.

Дорога, что нашел Андрей была малоезжая, и это наводило на мысли о том что она заброшена, однако следы телеги двухдневной давности как определил полковник Зарубин, показывало что ей еще пользовались.

— Идем рядом с дорогой. Направление на восток. Андрей пробегись пока вперед, посмотри что там, а мы за тобой.

Следуя за Алей, я задумался. После чего пропустив всех, попрердержал каперанга Ульянова за рукав. Он понял, что я собираюсь с ним поговорить и остановился.

Как только спина замыкающего, удалилась метров на пятьдесят, я тихо спросил:

— Жандарм?

Несколько секунд порассматривая меня, он кивнул.

— Ну я так и понял. Повадки не скроешь, да вы их и не скрываете. Что за цель, тоже обучение?

— Да. Ваши войска госбезопасности и контрразведки. Адмирал в курсе.

— Понятно. Ладно, следуем за остальными.

Через три километра дорога влилась в крупную гравийную, которая вела на мост. Лежа в кустах, мы наблюдали за активным движением техники. 'Попаданцы из прошлого' с искреннем любопытством наблюдали за самобегающими повозками, нас же привлекли не машины, проскакивающие мимо, а крупный мост со следами активных бомбардировок. Да и не только следов. В ста метрах от нас на берегу реки можно было отчетливо рассмотреть обломки самолета. На уцелевшем крыле была видна красная звезда. Да и форма у охраны и зенитчиков был такая знакомая серая. Так что мы точно попали куда нужно. Пять из восьми зенитных автоматов были целы, а вот от трех остались только перекрученные железки в окружении воронок.

— Неплохо тут наши порезвились. Мост, похоже, только отремонтировать закончили. Видите, ремонтники все еще по опорам лазают? — спросил Андрей.

— Вижу. Думаешь, вчера налет был?

— Угу, вечером.

— Как переправляться будем? Нам на ту сторону надо.

— Сейчас осмотримся и решим. Вы с гостями отойдите подальше километра на полтора по берегу, а я вас найду, — сказал Андрей и, подхватив автомат, исчез в кустах.

— Уходим! — тихо приказал я по цепочке и мы стали отходить. Андрей прибежал через час.

— Быстро уходим. Облава!

— На нас? — вскочив, спросил я.

Гости защелкали курками своих допотопных ружей, тревожно поглядывая на нас.

— Нет, но, похоже, кого-то из наших гонят.

— Понятно. Они на этом берегу?

— Видел на этом, что на другом творится, я не знаю.

— Готовимся к переправе. Раздеваемся.

Переправились мы быстро. Одев сухую одежду, которую переправили на вязанках хвороста, мы рванули дальше, следя чтобы никто не отставал.

Андрей, который разведывал дорогу впереди, быстро вернулся и сказал:

— Фельджандармерия. Трое с мотоциклом, прячутся в кустах.

— Шансы?

— Хрен подберешься, опытные сволочи. За тылом следят, что-то их напугало.

— Обходим и идем дальше.

Обойдя жандармов по большому кругу, мы пересекли дорогу и снова углубились в лес. Нытья от наших гостей я не слышал, делали все по приказу, как и было велено, четко понимая, что мы тут главные.

На третьем километре от дороги с жандармами, адмирал стал заметно сдавать. Марш-броски морские офицеры тогда не выполняли, всё больше увлекались перетягиванием каната, да и то — в молодости, и это дало о себе знать. Дав людям небольшой отдых, я приказал двигаться дальше. Когда лес закончился, мы вышли в поле, по которому двинулись дальше. Приходилось частенько прятаться, чтобы не быть обнаруженными, но мы все равно двигались в нужном нам направлении. И через четыре километра, когда мы спустились в небольшую ложбинку и встали на часовой отдых, послышались завывания мотора. К нам приближалось явно что-то грузовое.

— Грузовик. Андрей! Берем его!

Все прошло как по маслу. И хотя мы не знали сколько народу в кузове, работая на свой страх и риск, нам повезло, там оказался лишь один сопровождающий. Дав короткую очередь по кабине, Андрей перевел ствол на кузов, но там тоже все было кончено. Хлопнули ружья Зарубина и Миронова, и спрыгнувший из кузова немецкий солдат упал в дорожную пыль.

— Собрать оружие и амуницию! — скомандовал я, выбегая на дорогу пока нас страховал Андрей.

Полковники сразу завладели немецкими карабинами и стали бегло учиться обращению с ними, под мои слова:

— Именно такое оружие будет поступать к вам согласно договору, так что изучайте.

Мы выкинули из кабины обоих убитых, и уволокли тела в кусты. Пока остальные устраивались в машине, я за минуту показал полковникам, как снаряжать и перезаряжать карабины. Ухватив суть, те довольно быстро проверили магазины, после чего забрались в кузов, где уже сидели и профессор и Аля.

— Давай в кабину, валить отсюда надо.

Мы сели в машину. Заведя ее, я с хрустом воткнул первую передачу и стронул машину с места.

Не обращая внимания на довольно плохую дорогу, я смог быстро разогнать грузовик до пятидесяти, из-за чего она скакала по дороге как ретивый козленок.

— Стой-й-й!!! — заорал Андрей, увидев, как на дорогу выскочила какая-то пятнисто-зеленая фигура.

Польша. 17 июля. 1941 года. Одиннадцать часов дня.

Спецподразделение капитана Лобанова.

— Они нам дорогу перекрыли вот тут, — сказал лейтенант Костин, зам командира группы, ткнув пальцем в пересечение дорог на карте.

— Обойти?

— Болота. Местные говорят, непроходимые.

— Ну, уж если местные говорят... Идем через них, посмотрим какие они непроходимые, — приказал капитан, убирая карту в планшет.

Повернувшись к носилкам, рядом с которыми отдыхали несколько бойцов, он спросил:

— Микулин, что со старшиной?

— Без сознания, товарищ капитан. Минут семь как уснул, — ответил медик группы.

— Осмотри его, через пять минут выдвигаемся... Черт! Если бы рация была целой... эх, — недовольно покачал головой капитан.

Что-что, а с эвакуацией в подобных ситуациях, в штабе ГРУ относились серьезно, но случайный осколок поставил крест на эвакуации, и теперь десяти бойцам приходилось топтать своими ножками, неся раненного.

Путь через болота был очень тяжел, но как ни странно они прошли через 'непроходимые' болота и, отдохнув в небольшом леске, вышли к полевой дороге.

— Машина, товарищ капитан, — негромко сказал один из бойцов, заметив клуб пыли.

— Вижу. Тентованный грузовик, нам как раз такой и нужен. Берем.

'Опель' уже было отчетливо видно, как он вдруг остановился. До бойцов осназа долетела короткая очередь, в которой все легко опознали ППС, и два непонятных ружейных хлопка.

— Это еще кто такие? — удивился капитан Лобанов. Насколько он знал, других групп тут быть не должно.

В это время у грузовика засуетились какие-то фигуры, в бинокль Лобанов отчетливо рассмотрел на нескольких из них такой же камуфляж, как и у его группы, остальные были одеты как местные крестьяне. Глядя, как они вытаскивают из кабины и кузова трех немцев и забирают их оружие, он только удивленно покачал головой. Оружие, что было у 'крестьян' выглядело весьма странно, и хотя до грузовика было двести метров, он рассмотрел это довольно отчетливо.

Вот один из камуфлированных, видимо командир, махнул рукой, и все заняли места в машине. Сам он сел в кабину, на место водителя, вместе единственным бойцом у которого был автомат.

— Товарищ капитан, а там вроде одна баба была, — сказал Костин, опуская бинокль.

— Да?

— Точно видел. Она у борта стояла этими непонятными командовала.

— Тормози их.

В это время набравший уже довольно приличную скорость 'Опель', доехал до них, как на дорогу приподняв над головой ППС, вышел Костин.

От неожиданности я нажал на педаль газа. И без того и так скачущая козлом машина, рванула вперед.

— Наши же!!! — крикнул Андрей, оперевшись о панель ногами. Не знаю, что творилось в кузове, но даже в кабине было фигово.

'Как бы не отбить у предков охоты ездить на машинах!' — подумал я, выжимая тормоз.

— Да понял я. Педали перепутал. Не фиг было в ухо кричать!

Пока мы газовали и тормозили, успели отъехать от места неожиданной встречи метров на шестьдесят. Посмотрев в зеркало заднего вида я, сказал Андрею:

— Сбегай, узнай кто это такие, а мы тебя прикроем. Автомат оставь!

— Может ну их?

— Там вроде наши были. Я пилотку на нем хорошо разглядеть успел, — поморщившись, ответил я.

— Значит наши. Я тоже вроде ППС видел. Разведка?

— Угу. Гэрэушники какие-нибудь. Кто еще тут будет бегать?

Именно с этим разговором мы вылезли из машины и прикрываясь корпусом посмотрели на то место где стоял тот неизвестный. Сейчас там было пусто.

— Что случилось? — услышал я голос Али из кузова.

— Нас остановить пытались. Кто-то в камуфляже.

— Наши?

— Да хрен их знает, не видно не черта. Будьте наготове, мы проверим. Давай, — кивнул я Андрею на кусты.

Держа в руках ППС, я страховал его, пока он не скрылся в кустах, держа наготове ТТ.

Ждать пришлось минут десять, я даже уже начал нервничать, как ветки кустов раздвинулись и на дорогу вышли Андрей с неизвестным, у которого был такой же автоматом, как и у меня.

Подойдя, он кинул руку к виску.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Кости, выполняем особое задание командования штаба фронта.

Судя по всему, Андрей представил меня полковником. Я был хоть и привлеченным сотрудником спецслужб, но полномочия у меня были генеральскими, так что он был не совсем не прав.

— Полковник Демин. Спецотдел 'А', НКВД. Суть вашего задания меня не интересует. Я снимаю вас с него. Теперь ваша задача! Вывести нас за линию фронта к нашим. Задание приоритетное, исполнение немедленно.

— Извините, товарищ полковник, это должен решать командир группы капитан Лобанов.

— Давай его сюда.

Капитан подошел минут через пять, его страховали пара бойцов, я их не видел, но то, что они есть был уверен на все сто, просто отслеживая настороженную реакцию Андрея, уж он то их точно засек.

— Капитан Лобанов, командир группы осназа ГРУ, — отдав честь, представился капитан.

— Полковник Демин.

Главное Разведывательное Управление было сформировано перед самой войной, и пока еще считалось молодой организацией, которая уже показала свои зубы.

Капитану был примерно моих лет, подтянут, в хорошей физической форме, сухощав, но для бойца это как раз то, что надо. Лицо приятно, его слегка портил шрам на лбу, но это добавляло какого-то шарму, так что он смотрелся к месту в этой ситуации. В общем, капитан выглядел как настоящий боец.

— Извините... товарищ... полковник, можно ваши документы?

— Конечно! Пожалуйста, — достав свое из кармана водонепроницаемый пенал, из своего мира, я открыл его и дал удостоверение капитану.

Глядя, как у него полезли брови на лоб, и расширились глаза, понял, что о нашем подразделении капитан знает. Очень интересно. Откуда такие знания?

Поговорив с ним, выяснил, что свое неизвестное задание, про которое капитан категорически отказался говорить, да и я не настаивал, они выполнили, и сейчас как раз возвращались к своим. Их, вообще-то, должен был забрать самолет, но рация вышла из строя, и они шли пехом, да еще и с раненым.

— Грузитесь в машину отъедем, найдем укромное место там и поговорим, — велел я, убирая пенал обратно в карман.

Места в машине хватило, она шла порожняком, так что ничего выкидывать не пришлось. Бойцы быстро положили на дно кузова самодельные носилки с раненым старшиной, и расселись по лавкам.

— Так бойцы, слушаем меня. Эти люди, что сидят рядом с вами, наши возможные союзники. Поэтому общение с ними по минимуму. Ясно? — спросил я, заглянув в кузов.

— Да, товарищ полковник, — хором ответили сидящие на лавках бойцы.

— Хорошо. Вам, господа офицеры, тоже-самое. Общение по минимуму. Лейтенант проследите, — это уже Андрею.

В кабину вместе со мной сел Лобанов.

— Ну что скажешь капитан? — спросил я у него, включив вторую скорость больше не прибавляя газу. Раненого может растряссти. Ехали мы не очень быстро.

— А что вы хотите услышать, товарищ полковник?

— Свою версию событий.

— Странные вы, товарищ полковник.

— О как? Ну, излагай.

— Вы-то свои — это видно, но вот крестьяне-офицеры эти непонятные...

— А вот это капитан не твоего ума дела, могу только сказать... Все это под личным руководством товарища Берии, так что сам думай... Вот вроде нормальное место, сейчас там встанем. Черт! Железка тупая, — ругнулся я, перепутав скорости.

— Да, товарищ полковник, это не 'шишига'.

— Что, на 'Газе' ездил? Дай угадаю, под Казанью переподготовку проходили?

— Так точно.

- 'Шишиги' только там водятся, — кивнул я объезжая кусты.

Видимо это была последняя проверка, дальше капитан общался со мной увереннее.

Впереди нам попался лесок, в который отходила боковая малоезженная дорога. Переключившись на пониженную, я аккуратно загнал машину по ямам и кочкам метров на пятьдесят вглубь леса.

— Давай поговорим, зови своего зама, — велел я, вылезая из кабины.

— Костин, давай сюда. Орхипенко, Лазарчук, Столяров в охранение, — выкрикнул капитан.

Пока бойцы располагались по укрытиям, в кустах вдоль дороги, мы встали у капота и расстелили карту капитана.

— Вы у меня не спрашивайте, откуда мы взялись и как сюда попали, отвечу сам. Если проще, авиа-авария. Дальше, где сейчас находится фронт?

— Вот здесь, товарищ полковник, — ткнул пальцем Лобанов.

— Ясно. Шансы перейти?

— Прифронтовая полоса вся забита немцами, тяжело будет. Шанс, минимальный если только мелкими группами по два-три человека. После бойни что устроили десантники генерала Романова, они сейчас ой как стерегутся.

— Не приемлемо. Тогда... нам нужно вот сюда, — уперся я пальцем в небольшой лесок на карте.

— Рядом с остатками Брестской Крепости? Хм, ну немцы неделю назад тут прошли, если только какие тыловые части расположились... Хотя ничего важного там нет, дорог тоже. Так что вряд ли там немцы есть. А что тут товарищ полковник?

— А вот этого вам товарищ капитан знать не нужно... хотя... схрон там. Обычный схрон с оружием и боеприпасами. Как будете рассчитывать маршрут? Не смотрите на меня так. Я больше штабной работник, чем полевой оперативник, так что группой

командуете вы, назначаю вас своим замом. Моего лейтенанта не трогайте, он из моей личной охраны, так что только своим силами.

— А остальные?

— Тоже кабинетные работники, на них не рассчитывайте. Более того их тоже охранять со всей возможной силой, — ответил я, поняв, что он имеет в виду Алю и профессора.

— А... хм... союзники?

— Охрана и изолирование от всего... И да, в случае если мы... хм... попадем в плен ваша задача не дать нам этого сделать. Всеми возможными средствами.

— Даже?..

— Именно. Это в особенности. И помните, именно я не должен попасть в плен, вам все ясно? — спросил я, как заметил за спиной одного из бойцов фигуру в глубине леса.

— Так кто-то есть... Взять его!!! — рявкнул капитан проследив за моим взглядом.

Пяток бойцов бесшумно растворились среди деревьев. Через две минуты передо мной стоял человек, в котором я без труда опознал советского летчика. И судя по драному и грязному летному комбинезону сбили его давненько.

— Кто такой?

Этот простой вопрос вызвал странную реакцию, из него как будто выпустили воздух, и он облегченно выдохнул:

— Так вы наши? Свой?

— Вы что с ним не разговаривали? — удивленно спросил я у бойцов, те только покачали головами.

— Свой-свой. Истребитель?

— Нет. С 'Пе-2' мы, бомбардировщика.

— Мы? Еще кто-то есть?

— Да, командир экипажа. Разрешите представиться? Лейтенант Махонин, штурман. Командир, капитан Вилков в двух километрах отсюда, раненый.

— Лобанов займись ими.

'Пешку' сбили аж восемь дней назад. Как они питались? Я глядел на отощавшее лицо лейтенанта и понял, выживали, как могли.

— На подножном корму, товарищ полковник, — ответил Махонин, поняв мое выражение лица.

— Ну, я так и понял. Грузитесь в машину. Ехать пора, — кивнул я на грузовик, который загнали в лес и замаскировали. Летчика накормили запасами из Царского мира, правда, не много, но хоть это.

Бойцы споро загрузили летчика, запрыгнули сами и мы поехали за капитаном. Много проехать не успели, через километр в заднюю стенку кабины застучали.

— Тут недалеко, товарищ полковник, — подбежал к кабине штурман, махнув рукой куда-то в глубину леса.

— Хорошо, — кивнул я, заглушив машину, после чего повернувшись к Лобанову, приказал ему выделить несколько бойцов в сопровождение.

Пока я загонял машину задом в лес и маскировал, вернулись посланные бойцы с летчиками. Капитан был плох, очень плох. На мой вопросительный взгляд, медик отряда только покачал головой, тихо пробормотав:

— Похоже гангрена, его нужно срочно на операционный стол.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю, похоже, что нисколько. Резать руку надо, омертвление пошло.

Посмотрев на рану, с которой фельдшер снял старые бинты и поморщился. Рана действительно не вызвала ничего хорошего.

— Почистить сможешь? — с надеждой спросил я. От летчиков мы отошли, и они нас не слышали, только тревожно посматривали в нашу сторону.

— Шансы живым довести есть? — деловито поинтересовался у задумавшегося фельдшера, подошедший капитан Лобанов. Он тоже не строил иллюзий о состоянии раненого.

— Нет, товарищ капитан, не довезем мы его, резать надо, — наконец решительно выдохнул фельдшер.

Осмотревшись, капитан повернулся ко мне и сказал:

— Не подходящее место для длительной стоянки, товарищ полковник. Найти могут и зажать.

— Значит нужно искать подходящее. Выдвигаемся. И найдите наконец водителя среди своих бойцов, а то не жирно, что вас целый полковник катает?

Полевая дорога восточнее Варшавы. Майор Зорге.

— Сколько там еще ефрейтор? — недовольно спросил майор Отто Зорге.

— Пять минут, герр майор, сейчас все сделаем, — напряжено проговорил водитель, с натугой закручивая очередную гайку. Им не повезло проткнуть колеса с левой стороны почти в конце маршрута. До госпиталя оставалось всего четыре километра. Как русские говорят: 'рукой подать'.

Сейчас грузовой 'опель', на котором Зорге попутно добирался до родной части просев на правую сторону, задрал вверх левую. У запасливого водителя было два запасных домкрата снятых разбитых машин русских, так что он мог себе это позволить. Без особого интереса понаблюдав, как водитель клеит шину, Зорге отвернулся и стал наблюдать за большим польским селом вдали, не обращая внимания, как водитель бортует очередное колесо.

Появившаяся вдали машина, ехавшая как раз со стороны Варшавы, вызвала небольшой интерес, но и только. Поворот на госпиталь через полкилометра, поэтому ожидать, что его подберут, майор даже не надеялся. Тем более помнил последний приказ по армии, запрещающий подбирать попутчиков из-за активной диверсионной деятельности русских. Сколько таких одиночных грузовиков так и не вернулось? Много, очень много. Поэтому сколько же удивился майор Зорге, когда пропыливший было мимо такой же, как у них грузовой 'опель' вдруг остановился и стал сдавать назад.

Насторожившись, майор положил руку на кобуру, внимательно осмотрев приближающуюся машину. Несколько мелких точек на пропыленном борту, так похожих на пулевые отверстия и закрытый тентом кузов немного напрягал.

Бросив быстрый взгляд на продолжавшего работать ефрейтора, которого подозрительная машина ни сколько не напрягла, майор напряженно посмотрел на кабину грузовика.

Крик на русском, который майор довольно неплохо знал, был хоть и неожиданным, но все равно внезапным:

— Работаем!!!

Взметнулся вверх тент у заднего бота и на дорожное покрытие выпрыгнули несколько фигур в странной зеленой пятнистой форме.

'Русские диверсанты!' — с ужасом понял майор, судорожно дергая клапан кобуры, мысленно матерясь, что не сделал этого раньше.

— Алярм!!! — только и успел крикнуть он, как был свален на пыльную дорогу.

Как не странно, обращались с ним довольно бережно. Даже связанным аккуратно положили в кузов, правда не забыли разоружить и осмотреть карманы. Сколько в кузове

людей Зорге не знал, повязка на глазах не давала, но раненые точно были, запах ни с чем не спутаешь. Плохой запах.

— Вот, Павел Степанович, подарок вам. Трофей. Еще горячий. 'Парабеллум' немецкий. Владейте, — достаточно громко кто-то сказал у заднего борта.

— Благодарю вас, Александр Геннадьевич. Ценный подарок.

Зорге понял что эти наглые русские уже успели подарить кому-то его же оружие.

— Пожалуйста. Сержант, передайте свежий карабин тому попутчику что справа. Разгрузку тоже не забудьте... и кому там оружие еще не хватает?

Что ответили неизвестному русскому, майор не расслышал, раздалось несколько бормотаний. Через минуту машина несколько раз качнулась, когда в кузов попрыгали схватившие его солдаты, хлопнула дверца и, чуть дернувшись 'опель' куда-то повез их. Судя по передвижению, несмотря на стоны раненых, русские очень спешили.

— Еще одна машина... Смотри-ка и тоже с колёсами. Гвозди разбросали что ли?! Вторая машина уже, — пробормотал я, глянув на промелькнувший мимо раскоряченный на нескольких домкратах грузовик.

— Стой!!! — вдруг крикнул Лобанов.

Аккуратно притормозив, после крика Андрея у меня уже появился некий иммунитет к подобным крикам.

— Ты чего?

— У офицера медицинские эмблемы.

— Точно? А то я в этих шнурах не сильно понимаю.

— Точно. Майор, медик.

— Понятно, тогда сдаем назад, — пробормотал я.

Пока я аккуратно с подгазовками сдавал назад, капитан простучал по кабине определенный код.

Когда мы выбрались из кабины уже все было кончено. Водителя закинули в кузов его же машины, а майора спеленав, положили в наш кузов.

Подхватив желтую кобуру с пистолетом я открыл ее, и вытянув немного пистолет в котором без труда опознал 'парабеллум' взял и подарил его Нахимову.

Карабин убитого водителя отдали каперангу Ульянову. Без современного в их понимание оружия оставался пока только полковник Кузнецов.

Бойцы споро осмотрев захваченную машину, радостно продемонстрировали мне несколько ништяков. Первой и главной была сумка майора с явно чем-то медицинским, вторым, ящик с мясными консервами, и цинк патронов к карабинам.

— Уходим, время, — скомандовал Лобанов.

Я только кивнул согласно, мы действительно подзадержались тут. Дорога хоть и не особо загруженная, но автоколонны с прикрытием нам уже дважды попадались, так что нужно сваливать.

Сев за руль, нажал на кнопку старта. Поиски среди бойцов, водителя отменил сразу же. Толку снижать боеспособность группы, сажая за руль бойца, так что решил сам продолжать управлять грузовиком. Так распределение сил было более результативным. Стыдно признать, но я как боец не особо котировался.

Майор Зорге. Неизвестная поляна.

Несмотря на то, что майор тщательно прислушивался, русские ехали молча. Нет, кто-то конечно говорил, но это было ближе к кабине и он ничего не смог разобрать, кроме нескольких обычных повседневных слов.

Ехали не особо долго, но быстро. После того как машина переваливаясь на колдобинах и шурша тентом о ветки въехала в лес, Зорге понял что скоро все решиться.

После того как машина заглохла, его вытащили из кузова и развязали. Сдернув затекшими руками повязку с лица, майор осмотрелся.

— Где я? — поинтересовался он у офицера русских. То, что это офицер он был уверен, выправка выдавала. Однако к его удивления ответил другой, в такой же форме, но без видимых любому армейскому черт присущих кадровым военным. Себя Зорге считал — именно кадровым.

— О, я смотрю вы говорите по-русски? Это хорошо. Вы хирург?

Показалось или нет, этот тридцатилетний шатен, с чуть насмешливыми глазами, напрягся ожидая ответа.

— Хирург, — кивнул Зорге.

— Тогда, у меня для вас есть предложение. Жизнь на жизнь.

— Предлагайте, — вздохнул майор.

— Капитан, раненых сюда!

Глядя как из кузова достают двух раненых, с которыми он оказалось делил пол, Зорге внимательно осмотрел свой саквояж, который русские не забыли прихватить.

— Капитан, займитесь охраной. Фельдшер пусть поможет немцу, остальным помогать собирать операционную, — скомандовал парень.

Пока русский фельдшер готовил раненых к операциям, Зорге быстро огляделся. Пяток русских солдат скрылись в кустах на опушке, пять в крестьянской одежде, девушка, и офицер, другой, помоложе, уселись обособленно. Остальные сустились снимая борта из которых собирались сделать столы. Майору понравилась такая работоспособность, через минуту скелет грузовика стоял под тенью деревьев.

Осмотрев раненных Зорге вздохнул, оба раненых были тяжелые. Самый тяжелый капитан-летчик с признаками гангрены на руке.

— Все готово, можно начинать! — окликнули их от собранных столов.

— Гут! — ответил Зорге, после чего повернулся к стоявшему рядом бойцу с флягой, — полей.

Наблюдая за четкими движениями майора, я покосился на присевшего рядом каперанга Ульянова продолжая держать в руках документы Зорге, которые изучал до этого.

— Вы Александр Геннадьевич всё-таки решили отпустить его? — поинтересовался он.

— Вылечит, оставлю живым. Я слово дал. К тому же я не обещал отпустить его...

— Опасно это, но вы правы, слово офицера превыше всего. Какие у вас дальнейшие планы?

— Думаю пока, какой маршрут выбрать.

Выскочивший из кустов боец подбежал к капитану Лобанову, и стал что-то докладывать ему. Несколько раз кивнув, тот приказал бойцу вернуться на пост и развернувшись на каблуках, быстрым шагом направился ко мне.

— Товарищ полковник. Охранение обнаружило противника. Выгружаются из грузовиков. У нас есть минут двадцать не более.

— Понял, — ответил я поднимаясь: — Командуйте погрузку.

Раненого из группы капитана, майор уже прооперировал и зашил, сейчас он занимался летчиком.

— Майор? Много вам осталось? — сам при этом вопросительно приподнял бровь, глянув на нашего фельдшера, чтобы тот подтвердил.

— Немного осталось. Руку спасти удалось, это хорошая новость. Гангрены не было, была межмышечная гнойная флегмона, но если бы мы не вскрыли ее вовремя... Сейчас зашиваем. Дайте нам пять минут.

Фельдшер кивнул подтверждая.

— Так точно, товарищ полковник. Хорошо, что жизнь спасли, на грани капитан был.

— Заканчиваете, немцы рядом, уходить надо, — приказал я, старясь не смотреть на развороченную рану. Если немец заартачится или начнет тянуть время, фельдшер предупредит.

Посмотрев на лейтенанта-штурмана, который помогал бойцам со сборкой, крикнул.

— Тент не успеем, главное борта установите на место.

Спустя сорок минут, та же поляна.

— Вот, герр гауптман. Это несомненно фуражка майора Зорге. Мы нашли ее дальше метров через сорок по дороге.

Высокий здоровяк в обтягивающей его плотную фигуру немецкой полевой форме Вермахта, протянул помятую фуражку своему непосредственному командиру капитану Леманну.

— Вы уверены фельдфебель?

— Так точно. Тут на внутренней стороне инициалы. Бауэр говорит, что тут были раненые. Русские конечно прибрали за собой, но мы нашли ямку где они закопали перевязочные бинты и... похоже тут была операция, мы нашли поврежденные ткани.

— Что? Говорите яснее Нойманн, — поморщился сидевший на упавшем дереве капитан.

— Похоже, из кого-то вырезали часть мяса. Мерзкое зрелище герр гауптман.

— Видимо для этого им и был нужен майор Зорге.

— Я тоже так думаю. А раз у них тяжелый то, есть шанс перехватить. Герр капитан, вы уже связались с постами фельджандармерии?

— Да. Ни через один пост грузовик без тента не проезжал. Значит, они... — капитан Леманн достал циркуль из чехла и прочертил небольшой круг на карте: — ...где-то здесь.

— Двадцать километров по окружности, — кивнул присевший фельдфебель.

В это время к ним подошел один из лейтенантов роты Леманна.

— Только что сообщила фельджандармерия. Грузовик обнаружен в лесу у села Пшенки.

Прочертив офицерской линейкой полосу от поляны до села Пшенка, капитан задумчиво сказал:

— К Бресту идут. Такими темпами скоро они пересекут границу. Роту по машинам, выезжаем. Предупредите эти две комендатуры, что мы отождем их сюда. Пусть не вмешиваются, — капитан потыкал острием карандаша в нужные места. Ломать язык, выговаривая польские названия сел он не собирался.

— Есть. Вы думаете, они вот тут?

— Уверен. Слева от дороги идут. Не самое удобное место, но это для них к лучшему. Никто не подумает, что они вот так в открытую пойдут.

— Вечереет, скоро стемнеет. Возьмем? — поинтересовался зам командира роты обер-лейтенант Кох.

— Сомневаюсь, но попробовать стоит. Выезжаем.

— К болоту гонят, — запыхавшись, пробормотала Аля. В трех метрах от нас шли офицеры с Нахимовым с оружием наизготовку.

Противно взвизгнув в полете, метрах в пятидесяти упала мина, выбросив комья торфа. Минометный обстрел продолжался уже десять минут, и изрядно нервировал нас, хотя и били немцы не точно. Явно наугад.

— Угу. Главное что в нужную нам сторону.

С той минуты как мы бросили внезапно заглохший грузовик, прошло больше часа. Вечер стремительно вступал в свои права, так что шанс уйти становился не таким призрачным, как я думал.

Перестрелка вдали то стихала, то начиналась вновь.

— Лобанов там, что третью мировую решил начать? Договорились же, пугнет и догоняет нас, — недовольно проворчал я, помогая девушке перебраться через ствол поваленной ели.

После чего стал помогать четырем бойцам, которые несли носилки. Офицеры с адмиралом были в охране. Зорге под охраной штурмана шли рядом с носилками. Кстати, работали царские офицеры хоть и с огоньком, но не очень ловко. Сказывался отсутствие опыта, что успели подсмотреть у разведчиков то и копировали. Хорошо еще, что Андрей взял их под свое командование. Хоть немного растолковал воинские премудрости разведки, или пластунов по их нему.

— Дорога. Черт! Местный! — зло прошипел я, заметив, как какой-то мужичек, стоя на козлах, нахлестывает лошадь длинным хлыстом.

— Поляк местный, — ответил на мой вопросительный взгляд один из бойцов, что шли впереди. Лобанов уходя забрал с собой всего троих, остальные шли в группе. Кто проверял дорогу впереди, кто нес носилки, кто шел боковыми дозорами. Людей не хватало. Этот боец был старшим сержантом и командовал в отсутствии капитана Лобанова и его зама.

— Повозка, — сказал я с намеком. Телега нам бы действительно пригодилась.

— Там Костин, он перехватит, — спокойно ответил разведчик. Местные нам частенько встречались, но мы старались обходить их стороной. Лобанов, как и я, абсолютно не доверял местным.

Однако вместо повозки через минуту из-за поворота показалась тупая морда Круповского грузовика. Поставив одну ногу на подножку, через открытую дверь выглядывал водитель, и махал нам рукой. Звук мотора мы сразу не расслышали из-за начавшейся близкой перестрелки, и тихой работы мотора.

— А вот и Костин. Интересно откуда он грузовик взял? — удивился боец.

— Грузимся в машину, — немедленно скомандовал я.

Присевшие на мгновения группа, пока мы разговаривали, с усталыми лицами, но предвкушением отдыха поднялись и двинулись к машине.

— Докладывайте, откуда машина, — велел я, подбежавшему Костину скребя отросшую щетину на лице.

— Да в нее этот поляк шальной врезался, когда от нас удирал. Вон видите крыло мято и на капоте царапины? Там кроме водителя никого и не было.

— Немецкая?

— Водитель в гражданке был, местные, наверное. О, наши! — заметил боец в загущающейся тьме выбегавших на дорогу капитана Лобанова с бойцами.

Вышли из леса они метров на сто левее нас.

— Быстро в машину сваливаем отсюда, — скомандовал я, и побежал к кабине грузовика.

Вырвались мы удивительно просто, просто нагло если так можно сказать. Разминувшись с тремя грузовиками набитых солдатами выскочили на дорогу, и через пару минут влились в автоколонну с помощью которой и проскочили несколько постов. Останавливали дважды, но машины не осматривали, только проверяли бумаги у старшего колонны. Колонна шла в нужную нам сторону, так что я пока не избавлялся от такой роскошного прикрытия, однако к часу ночи, когда колонна повернула к очередному селу, которая была видимо пунктом их назначения — в другие села через которые проезжали они не останавливались.

— Повезло, что машины не пересчитывали, тогда могли бы попасться, — пробормотал Лобанов, подсвечивая фонариком карту.

— Это верно. Повезло, что машин много было. Заметил, что они даже оправиться не останавливались?

— Заметил. Интересно, что за груз они везли?

Поняв, что немцы прибыли к месту службы мы с выключенными фарами потихоньку отстали и свернули на ближайшую полевую дорогу.

Село осталось километрах в трех справа, сейчас машина стояла в открытом поле освещаемого луной, и некоторые пассажиры оправлялись после долгой езды. Я уже успел сходить, так что спокойно сидел в машине.

— Что скажешь?

— Похоже, мы вот тут, — ткнул пальцем капитан в карту.

Присмотревшись к пятнышку населенного пункта, поинтересовался:

— Сколько нам осталось?

— До Буга?

— Да.

— Километров одиннадцать. Переправляться лучше вот тут. Бродов нет, постов тоже, войска в стороне. Им тут просто нечего делать. Так что идеальное место.

— Да, потом еще сто километров оккупированной территории преодолеть и дома. Ладно, планируй дальнейший маршрут, а я пока пойду, узнаю у Зорге, что там с ранеными. Капитан более-менее пришел в себя, а вот старшина плох, как бы мы не растрясли его.

— Понятно.

— И да, подумайте о захвате радиостанции у немцев. Это шанс вырваться для нас без особых потерь.

— Подумаем, товарищ полковник.

— Думайте. Стоянка час, потом едем дальше, — приказал я, вылезая из кабины.

Пока было время расспросил Зорге о раненых, и отмахнувшись от его возмущений насчет обещаний отпустить его. Напомнил, что ничего похожего не давал, только дал слово, что он останется живым.

— Аль?

— Да?

— Отойдем поговорить надо, а то мы за весь день словом обмолвится не успели.

— Хорошо.

Отойдя от машины чуть в сторону, я спросил:

— Что думаешь о наших шансах прорваться к своим?

— Напекаешь об 'объекте'?

— Да. Слышала, как Лобанов докладывал об обстановке на передовой? С ранеными шансов перейти на своих двоих отсутствуют напрочь. Там идут сплошные бои, немцы стоят тремя-четырьмя эшелонами, и преодолеть их... сама понимаешь невозможно, — пробормотал я, задумчивая потирая затылок ладонью.

— Но портал тоже лучше исключить. Приведем еще кого-нибудь за собой. Да и на той стороне нас наверняка ждут, — достаточно твердо ответила девушка.

— Это верно, но там вроде как свои, может, и договоримся как-нибудь. Понимаешь, я думаю лучше оставить Аномалию на крайний случай.

— А сейчас что решил?

— Хочу напрямь Лобанова на поиски радиостанции. Это уже реальный шанс на переход.

— Ты прав, нужно попробовать, — вздохнув она и тихо прошептала: — Ты забыл сегодня поцеловать меня.

— Ушли? — поинтересовался обер-лейтенант Кох у капитана Леманна.

— Им повезло. Воспользовались заминкой возникшей при охвате. Нам не успели доложить, что ближайший автомобильный мост был вчера сожжен, и подразделению обер-лейтенанта Рихтера пришлось искать объездной путь. По словам местных жителей, они захватили автомашину местного бюргера, и буквально на мгновение разминулись с Рихтером.

Офицеры собрались у машин и, наблюдая за погрузкой солдат, обсуждали свои дальнейшие планы. Из-за обстановки на фронте — несмотря на победные донесения которые шли из штабов армий, усиления им не давали, так что приходилось работать своими силами.

Задумчиво рассматривая карту, Лемман поинтересовался у своих подчиненных:

— Чтобы вы сделали, если бы по вашим следам шла погоня, а вы были бы связаны по рукам и ногам ранеными?

— К бродам и мостам они конечно не сунутся... — задумчиво пробормотал фельдфебель, которого допустили к совещанию в основном из-за огромного боевого опыта.

— Будут искать место переправится через Буг, — согласно кивнул лейтенант Кёниг, командир третьего взвода, охранной роты Леммана.

— Именно. Поэтому выставляем парные посты по всей протяжности бывшей границы от этого моста до этого брода, — поставил метки на карте Лемман.

— На какой стороне? С западной?

— Да. Чтобы их разделяла вода и наши солдаты если заметят русских не дали им переправится.

— Людей не хватит, протяженность большая, — прикинул расстояние Кох.

— Знаю. Придётся поднимать комендатуры ближайших сел. Именно они и будут на постах, а мы будем на усилении. В случае обнаружения реагируем по обстановке.

— Герр гауптман? — окликнули Леманна от штабной машины, привлекавшей к себе внимание большой антенной.

— Да?

— Только что поступило сообщение. В Брест пришел эшелон с двумя ротами литовских ополченцев. В штабе отдали их нам на усиление.

— Отлично, — обрадовался Лемман: — Свяжитесь с их командиром. Пусть выдвигаются к деревне Сосновка.

Подминая камыши, грузовик на небольшой скорости двигался к близкой реке.

— Сейчас завязнем, топко. Тяжело идет, — пробормотал я.

Внезапно капот ухнул вниз и послышался плеск воды. Из-за малой скорости никто не пострадал, так что, выпрыгнув из кабины на большую кочку, я быстро осмотрелся.

Луна неплохо освещала серебристым цветом поверхность воды, изредка покрывавшуюся рябью при легком ветерке.

— Метров сто не доехали, — пробормотал я, после чего повернувшись, скомандовал: - Разгружаемся. С лодкой осторожнее!

Посмотрев, куда мы провалились, разглядел яму наполненную водой.

— Нужно было правее брать, там повыше. До самого берега бы доехали.

— Там местность открытая, машину не спрячешь, а тут ее в камышах хрен разглядишь. Кстати, нужно нарубить камыш, и замаскировать машину. Хотя и немного, но это нам даст времени уйти подальше.

— Есть, — козырнул капитан.

От кузова была слышна тихая ругань, плеск воды, негромкое бормотание.

— Тут переправляться будем? — подошел ко мне со спины адмирал.

Честно говоря, за сегодняшней суматошный день я был ему изрядно благодарен. Никакого протеста или недовольства от нашего положения мы не слышали. Офицеры с честью делил все наши проблемы.

— Да. Тут излучина, удобно.

— Хорошо, пойду, осмотрю место спуска лодки.

Показав двум бойцам на удаляющегося адмирала, послал их за ним, пусть присмотрят.

Место для переправы я выбрал не просто так. В тринадцати километрах находилась памятная деревенька Сосновка, рядом с которой находился портал.

В общем, у нас все получилось. Сперва на тот берег переправилась четверка бойцов на украденной лодке, обследовав берег и не найдя засады или охраны, подала сигнал о переправе. С трудом подняв уставших людей, мы начали переправу. Так что перед самым рассветом мы оказались на советской территории оккупированной противником.

На этом берегу, с деревьями было все в порядке, так что шли мы скрытно.

— Пограничная застава, — пробормотал Лобанов, разглядывая что-то впереди: — А вернее ее развалины.

Встав рядом и тоже наклонив ветку, посмотрел вперед, благо начавшийся рассвет хоть немного рассеял мглу.

— Вижу. Надеюсь погранцы выбрались к нашим. У меня тут знакомые были.

— Да? — удивился капитан.

— Работал я как-то тут перед самой войной.

— Люди устали, нужно отдохнуть.

— Это да, — пробормотал я, обернувшись.

Бойцы свалились, кто где стоял, и сейчас пользуясь секундной передышкой отдыхали. Некоторые уже успели уснуть.

— Обойдем заставу, еще пару километров вглубь леса, и встанем на отдых. Тут как раз до Сосновки километра три будет.

Так мы и сделали. Подняв людей, некоторых с трудом разбудили и повели наш можно сказать отряд дальше, обойдя тянущие гарью постройки по опушке. После чего углубились в лес.

Еще через час, выставив посты, мы свалились тяжелым сном, на нарубленном лапнике. Время подъема я назначил на двенадцать часов дня.

Деревня Сосновка. Семь утра.

Как это не было тяжело признать, но русские ушли. Потерев воспаленные от недосыпания глаза, капитан Лемман еще раз вздохнул, рассматривая карту. Только что он получил нагоняй от своего непосредственного командира подполковника Буркхардта,

после своего доклада. Связь была плоха, но слова хорошо были понятны, так что капитан продолжал обдумывать свои дальнейшие действия.

Вообще-то было странно с этими русскими. Началось все сутки назад, когда одна такая группа уничтожила главного инспектора из ставки Гитлера. Лемман не знал, кому приходился родственником этот генерал, но шум из-за него поднялся преизрядный. Если раньше на действия диверсантов еще смотрели сквозь пальцы, несмотря на панические вопли тылови́ков, то после этого нападения все встало на уши. Честно говоря, Леманн сперва думал, что они напали на след именно тех русских, что устроили диверсию, но после обследования следов фельдфебель Нойманн уверено заявил, что это не те. Да и Леманн это уже понял, в три часа ночи вдруг взлетел на понтонный мост через Буг в сорока километрах правее Бреста. Причем как действовали русские, было не совсем понятно, движение по нему ни на миг не прекращалось. Как сообщил подполковник Буркхардт, на след диверсантов уже напал другой батальон их полка, приказав продолжать поиски непонятных русских. Сам капитан давно бы махнул на них рукой, все равно на передовой попадутся, но приказ есть приказ, и Лемман продолжил размышлять.

Машину диверсантов обнаружили совершенно случайно, хорошо замаскированную у Буга. Она уже заметно просела под своей массой уходя в топкую землю, но все равной успела привлечь к себе внимание случайным блеском бокового стекла.

— Что там Рихард? — поинтересовался он у Коха.

— Нашли следы, уходят вглубь леса. Я хотел было отправить по следам Нойманна, но русские воспользовались небольшой речушкой, чтобы затерять след. Да и собаки след не берут, только испуганно скулят. Видимо они воспользовались волчьим запахом. Сейчас ополченцы и два наших взвода обследуют берега, визуальнo ища, где они вышли на берег.

— Сколько времени следам?

— Несколько часов. Ночные.

— Ясно. Значит, ушли они не далеко. Есть шанс, есть. Пошли взвод вот сюда, пусть перекроют шоссе. Через него они точно незамеченными не переберутся. А так продолжайте поиски, — с просыпавшейся надеждой скомандовал Леманн.

— Откуда они тут взялись? — стараясь не сбить дыхание, зло прорычал на бегу плотный мужик лет тридцати пяти в выцветшей гимнастерке и в фуражке пограничника.

— Не знаю, товарищ старшина, но немцы начали прочёсывать все леса и очень нервные. Мож ловят кого?

В отличие от старшины другой пограничник с пустыми петлицами бежавший рядом успел сбить дыхание. Да и ничего удивительного в этом не было, их обнаружили в девять утра и вот уже два часа гоняли, поэтому не маленькому лесу. Пока шестерых пограничников спасало только великолепное знание местности — все служили на местной заставе — и то, что они из своих новейших самозарядных винтовок выданных за пару недель до войны успели изрядно проредить собак, командиров и двух замеченных следопытов.

— Парни, подтянитесь! Скоро Гнилое Болото, там уйдем тропкой Казимира, — пропыхтел старшина.

— Товарищ старшина, скоро тропа, где мы контрабандистов прошлым летом взяли. Если засесть за березовой посадкой? Отличное место для засады, — догнав командира, озвучил свою мысль младший сержант Вальков, которого командир заставы с большой неохотой оставил с ними.

Старшина даже замедлил бег обдумывая предложение, правда продолжая отслеживать обстановку вокруг.

— А что? Отличная идея. Обойти они нас не смогут, и у нас есть куда отойти. Решено, встретим их со всей широтой советской души, — весело ухмыльнулся старшина.

Вокруг послышались смешки, бойцы в группе собрались опытные, ни одного первогодка, так что стрелять умели отлично.

Вдруг как снег на голову, послышался резкий командный крик:

— Стой! Руки! Кто такие?

— Товарищ полковник? — кто-то потряс меня за плечо, старясь разбудить.

Открыв один глаз, я широко зевнул, и пробормотал, стараясь не разбудить Алё:

— Что?

— Там вас товарищ капитан просит подойти. Срочно.

— Иду, — так же тихо ответил я.

Осторожно освободив плечо, которое Алё использовала как подушку, я уложил ее, стараясь не потревожить.

— Что? — сонным голосом спросила она.

— Кажется, что-то случилось, так что подъем — тихо прошептал я.

— Угу, — протянула она, эротично потянувшись.

Пока боец тихо будил остальных, я постарался привести себя в порядок, плеснув на платок, вытер им лицо.

В ста метрах от нашего лагеря, где находился один из трех постов охраны — было многолюдно. Кроме капитана Лобанова и еще одного бойца, находились шесть незнакомых пограничников со смутно знакомым старшиной, который о чем-то разговаривал с Лобановым. Остальные пограничники отдыхали под тенью большой ели.

— Привет старшина, а Власов где?

Сверкнув глазами, старшина посмотрел на меня со знакомым прищуром.

— А, шпиён? Любитель фруктов?

— Он самый, — хмыкнул я, протягивая ему руку, — извини, не помню как тебя...

— Так вам и не говорили. Старшина Нефедов я.

— Понятно.

— Товарищ ПОЛКОВНИК, — выделил мое звание Лобанов, видимо для старшины, — на хвосте у пограничников до двух рот пехоты висит. Вот-вот будут тут.

— Разведку послали?

— Я уже приказал Костину, товарищ полковник, — кивнул капитан.

— Что же вы такого натворили, что за вами столько народу гоняется?

Капитан прочистил горло, и ответил вместо старшины:

— Видимо на них наскочила одна из цепей прочесывания, вот и погнали пограничников к нам.

— Что же они в нас так вцепились?! — возмущенно поинтересовался я.

— Так мы знаем, товарищ полковник. Взяли одного из преследователей. Литовцем кстати оказался, допросили, советский он понимает. Оказалось кто-то из наших побил кортеж генерал-инспектора германской армии. Вот приказ и пришел достать наших парней любой ценой, — ответил старшина.

— Ясно. Капитан дайте карту, — расстелив на траве карту, поинтересовался у Лобанова, — посты выставили?

— Так точно.

— У них сейчас обед должен быть, товарищ полковник, так что шанс уйти есть, — снова подал голос старшина.

Мельком глянув на часы, я спросил у старшины:

— А что они в одиннадцать часов обедают?

— Так время двенадцать часов семнадцать минут, — удивленно ответил Нефедов.

— У меня одиннадцать. Капитан?

— Так же, — ответил он, мельком глянув на свои часы.

У остальных присутствующих часов не было.

— Ах ты ж! Трофей, товарищ полковник, — виновато пробормотал старшина убирая снятые с руки часы в нагрудный карман.

— Бывает. Так старшина, а почему вас оставили здесь?

— Извините, товарищ полковник, но...

— Да понял я... Давай задам вопрос по другому. В сферу вашего наблюдения попадает вот эта поляна, на которой находятся дивизионные склады. Я прав?

— Да... то есть, так точно! Это один из объектов который мы осматриваем при патрулировании. Но там нет никаких складов, сгорели они. Мы докладывали вышестоящему командованию, но приказ они не отменили.

— Доклаживали? — сразу же уцепился я за слегка смутившее меня слово.

— У вас есть связь? — включился в разговор Лобанов.

— Есть, — уверенно кивнул старшина.

— Где?!

— Там, — махнул Нефедов рукой, — через две роты пробиться и будет связь.

— Понятно, — выдохнул я.

— В схроне рация, теперь уже не скоро до нее доберемся, — расстроенно добавил старшина

В это время к Лобанову подскочил один из его людей, старший сержант Капустин, и что-то зашептал на ухо.

— Товарищ полковник. Противник в полукилометре от нас, — вскочив, известил капитан.

— Уходим. Старшина, рассчитайте кратчайший путь к складам.

— Есть, — козырнул Нефедов, и с Лобановым уселись у карты, не обращая внимания на подготовку к движению.

Через пять минут место нашей стоянки опустело.

— Тут, товарищ полковник, идет тропа контрабандистов, мы хотели за этим склоном встретить и хорошенько проредить преследователей, — говорил на ходу старшина, указав рукой на незаметный за кустарником косогор, действительно удобный для засады.

— Понятно. Хорошее место. Старшина, скажите, почему вы повели нас к складам такой дорогой? Зачем лезть в эти болота? — шлепнув по шее, убивая очередную летающую дрянь, поинтересовался я.

— Напрямую не получится. Там дорогу взвод немцев перекрыл, мы сами чуть на них не навалились, хорошо еще, что незамеченными уйти сумели. А болотами, и уйти можно, и обойти засады. Нет, конечно, могут посты поставить, даже скорее всего замаскированные, но то что они будут сильно сомневаюсь. Не воспринимают немцы нас всерьез, товарищ полковник.

— Ясно. Вот что старшина. Доведешь до места и уходите как можно быстрее. А при очередном сеансе связи сообщи что вернулся 'Объект-восемь' передашь, на словах: ухожу через Брест на двадцать-одиннадцать, был в восемнадцать-пятьдесят один, имел контакт'. Кто нужно поймет. Ясно?

— Так точно, товарищ полковник. Сделаем... А вот и болото.

Все охранение на себя взяли бойцы Нефедова, люди Лобанова впряглись в переноску раненых, так что мы даже смогли взвинтить скорость движения. Болото, почему-то называемое старшиной Гнилым, было не очень большим. Километр, не больше, но топкое. Что есть, то есть. Тропка, по которой нас вели пограничники, вилась по болоту как пьяная. Из-за чего путь удлинился если не втрое, то вдвое точно.

— Еще немного, подтянись! — в очередной раз кричал зам Лобанова, лейтенант Костин, указывая на высокие сосны на близком берегу.

Люди, напрягаясь, с трудом двигались в этом торфяном месиве, стараясь выйти на сухую землю. Помогая Але идти, обернулся и посмотрел на берег, от которого мы шли.

— Ни кого?

— Чисто, — кивнул Лобанов.

— Может обед у них?

— Похоже. Галкин говорил, что запах учуял. Горохового супа с мясом.

— О как? Нюхач какой. Ладно, устраиваемся на берегу, отдыхаем полчаса и двигаемся дальше.

— Не мало, товарищ полковник?

— Много, капитан, очень много. Карту ты видел? Тут все дорогами переплетено, на грузовиках перекинуть солдат труда не составит... Че ж они в нас так вцепились-то, а?!

После получасового отдыха мы продолжили путь.

Выбежавший из густого березняка, мимо которого мы только что прошли, самый молодой из пограничников, подбежал к нам и обратился ко мне, запалено дыша:

— Товарищ полковник, немцы!

— Где? Сколько?

— Рядом, в ста метрах, цепью идут. Параллельно нам.

— Могут нас засечь?

— Могут. Пока нас березняк скрывает, потом кустарник. Дальше обязательно увидят.

Через минуту, пока мы стояли и обдумывали свое положение прибежал еще один боец. С другой стороны тоже немцы.

— Сколько до складов? — поинтересовался я у Нефедова.

Сам я ничем помочь не мог, так как подходил с другой стороны, и эту сторону от Аномалии не знал.

— С полкилометра осталось, товарищ полковник.

— Ясно.

Задумавшись, я осмотрел Нефедова и его бойцов.

— Старшина отойдем поговорить надо... Значит так, приказывать тебе старшина я не могу. Но попросить... Увести их надо, очень надо понимаешь?

К чести Нефедова, долго он не раздумывал.

— Сделаем, товарищ полковник. Мы тут каждую тропку знаем. Будьте уверены, уведем.

— Еще нужно майора подальше увезти и бросить. С собой нам его нельзя забирать, а жизнь за спасение наших раненых обещал. Так что вы отведите его куда-нибудь, оглушите, пусть лежит, найдут, или сам потом выползет. Хорошо?

— Сделаем, товарищ полковник.

Пожав ему руку. Я попросил Алю снять нас на мой мобильник. Бойцы вряд ли поняли, что она делала, но смотрели с любопытством.

Через десять минут после того как пограничники с пленным ушли, в той стороне вдруг поднялась стрельба. В течение получаса мы сидели в небольшом распадке, тревожно прислушиваясь к стрельбе, которая становилась все тише и тише.

Встав, я поймал взгляд Али и, вздохнув, негромко сказал:

— Товарищи... — дождавшись, когда все обернуться ко мне, продолжил: — Шансов уйти у нас нет. По не известной причине немцы вцепились в нас как клещи. Поэтому работаем по резервному плану. Будем уходить через секретный объект... Нет, капитан, это не бункер. Это... другой мир.

К моему удивлению никого мои слова особенно не изумили, удивились — это да, но не они не были особенно ошарашены.

— Товарищ полковник... Я не совсем понял? — несколько озадаченно произнес капитан Лобанов.

— Говорить буду кратко, поэтому слушаем и не перебиваем. Есть ход в другой мир. Только в отличие от вашего мира. Там идет две тысячи одиннадцатый год...

— Будущее... — тихо пробормотал себе под нос лейтенант Костин с ошарашенным видом.

— Да, будущее. Но хочу сразу предупредить. ТАМ НЕТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! Поэтому встретить нас могут не очень хорошо. Проход с той стороны засвечен, а правящая верхушка к Советскому Союзу относиться несколько прохладно, обычные граждане помнящие эту войну еще помогут, но правители вряд ли...

Беглый рассказ занял минут пятнадцать. Рассказал я все, то есть политическую обстановку, когда война закончилась, потери, и мельком о другом портале. То есть дал всем почувствовать шанс вернуться обратно. Пока бойцы переваривали услышанное — Нахимову с его людьми это было легче, они уже переходили похожим порталом и слушали просто для интереса, то остальные пока не пришли в себя.

— Товарищ полковник? — ко мне подошел капитан Лобанов, чуть сзади стоял Костин.

— Да? — отвлекся я от наблюдения за дальней опушкой. Показалось мне или нет, но там было какое-то движение.

— Вы ведь из того мира куда мы идем?

— Капитан не задавайте неудобных вопросов на которые не получите ответов. Ладно уж. Да я из ТОГО мира, если вам интересно, тут скрывать просто глупо.

— А до другого портала далеко? Прорваться сможем?

Я невольно хмыкнул.

— Как бы тебе сказать капитан... Расстояние от Казани до Бреста представляешь?

— Да...

— Вот и прикинь... Черт, там кто-то есть, — все-таки отвлекся я на движение у леса.

— Точно есть. Немцы. Наблюдаю не больше десятка, но, кажется есть еще.

— Точно не те?

— Точно, герр гаптман, это вообще были пограничники. Они оставили одного убитого, да и следы подтверждают, что это другая группа.

— Окруженные части? Тут же прошли наши охранные роты прочесывая военные городки, — озадаченно проговорил Леманн.

— Глухих мест много, может, отсиделись.

— Зачем? Не проще отойти к своим?.. Хотя, если только их не оставили охранять какой-нибудь объект, хм, — задумался капитан.

— Вот тут на них наткнулись литовцы, — ткнул пальцем в карту фельдфебель: — Вернее те их обстреляли. Кстати, неплохо проредили, отличные у них винтовки.

— Уводят? Отвлекают внимание?

— Я тоже об этом подумал. Нужно вот тут местность прочесать. Уверен, что русские где-то в районе уничтоженных складов сидят.

— Похоже, что так. Ладно, снимаем одну роту ополченцев, придаем их взводу Шефера. Путь прочешут этот лес еще раз.

— Герр гауптман! — окликнул Леманна один из радистов.

— Что?

— Обер-лейтенант Кох на связи, они засекли пропавшую группу русских.

— Где?

— Сейчас... квадрат восемь-одиннадцать, герр гауптман.

— Отлично. Ты был прав Вольф, они идут к складам. Выдвигаемся туда.

Когда четыре грузовика в сопровождении бронетранспортера выехали на открытое пространство, где когда-то располагались склады. Они увидели несколько десятков солдат рассматривающих остатки строений. Вернее их пепелище.

На одном из бревен, которое в результате внутреннего взрыва забросило от склада метров на сто, сидели трое солдат. В двух из них Леманн узнал своих офицеров, в третьем майора Зорге с которым был шапочно знаком.

— Давай туда, — велел он водителю бронетранспортёра. Пока из остальных машин выгружались солдаты, повидавший много дорог бронетранспортер, ревя перегруженным мотором подъехал к сидевшим офицерам.

— Докладывайте, — хмуро приказал капитан, выпрыгивая из бронемашины. Настроение у него испортилось не просто так. Было видно, что русские снова ушли.

Вставший при появлении командира Кох, стал докладывать:

— Герр гауптман! При преследовании противника мы загнали их на эти склады. После окружения, начали штурм, однако ни одного из русских обнаружено не было, хотя было выставлено более десятка наблюдателей, которые, кстати, ничего не заметили. Сейчас солдаты обследуют пепелище на предмет следов, возможных ходов или дверей в бункер. Один из солдат видел что-то непонятное, вроде полупрозрачной материи в форме овала, но кроме него больше никто ничего подобное не заметил, так что...

— А майор?

— Вышел к нам пару минут назад. Опросить не успели.

— Ясно. Выставьте посты на три километра в зоне поиска. А пока допросим майора Зорге.

Однако майор ничего им рассказать не смог, кроме того что из основной группы его забрали с собой пограничники. Оглушили и спрятали в какой-то яме. Когда очнулся, вышел на эту поляну.

Опрашивая майора, тот как раз охарактеризовывал неизвестную группу, к Леманну обратился радист.

— Герр гауптман! Вас командир батальона.

Через десять минут подразделение капитана Леманна покинула пепелище. Приказ командование гласил: Преследование прекратить, заняться своими прямыми обязанностями охраной дорог.

Заброшенная база 'Алексеевское 2011'.

9 июля по миру Александра. 11 июля по миру СССР. 16 часов 17 минут по местному времени.

Ворота ангара были распахнуты настежь. Даже боковая дверца и та была открыта. Выставив во все стороны стволы, мы прислушивались.

— Никого, — чуть слышно прошептал Костин.

— Вы в мире высоких технологий. Более чем уверен о нас уже знают, поэтому ноги в руки и бегом отсюда.

Пока бойцы подготавливались к марш-броску, я быстро осмотрелся.

— Теперь понятно, почему тут никого нет. Арка отсутствует, — пояснил я Але.

— Думаешь, они приняли ее за портал?

И действительно ажурная конструкция арки используемая как прикрытие, отсутствовала. Ее можно было принять за один из элементов портала, и видимо идея наших умников сработала.

— Уходим? — поинтересовался Лобанов от ворот.

Однако далеко мы уйти не успели. Теперь мне было понятно отсутствие охраны — всё-таки такой объект, и открытые ворота.

Ответ был прост, наблюдатели сидели в километре, а то и больше, наблюдая за нами через ворота. Дальше понятно, они просто выслали группу спецназа на перехват.

— ... и тут майор говорит: Еще раз услышу про твоего хуева деда, пинком вышибу с работы. Прямо так и заявил.

— Зря он так сказал, — хмыкнул молодой парень, с огненно рыжей шевелюрой.

— Ага. Митька же контуженный, он с ходу вертушку сделал, Пиндоса и снесло, — продолжил второй парень, в отличие от своего собеседника, брюнет.

— Придурок, — коротко прокомментировал рыжий, мельком глянув на экраны мониторов.

Их смена длилась уже второй час, еще четыре, и можно по бабам, а они в Алексеевске такие-е-е.

— Ага. Не надо было при Митьке так про его деда говорить, сам знаешь, дед полный кавалер орденов Славы, да еще в эту новую фракцию вступил.

— Там ща все ветераны, — кивнул рыжий.

— Пусть теперь за свои слова челюсть восстанавливает. Перелом в четырех местах. Говорят в госпиталь не лег. У него какое-то дело на расследование — денежное понятно. Вот и суетиться. А то без него развалит, и гешефт не он получит. Деньги уж больно любит.

— А Митьке теперь что? Это же ка-азел не отстанет.

— Вышибли. Сам знаешь, какие у этого пидара рычаги.

— Знаю. Ладно, хоть по статье не... Тревога! — вскочив, рыжий, шустро застучал по клавиатуре, и стал ковыряться в аппаратуре, что-то пересоединяя. Выведя одну из камер на большой монитор, он ткнул пальцем в экран и довольно сказал: — Я же говорил что арка эта для вида.

— Вижу. Следи за ними, я звоню, — подняв трубку спутникового телефона, приказал брюнет.

— Угу... О, все вышли, — прибавив громкость динамиков пробормотал рыжий наблюдатель не сводя взгляда с монитора.

— Товарищ полковник? Портал сработал. Так точно... Есть... Восемнадцать человек... Двое на носилках. Все вооружены... даже пулемет есть. Один в советской форме... нет двое, еще один на носилках. Да, их старший подходит под описание. Фото? Да, полное совпадение. Есть! Будет сделано.

— Ну что там? — поинтересовался рыжий, как только напарник положил трубку.

— Сейчас будут. Нашим, когда будем звонить?

— На хрен? Микрофоны я отключил, то есть включил запись нашего прошлого дежурства. Пока прочухают...

— Ага, хорошо. Кстати, а куда это наши поднадзорные направляются?

— Похоже, свинтить хотят. С ранеными у них хрен что выйдет. Там сингалки везде на главный пульт все идет... Смотри этот точно наш, мобила в руках.

— Надо полковнику звонить, пусть перехватят. А то на самом деле еще на один из наших постов наткнутся. Куда они пошли?

— Между восьмым и девятыми постами.

— Угу... Товарищ полковник? Это снова мы...

Заброшенная база 'Алексеевское-2011' то же время.

Мы успели углубиться в лес метров на двести — до другой опушки оставалось примерно столько же, как зазвонил мой телефон. Я его включил при первой возможности, но все абоненты по которым пытался звонить были отключены или находились в не доступа. Мельком взглянув на экран, сразу же ответил:

— Да?

— Вас сейчас будут брать! Сопротивление не оказывайте! Работают федералы. Телефон и симку уничтожьте! — прозвучал знакомый голос.

— Понял! — несколько ошарашенно пробормотал я, застыв на миг, но почти тут же встряхнулся и стал судорожно разбирать телефон.

— Кто это? — тихо спросила Аля.

— Коротич.

Подошедший Лобанов тоже вопросительно посмотрел на меня.

— Нас сейчас брать будут. Спецназ ФСБ. Осназ госбезопасности по-вашему. Приказ не сопротивляться. Зажигалку дайте...

Дымя пластмассой горела симка и плата телефона, бойцы шустро закопали улику. После чего мы быстрым шагом, как-будто ни о чем не подозревая потопали вперед. Была видна противоположная опушка, когда нас повязали.

Как нас скрутили, я сразу не понял, слишком неожиданно все произошло. Рядом вдруг взорвался ком травы и листьев и оттуда выскочило лохматое чудо. Потом круговерть из деревьев, неба и земли, и я лежу на земле уткнувшись носом в прелую листву, и рычу от боли в заломленной руке. Рядом был слышен визг Али, мат бойцов капитана, великосветская ругань офицеров, и чей-то крик:

— Не подходи! Граната! Рванет!

— Спокойно боец, спокойно. Мы свои, — слышался чей-то успокаивающий голос.

— Свои?! Свои?! Да пока мы там с фашистами воюем вы выродки всю память попрали!

— Карасев не дури, — крикнул Лобанов: — Вставь чеку на место!

'Точно, Карасев, конопатый такой, тот-то мне голос показался знакомым. М-да, зря я им все-таки про политическую обстановку рассказал... хотя туго бы им пришлось бы без этого краткого эпизода!'

— Парень, спокойно, послушай своего командира. Мы свои, — продолжал увещевать тот же голос.

Жаль посмотреть, что там происходит я не мог, с этой стороны как раз упиралась в землю колено бойца. Второе убыло у меня на спине, так что я продолжал лежать без движений, тщательно прислушиваясь.

— Свои бы просто подошли и представились. А вы твари только из-за угла и можете, как с врагами! — продолжал говорить срывающимся голосом Карасев.

— Послушай солдат...

— Я красноармеец сволочь златопогонная.

Теперь даже я понимал, что Карасев натурально нарывался.

— Ты слова то попридержи. Мы тоже русские, — слышался чей-то бас чуть правее от меня.

— Лейтенант молчать, — прошипел переговорщик.

— Русские? — как-то судорожно хмыкнул Карасев: — А я советский человек. Нет между нами ничего общего.

— Боец, мы сейчас идем к нам. Там вас ждет горячая еда и медицинская помощь.

— Как немцы. Нам один пограничник, бежавший из плена попался, он похожее рассказывал, когда их группу окружили. А потом в плен попал.

— Боец... красноармеец, пойми мы не враги тебе. Если граната взорвется, пострадаем не только мы, но и твои товарищи... Лейтенант, НЕТ!!!

Что там произошло дальше, я толком не слышал. Что-то хрустело, перекрываемое густым матом. Потом едва слышно зашипело и крик:

— Бойся!

Через секунду взрыв, и спецназовца на моей спине снесло в сторону. Тряся головой, я попытался приподняться, как почти сразу на грани слышимости, сквозь звон в ушах, услышал:

— Куда?

Последующий удар по почкам и завершающий по голове, были последними в моем сознании. Через секунду все померкло.

Тишину в комнате наблюдения, нарушали только хрипы в пробитом легком рыжего, и хруст стекла под новенькими берцами невысокого крепыша кавказской внешности с гипсом на нижней половине челюсти, который вошел в комнату.

— Ну что Воронин? Пидор то оказался не так прост? — прошипел кавказец, с ненавистью глядя своими маленькими злобными глазами на умирающего оперативника.

Рыжий промолчал не только потому-что не мог говорить, а потому, что не видел в этом смысла.

Несмотря на то, что кавказцу больно было говорить, он не унимался.

— Зря вы против систем пошли. Что дадут эти митинги и забастовки. Развал страны? Или вы надеялись, что этот мифический Сталин возьмет да и придет? Воронин, ты же читал сводку. Запись была обследована экспертами и признана подделкой. И что теперь? Тебе минуты остались. Гаврилов убит. Что вы добивались? Группу мы эту взяли, мне уже доложили. И куратора мы вашего тоже возьмем.

— Да-а... пошёл ты-ы, — едва прохрипел рыжий с тоской посмотрев, на лежащий у стула ПМ, с отодвинутым до конца затвором. Отстреливались они до конца, пистолет выбили как раз когда он пытался перезарядиться. Магазин до сих пор был зажат в его левой руке, но до пистолета было так далеко.

Хмыкнув, кавказец посмотрел на пистолет, потом снова перевел взгляд на раненого. Не обращая внимание на двух спецназовцев в комнате подошел и ногой подтолкнул пистолет к руке рыжего.

Собрав все силы, Воронин схватил отдающий холодом ПМ, и поднял взгляд. На него смотрело дуло пистолета. Выстрел.

— Он пытался меня убить, ясно? — убирая 'Гюрзу' в кобуру громко и уверенно сказал кавказец.

— Так точно, товарищ майор, — хором ответили спецназовцы безразличным тоном.

— Уходим. Идем на точку два. Нужно принять гостей.

Привели в чувство, меня довольно грубо. Сунули под нос ватку с нашатырём, и похлопали по щекам. Сильно похлопали. Грубо.

Стараясь не трясти как будто налитой чугуном головой, приоткрыл глаза и застонал от боли.

'Пипец почкам. И... кажись я описался?' — удар по голове тоже не прошел даром, в глазах все двоилось.

Пока меня как куль приподнимали и усаживали, спиной к стволу сосны, попытался осмотреться.

— Сесть на корточки, смотреть только перед собой! — рявкнул кто-то рядом.

Беглого взгляда хватило оглядеться. Первым делом вздохнул с облегчением, Аля лежала рядом, глядя на меня. Подмигнув ей, уставился в землю, как велели.

'М-да. О Советско-Российской дружбе можно позабыть. Не простят!' — подумал я, успев бросить взгляд на бойцов Лобанова, волками смотрящих на охрану. В отличие от молодого Карасева, которого я бы назвал 'фанатичным комсомольцем', остальные бойцы знали, что такое приказ и не дергались, ожидая своего шанса.

Спецназовцы понимали это, и были настороже крепко сжимая оружие.

Чуть в стороне было видно несколько тел, одно принадлежало Карасеву, второе спецназовцу.

Надеюсь — это лежит тот лейтенант, которого пытался остановить переговорщик. Хотя странно все это. Глупо. На наш захват должны были отправить спецназ с нормальными руководителями и командирами. А этих, извините, кроме как пэпээсниками назвать нельзя, повадки те же. Даже по карманам также прошлись. Умело'.

— Васько, глянь на эту дуру, — слышалось чуть справа.

Едва заметно скосив взгляд, увидел бойца в таком же камуфляже, но уже со снятой лохматкой, который повесив автомат на плечо, держал в руках ДП сержанта Лазарева. Повернувшись ко мне боком, кому-то демонстрируя пулемет, дал мне возможность рассмотреть шеврон на его плече. Спецназ ФСИН. Теперь многое становилось понятно. Чуть справа слышался разговор, парень-переговорщик с кем-то общался на истерике. Явно докладывался командиру. И судя по его голосу уже успел получить фитилей и сейчас слушал инструкции в отношении нас.

— Вот придурки. Они бы еще с кремневыми ружьями к нам приперлись, — ответил кто-то, видимо тот самый Васько.

— Ты будешь смеяться, кремневые тоже есть, пять ружей, восемь пистолетов.

— Точно? — внезапно заинтересованно поинтересовался Васько.

— Сам смотри.

— Точно, раритет. Слушай Серег, а ты знаешь, сколько они сейчас стоят?

— Много... наверное, — не совсем уверенно ответил спецназовец.

— Сам подумай, никто ведь не заметит что пара не стреляющего старья пропала?

— Ну, а капитан?..

— Давай отойдем.

Фсиновцы стояли метрах в пяти от меня, и хотя разговаривали довольно тихо, я расслышал их разговор и даже звон в ушах не помешал. Через пару секунд они удалился. Видимо направились в сторону обсудить свой гешефт. Я знал, что зоновский спецназ насквозь отмороженный и неуправляемый, но не настолько же?! Видимо сюда отправили самых отмороженных. Тех, кого не жалко.

Судя по тому, раз бойцы, что нас охраняли в разговор не вмешались, 'бизнесмены' были тут командиры.

— Все продали твари, — слышался полный ненависти голос Лобанова. Он, оказалось, лежал рядом, метрах в двух.

— Угу. Это еще цветочки... — ответил было я, но получил чувствительный пинок.

— Молчать!

— Что бы вы горели в гиене огненной, — слышался голос одного из офицеров Нахимова, каперанга Ульянова.

— Еще слово дантист не поможет, — не выдержал один из спецназовцев.

Ждать нам пришлось с полчаса, не меньше. Сперва мы услышали приближающуюся ругань, кто-то кричал с явным кавказским акцентом, распекая

неизвестного Матросина, видимо того капитана что командовал захватом. Причем. Как мне показалось, кричал с какой-то нарочитостью, что бы мы слышали.

Закончив распекать подчиненного, к нам подошла группа людей в городском камуфляже. В лесу они смотрелись несколько глупо и не к месту, но видимо сами они на это особого внимания не обращали.

— Извините товарищи! Приношу искренние извинения не только от себя лично, но и от нашего государства Российской Федерации...

Я посмотрел, кто это там вещал довольно хорошо поставленным голосом. Даже кавказский акцент был не так заметен при его несколько пафосной речи. Но он видимо верил чему говорил.

Метрах в пятнадцати от меня стоял невысокий черноволосый крепыш с гипсом на челюсти, в таком же городском камуфляже с слегка помахивая рукой, помогал себе, слегка морщась, видимо от боли продолжал толкать речь, про ошибку и т. п и т. д.

Бойцы слушали его внимательно, однако продолжали настороженно осматриваться.

— А раненные так и будут без медицинской помощи? — наконец не выдержал Лобанов, кивнув на положенные небрежно носилки.

Раненый старшина, даже скатился с носилок, видимо охранявшие нас спецназовцы не особо беспокоились о их состоянии.

— Конечно, окажем. Сейчас же немедленно и направился в наш лагерь, там вами и займутся.

— И развяжете?

Кавказец колебался не долго:

— Конечно, если вы пообещаете, что не будете нападать на нас или пытаться навредить другим способом. Вы должны понимать, что мы выполняем приказ.

Кавказец, оказавшийся майором Тахияном, сдержал свое слово, и нас повели к машинам. Потирая руки, разгоняя кровь после наручников, я на ходу огляделся. Вроде все живы-здоровы. Относительно конечно, после такого 'гостеприимства', но все шли на своих ногах, кроме раненых.

— Что там было, пока я в отключке был? — поинтересовался у капитана.

Спецназовцы нам не мешали, только шли в пятнадцати метрах и настороженно наблюдали за нами.

— Этот... лейтенант их ней, к Карасеву рванул, да тот успел гранату швырнуть под ноги, специально бросил в ложбинку так, чтобы нас осколками не зацепило. Ему, да этому и досталось.

— Понятно.

— Эти разозлились, Карасева ногами пинали, жив он еще был. Нас не трогали, а вот его... Твари.

— Тут я могу порадовать. Это что-то вроде конвоиров на зоне. Они созданы для подавления бунтов. Наверное, и среди них есть нормальные парни, но нам они не попадались.

Мы шли некоторой коробочкой. Я и Аля шли вместе, рука об руку, Андрей прикрывал с боку. Лобанов шел спереди. Пока его людьми незаметно командовал, а вернее успокаивал-сдерживал зам, лейтенант Костин.

Шли мы не долго. На опушке стояли два 'Пазика'. Нас загрузили в первый, стараясь рассадить по задним сиденьям, так чтобы пара бойцов могли занять сиденье, повернутое к нам лицом.

— Товарищи. Сейчас мы приедем к нам на базу, и там вы все получите. Даже баньку организуем, — запрыгнув на первую ступеньку, в салон заглянул жизнерадостный майор.

Когда он направился ко второму автобусу, я услышал, как он рапортует по мобильнику о нашем захвате.

Через двадцать минут мы были в Алексеевске. И первое что мне не понравилось при въезде на местную базу, организованной на территории нашего РОВД — это негр в американском камуфляже с эмблемами 'НАТО'.

— Это что? — поинтересовался я у майора, когда вместе с остальными покинул салон автобуса.

— Это? — повернулся он к негру, после чего скривился и ответил: — Наблюдатели, что б их. Понаехали тут.

— Понятно. Вы медиков поторопите. Что-то мне состояние летчика не нравится.

— Да конечно, все что попросите мы сделаем. Если это кончено в наших силах.

— И если можно газету, если нет сегодняшней, то можно и вчерашнюю.

Приняли нас хорошо, в той степени в которой смогли. Врач, наш, местный, осмотрел раненых, похвалил хирурга, что делал операции, почесал затылок и потребовал у майора их госпитализации. Однако майор ничего не ответил, тянул время. Видимо решил доложить начальству.

Разместили нас в служебной гостинице местного РОВД, мест было мало поэтому поместили по трое. От общения с местными правоохранительными органами нас изолировали. Видимо боялись утечки.

По моей просьбе, Андрея и Лобанова расположили вместе со мной, Аля получила отдельную комнату напротив. При заселении майор очень просил, по этажу ходите, но во двор не выходите.

— Ну и? — вопросительно посмотрел на меня капитан, закончив мрачно осматриваться.

Приложив палец к губам, я махнул им рукой, чтобы они следовали за мной.

На этаже был общий душ и туалет. Были, конечно, и комфортабельные комнаты для начальства, я о них знал, но нам их не дали.

Дав полный напор во все краны, я отошел к кабинкам, и проверив их, обиделся что заняты они только своими. Трое бойцов сидели на толчках, и помешать не могли.

— Новые технологии. Подслушивающие микрофоны делают в размере спичечной головки. Поэтому все разговоры о чем либо прекратить. Предупредите бойцов. А пока давайте поговорим тут.

— Сделаем, — кивнул капитан.

В это время дверь приоткрылась, и в туалет вошел Костин.

— Тащ полковник, там этот майор, вас просит.

— Иду. Значит так, с бойцами провести серьезную беседу. Никому ничего не рассказывать, вслух в комнатах не болтать, только в бытовых вопросах. Ясно.

— Так точно, товарищ полковник. У меня вопрос. Вам можно верить?

Лобанов серьезно посмотрел на меня, задавая этот вопрос. Видимо ему сильно не понравился мой приказ на сдачу в плен.

— Можно. Когда нужно будет действовать я дам сигнал.

— Хорошо. Я понял.

— Пойду, узнаю, что нужно этому майору, может газет принес. Очень уж хочется знать, что в мире происходит.

Однако, когда я подошел к своей комнате стоявшей на пороге Алиной комнаты кавказец повернулся ко мне и, улыбнувшись, сказал:

— Пришел приказ, срочно доставить вас в Москву.

— Всех? — озадаченно поинтересовался я.

— Всех, — радостно кивнул он.

— А как же раненые? Убитый Карасев? Их тоже вы хотите везти?

— Приказ, — развел он руками: — С нами едет ваш доктор.

— Савельич? Ясно. Сейчас прикажу людям грузиться.

Почему такая торопливость я не понимал, нас даже покормить не успели, хотя чувствовались запахи кухни. Обед, до которого оставалось всего полчаса, был почти готов. И вообще создавалось впечатление, что наше появление для них было полной неожиданностью и они просто не понимают что надо делать.

Сейчас же майор воспарил душой, получив точный и однозначный приказ, доставить нас до аэропорта, где будет ждать грузовой самолет.

Прошло всего двадцать минут как покинули салон автобуса, и мы снова в него загрузились.

Во время посадки, когда помогал Але войти в салон, чуть наклонился к уху Лобанова и прошептал:

— До аэропорта мы не должны доехать. Время движения полтора часа.

Чуть прикрыв глаза капитан, дал понять, что понял меня. В его глазах я заметил радость, он даже плечи расправил. Костин в это время следил за погрузкой раненых и завернутого в брезент тела Карасева. Холодильников в Алексеевской районной больнице не было, поэтому его и не стали увозить.

Охраняли нас те же спецназовцы, они ехали на втором автобусе, в сопровождении была машина ДПС с моим старым знакомым капитаном Свиридовым.

Во второй автобус загрузились пятнадцать спецназовцев, трое вместе с майором ехали в нашей машине. Как будут действовать Лобанов и его бойцы, я не знал, приказ отдал, пусть думают, это их работа. Проблемой было то, что охраняли нас как раз те, кому это предназначено. Кого учили. Наклонившись чуть вперед, к спинке переднего сиденья, на котором сидел адмирал Нахимов, тихо прошептал:

— Ни во что не вмешивайтесь, если что пойдет не так. Вы поняли?

В место ответа, Нахимов молча кивнул, и чуть наклонившись что-то прошептал своему соседу, полковнику Волкову.

Положив руку на плечи Али, я чуть сжал ее правое плечо.

— Что? — тихо спросила она.

— Не нравится мне это все. Охрана эта не понятная, майор... странный. Все не так. Я даже не знаю, что сейчас в мире происходит, чтобы правильно реагировать.

— А тот звонок?..

— Коротич звонил. Не доверять ему, у меня причин нет, однако, и он себе на уме. Работает своеобразно. Тот еще тип.

Рыча мотором, автобус проехал мимо школьного стадиона и на Билярском перекрестке выехал на Оренбургское шоссе. Глядя на проносившийся за окном пейзаж, я тихо разговаривал с Алей оцц.

Проехав КПП, мы пересекли Каму через дамбу и мосты. Дорога стелилась под колёсами 'Пазика', но Лобанов ничего не предпринимал. Некоторые бойцы, вообще откровенно спали, даже Костин позевывал, безразлично поглядывая на проносившиеся посадки.

— Половину пути проехали, — тихо шепнул я ближайшему бойцу. Тот слегка кивнул, успокоив меня. Не спят, готовятся.

Все произошло, когда мы проехали Лаишевский перекресток. К этому времени охрана немного расслабилась, убаюкивающий гул двигателей и посапывание заснувших бойцов капитана, дало о себе знать. Охрана тоже начала клевать носом.

К чести Лобанова все произошло бескровно, ну кроме разбитой губы у одного из наших бойцов. Спецназовцев своими я не считал. Потери же кавказца никого не

интересовали. Поломанные руки и ноги, а тем более челюсти никого не волновали. К тому же у майора она и так была сломана.

Пока бойцы вооружались, три ПП и четыре пистолета, уже кое-что, мы прорабатывали наш план. Охрана во второй машине ничего не заметила, водитель оказался профи, и несмотря на встряску вел машину ровно. Занавески на окнах, не дали рассмотреть, что происходит снаружи.

— ...а я думаю, нужно резко остановится, и ударить в упор из автоматов. У них шансов не будет точно, — горячился Костин.

— Гранат нет, могли бы пригодится, — поморщился Лобанов.

— Вы тут войну еще устройте, — возмутился я.

— Так мы на вражеской территории, — развел руками капитан.

— Не надо под всех равнять, — теперь уже я поморщился: — Ну послали скотов на охрану, что, все такие? Ладно, пока едем, дальше видно будет. В городе если что есть возможность затеряться.

Пока бойцы готовились к бою и допрашивали спецназовцев, не утруждая себя моральным выбором средств давления, я быстро набирал номер Коротича по памяти, воспользовавшись телефоном одного из бойцов спецназа. Брать мобилу майора я опасался. Вдруг прослушивается, толи дело трубка обычного бойца:

— Блин, помню же, что на тридцать пять заканчивается, — бормотал я, продолжая пробовать снова и снова.

Один из осназовцев, что сидел неподалеку только качал головой, наблюдая за мной. Первое время им было не до новых впечатлений, после бегства от немцев, потом портал, другой негостеприимный мир. Сейчас немного отойдя, вопросы начали сыпаться на меня как из рога изобилия. Тем более что половина снятого со спецназовцев снаряжения была им не понятна. Тренировали их армейцы, а это совсем другая служба.

— Что делать будем? — поинтересовался подошедший Лобанов.

Кстати, кроме него Андрея, Али и офицеров, напрямую со мной особо никто не общался. Я так понял — это была работа Андрея с Алей. Видимо пытаются минимализировать общение со мной посторонних людей.

— Пока едем как ехали. Занавески и профессионализм водителя хорошо сыграли нам на руку. Охрана во втором автобусе пока ничего не подозревает. Вы рации собрали?

— Да вот они, на соседнем сиденье лежат.

— Пользоваться умеете?

— Так точно, инструктора научили... Товарищ полковник, можно вопрос?

— Задавайте, — кивнул я, продолжая работать с мобилой.

— Инструктора, что нас учили, они ведь тоже из этого мира?

— Э-э-э?! — я несколько озадаченно посмотрел на Алю.

— Товарищ капитан, давайте отойдем. На этот вопрос могу ответить и я.

Пока девушка о чем то общалась с Лобановым и Костиным, я наконец понял, что номера не помню.

— Хрень какая-то, — бросив трубку на сиденье рядом, пробормотал я. Странная ситуация, ведь специально запоминал номер, ц прежде чем уничтожить мобилу. А тут как отрезало. Вздохнув, стал размышлять.

Мне вообще не нравилась, что происходит вокруг нас с момента перехода портала. Это как привычный уклад, перевернули вверх ногами и все говорят что так и надо.

— Демин?! — смог окликнуть меня приподнявшийся майор. Челюсть его явно беспокоила. Слишком бледным на вид он был.

— Да?

— Демин, вы понимаете, что шансов уйти у вас нет?

— Ой ли? Капитан, каковы наши шансы? — спросил я у обернувшегося Лобанова.

— Семьдесят процентов точно есть, — пожал тот плечами.

— Вполне может быть, — пробормотал кавказец, видимо уверенность капитана произвела на него впечатление, однако встряхнувшись, он добавил: — Я могу вам помочь. Мне тоже не нравится политическая обстановка, хочется перемен, уверенности в будущем. Я сам тайный коммунист. В общем, располагайте мною.

— Мы подумаем, — согласился я обдумать его предложение. А что? Свой человек нам не помешает.

Не доверять ему причин у нас не было. Сам он в нашем захвате не участвовал и плохого мы от него, пока не видели.

— Деревня, — известил нас лейтенант-летчик. После боя убедившись, что с командиром все в порядке, и проинструктировав доктора, он сидел рядом с водителем и наблюдал за дорогой.

— Блин, лейтенант, вы соображаете что делаете? Вы зачем в своей форме вперед полезли, а если заметит кто? Пересядьте!

Долго думать, что предпринимать не пришлось, честно говоря, не хотелось терять ребят, а то, что потери будут, был уверен не только я, однако повезло, нас остановили.

Мы как раз въехали в Сокуры, последнюю деревню на трассе перед Казанью, как вдруг впереди взвыла сирена и засветились мигалки на трех машинах. Посмотрев вперед, я понял, что это кто-то из начальства. Кто еще будет разъезжать на 'мерседесе' с мигалками и двумя черными микроавтобусами для охраны той же марки? Правильно, кто-то из большого начальства. А зная какую борьбу, ведут с этими самыми спецсредствами, понятно что это не гопники. Остановились кстати не по их требованию, а по велению волшебной палочки полицейского. Видимо их сопровождала такая же машина что и нас.

— И что будем делать? — спросил Лобанов, потирая затвор пистолета. На самом деле он знал, что нужно делать, но подчиняясь армейской привычке получить приказ от старшего по званию, ждал ответа.

— А ничего, — ответил я, широко улыбнувшись, — наши это.

— Коротич, — хмыкнула у меня над ухом Аля, которая тоже смотрела в окно.

Это и в самом деле был капитан Коротич. В сопровождении двух бойцов в городском камуфляже и с автоматами, не теми подделками, что мы взяли трофеями, а настоящими 'калашами'. Пропустив машину, перешли дорогу и подошли к дверям.

— Открой, — велел я водителю.

Вместо капитана в салон вбежали спецназовцы держа оружие на изготовку, однако рассмотрев нашу лежавшую на полу охрану, ощутимо расслабились.

А дальше произошло то, что оставило у меня на душе долгий и неприятный осадок. Видимо захват нашего автобуса был заранее спланирован, одновременно, как бойцы ворвались как нам в машину, боковые двери микроавтобусов отодвинулись, и показались дула крупнокалиберных пулеметов. Почти мгновенно они открыли огонь по второму 'Пазику'. Сам не видел, так как лежал на полу сбитый с ног Андреем, да и Лобанов не растерялся успел крикнуть 'ложись!'. По нам не стреляли, это я понял по тому, что наш автобус так не раз и не сотрясся от ударов кордовских пуль.

Наклонившись, Коротич открыл небольшой встроенный холодильник и достал бутылку с соком.

— На, освежись, а то ты какой-то бледный, — хмыкнул он, подавая мне бутылку.

— Станешь тут, — хмуро ответил я принимая.

— Да не расстраивайся, они изначально были списаны... Лейтенант, вы что будете? Сок? Воду?

— Лучше воды, спасибо, — ответила Аля.

В 'мерседесе мы были втроем, не считая водителя. Даже Андрея, моего личного телохранителя не взяли.

— Рассказывайте. Что у вас тут твориться, а то мне все кажется каким-то не реальным. Представляешь, я даже американцев видел на Алексеевской базе.

— А, наблюдатели? Наша работа, — кивнул Коротич.

— Ваша или нет, не знаю, но хочу знать все, — твердо сказал я.

После того как люди Коротича уничтожили охрану, тут стоит сказать доброе слово, дэпээсников они не тронули, разоружили и пристегнули наручниками к столбу, а вот тех что во втором автобусе — уничтожили подчистую. Причем сектора стрельбы были выбраны так, что все пули, пробивая машину, уходили в речку и берег, микроавтобусы стояли на возвышении. То есть потери среди мирного населения были полностью исключены.

Как только стрельба стихла, к нам в салон вошел Коротич. С ходу без слов и приветствия он достал пистолет и дважды выстрелил в майора-кавказца.

— За дело, — пояснил он, увидев наши взгляды, после чего посмотрев на часы, поморщился и сказал: — Времени мало. Уезжаем.

'Емко. Молодец. Все объяснил', - сердито подумал я, с помощью Андрея поднимаясь с грязного пола. Моя форма за сутки и так успела изрядно замараться, так что на состояние пола в машине я особого внимания не обратил. Пока спецназовцы выводили охрану на улицу, я осмотрелся. Стрельба произвела впечатление на местное население. Судя по виду, собралось если не половина деревни, то треть точно. Выстрелами наш народ не напугать.

Через минуты мы сидели в машине Коротича, направляясь к аэропорту, как пояснил он, где нас ждал самолет.

— С чего начать? — поинтересовался капитан, закинув ногу на ногу и откидываясь на спинку сиденья.

— Обстановку в стране потом, начните про наш переход, а точнее все с ним связано, — попросил я.

Аля кивнула, подтверждая.

— Хм, — капитан на несколько секунд задумался, неожиданно почесав затылок, ответил, разведя руками: — Да тут все нужно рассказывать... взаимосвязано... все.

— О, как? Время есть поговорить? Или опять бегать будем? Не думаю, что это оставят просто так.

— Расстрел автобуса? Конечно не оставят... Не думай об этом, все уже организовано и продумано, есть кому ответить за нападение. Кстати, знаете, кто в основном вас спасал? Люди Батьки. Мы с его сыном Виктором, сейчас совместные операции проводим... Вашу, кстати, тоже.

— Но как вы узнали, что мы выходим? — задал я вопрос, который меня беспокоил.

— Да не ждали мы вас, если честно, — поморщился капитан: — Просто один из возможных, многих вариантов давления на местное правительство. Их у нас много разработано было, на ваше появление не рассчитывали, но обдумать и приготовить такую возможность не забыли. Честно говоря, лично я не рассчитывал, что все сработает, но... Мы сейчас переговоры ведем с президентом России, честно скажу, они довольно тяжело идут. В основном мешает всякая шушера, что окопалась вокруг... хм, трона. А президент не мычит не телится, вот и пришлось надавить. Американцев, кстати, мы пустили. Один наш человек из МИДа в прямом эфире озвучил совещание совета министров с премьер-министром во главе. Мол, решили все-таки пустить наблюдателей из ООН. Им ничего не оставалось как подтвердить, хотя и с сильными ограничениями. Удар был мощный. Они нам уступили несколько пунктов. Но в некоторых пришлось уступить нам. Этим мы

довольно резко повысили шансы в переговорах. Политика террора как озвучил наши действия премьер-министр, но действенная.

— Это не повлияло на переговоры? Все-таки...

— Сами вынудили, — отмахнулся Коротич, добавив: — Мы их честно предупредили, что нормы поведения у нас разные. Кстати, многие сотрудники местных спецслужб нас поддержали. Более того это их аналитики разработали те операции. Мстительные оказались люди...

— В смысле? Они на вас работают?

— Можно и так сказать. Некоторые сочувствуют, некоторые решили к нам перебраться, другие просто работают за деньги. На Родину им плевать, лишь бы карман набить. Процентом тридцать это вот такие Тихояны, твари еще те.

— Кавказец? Майор?

— Он. Не в первый раз он нам палки в колеса вставлял, а тут такая возможность отомстить. Это ведь мы поспособствовали, чтобы на охрану закрытого портала отправили не нормальные части, а вот этих... собранных отбросов. Хотя по бумагам тут стоят действительно элитные части, а то, что они сейчас на тренировочных базах мало кто знает. Бюрократия великая вещь.

— А с этим... Ну, мужик из МИДа, с ним что? — спросил я обдумывая, все что сказал Коротич.

— В Белоруссии, нормально все. Мавр сделал свое дело, отдыхает.

— Понятно. А эти переговоры, они зачем нужны?

Капитан, удивленно посмотрел на меня.

— Понимаешь Александр, нам тут нужен сильный союзник. Белоруссия это конечно хорошо, но... Маленькая она, вон поляки на границах безобразничают, а помочь мы им не можем, сами воюем.

— Думаете, Россия подойдет на роль союзника? Сомневаюсь, с той политикой, что сейчас проводится шансов, на мой взгляд, маловато. Вспомни оболганную эпоху.

— А кого больше? — развел руками капитан: — Сам предложи. Украина? Китай? Даже не смешно. Помощь от них, конечно, идет, особенно военная техника, но и только, да и нам они не особо нужны. Про Европу я вообще молчу. Эти только гадить и могут. У меня почти все диверсанты или в Варшаве или в Лондоне. Отвечают ударом на удар за нападение на Белоруссию. На Штаты просто людей нет. Кстати Лобанова и его людей я заберу, мне своих, не хватает.

— А летчиков?

— У Батьки пусть переучиваются на новейшую технику. МиГ-21 там, или...

— Новейшая? — скривился я.

— Для нас новейшая, — серьезно ответил Коротич.

Нас в это время качнуло то в одну, то в другую сторону. Машины въехали на эстакаду, до аэропорта оставалось всего несколько километров. Заметив это, я стал быстро задавать вопросы, однако капитан меня успокоил, в самолете наговоримся, тем более лететь с пересадками придется несколько часов. Прямого рейса сейчас в Белоруссию не было, только через третьи страны.

В общем, особых перемен не было. Москва тянула время, на что-то рассчитывая, вот Судоплатов и пошел на крайние меры, чтобы подстегнуть переговоры. Почему он пошел на это, при закрытом портале не знаю, капитан сам терялся в догадках, но работали они на грани фола. В самой России, тоже шли перемены. Особых беспорядков не было, митинги были — это да. И довольно многочисленные. Не без нашей помощи образовалась новая фракция в Думе, 'Единый Союз'. По опросам СМИ, буквально за десять дней, рейтинг ее поддержки вырос до сорока процентов в России и около шестидесяти в Украине. Про другую мелочь я уж не говорю. По прогнозам западных аналитиков Россия приближалась к Гражданской войне.

В Белоруссии Лукашенко снова отличился, мало того что на границе дал крепко по зубам пшекам, так еще официально организовал Институт Межмировых Перемещений. Виктор там изрядно повеселился, вылавливая промышленных шпионов. Они на продаже из-под полы секретных документов, больше трехсот миллионов поймали, пока начальники разведок не поняли, что на них просто зарабатывают. Выставить все западные разведки в роли дойных коров еще никому не удавалось, приятно узнать про успехи белорусов. В общем, весело тут было.

Кстати, если Коротич и рассказал кое-что — дураком я не был, и понимал что он посвятил нас не во все — то про наши приключения особо не расспрашивал, хотя на людей из Царского мира посмотрел довольно пристально. Заинтересовали они его. Необычностью заинтересовали.

В общем за десять минут что оставалось до аэропорта, он успел поведать про политическую обстановку вокруг порталов. Про портал, что у Алексеевска в средствах массовой информации особо распространено не было, главы некоторых государств знают и ладно, известно было только про тот, что в Белоруссии. Вокруг него и крутились основные политические вихри. В поддержку Батьки выступили Китай, Северная Корея, Франция, Израиль там вообще отдельная тема, и еще как ни странно Германия. Это, кстати, многих удивило, но германцы не отступили и выразили полную поддержку в случае силового захвата Белоруссии. Так что пшекам, науськанным пиндосами, пришлось отступить несолоно хлебавши. Коротич мельком говорил о боях на границе, несколько снарядов даже упало около недействующего портала. Заодно пояснил, почему мы так торопимся, капитан думал — я знаю. Оказалось, как портал захлопнулся, до сих пор выясняют, что это было, толи диверсия, толи случайность. Пока все больше склоняться к последней версии, 'Ключ' выпал в этой реальности, так что спросить было у кого.

На территорию аэропорта мы проехали без особых проблем. Машина ДПС ушла куда-то в сторону, головной микроавтобус подъехал к воротам, предъявил охране бумагу, после чего мы въехали на территорию складов. Поплутав между строениями, неожиданно выехали на взлетную полосу к стоявшему военному транспортнику, по виду старому, служащему уже не первый срок.

— Грузимся, — приказал Коротич своим людям, вылезая из машины. Загрузились мы споро, появившиеся служащие аэропорта отогнали машины, автобус уехал сам, водителя с доктором мы отпустили.

Еще через три часа мы покинули воздушное пространство России. Почему следующая посадка была в Казахстане, непонятно, наверное, так был проложен маршрут из соображений безопасности. Капитан мне уже объяснил, КАК меня ждут у Белорусского портала. Как манну небесную. Прямой вылет в Белоруссию и впрямь был невозможен, неофициальная блокада продолжала действовать.

При одной из пересадок, отделился Коротич забрав Лобанова со своей группой. Прощались мы долго, я каждому пожал руку, благодарил и обнимал перед расставанием. Знаю, что полковники себя так не ведут, но... парни фактически нас спасли. Летчиков сняли под Минском на дозаправке, их забрал хмурый майор с летными погонами, а мы полетели дальше. Подлетая к военному аэродрому, похожему на тот, что действовал в Союзе, разве только ВПП бетонная. Снижаясь, сделали круг над порталом. Теперь я понимал, почему нас так торопили при пересадках, и полеты шли на грани. Практически все свободное пространство вокруг портала было забито техникой, материалами и вещами. В двух местах заметил пятна пожарищ. Видимо именно сюда долетали снаряды.

— Ну что, товарищи?... Хм, господа-товарищи? — попробовал я по-другому. Нахимов и его люди, внимательно посмотрели на меня:

— Господа офицеры, скоро мы достигнем нашей цели, так что попрошу привести себя в относительный порядок. Нет, оружие тоже заберите. Трофей.

Мы забрали все уцелевшее оружие из второго автобуса, оказалось, его именно туда погрузили. Кроме кремневого оружия пропало еще пара пистолетов, а так остальное было на месте. Бойцы не обращая внимания на ручьи крови, спокойно изъяли все оружие из расстрелянной машины.

Так что адмиралу и его офицерам вернули подаренное бойцами Лобанова оружие. Особенно радовался возвращению 'парабеллума' сам Нахимов, уж очень он ему нравился.

После посадки, меня быстро отделили от всех и повели к вертолету.

— Нужно срочно открыть портал, — пояснил мне дюжий майор, в лесном камуфляже. Я его даже вспомнить смог, зам командира базы 'Брест-2011'.

— А?..

— Не беспокойся, все готово. Твоих спутников пока в гостиницу определим...

— Нет! — замахал я руками, старясь перекрыть рев вертолетного двигателя: — Мы сразу же должны перейти на ту сторону! Это важно!

— Понял! Тогда грузитесь, я пока с начальством свяжусь.

— Хорошо, спасибо! — крикнул я в ответ, махая рукой своим спутникам, чтобы они поторопились. Судя по поведению местных, портал им нужно открыть было не вчера, а год назад.

С порталом особых проблем не было, открыл, оставил 'Ключ', причем даже не одного, а двух, прошлая неприятность не была забыта. Начальство как всегда перестраховывалась.

Пришлось еще немало потрудиться, расширяя Аномалию, полтора часа на это убил, но до одиннадцати метров поднял и расширил. За время простоя она успела изрядно сузиться. Надо ли говорить, как нас встретили на той стороне? Хорошо встретили, ждали, а это была приятная новость, значит, старшина все-таки добрался до радиостанции. Пока я расширял портал, туда-сюда бегали курьеры, местное начальство, связисты прокатали катушку с кабелем — прошлый был обрезан при закрытии. После открытия, Аля, оставив рядом со мной Андрея, и адмирала со своими людьми, куда-то умотала, хотя понять куда, не трудно, наверняка докладывать. И это правильно, нужно подготовить начальство к тем событиям, что произошли с нами в царском мире.

— Товарищ майор? — окликнули меня.

Не сразу, но я откликнулся. Это для армейцев я был полковником, на самом деле мое звание было майор госбезопасности. С трудом переводя дыхание — работать пришлось без перекуров — повернулся к окрикнувшему меня лейтенанту госбеза, а кто еще будет ходить в таком же камуфляже как у меня? Их еще перед войной в приказном порядке перевели на полевую форму, благо камуфлы пока хватало.

— Слушаю, — кивнул, массируя руки. Махание не прошло даром, мышцы адски болели.

— Я ваш сопровождающий, лейтенант Смолин. Самолет готов, прошу к машине.

— Вас известили, что нас семеро?

— Так точно, 'Дуглас' ждет.

Дождавшись нашу спутницу, мы выехали к аэродрому. За время моего отсутствия, его успели разметить под бетонный ВПП, поэтому взлетели мы с простой, утрамбованной полосы чуть в стороне.

Когда самолет набирая высоту стал немного наклоняться вправо, вставая на курс, я подсел к адмиралу и поинтересовался:

— Ну как вам?

— Трясет и шумно.

— Ну это вам не на реактивных летать, тот специальный пассажирский лайнер был.

— Да бросьте, — улыбнулся Нахимов, — это уже восьмой самолёт, на котором мы летим, понемногу привыкаю. А в первый раз, если честно, чуть сердце не прихватило. Страшно было до ужаса. Думал поседею.

— Да? — я удивленно посмотрел на седые виски адмирал, — я видел, вы еще молились тогда и крестик целовали.

— Скажите, а вы в Бога верите? — неожиданно спросил адмирал.

— В бога? Нет. Там на небе звезды, это еще Гагарин выяснил и подтвердил. А я человек прагматичный, пока не увижу не поверю.

— Гагарин?

— Юрий Алексеевич. Первый человек, поднявшийся в космос.

— Богохульник.

— Наверное, — я как-то потерял интерес к разговору, и собравшись было вернуться к Але, которая успела уснуть свернувшись калачиком на неудобном сиденье, как меня остановил вопрос Нахимова:

— Скажите, Александр Геннадьевич... А почему вы не рассказывали про ВАШ мир? Ведь на переговорах вы о нем даже не упоминали.

— А смысл? Переговоры мы вели от лица СССР, а то, что он общается еще с одним миром, так это дело политики, куда я стараюсь не вмешиваться. Предварительные переговоры провел и ладно, дальше пусть дипломаты разговаривают, — отмахнулся я.

— Скорее исправляют... Я слышал разговор вашего охранника подпоручика Вяземского, и вашей спутницы Алевтины Андреевны. Это правда, что из-за оставленного в нашем мире профессора Трауберга у вас могут быть проблемы?

— Почему могут? Будут. Видите ли, сотрудничество, несмотря на некоторые сомнения, что у меня появились, не могут, а именно БУДУТ взаимовыгодными. Так чтобы отсеять сомнения у руководства в сотрудничестве, я и оставил профессора в вашем мире. Он очень важная фигура тут, так что переговоры будут, можете мне поверить. Ну а дальше уже работа политиков. Вы не беспокойтесь, у меня есть, что рассказать и предложить руководств. Мы с Государем это подробно обговорили. Да и у вас я так понимаю, есть некоторые предложения и полномочия к переговорам.

— Возможно... — задумался адмирал.

Извинившись, оставил его размышлять, а сам перебрался обратно. Тут меня отвлек каперанг Ульянов. Видимо воспользовался тем, что рядом нет незнакомых людей. Раньше то, пока мы бегали по тылам возможности перекинуться даже парой слов особо времени не было, а тут офицеры решили воспользоваться ситуацией на полную.

— Скажите, Александр Геннадьевич, а возможности этих летательных аппаратов действительно превосходят те, что я видел в вашем мире.

— Где это вы видели? — искренне удивился я.

— Когда нас взяли в плен те люди, нас расселили по комнатам, ненадолго еще...

— А ну да, мы потом в аэропорт выехали, — кивнул я.

— Так вот, там был такой серебристый ящик и в нем были картинки как в театре, но очень похоже на живое.

— Телевизор, — едва слышно прокомментировал Андрей со своего места. Причем в его голосе было легкое превосходство над незнающими людьми. Сам видел его всего пару раз, а туда же.

— Так вот, у меня вопрос по картинке.

— Извините, Сергей Владимирович, а не подскажите, что там показывали?

— Там был железный скелет человека и он двигался и стрелял...

— А, понял. Второго 'Терминатора' отрывок успели посмотреть, — понятиливо хмыкнул я.

— Вы мне не объясните, что все это было?

— С превеликим удовольствием, называется это — синематограф...

Москва. Кремль. Кабинет для совещания.

12 июля по миру СССР. 10 июля по миру Александра. 12 часов. 35 минут.

— Ну каков а? Что скажете товарищ Берия? — спросил Сталин вставая и расхаживая по кабинету.

— Наглец, — неожиданно хмыкнул Лаврентия Павлович.

Покачав головой Иосиф Виссарионович, подошел к окну и посмотрев на садившееся солнце, поинтересовался:

— Что вы думаете по этому поводу?

— Просчитал он нас. Пробьем мы окно в мир Николки.

— Вы вот что, товарищ Берия, встретьте их на аэродроме. Устройте их в вашей гостинице. А завтра с утра будет уже официальная встреча. Тайная, вы понимаете меня товарищ нарком? Тайная.

— Хорошо, товарищ Сталин, — ответил нарком, — приказ аналитикам просчитать Николая, я уже отдал. Так же они соберут всю информацию по вновь обнаруженному миру.

— Хорошо, — кивнул Верховный, после чего подойдя к столу, снял трубку телефона: — Пригласите ко мне товарища Ворошилова.

— Разрешите идти?

— Идите?

Пропустив входящего в кабинет маршала, нарком услышал тихий, вкрадчивый вопрос Сталина:

— Объясните мне, товарищ командующий, почему вверенные вам войска, оставили позиции ДО назначенного вам срока. И объясните, ОТКУДА у нас такие потери?!..

Берия вздохнул, несмотря на предупреждение и начавшуюся подготовку к боям, войска все равно имели мало опыта. Немцы фактически очистили — согнали — приграничную полосу от диверсионных и засадных частей Красной Армии и пытались пробиться к УРам. Сейчас, Верховный распекал Ворошилова за срыв наступления под Минском, где два механизированных корпуса под командованием генерала Петрова, окружили три пехотные дивизии немцев. А из-за халатности командира одной из танковых дивизий, большая часть смогла вырваться, правда, бросив всю технику и тяжелое оружие. Спасали присланные из-за портала высотники Ту-22, которые не только отслеживали все перемещения противника, но и наносили ночные бомбардировочные удары по железнодорожным станциям в Польше. Благо один из самолетов был оборудован под бомбометание.

Прилетели мы ночью, после посадки, группу представителей царского мира под предводительством адмирала Нахимова встретил лично нарком Берия, и после приветствий увел с собой. К нам же подошел капитан, и велел следовать за собой. В принципе, я хотел отправиться домой — к себе на квартиру. Но приказ наркома письменно доложить о наших приключениях поставил крест на моих планах.

'Ладно, хоть в самолете немного поспать успел!' — вздохнул я, следуя за сопровождающим. Через час, сидя в одном из кабинетов управления, писал рапорт о наших приключениях. Подробный. Очень подробный. Насколько я знал Андрей и Алевтина занимались тем же в соседних кабинетах.

Стоявший над душой Гоголев постоянно задавал уточняющие вопросы. В принципе, сперва, должны были меня опросить, а потом уже приказать написать все в письменном виде, но видимо торопились, раз эти два действия происходили одновременно. Закончил я где-то часа в три ночи. Генерал, схватив папку, куда сложил пронумерованные страницы с моим рапортом, быстро исчез.

— Товарищ майор, прошу вас следовать за мной. Номер на ваше имя уже забронирован, — заглянул в кабинет сразу после Гоголева молодой сержант с повязкой дежурного.

— Мои спутники закончили?

— Так точно. Час уже как ушли.

— Хорошо, тогда идем.

Аля была в моем номере, сидела голышем и полотенцем вытирала волосы.

— Душ справа по коридору, только кабинки не перепутай. Женский налево. Полотенце и чистое белье на спинке стула, — ответила она на мой немой вопрос.

— Спасибо, солнышко.

Подхватив белье и полотенце, я бодрым шагом направился в душевую.

— Направо или налево, вот в чем вопрос? — пробормотал я, остановившись в задумчивости перед двумя дверьми.

Чисто мужская сущность советовала идти налево. Вторая, под каблучная опасливо направо. Вздохнув открыл дверь мужской раздевалки.

Все-таки приятно смыть с себя двухдневный пот и грязь, и одеть чистую одежду.

Вернувшись в номер, быстро забрался под одеяло, обнял Алю и мгновенно уснул.

Кабинет Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

13 июля. 10 часов 08 минут.

Несмотря на привычку вставать ближе к обеду — совещания часто заканчивались глубоко поздно ночью — Сталин был бодр, хотя работал уже два часа.

— Докладывайте своими словами, товарищ Берия. Рапорта я прочитал, но хочу знать ваше мнение.

— Товарищ Сталин. Мы опросили наших фигурантов. Вы были правы, Александр сознательно оставил профессора в царском мире. Он просчитал, что мы обязательно вернемся за товарищем Траубергом и наладим дипломатические отношения с новым миром. Да и он это и не скрывает, честно ответил на все вопросы. Товарищ Гоголев поинтересовался, почему он так стремится к нашему союзу. Ответ был прост, ему не нравилось, что твориться в ЕГО мире. Та политическая обстановка и идеология его не привлекают. Как он устно пояснил: Сперва, была монархия. Дворянство, честь и достоинство Империи. Потом Советский Союз, крестьяне-товарищи. Идеология равенства. Потом демократия, ни чести и достоинства, ни равенства. Одни олигархи да рабы-нищие. Вот во что превратили Россию. Он не хочет, чтобы это повторилось, как у нас, так и у них. Кстати, Александр мельком сообщил, что прикупил поместье под Москвой. Дачей ее назвал. Помог ему в этом Николай-первый.

— Хм. Все доводы что провел Александр я прочел... Знаете, товарищ Берия, а ведь, товарищ Демин прав, это отличный шанс заявить о себе. И союз этот играет на руку не только нам, но и... хм, союзнику.

— Однако, товарищ Сталин, по словам лейтенанта Орловской, с Царем была договоренность о том, что наши базы на территории России будут минимальны, да и то только у портала.

— Это не принципиально. Дайте задание разработать заброску разведки в Новый Мир. Пусть изучат все слои населения, так как дошедшие до нас 'исторические сведения' полнотой и слишком уж высокой достоверностью не отличаются. Каждый писал в первую очередь о том, что подтверждает его взгляды. Думаю, при правильно выложенной информации среди них будет немало наших сторонников. Нужно создать там себе опору... Можете продолжать.

— Насчет помощи в войне и контрибуции тоже хорошая идея, под этим лозунгом мы можем захватить много земель. Африка и ее золотые и алмазные россыпи — это быстрое восстановление нашей экономики и средство для поднятия страны.

— Да, экономика наше больное место. Вы правы, этот шанс нельзя упускать. Доложите по порталу, — задумчиво кивнул Сталин.

— Все работает. Два часа назад к нам вылетел Виктор Лукашенко, через час должен приземлиться на аэродроме. Встречающие уже направлены. В остальном все более-менее в норме. Конечно, не хватает транспорта. Слишком большой грузопоток идет из-за портала, но пока справляемся. В окрестностях Казани начато возведение еще двадцати шести складов. Вооружение обеих Особых армии доведено до полного штата. Сейчас формируются два отдельных танковых корпуса и пополняются техникой поступающей от союзников. Корпуса формируются, как и в Особых армиях на бригадных основах. Дефицит топлива для высотных разведчиков пока на высоком уровне, но из-за портала уже начали поступать цистерны с топливом. По прогнозам аналитиков в течение месяца будут сделаны запасы на год вперед. Все что встало из-за недостатка материалов после закрытия порталов, снова пришло к работе. Хочу так же сообщить, что пришедшие до закрытия около двухсот двигателей к танкам Т — тридцать четыре — восемьдесят пять, начаты устанавливаться на новые Т — сорок четыре. Их выпустил Сталинградский завод уже в пятнадцати экземплярах. Сейчас они направляются в танковые училища для обучения будущих командиров.

— Как они прошли испытания, товарищ Берия?

— Отлично прошли, товарищ Сталин. Причем испытания на полигонах проводили не испытатели, а танкисты прошедшие приграничные бои. Танкисты от них в восторге, хотя и не понимают почему мы их навали средними. Сами они на Т — двадцать шестых воевали.

— Кстати, как продвигается замена парка бронемашин?

— Все устаревшие танки проходят модернизацию прямо на местах дислокации. Те, которые переделывают в САУ отвозят на тракторные заводы. Директора обещают в течение месяца выполнить план по переделке техники.

— Как у нас исследования по новым тэ — пятьдесят четыре?

— Комитет инженеров и конструкторов пришли к мнению что массовый выпуск этих танков они могут обеспечить только к декабрю, раньше никак. Это надо полностью перепрофилировать оборудование и заменить станки. Есть мнение, что Сталинградский тракторный и Уральский танковый, который как раз достраивается, уже можно переводить на выпуск этих танков. КаВэ как вы знаете, наши ожидания не оправдал. Выпуск этих танков прекращен. Только выпущено несколько модификаций.

— Это те, которые в войска пошли?

— Так точно, была сформирована отдельная рота, как наших машин, так и нескольких из-за портала, будем тестировать их в бою. Сравнивать. Как раз сейчас они отправлены на Западный фронт.

— Хорошо, проследим за этим. А пока запускайте в действие операцию 'Наследие'.

Окрестности Минска.

13 июля. 13 часов 43 минуты по местному времени.

Подразделение капитана Куницына. Части Особой Армии.

— Идут? — нетерпеливо поинтересовался сидевший за рычагами танка молодой девятнадцатилетний парень. Танк стоял под открытым солнцем, и медленно нагревался под жаркими лучами, что уже доставляло неудобство экипажу.

— Не. Мы связь с дозорами держим, они говорят столб пыли видно, больше ничего, — ответил невысокий круглолицей сержант лет двадцати пяти в синем танковом комбинезоне. Сдвинув шлемофон на затылок. Он снова припал к окулярам, рассматривая поле перед капониром.

Место для засады было выбрано просто идеально. То есть, никто не подумает, что тут может быть засада. За ночь была проведена просто титаническая работа. В открытом поле с помощью экскаваторов, что пришли вместе с ротой тяжелых танков были вырыты восемнадцать капониров. Землю пришлось вывозить в дальний овраг и прикрыть нарезанным дерном. Маскировка тоже была произведена на высшем уровне. Просто на ровном поле появилось восемнадцать небольших бугорков с вкраплением кустов просматриваемых насквозь.

По сообщению разведки в их направлении отходили части потрепанных в последних боях танковой дивизии немцев. На ничейной полосе, как прозвали бойцы землю от границы до УРов, в большинстве своем был слоенный пирог, где немцы где наши не всегда понятно. Очень помогали самолеты разведчики, однако сейчас в небе было слишком много авиации противника. Наших тоже хватало, поэтому то тут то там частенько вспыхивали короткие, или затяжные воздушные бои.

Экипаж танка номер — семнадцать, отдельной тяжелой роты состоял из пяти человек. Сержант Панин, наводчик, единственный повоевавший в этой войне из всего экипажа. Заряжающий, рядовой Мамеев. Механик-водитель, младший сержант Плохиш. Стрелок-радист рядовой Усанбеков. Командира танка в данный момент отсутствовал. Лейтенант Хакимов с утра мучился животом, и в сейчас находился в известном месте, которое не забыли возвести по приказу опытного комроты саперы.

— Товарищ сержант? — окликнул Панина, Плохиш.

— Чего? — не отвлекаясь от наблюдения, спросил наводчик.

— А первый бой это страшно?

Остальные танкисты тоже прислушались к ответу.

— Я первый бой, если честно, плохо помню, размыто, кусками все.

— А какой он был?

— Да просто все. Немцы по двум дорогам шли, одну мы держали. Другую, соседний батальон нашего полка. Когда немцы стали подрываться на минах ударили из-за засады им в борта. За три боя, почти сорок машин тогда пожгли. Всего семь своих потеряли.

— А?..

В это время в открытый люк втиснулся командир, и поинтересовался у радиста.

— Было что?

— Молчат... — произнес было он, как замерев, прислушался: — Приказ по роте, готовность, противник на подходе.

— Броневой, — приказал лейтенант, поудобнее устраиваясь на своем командирском месте.

Первый стомиллиметровый снаряд занял свое место. Чуть шевельнулась пушка тяжелого КВ-1-М выискивая цель впереди. Девять КВ, батарея САУ-85, усиленный взвод из пяти машин Т-34-85 и зенитный взвод замерли в ожидании. Пыль, стоявшая у самого горизонта заметно приблизилась к месту засады. Вот в клубах пыли вывернул юркий броневик с автоматической пушкой в маленькой башенке.

Остановившись, он повертелся и, убедившись, что все чисто умчался дальше, через пять минут появилась основная колонна отступающих немецких войск.

— Внимание по роте. За немцами впритык идут гвардейцы полковника Рыжкина, так что будьте внимательны. Своих не подстрелите, — слышался в наушниках голос капитана Куницына.

— Принято...

— Принято...

— Принято... — слышались ответы командиров взводов.

— Вижу цель. Батарея артштурма, они наши. Начинай с головного, — начал корректировку Хакимов.

— Есть. Наблюдая первую установку, — прикинув к прицелу, прошептал Панин.

— Ждем! Приказа на открытие огня не было... А-а-гонь!

Москва.

13 июля. 13 часов 58 минут.

Служебная гостиница НКВД. Номер адмирала Нахимова.

— Что скажете господи? — поинтересовался адмирал у двух своих подчиненных. Остальные приглашены не были.

Каперанг Ульянов, а в действительности жандармский полковник Ульянов Владимир Данилович пожал плечами:

— Слишком мало информации Павел Степанович. Пока не добудем больше информации, ничего сказать не могу, но возможности наших надеюсь, будущих союзников, впечатляют. Причем сильно. Я согласен с Императором, этот союз нам нужен как воздух.

— Андрей Викторович? — повернулся адмирал ко второму подчиненному полковнику Кузнецову.

Несмотря на всеобщую нелюбовь и признание к жандармам, никакой неприязни между офицерами не чувствовалось. Все они были боевыми офицерами выполняющих приказ самого Императора, так что никаких личных отношений к Ульянову не было. Да и за время той бешеной гонки по мирам успели неплохо изучить его, составив мнение как о человеке чести.

— Согласен с Владимиром Даниловичем. Этот союз нам нужен. Одно уточнение. Сколько мы тут пробудем?

— Примерно... От года до двух лет, — задумавшись на мгновение ответил адмирал.

Именно эти числа спрогнозировал Александр. Он считал за это время война если не закончиться, то вполне может выйти за пределы Польши.

— Нужно подготовиться к встрече. Все примерили принесенные костюмы?

— Да, они такие странные. Однобортные. Двух. Я спрашивал у дежурной по этажу. Она не знает что это такое, но одеться помогла, — ответил адмиралу, Ульянов, поправив рукав пиджака.

Он встал раньше всех и успел познакомиться не только со сменившейся дежурной но и с соседями. А с двумя, только что прибывшими с фронта офицерами местной спецслужбы даже выпить по наливке.

— Полчаса назад со мной связался по телефону... — адмирал с невольным уважением посмотрел на стоявший в прихожей телефон, — представитель местных властей. Генерал Гоголев теперь будет с нами постоянно, так что если будут какие вопросы можно связаться с ним или его замом майором Верником.

— Вопросы есть, и много, — ответил Ульянов.

Полковник Кузнецов кивнул подтверждая.

— Если все пройдет нормально, хотелось бы быстрее начать освоение новых знаний. Я тут познакомился с двумя командирами, оказались бывшими офицерами Царской армии. Хорошие ребята.

— Хорошо. Господа, встреча с главой государства назначена на три часа, времени осталось немного за это время нужно подготовиться...

— Уф-ф! — выходя из кабинета Сталина, выдохнул я, на ходу вытирая пот со лба.

Мельком глянув на Поскребышева, подошел к вставшей со стула Але и, подхватив ее под локоть, направился к выходу.

— Ну как?

— Давненько меня так на ковре не песочили. Все припомнили, — несколько заторможено ответил я.

— За дело же.

— Знаю. Все равно была бы возможность, так же поступил. А то, что за дело, все правильно, так и нужно. Я еще удивляюсь, что меня на губу не посадили.

— На губу?! — Аля иронично приподняла бровь.

— Ну, или под домашний арест, — отмахнулся я.

Шедшие впереди коробочкой сотрудники НКВД, все, не ниже званием лейтенанта, был один даже майор, рявкали присутствующим, или шедшим им на встречу по коридору:

— Лицом к стене! Не смотреть!

А я посмотрел. То есть, посмотреть на явно военного, облаченного в гражданскую одежду, прежде чем повернулся, успел. Поэтому выполнив приказ, ошарашенно подумал:

'Канарис?'

Не узнать адмирала я не мог, сам делал первичную подборку биографий всех германских лидеров перед отправкой к Сталину. Несколько фото адмирала, там присутствовало.

Первая же мысль пришедшая после увиденного, и проследовавший за этим анализ вызвал восхищенные слова уже вслух:

— Ну ни хрена себе?! Вот это да!

За что получил хорошую затрещину от Али. Опять-таки за дело, но все равно, планы Сталина впечатляли.

Окрестности Минска.

13 июля. 14 часов 26 минуты по местному времени.

Подразделение капитана Куницына. Части Особой Армии.

— Подкалиберный!!! Подкалиберный, твою мать!!! — орал, даже не слыша себя сержант Панин, подводя прицел под башню очередной 'тройки'. Не в первый раз прилетал подарочек от противника, так что все в экипаже, несмотря на открытые люки в башне, успели получить хоть и легкие, но все-таки контузии.

По башне в очередной раз ударила болванка, вызвав новый звон и брызги мелкой стальной крошки.

Вытерев текущую по лицу кровь, сержант посмотрел вправо. Повиснув на сиденье, заряжающий уронил подбородок на грудь.

— Что там? — спросил лейтенант.

— Кажется Мамеева ранило.

— Плохиш, замени. Усанбеков проверь, что с заряжающим.

— Есть!

— Есть!

Пока механик и радист возились убирая заряжающего вниз, сержант успел перезарядить оружие.

Подкручивая маховики настройки он подправил прицел, и топнул по педали пуска.

— Есть! Горит! — воскликнул сержант.

— Вижу! Справа еще восемь 'четверок' подходит, — известил наводчика лейтенант.

— Берем их?

— Да.

С той стороны роту прикрывало две самоходки и один из КВ. Но за прошедший бой, обе самоходки подбитые горели, а у КВ заклинило башню и разбило прицел. По докладу разведки на усиленную роту шел один танковый батальон, на этот раз они ошиблись. Судя по видневшимся сквозь относимую ветром огненной завесы и копоты, шел на них полнокровный полк. Танковый батальон, и два моторизованных.

— Все, только осколочные остались! — закинув последний бронебойный снаряд, известил всех по ТПУ Плохиш.

— М-м-м, — задумался лейтенант: — Так, Усанбеков!

— Я!

— Плохиш!

— Я!

— Берем ноги в руки и к соседу, пусть боезапасом поделиться. Ну чего сидим? Вперед!

В это время открытая крышка люка зазвенела от попадания снаряда. Посмотрев на внушительную вмятину, Плохиш перевел взгляд на командира.

— Товарищ лейтенант... — заныл механик.

— Плохиш, не тупи, через нижний люк!

— Есть! — обрадованно заорал механик и вслед за радистом покинул машину.

В течение десяти минут, с помощью спешенного десанта, что охранял танк в окопах, было доставлено два десятка бронебойных снарядов.

— Шабаш. Выдохлись гансы! — крикнул бойцам лейтенант.

И действительно, вот уже пару минут как не слышно канонады. Однако и через черный смог от горящей техники было плохо видно, приподнявшийся Плохиш заметив спину удаляющегося бойца-связного — рацию разбили еще в начале боя — сообразил, откуда сведенья.

Осторожно, боясь нарваться на шальную пулю, бойцы выглядывали из окопов, стараясь хоть что-то рассмотреть сквозь дым.

Вдали послышался лязг и гул дизелей. Вот замелькали в дыму знакомые силуэты 'тридцатьчетверок' с их кургузыми башнями.

Бойцы облегченно засмеялись, прибыла кавалерия, хозяйство Рыжкина прибыло. Трехбашенные монстры Т-28 воспринимались уже спокойнее.

Через минуту экипаж рассматривал танк. Слышались удивленные возгласы.

— Восемьдесят три, восемьдесят четыре... Все, вроде? М-да, крепка сталинградская броня. Восемьдесят четыре попадания. Умеют немцы стрелять, — озадаченно почесал Хакимов затылок, от чего шлемофон сполз на лоб.

— Товарищ лейтенант, а потери наши какие? — спросил Панин. Командир только что вернулся от комроты, так что свежие новости знал.

— Большие, сержант. Большие, — вздохнул Хакимов: — Самоходка считай, одна уцелела, 'тридцатьчетверки' две машины потеряли, одну вроде восстановят, инженера

обещали. Из КВ, у трех башни заклинило, один горел, ладно экипаж потушить успел. У машины Воронова ствол пробило. Одним зениткам ничего, так царапины. Они почитай больше всего побили. Сорок девять на них записали, и это не считая обычной колесной техники. Людей много потеряли. Из десанта особенно.

Бойцы с уважением посмотрели в сторону как раз выбиравшегося из капонира ЗСУ-57-2, что с трудом выбил у генерала Катуква комроты.

Пока экипаж под охраной приписанного к ним танкового десанта осматривал и при возможности чинил боевую машину, командиры осматривали горящие и подбитые танки противника, изредка поглядывая на большую толпу пленных, куда бойцы загоняли немцев, строя их в маршевую колонну.

— Сто семнадцать танков уничтожено, двенадцать захвачено. Дозоры сообщили, что восемь ушли, краем оврага прошли, — махнул рукой комроты, докладывая полковнику Рыжкову, которому и была переподчинена их тяжелая рота.

— Колесной техники? — спросил полковник.

— Много. Там пробка образовалась, так что больше трёхсот единиц. Захватили почти сотню. Бронетранспортеры и другая техника подсчитываются. О, кстати, мы там несколько батарей эрликонов захватили. Целые.

— Пленные?

— Еще не знаем, считают.

— Ясно. Доклад мне через час, — приказал полковник, и развернувшись направился к своему Т-28. В отличие от капитана Рыжков в Особую армию не входил, и вооружен был в основном устаревшей техникой, кроме двух десятков 'тридцатьчетверок' образцов сорокового и сорок первого года.

Санкт-Петербург.

18 июля 2011 год. Петербургский тракторный завод (ПТЗ) — Кировец.

— Что за заказ? — без особого интереса поинтересовался один грузчик у другого.

— Не знаю. Павлов сказал, срочный заказ от Москвы, — кивнул на стоявшего в отдалении старшего инженера завода, который что-то обсуждал с одним из железнодорожников, усиленно жестикулируя.

Гремя сцепками к пандусу подполз тепловоз. Двенадцать прибывших специалистов завода изумленно замерли. Хотя груз и был прикрыт, с одного ветром сорвало брезент, явив мастерам то, что было укрыто.

Седьмым по счету, стоял разбитый танк. Красная звезда, несколько пробоин в башне и корме, без гусениц, явно показывали, что и откуда он прибыл.

- 'Тридцатьчетвёрка', довоенная еще, — выдохнул один из инженеров.

— У меня дед под Харьковом в сорок втором в таком же сгорел, — стянул с головы кепку, пробормотал один из мастеров.

Было ясно, что под остальными брезентами скрывается то же самое. Битые и горелые советские танки.

Наконец последний раз лязгнув сцепкой, состав остановился.

— Внимание. В технике могут быть боеприпасы. Приступим после того как их осмотрят саперы, — крикнул старший инженер, после некоторого обдумывания.

Пока ждали саперов, несколько мастеров и грузчиков не удержались и заглянули в некоторые боевые машины.

— Ребята тут в крови все. Пробоина на уровне мехвода, — крикнул один из грузчиков. Раздался гул голосов, заводчане обсуждали шокирующие новости.

Среди поврежденной техники были не только известные каждому русскому человеку Т-34, но и другие танки. Среди них мастера смогли опознать только Т-28 и Т-26.

Вернувшийся из диспетчерской инженер Павлов. Ответил на вопросы мастеров.

— Да, Москва сама не знала, что на ремонт везут. В заявке написано, что поломанная техника из Беларуси.

— Понятно. Видимо Минский завод не справляется. Жаркие бои идут, — качали головой мастера.

— В вагонах запчасти, — озвучил инженер, заметив, как все рассматривают четыре вагона в конце состава.

— Короче, Степаныч, когда их восстановить нужно? — рубанув рукой, спросил один из мастеров у инженера.

— Как можно быстрее, — несколько растерянно ответил он.

— Сделаем, — мастер обернулся, — так ведь ребята?

— Да-а!!!

— Мы еще и модернизацию проведем. У меня сын этими делами увлекается. Сделает проект.

Подхватив сумку со спецпайком, я направился было к выходу, как столкнулся в дверях с Гоголевым-старшим.

— А, Демин. Ты-то мне и нужен. Время есть?

— Конечно, я уже шестой день отдыхаю. Отчеты не работа, так, можно сказать разнообразие. Гуляю город изучаю. В Эрмитаж вот собрался.

— Эрмитаж в Ленинграде.

— Да? — я на несколько секунд завис: — А что в Москве? Вот, значит в Третьяковку. Еще и на 'Аврору' посмотреть охота.

Горестно вздохнув, Гоголев сказал:

— Зайди ко мне часам к шести вечера. Хорошо?

— В шесть как раз проблема. Родители решили провести свое любимое чадо. Может пораньше?

— Пораньше? Пораньше... пораньше, — задумчиво нахмурился генерал: - Тогда к трем. Как раз будет двадцатиминутный перерыв.

— К трем так к трем. Буду.

— Хорошо, и про субординацию не забывай. Ты же майор госбезопасности!

— А я в гражданке и с не покрытой головой, тем более в отпуске, — сразу же отмазался я.

Зря что ли джинсы одевал? Тут пока идешь по учреждению, замучаешься отмашки давать. Дали отдых, отдыхаю.

— Иди уже, — отмахнулся от меня генерал.

— Есть.

Выскользнув за дверь, спустился к дежурному в фойе, как был остановлен, удивленным окриком:

— Демин? Александр?

Обернувшись, сразу узнал Воронова. Он был в форме полковника с общевойсковыми эмблемами.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— К пустой голове руку не прикладывают, — машинально ответил он.

— Знаю.

— Ну, привет.

Не обращая внимания на нескольких присутствующих в фойе мужчин, обнялись, хлопая друг друга по спине.

— Есть тут, где поговорить? — оглядевшись, поинтересовался Воронов.

— В столовой можно, но лучше в ресторан. Отметить надо. Тем более Аля к подружкам сбежала, до вечера не будет. Пошли.

— Подожди. У меня совещание через час, так что давай просто пообщаемся. А встречу и после отметить можно.

— Да? — мельком глянув на часы, я скривился: — У меня тоже несколько назначено. До трех, всего два часа осталось. Может, в парк пойдем? Там много укромных мест есть. Посидим. Я еще паек получить успел, есть чем отметить и закусить.

— Пошли.

Расположились мы в ближайшем парке на одной из скамеек укрытых от глаз прогуливающихся прохожих.

— Хорошее место. И аккуратно все, — оглядевшись, пробормотал Воронов.

— Боковая тропинка, тут мало кто гуляет, — ответил я, нарезая колбасу.

— Ты сейчас где? А то я смотрю, в гражданке ходишь?

— В бессрочном отпуске. Сказали пока не вызовем, отдыхай. Развлекаюсь помаленьку. Гоголева недавно встретил. Совсем заработался, шуток не понимает. Ты не сиди, разливай пока, зря что ли я у дежурного стаканы тиснул?

— Угу, — захрустел Воронов крышкой бутылки коньяка: — Ты же вроде не пьешь?

— Не пью. Водку. А коньяк буду, немного, так за компанию. Сам где?

— Сперва в мотострелковом корпусе служил, зам командира. Обучал. Новые армии. А семь дней назад сюда перевели. В Генеральный штаб.

— А, понятно. Видел, как же. Нехило они там устроились.

— Сам удивлен был, нам бы такие компьютеризированные штабы. Представляешь, у них там везде над местами боев авио-разведчики висят в основном из местных. Плюс наши два высотника, недавно еще шесть 'тушек' переправили, вот они посменно и бороздят границы. Немцы только подумают, штаб уже знает и приказы отдает. Мы знаем, где каждая наша часть стоит вплоть до батальона, и можем командовать ими. Но это все так, мелочи, а вот когда на орбиту спутники выведут...

— Неплохо устроились. А потери большие? Ну, среди разведчиков?

— Есть, — скривился полковник: — Шестнадцать уже ссадили. Как мы только их не прикрываем... Эх, девять комплектов наблюдения потеряли. Безвозвратно.

— Понятно. А накал боев какой?

— Да никакого бы не было, не держи нас за руки. С такой разведкой нам немцы на один укус. Мы даже ночью их мониторим, вдруг какая честь с места дислокации снимется. А авиация? Их штабы, вплоть до полкового уровня можем вынести 'на раз'. Но — отбой. Только крупные железнодорожные станции. Даже на заводы всего пару налетов сделано было, а ведь мы можем за пару недель вообще всю их промышленность на ноль помножить. Чего тянут? — непонимающе пожал плечами Воронов — У Джека Лондона в 'Лютом звере', Пат тоже попробовал с Голландцем поиграть, так ведь пару раз едва не доигрался. Но он и подготовлен был не чета нынешней РККА. А тут как в поговорке: отмеряй микрометром, отмечай мелом, руби топором. Да через раз мимо метки!

— Ладно, не будем о грустном, между первой и второй перерывчик небольшой.

Чокнувшись, мы закусили, обдумывая сказанное.

— Ждут, значит так надо, — ответил я.

— Да хрен сними. Мы знаешь на диверсантах какого опыта набрались на использовании аппаратуры? Ого-го. Можем вызвать любую группу и направить ее на

уничтожение любого объекта. Если надо помощь, или поможем уйти от преследователей. Кстати, я когда в первый раз попал в главный зал...

— Это где монитор во всю стену?

— Он самый, только там несколько больших телевизоров совмещенных в один экран. Так вот, там как раз рассматривали бой в прямой эфире, нашей тяжелой танковой роты против механизированного полка немцев. Нашей роте дезу слили, что на них всего батальон идет, испытывали экспериментальные машины на полном серьезе... Вот как раз и попал на конец боя.

— А что с ротой? Потери большие? — заинтересовался я.

— Потери? Потери... — Воронов вздохнул, — потери почти шестьдесят процентов, но полк они уничтожили.

— Молодцы.

— Это да. Там один экипаж, вроде лейтенанта Хакимова тридцать шесть танков и самоходок уничтожил. К Герою лейтенанта представили, а экипаж к орденам. Там многих к наградам представили.

— Я и говорю молодцы.

— Ну да. Там после боя почти все машины на ремонт отправили. Ни одной без попадания. А у Хакимова, представляешь, в башню ахт-ахт два раза засандалила и ничего, броню не пробила, хотя осколками экипаж посеколо.

— Фигасе, что за танки? Наши?

— Не. КаВэшки модернизированные. Пушки из нашего мира стомиллиметровые, снаряды тоже наши, привозные. Но их скоро выпускать начнут, прошли испытания на все сто. Сам КаВэ, тоже изменили, башня приплюснута как у пятьдесятчетверки, двигуны тысяче сильные. Хорошие машинки. Ходовая, тоже сделана. Оптика там. Короче испытывали их во всех категориях, не только как они поведут себя в бою. Я разговор двух генералов слышал, так что знаю.

— Выпускать будут?

— Наверное. Танкисты от них в восторге. Особенно те, что на старых КВ войну начинали.

— А не проще пятидесяти четвертые или пятидесяти пятые сразу выпускать?

— Ни фиги. В начале войны, когда танки нужны как воздух? Небольшие переделки еще возможны, но полностью перепрофилировать производство под другой танк это уже время, которого у нас и так мало. Хотя... машины экспериментальные. Те что из-за ленточки в бой не посылали, возможности наших танков только по фильмам и знают. Может уже начали какой завод оборудовать под пятьдесят пятые. Кто знает? Кстати, заметь, мы получаем множество битой техники, причем в основном старой. Двадцать шестые там или вообще монстры тэ тридцать пятые, грузят и отправляют их куда-то по железке.

— А, так это я в курсе. Все побитые. В основном те, что трудно восстановить, а выкинуть жалко к нам отправляют. Причем не в Белоруссию, а в Россию, накал патриотизма хотят поднять, что-то они там затевают, — задумчиво почесал я затылок.

— Хорошее дело, может под это дело еще что добудут? Ништяков много надо.

— Голова у них на плечах есть, пусть думают. Тебе кстати не обидно, что в штаб отправили?

— С чего бы это? Я тут квалификацию поднимаю. Опыт он и есть опыт. Да и нравится мне тут. Подомной шесть операторов-радиостов, вот ими я и командую. Общее руководство на Шапошникове. Он знаешь, как развернулся?

— Знаю, вчера с ним разговаривал, провел он мне экскурсию.

— Черт, время, — воскликнул полковник вскакивая: — Ладно. Сегодня встретится не получится, давай завтра?

— Вечером, часам к шести встретимся в управлении.

— Лады.

Проводив взглядом спешившего Воронова, собрал все что осталось и убрал в сумку. После ста грамм коньяка появилась легкая бодрость в теле. Мельком глянув на часы, решил идти к Гоголеву, вдруг раньше освободиться.

18 июля. Мир СССР. 15 часов. 12 минут.

Окраина Минска. Тяжелая танковая рота капитана Куницына.

— И что выдержала? — недоверчиво спросил невысокий рыжий танкист.

— Сам посмотри, там два сердечника торчат, — ответил Плохиш.

Вместе с рыжим, встало еще шестеро пришлых танкистов и стали осматривать башню — как наиболее пострадавшую часть, на предмет пробоин.

Остатки роты капитана Куницына после рембата ждали погрузки на железнодорожной станции, их отправляли вместе с экипажами на завод, где временно расквартировался КБ, проводивший модернизацию танков. Однако приказ из штаба фронта перейти в подчинение представителя Генштаба, фактически вернул их с платформ.

За два часа с момента приказа, они успели занять позиции на окраине города. То, что Минск готовят к сдаче — особо не обсуждалось и не афишировалось тоже, но все про это знали.

Представитель Генштаба, тучный полковник с фамилией Бродман, не только снял роту с погрузки, но даже велел вывести все способные стрелять танки из рембата и подготовить из них неподвижные огневые точки, подчинив все их Куницыну.

Вот сейчас как раз экипаж КВ-2, которого притащили на тропе и столкнули в неизвестно кем вырытый капонир, и башня которого торчала в тридцати метрах от танка лейтенанта Хакимова, обсуждали прошедший шесть дней назад бой, проходивший в тридцати километрах от Минска.

Незнакомые танкисты не только осмотрели КаВэшку снаружи, но и изучили ее изнутри.

— М-да. Как только броня выдержала? Нас вон, с первого выстрела срезали. Прямое попадание в двигатель, — хмуро проговорил командир 'двойки' старший лейтенант Проса.

— Это экспериментальные машины. Скоро общий выпуск пойдут, — ответил Хакимов, гордо оглядывая свой танк.

Пока Плохиш рассказывал не верящему рыжему, который, кстати тоже был мехводом про ходовую. Панин же в красках описывал, как после попадания их снаряда в лобовую броню 'тройки': у того аж двигатель вылетел сзади, показалась, наконец, 'эмка' полковника.

— Товарищи командиры? Попрошу подойти ко мне, — приказал он, расстелив на капоте карту.

Командиров осталось одиннадцать. Это только в самоходках командовали сержанты. В остальных танках, даже зенитных, командиры были в званиях не ниже младшего лейтенанта.

— Так, товарищи командиры, ваша задача...

Возвращаясь к своему танку, капитан Куницын размышлял над поставленным заданием.

'Танков осталось одиннадцать. Восемь КВ. Три 'тридцатьчетверки', две самоходки и зенитки. Да еще эти пришлые. Хотя... Два КВ, 'двойка' и 'единица' тоже не плохо. Но

куда мне, восемь тэ двадцать шестых? Да еще у одного башня закинена, вон экипаж починить пытается. Металлолом!"

— ...а вы что скажете, товарищ капитан? — отвлек комроты от размышлений вопрос одного из подчиненных, командира батареи самоходок старшего лейтенанта Скворца.

Оказалось, шедшие рядом командиры вслух обсуждали тот же приказ. А приказ был странным. Было бы неудивительно, если бы их поставили оборонять город, перекрыв шоссе или другие важные подступы. Однако приказ был довольно четок и немногословен. Не оборонять, а именно охранять группу специалистов из Москвы и спецбатальон, которые сейчас как раз разгружались на станции.

Вообще-то, практически все железнодорожные пути были уничтожены, осталась только одна ветка на Минск, которую охраняли особо, но и она была готова к уничтожению. Дорога в основном использовалась для вывоза поврежденной и сгоревшей бронетехники, которую почему-то эвакуировали, даже если восстановить ее невозможно. Также трофейную технику и, конечно же, раненых. Санитарные поезда курсировали по ней постоянно. Так что ничего удивительного в прибытии не было, они и сами должны были отбыть по этой единственной нитке снабжающей войска у города.

— Странный приказ.

— Да нет, товарищ капитан. Мы тут обсуждали, что за батальон нам нужно охранять.

— Да это и так понятно. Опять что-то новое будут испытывать в боевых условиях, — отмахнулся Куницын.

Как ни странно, в этом он не ошибся, когда подошел батальон — они увидели оружие, которое несли бойцы.

— Пулеметы, что ли?

— Странные какие-то, на треногах. Тяжелые, наверное, — обсуждали сидевшие на броне ближайшей бронемашины, танкисты.

Как и для танкистов, для спецбатальона тоже были подготовленные позиции. Окопы полного профиля, а не привычные и не нужные ячейки. Охрана из бойцов НКВД никого к ним не подпускала, и отслеживала все перемещения рядом чужих бойцов. Особенно охрана крутилась у десяти молодых командиров со странным оружием в руках, которое они то и дело закидывали на плечо и как будто прицеливались.

— Расчет три человека. Первый номер, второй... Третий, точно подносчик, — профессионально оценил бойцов спецбата Куницын.

— А эти? — поинтересовался Проса, кивнув на непонятных командиров. В ответ комроты только пожал плечами.

Однако к удивлению танкистов и роты танкодесантников, которые тоже с интересом наблюдали за прибывшими, оружие на бруствер они не устанавливали, а только приготовили позиции.

— Воздух!!! — раздался крик наблюдателя.

Танкисты спокойно стали укрываться, лениво наблюдая за небом. Это был уже не первый налет, и парни ожидали увидеть очередной воздушный бой. Что-то, а воздушной прикрытия города было на высоте. Первыми захлопали зенитки, не ротные, те молчали, не выдавая свои позиции. Через минуту они смолкли, в дело вступили истребители прикрытия. Немцы шли двумя эшелонами. Первыми истребители расчистки воздуха. Вторыми уже сами бомбардировщики.

— Десять 'мессеров', и тридцать 'юнкерсов', — пробормотал Плохиш.

— Наверху еще четыре 'мессера'. Вон, видишь? — ткнул пальцем в точки под облаком сержант Панин.

— Наших мало, шесть только, — вздохнул Плохиш.

— Это да... Черт прорвались все-таки, — стукнул кулаком по брустверу Панин.

В это время масксети сползли с ротных зениток, и тонкие пятидесятисемимиллиметровые стволы приподнялись и, как будто принохиваясь, стали выцеливать свои жертвы.

— Ща им дадут, — радостно усмехнулся Плохиш.

У него была причина для уверенности. Во время следования к месту первого боя, на них наткнулось звено 'лаптежников' которые куда-то шли. Реакция зенитчиков была незамедлительной. Несколько коротких очередей и три костра на земле.

— Может быть, — не совсем уверенно ответил Панин.

— Чего опять? — недовольно спросил мехвод.

— Те на бреющем шли, а эти на километровой высоте, — пояснил свои сомнения сержант.

Однако наводчик ошибся. Высота не стала преградой для 'зэсэушек', и через секунду в слегка разобщенный после прорыва строй бомбардировщиков полетели первые снаряды.

— Горит, — радостно воскликнул Плохиш, — смотри еще один.

— Вижу. Молодцы наши соколы, а то разлетались, понимаешь, — довольно кивнул сержант.

Несколько бомбардировщиков освободилось от своего груза, и судя по взрывам и сильным пожарам неподалёку от воинских складов сбросили они их туда куда надо.

После того как последние 'юнкеры' стали удаляться, стараясь сбросить с хвоста четверку 'яков', которые только что подоспели, видимо дежурное звено, капитан Куницын покинул противовоздушную щель. Первым что он отметил — это довольное лицо полковника, провожающего взглядом немецкие самолеты.

— Капитан? Передайте приказ на отдых. Противник подойдет к городу через два часа.

— Есть, — козырнул Куницын и, развернувшись, направился к своей роте. После докладов всех командиров, что в распоряжение все в порядке — еще бы, их не бомбили — капитан отдал приказ на оборудование запасных позиций. Отдых-отдыхом, но вбитые в него советниками азы танковой тактики засадных боев, требовали действовать.

И под рев двигателей зениток, менявших свои позиции, бойцы взяв в руки лопаты и кирки направились на оборудование ложных и запасных позиций.

Через три часа пришел злой полковник, ругающий наших сталинских соколов, которые разбомбили понтонный мост, по которому переправлялись немцы.

— Теперь даже не знаю что делать. Может саперов им в помощь отправить? — горько пошутил Бордман.

Посмотрев на недоумевающих командиров. Он пояснил.

— Не успеют они сегодня мост починить и переправиться. Ладно, капитан. Отбой. Завтра их ждать будем, — махнул рукой полковник и направился к своей машине.

Закинув пакет с пайком на заднее сиденье машины, направился в управление. Гоголев был занят, так что пришлось подождать в приемной, когда из кабинета выйдут люди.

— Проходите, — кивнул секретарь генерала в форме старшего лейтенанта.

— Посиди пока. Изучай последние новости. Я сейчас, — кивнув на папку, сказал Гоголев, широким шагом выходя из кабинета. Судя по его виду что-то срочное.

Подхватив паку, присел на один из стульев у шкафа.

— Ну что тут у нас? Отчеты... О, а это что? Дневник? Ну-ка?

Взяв в руки слегка потрепанную тетрадку, открыл первую страницу. На лицевой стороне была приклеен бланк.

'Копия дневника пленённого в лесочке под Сосновкой командира танка старшего капрала Войска Польского Матеуса Дубожинского. Взят в плен подразделением Белорусской армии у 'Объекта-2' в приграничном конфликте. Передан белорусской СБ, представителям НКГБ в республике. Принят, капитаном НКГБ Смеловым Александром Николаевичем'.

'...5 июля 2011 года.

Ну, вот, кажется, началось. Около часа назад, в 21:00 была объявлена боевая тревога. И уже в 21:30 было произведено общее построение нашего танкового батальона. Перед нами была поставлена боевая задача: внезапным ударом захватить секретный военный объект противника расположенный, как мы и ожидали, на территории соседней Беларуси. Впрочем, всё это когда-то принадлежало нашему великому государству и настало, наконец, время для восстановления справедливости. Особо радует, что именно моей танковой роте предстоит оказаться на острие атаки.

После построения, загрузив боеприпасы и отдав приказание экипажу моего 'Леопарда' о дальнейшей подготовке к маршу, как и полагается истинному польскому шляхтичу, уделяю немного времени своему дневнику. Должны же мои будущие потомки знать о том, что их предок лично участвовал в воплощении в жизнь идеи о великой Польше от моря и до моря! Поэтому предстоящие судьбоносные для нашей страны события постараюсь описать как можно более-подробнее. Экипаж моего танка, как мне говорили мои друзья, втихомолку посмеивается над литературными упражнениями своего командира, но я не беру это в голову. Это ведь у меня древний шляхетский род, идущий ещё со времён первых польских королей, а они и про своих дедов-то мало чего знают! Ладно, ближе к делу, времени осталось совсем немного, колонна отправляется ровно в 23 часа.

Сейчас нам предстоит выдвинуться в район пограничного перехода через Буг и ожидать там приказа о пересечении границы.

6 июля 2011 года.

В 1 час 25 минут ночи вышли на заданную позицию, не доехав где-то с полкилометра до нашего пограничного пункта. Тут нас уже ожидал ранее прибывший пехотный батальон на бронетранспортёрах. С ним нам и предстоит взаимодействовать в дальнейшем. Сразу по прибытии командир роты собрал командиров взводов и танков на небольшое совещание. С нами он обговорил дальнейший план действий и дал команду отдыхать до особого распоряжения. Что мы и сделали, выставив предварительно караулы. Остальные танки батальона остались где-то позади. У них была своя задача. Ладно, теперь надо поспать, так как вставать придётся рано.

В 3 часа утра поступил сигнал 'подъём'. Все наскоро перекусили и стали готовиться к операции, которая назначена на 4 часа утра. Наверное, дневник продолжить удастся не скоро. 'Леопард', конечно, не древний Т-72, на котором довелось служить моему отцу. Идёт плавно и ровно, но в движении не очень-то попишешь. Но, главное: мы идём вершить справедливость. Мой прадед, сгинувший в Катыни от проклятых большевиков, мною бы гордился. Я удивляюсь, что такое мнение разделяют почему-то не все мои сослуживцы. Кстати, моя бабушка показывала письмо от деда, что он послал ей из плена. Оно, правда, почему-то было датировано сентябрём 1941 года. Но тут нет ничего удивительного: мой покойный дед утверждал, что проклятые большевики переправили дату, чтобы замести свои кровавые преступления перед польским народом. Я ему верю. И мы им и это припомним. Колонна бронетехники, готовая к победоносному маршу, уже выстроилась. Два взвода роты, включая и мой второй, возглавили её. Остальные танки пристроились к хвосту колонны. Сейчас тронемся, до старта остались считанные минуты.

Уже светало. И тут произошла непредвиденная остановка. Подъехали к какой-то деревушке Чернавчицы, если верить GPS-навигатору, и только тут выяснилось, что местечек Сосновка целых 2 штуки: одно недалеко от нас — в 4 километрах, а до другого — километров 70. Проклятые штабные крысы, опять что-то там перепутали! От командира роты нам поступила команда на остановку, и он сейчас по радио уточняет маршрут. А я, вот, занялся опять дневником. Доехали, кстати, довольно быстро. Почти без стрельбы. Ну, вмазали пару раз по зданию таможни, да пару-тройку постов их-ней милиции по дороге раздолбили. Что интересно: белорусы даже не сопротивлялись. Наверное, от страха заранее разбежались. Недаром же они годились только прислуживать моим предкам. Впрочем, что-то и на шоссе машин не видно совсем. Даже когда мы проезжали почти рядом с Брестом. О, кажется с маршрутом разобрались, мой радист говорит, что поступила команда заводить двигатели.

Проклятые белорусы!!! Ну не умеют они честно воевать. С открытым, как говорится, забралом. Не зря, выходит, их наши нынешние союзники-немцы недочеловеками в ту войну называли. Если бы они с немцами тогда также честно воевали как и мы — доблестные поляки, то СССР не продержался бы и месяца против вермахта.

Вот и мы сегодня надеялись, что война будет честной. Теперь понимаю — зря!!! А ведь сперва всё вроде как по нашему плану шло. Мы свернули направо с шоссе на какую-то просёлочную дорогу. Не прошло и десяти минут, как вся наша едва ли не километровая колонна втянулась на эту, с позволения сказать, дорогу. С моего танка уже стало видно большое скопление разнообразной военной и не только техники перед каким-то лесочком. Мы даже успели дать несколько выстрелов туда. И вдруг дорога под нами будто взорвалась. Тут же справа от колонны заработали многочисленные пулемёты и РПГ. Эти звуки ни с чем не спутаешь. На недавнем учении приходилось уже их слышать. Я и не помню, как выскочил из своей горящей машины. Большие никто так и не успел спастись из моего экипажа. Только и успел сделать пару шагов от машины, как сзади раздался сильнейший взрыв. Взорвался боекомплект следовавшей за нами БМП. Взрывной волной меня откинуло на несколько метров от машины. Совершив незапланированный кувырок в воздухе, со всего маха приземлился на спину. Правда, ничего жизненно важного себе не повредил, отделавшись только лёгким испугом. Зато на всю жизнь запомню кувыркающуюся в воздухе вместе с кучей каких-то ошмётков башенку бронемашины, и горевший как свеча мой 'Леопард'!

Большинство уцелевших рвануло к видневшемуся вдалеке лесочку, огибая слева по дуге скопление замеченной нами техники. Поднявшись, я направился туда же. Мне стыдно признаться, но так быстро бегать мне ещё никогда не доводилось! Но и оттуда началась стрельба, пусть и не такая сильная. И тут я со всего маха провалился в какую-то яму, полузаросшую травой и мелким кустарником. Возможно, это меня и спасло от неминуемой смерти. И я решил в ней затаиться. А там — видно будет. Через пару минут после моего падения стрельба вдруг стихла. Осторожно выглянув, заметил, что мои уцелевшие сослуживцы останавливаются, подняя руки вверх. А со стороны леса к ним направляются вооружённые люди в форме.

И, вот, сижу в своём нечаянном убежище и записываю свои впечатления. Удивительно, но я даже не потерял мой командирский планшет! Хорошо в падении под руку попался, а то бы не вспомнил про него. Как ни странно, это действует успокаивающе на нервы. Я понимаю, что через короткое время местность прочешут и я буду обнаружен. Такой позор... И как хорошо, что Катень не в Белоруссии расположена... Я люблю своего прадеда, но что-то не хочется встречаться с ним так рано...'

На этом дневник обрывался. Почесав затылок, я посмотрел на генерала, который за время чтения успел вернуться, поругаться с кем-то по телефону и сейчас подписывал и изучал какие-то бумаги.

— Закончил?

Отложив последний листок, я молча кивнул.

— Сверху приказали просветить тебя по последним новостям.

— Даже? Не ожидал. Все можно узнать?

— Не наглей. Только общие сведения.

— Понятно. Что там за конфликт с Польшей. Проблемы будут? А то Коротич общими фразами отделался.

— Не думаю. Видишь ли, позавчера произошел трагический случай в правительстве Польше. Несчастный случай, взрыв бытового газа. Но погибли многие видные политические деятели страны, включая президента и его ближайших советников. Сейчас пока новый не выбран, но те, что выставили свои кандидатуры, намек поняли.

— Америкосы натравили их?

— Скорее Альянс из нескольких стран. Америка не на виду, но думаю, руководит именно она. Поставили представителей во главе Англии, а сами за их спиной и командуют. Это точно, наша разведка известия принесла.

— Забавно. Раньше именно Англия всех с нами стравливала. А сейчас она марионетка. Все возвращается на круги своя.

— Возможно...

Генерал быстро разложил на составляющую всю политическую обстановку в 2011 году, то есть в моем мире. Едко прошелся по правительству Украины, поругал правителей России. На мой вопрос о белорусских спецах. У многих ведь семьи там остались. И пока человек в 41-м сидит, его семью в 2011-й хотят замочить общечеловеки, ответил, что это вопрос решен. Они переведены сюда, и поселены в восьмидесяти километрах от портала в одном из вновь построенных сел. Так что белорусские, российские, и небольшая толика украинских офицеров уверены в своих тылах.

— А Нахимов как? Адмирал? — поинтересовался я. Мир царя меня интересовал больше. Старый мир ушел в прошлое.

— А что адмирал? Переговоры все еще идут, но уже заканчиваются. Все что ты предложил Императору расширили и немного пересмотрели, но суть остаётся та же. Николай ввязывается в войну, делает вид что отступает, терпя поражение за поражением, и не идет на переговоры. А дальше уже наша работа. Правда, насчет наших будущих баз на территории империи, никак не могут договориться, нам нужно минимум семь, а они стоят на трех. Одну у портала, и в морских портах.

— А остальные офицеры?

— Ты про учёбу?

— Да.

— Нахимов и его зам Ульянов ведут переговоры, а остальные согласно договору, направлены на учебу. Кто куда. Но в основном в Академию Генштаба. Будут постигать управление крупными воинскими соединениями, согласно их специальностям.

— А Ульянов?

— А что Ульянов?

— Ну, он же жандарм.

— Ну и что? Товарищ Берия решил направить его в НКВД, пусть иностранных шпионов учиться ловить, а то они там у себя совсем мышей не ловят.

Мы проговорили вместо двадцати минут, что выделил мне генерал почти час, пока не зазвонил телефон. Ответив, он положил трубку и, вставая, спросил:

— Ты сейчас к себе? Обои клеить?

— Знаете уже?

— В курсе.

— Закончил я, даже мебель завез. Осталась ванная и туалет, но пока материала нет. Плитку заказал привезти должны. А новоселье сегодня, так что к восьми не побрезгуйте. Отмечать будем.

— А почему нет? В восемь значит?

— Да.

— Обещать не буду. Постараюсь.

— Хорошо, будем ждать.

Машин у здания прибавилось, однако выезд перегорожен не был, подойдя к своему 'Хантеру', которые мне пригнали согласно заявленному списку, махнул рукой охране в другой машине, и запрыгнув на сиденье рванул домой.

Родители приехали, как и договаривались, в шесть вечера. Подойдя к двери и, не обращая внимания, на постоянно трезвонивший звонок открыл двери и уронил челюсть на грудь. На площадке стояла мама, но КАК она стояла.

В черной кожаной куртке, в красной косынке, в зеленых галифе, в сапогах, и главное, с 'маузером' на боку. Подбоченюсь, она ехидна смотрела на меня.

В это же время меня ослепила фотовспышка.

— Все, снял, — сказал отец, убирая фотоаппарат в чехол.

— Рот закрой, — это уже мне мама.

— И что это было?

— Развлекаемся мы. Ты уже четвертый за сегодня, — хихикнула она, входя в прихожую.

— Ясно. Делать вам больше нечего, — буркнул я.

— Вот привереда, мы тоже веселится любим.

— Лучше на даче грядками занимались.

— С чего бы это? Я в попечительский совет вхожу нашего района. Должность дали: начальник по особым вопросам, — гордо сказала мама.

— Это чего?

— Все что не понятно, ко мне несут. Разбираюсь. Ладно, давай на ремонт твой посмотрим. Мало того что нас не приехал навестить, так еще не позвал помочь.

Поводив родителей по комнатам, показав весь косметический ремонт.

— А Аля где?

— На работе. Будет через час.

— Хорошо.

Вечер удался, приехал не только Воронов, но и генерал, так что посидели хорошо, стол был отличный.

19 июля. 10 часов 8 минут.

Окраина Минска. Тяжелая танковая рота капитана Куницына.

Вытирая пот со лба белым платком, к капитану Куницыну подошёл полковник Бродман.

— Ждите. Через час, по словам разведки, они подойдут к нам, — присев на крыло танка, сказал он.

— Так быстро, товарищ полковник? — искренне удивился Куницын, опуская бинокль.

— А что? Тут всего двадцать километров.

Капитан недоверчиво нахмурился. Он хоть и воевал всего неделю, но повадки противника изучить успел. Да и другие встреченные командиры делились опытом и советами. По его личному мнению немцы появятся у города ближе к вечеру, о чем и сообщил Бродману.

— Почему вы так решили?

— Товарищ полковник, немцы за месяц боев поумнели и не прут вперед кавалерийским наскоком. Основную массу танков мы у них выбили, и сейчас они их берегут, готовя к прорывам, так что вперед идет простой Ганс. Будьте уверенны, пока саперы каждый метр дороги и обочин не проверят, вперед они не пойдут.

— Да? — задумался полковник.

— Точно, товарищ полковник. Думаете, почему у нас в боеукладке семьдесят процентов осколочные? Мы шесть дней назад тут последнюю боеспособную танковую часть побили. Так что нет у них бронетехники. Автотранспорт только.

— Хм. Посмотрим. Пойду напрогу разведку, пусть с них глаз не сводят... Да, кстати, капитан, а почему они еще и обочины проверяют?

— Да наши подрывники минируют так, что поражающий элемент накрывает за раз до ста метров дороги. Закладки обычно по обочинам. Это фугасы на дорогах ставят, — пояснил Куницын.

— Понятно.

Через полчаса Бродман вернулся.

— Вы были правы, судя по движению, они здесь будут ближе к вечеру. Хотя мы все мины деактивировали, все равно опасаются.

— У них еще и с саперами проблема, товарищ полковник. Наши снайперы не только за офицерами охотятся, но и за саперами.

Первые пылевые облака появились ближе к четырем пополудни. Первым ехал грузовик, с набитым мешками с песком кузовом.

— Смертник у них там что ли? — опуская бинокль, вслух поинтересовался недавно прибывший младший лейтенант, корректировщик гаубичного дивизиона расположенного за городом.

— Действительно. Может доброволец?

— Товарищи командиры, вы о чем? К бою! — рявкнул Куницын.

Все шустро разбежались, кто по своим танкам, кто в окопы, а кто и вообще в тыл.

Ждать пришлось почти час, пока не появились пехотинцы противника. Действовали они как-то не уверенно, остановившись в трех километрах от окраины стали рассредоточиваться. Несколько раз блеснули линзы биноклей. Вот прошуршал и ударил первый снаряд.

— Помнят бойню под Кобриным? — усмехнувшись, крикнул лейтенант-корректировщик, вжимаясь в стенку окопа. Один из снарядов разорвался метрах в сорока, осыпав щель комьями земли.

— Ты там был? — поинтересовался старший лейтенант Проса. Сам он посадил на свое место сержанта. Решив также корректировать огонь своих самоходок из окопа, с помощью окопной трубы. Благо выносная радиостанция у них была.

— Был! — кивнул лейтенант: — Я сначала воюю. Еще когда немцы первыми начали артподготовку, мы им стали отвечать!

— И как это было?

— Да обычно. Подняли за три часа, вручили карты с местоположениями вражеских войск, велели приготовить дивизион к бою и ждать. А когда немцы открыли огонь по пустым казармам мы и ответили. Дальше рутина. Передвигались с места на место, прятались от авиации, стреляли, стреляли, и стреляли.

— Понятно... Черт, близко лег, — отряхнув воротник, недовольно крикнул Проса:
— Вы отвечать будете?

— Только по приказу! — отрицательно покачал головой лейтенант.

Артобстрел шел, более часа, видимо недостатка в боеприпасах у противника не было. Авиации противника в небе было не видно, наши летчики хорошо прикрывали воздушное небо над Минском.

Летеха раз десять посылал связного по переходам к полковнику, не доверяя телефону, узнать, когда можно ответить, но возвращался тот с одним и тем же: огня не открывать.

— И чего тянут? Я уже все засек, звукарі отработали по полной. Против нас восемь батарей и два дивизиона работают, — недовольно пробормотал лейтенант, когда артобстрел внезапно стих.

— Чего! — громко переспросил Проса. Несколько последних снарядов легли очень близко, из-за чего все кто был на НП слегка оглохли.

— Я говорю ответный огонь открывать пора!

— Понял! Не, рано, только когда мы начнем, до этого ни-ни! Понял?

— Понял.

— Пойду, проверю, как там мои, — крикнул Проса и быстро скрылся за поворотом окопа.

Танкисты спокойно наблюдали за приближением пехоты. Шли они по всем правилам, где перебежками, где рывком от укрытия к укрытию.

Вот открыл огонь взвод прикрытия четыре пулемета прошлись по залегшим цепям. Почти мгновенно заработали ротные минометы противника, пытаясь подавить пулеметы. Всего Куницын не видел. Батальон был растянут тоненькой ниточкой на два километра, и наблюдать он мог только по двести метров с каждой стороны, но и того что он видел, хватало. Бойцы спецбата не особо торопились поднять свое оружие на бруствер, а терпеливо ожидали приказа.

— Что-то молчит этот спецбат, товарищ капитан. Оружие ближнего действия? — поинтересовался вернувшийся Проса у капитана Куницына.

— Надо будет, ответят. Наше дело какое? Охранять этот батальон, вот и будем охранять. Как там дела?

— Один тэ двадцать шестой горит. Прямое попадание. У машины Григоряна осколком в ствол попало, так что остались мы без одной 'тридцатьчетверки'. У остальных осколками только броню посеколо. Трое ранено. Двое убитых.

— Убитые из двадцать шестого?

— Да, товарищ капитан. В танке сидели. А броня там сами знаете.

— Да знаю... Подожди-ка, Григорян же у нас на прикрытие со стороны города стоял?

— Так точно, товарищ капитан.

— Плохо, прикажи два двадцать шестых тоже на город повернуть, мало ли. Помнишь вчера, лейтенант приходил из комендатуры. Говорил про бдительность. Не забывай про диверсантов.

— Сделаем, товарищ капитан.

— Хорошо, — кивнул Куницын и вернулся к наблюдению за противником, до которого оставалось не более полукилометра. 'Подавленные' пулеметы пока молчали.

— Два полка, товарищ капитан не меньше, — сказал артиллерист.

— По более будет лейтенант. У них по два батальона в охват пошло.

— А есть кем прикрыть, товарищ капитан?

— Есть. Встретят.

Открытие огня спецбатом танкисты заметили не сразу. Вдруг просто среди немцев встали многочисленные небольшие разрывы.

— Минометы! — ахнул поражённый лейтенант, и тут же отвлекся — пришёл приказ на подавление артбатарей противника.

— Слишком часто эти минометы бьют, но красиво. Загляденье просто, — пробормотал себе под нос капитан Куницын.

В это время, лейтенант, передавший приказ на открытие огня своему командиру, ответил:

— Может гранатомёты? И разрывы мелкие и часто бьют. Очередями.

— Много их больно. Если экспериментальные то вряд ли бы их было бы больше двух десятков, а тут за сотню машинок... Ах ты, как красиво положил! — радостно воскликнул капитан заметив как густые разрывы накрыли крупное скопление солдат противника.

— Минометы! — крикнул артиллерист и присел на дно окопчика, потянув за собой радистов и капитана. Почти сразу после его слов на первой линии спецбата встали разрывы от полковых минометов противника. Отобрав микрофон у радиста он в прямом эфире забормотал данные по немецким минометчикам.

— Товарищ капитан, танки! — дернув командира за рукав, крикнул один из его связных. Отвлекись от наблюдения за работой спецбата, поднял бинокль и посмотрел на поле боя. Там действительно появилось десяток серых коробочек, которые переваливаясь на небольших кочках и ямках, двигались вперед, изредка останавливаясь и стреляя.

Зная, какую судьбу, обычно ожидает в подобном случае немецких танкистов, командование противника видимо пошло на такой отчаянный шаг, пытаясь спасти остатки атакующей город дивизии бросив в бой свой резерв.

— А вот и для меня работа, — деловито пробормотал Куницын, оценивающе приглядываясь к танкам противника.

— Восемнадцать, товарищ капитан, — успел подсчитать корректировщик.

— Угу... Не понял?! Ну-ка лейтенант от трубы!

Припав к окулярам окопной трубы капитан всмотрелся в атакующие их танки. Застыв на несколько секунд, он оторвался от окуляров и расхохотался.

— Нашли, что бросить против нас, — заметив удивленные взгляды присутствующих на НП командиров и бойцов пояснил: — Там устаревшие танки, чуть ли не с первой мировой войны.

И правда, из восемнадцати бронемашин одиннадцать были французскими. Три польскими, остальные сбору по сосенке.

— М-да. Как у них интересно работает техслужба с разнотипными машинами?... Лейтенант? — повернулся Куницын к Просе: — Они твои. Огонь открыть с предельного расстояния, пусть наводчики потренируются. После стрельбы меняй позиции.

— Есть! — обрадованно козырнул самоходчик и убежал к своим машинам.

Через полминуты обе самоходки открыли прицельный огонь.

— Попал! Смотри, башня отлетела! Детонация, мать ее!

Те танкисты, что не стреляли, довольно живо обсуждали стрельбы самоходчиков, изредка приглядывая за губительным огнем непонятного оружия спецбата.

— Все равно подготовка не ахти. Смелов, по тому 'рено' дважды промахнулся. Товарищ лейтенант, а вы что скажите? — обернулся Панин к лейтенанту Хакимову.

Все трое сидели на башне своего танка, азартно комментируя стрельбу 'косоруких' самоходчиков.

— Думаю, сейчас нас вперед двинут. Тылы то у немцев фактически без прикрытия.

— А подкрепление?

- 'Пешки' пять минут назад пролетали, перед самым началом боя помнишь?
- Нет, я за вторым биноклем полез.
- Ну вот считай моста то и нет. Так что будь уверен. Сейчас давить их будем.
- Понятно... Черт, три 'фрицы' ушли. Ну, мази-илы.
- Товарищ лейтенант. Приказ по роте, вперед.
- По местам!

Покачиваясь на неровностях дороги, 'тридцатьчетверка' капитана Куницына, которую тот выбрал за броню и скорость, подкатилась к машине Хакимова.

Отщелкнув разъем, и сунув штекер в карман комбинезона, капитан ловко скатился с брони танка и подошел Хакимову.

- 'Ахт-Ахт'?

— Так точно, товарищ капитан. У брода батарея стояла. Во-о-он они лежат... кусками.

— Долго вы еще?

— Немного, товарищ капитан. Сейчас гусеницу соединим, и догоним наших.

— Догонять не надо. Сейчас они отходить будут, прикроешь у брода. Замаскируйся за вон теми деревьями. Там и холм и видно далеко.

— Есть.

Махнув рукой капитан вернулся на свое место, через секунду 'тридцатьчетверка' рванула дальше.

На следующий день доклад о применении АГС-17 местного производства, легла на стол маршала Шапошникова. Полный рапорт о совместной атаке и захвате штаба пехотного корпуса дополнил доклад полковника Бродмана.

Белоруссия. Лето. 2011 год.

Специалист по обеспечению информационной безопасности Алексей Смолич, 26 лет.

После службы в армии и последующего окончания института до начала июня 2011 года я полтора года проработал специалистом по обеспечению информационной безопасности в одной, так сказать, крупной государственной конторе в Минске. Ну, не совсем по моей специальности, а учился я всё же на конструктора радиоэлектронной аппаратуры, но, положим, знания, полученные при обучении, лишними явно не стали. Круглым отличником я в институте не был, но и троек в моём аттестате тоже не наблюдалось. Поэтому и тестирование при поступлении прошёл не особо напрягаясь. Помогло и то, что с детства я был радиолюбителем, да и с компьютером был, как говорится, на ты. Работа была довольно интересная, но, по правде сказать, и особых перспектив карьерного роста не сулила. Зарплаты на хлеб с маслом хватало, а вот регулярно намазывать сверху бутерброда из выше названных продуктов ещё красную или, тем более, чёрную икру, как-то не удавалось. К тому же, стал понемногу откладывать деньги на покупку какого-нибудь авто, благо, права получил, отучившись по вечерам в автошколе ещё лет 5 тому назад.

Женитьбы на ближайшее время в моих планах не стояло, хотя кратковременные романы заводил довольно регулярно. Но, в ничего серьёзного они пока не перетекали. Жить приходилось в съёмной квартирке на окраине Минска. Сам я родом из Бреста, где пусть и в трёхкомнатной, но всё же малогабаритной хрущёбе остались мои родители и младший брат, который как раз в этом году заканчивает школу. Вот так потихоньку и протекала моя жизнь.

Всё изменилось 18 июля 2011 года. В этот день, ко мне в гости забежал мой приятель по институту и земляк Серёга Круглов. Холостяк, как и я. Он закончил институт на год позже меня и, получив диплом, работал, как говорят в народе, в Комитете Глубинного Бурения на должности аналогичной моей. Наверное, там были какие-то тонкости, в сравнении с моим Министерством Обороны, но не думаю, что очень принципиальные. Парень он головастый, да и дядя у него там двоюродный не на самой последней должности давно уже работает. Вот и повезло парню устроиться. Меня сразу удивило, что он появился так рано, ещё оставалось даже несколько минут до 8 часов утра. К тому же, была суббота. Сегодня выходной, а чтобы ко мне приехать к этому времени, это же в какую рань встать надо?

— Лёха, — заявил он мне прямо с порога, — я тут классную работу нашел. О такой я даже и мечтать не смел!

— Где? — от удивления я даже не стал возмущаться, что он забыл поздороваться, — ты же и сейчас вроде как не безработный.

— Где-где? В Москве!

— В какой ещё Москве? Там одно жильё снимать обходится в несколько раз дороже, чем даже в Минске! Как раз вся твоя зарплата и будет на него уходить! Да и другие цены там ещё те... И процесс увольнения наверняка не на один год растянется, у тебя же подписок о неразглашении как блох на Барбоске...

— Да нет же, ты меня не так понял, — перебил он меня, — не в той Москве, а в Москве сорок первого года. Более того, я хочу пригласить и тебя с собой. Можно, конечно, было бы и одному рвануть, но ведь, как ты понимаешь, по самым что ни на есть объективным причинам, нет там у меня ни одного знакомого даже. А в паре с тобой как-то веселее, что ли, будет. Да и твои знания будут весьма кстати там. Впрочем, насчёт тебя я уже почти договорился. Дело стоит только за твоим согласием. Странно, что в твоей конторе тебе ещё не сделано подобное предложение?

Немая сцена... Сереге понадобилось полчаса, чтобы ввести меня в курс дела. Немного отойдя от шока, я отхлюпнул крутого чая и перебил разглагольствования друга:

— Подожди, подожди! Ты может объяснишь, наконец, что к чему и почему я обязательно должен туда ехать? В моих планах на ближайшее время ничего подобного не было. И, совсем ничего странного в том, что мне ничего не предложили на работе, нет: ты так давно ко мне не заходил, что даже не в курсе, что я только вчера утром из отпуска вернулся — и так поздно его дали... Вот, хотел за оставшиеся два дня обои ещё переклеить, — показал я на полтора десятка рулонов, лежащих в прихожей, — а то на старые смотреть уже страшно. Вот пораньше и вернулся. Я конечно знаю про новости что курсируют в последнее время в Инэте, но думал это утка. Конечно, я и сам задумывался, что интересно было бы посмотреть. Но переезжать туда на работу?

— Ничего ты не понимаешь! — с жаром начал Сергей, — Нам выпал уникальнейший шанс! Здесь для нас с тобой практически нет реальной возможности для роста. Даже самостоятельной работы нам ещё долго не светит. Вот и будем выполнять роль подавальщика ключей из анекдота. Максимум, что нам грозит, выйти на пенсию с должности начальников над десятком подчинённых. И то, в нашем случае — не факт. Какая сейчас зарплата и какая потом будет у нас пенсия тоже не буду объяснять — сам знаешь. Когда подойдёт очередь на квартиру или наскребём денег для её покупки — даже загадывать боюсь. Заметь, я намеренно пока поднимаю именно такие меркантильные вопросы, не затрагивая того, что идём помогать нашим соотечественникам, в некоторой мере — даже, можно сказать, нашим предкам, пусть и из другой реальности. И, помнишь, ты ещё сам же мне говорил, что опасаясь приватизации у нас в Белоруссии по российскому варианту?

Сергей, прервав свою речь, небрежно сбросил туфли и наконец-то прошёл мимо меня в единственную жилую комнату моей съёмной квартирки и уселся там в одинокое

кресло. Я молча поплёлся за ним и разместился на диване, который ночью превращался у меня в кровать. Хорошо, хоть я всё свернуть успел до его прихода в дневное положение.

— Лёха, — продолжил он, как будто и не было небольшого перерыва на переход в комнату из прихожей, — если ты не согласишься, то потом будешь жалеть всю жизнь. Мы подписываем контракт на пять лет. Что мы получаем за это? Начну по порядку: на первое время нас поселят в коммуналку, всё же там большая проблема с жильём. Но у каждого будет своя комната. И уже буквально на днях там должно начаться строительство нескольких больших пятиэтажных домов для специалистов из нашего Мира. Новый микрорайон на окраине Москвы. Максимум, к новому году их обещают уже ввести в эксплуатацию и расселить нас в них. Квартир, замечу, меньших чем двухкомнатные, там просто не будет. Более того, по окончании контракта мы вольны будем уехать на Родину, где правительство СССР опять-таки обещает нам купить квартиры, или можем остаться в СССР и работать на прежних или иных должностях. Тогда за нами сохранится полученное там жильё. Зарплата, по самому пессимистичному для нас курсу, будет раза в три-четыре больше, чем ты сейчас тут имеешь. Плюс ко всему, нам будут положены паёк и форма, так как мы станем работать в структуре госбезопасности. Правда, форму носить нам очень редко придётся. Ну, и в дополнении ко всему, мы можем многое взять туда из нашего Мира. Конечно, есть список запрещённых к провозу предметов, но он не так уж и велик. Во всяком случае, автомобиль, компьютер и многое другое можно взять свободно. Правда, некоторые из современных девайсов, как, например, тот же компьютер, принтер, сканер, радиоприёмник, сотовый телефон — подлежат обязательной регистрации по прибытии на место и на них же составляется опись при прохождении портала. Но никаких таможенных пошлин пока не придумали. Только следует учесть при покупке бытовой техники и электронной аппаратуры, что напряжение электрической сети в той Москве 127 Вольт.

— М-да, — только и пробормотал я, осмысливая сказанное.

— Кстати, — стал дальше толкать свою речь Сергей, — ты вроде как мечтал авто приобрести? Так сразу после подписания контракта выдают подъёмные, вот на них можешь и купить. На шестисотый 'Мерин' тебе, конечно, денег не хватит, но что-то попроще — купишь. Тут кстати есть некоторые условия. Первое: из-за запчастей советуют брать что-то вездеходное. 'Уазы' например, их там много запчастей и спецы есть. Или 'Нивы'. Могут выдать подъёмные в белорусских, российских рублях или рублях СССР. Или в любом их соотношении по курсу. Второе: машину заберут на время войны, выдав справку. Обещают вернуть замену или по желанию само авто. Водить будут пока на служебных машинах.

— А чем мы там будем заниматься, обязанности-то у нас какие будут? Такие блага ведь просто так не дают? Надеюсь, пытать нам никого не придётся? — попробовал я даже пошутить.

— Ну, всех тонкостей я тебе не скажу, да и, по правде говоря, и сам их всех не знаю. В курсе только, что мы должны будем заниматься прослушиванием разговоров потенциально опасных для СССР лиц. Это и местный госслужащих и заграничных. Нет, нет, — замахал он руками, увидев моё выражение лица, — ихние, как их там, диссиденты, в сферу наших интересов входить не будут на сто процентов. Ты ж вроде английский неплохо знаешь? Возможно, придётся и за бугром побывать, правда, не сразу. Далеко не сразу. Заниматься, грубо говоря, будем тем, с чем ты борешься на своей сегодняшней работе, — Серёга поднял голову и взглянул на настенные часы: — Ладно, время поджигает. В общем, я поехал, а ты пока подумай. Если не позвонишь на мой сотовый, буду считать, что ты согласен. В двенадцать ноль-ноль я должен быть с тобой или без тебя в кабинете капитана НКВД Свиридова в представительстве СССР-тысяча девятьсот сорок первого. Сейчас я поехал себе 'Ниву' покупать — один хороший знакомый продаёт, а ровно в одиннадцать буду у тебя. А ты прямо сейчас дуй в деканат нашего факультета и заberi свою характеристику. Я вчера утром её заказал и в девять часов она должна быть

готова. Паспорт не забудь только. С работы тебе никаких бумаг брать не надо — документы нужные закажем прямо из представительства. Лукашенко дал указание своим чиновникам оказывать всемерное содействие в этом вопросе, вот пусть они и бегают. Тем более, и у твоей конторы есть прямая связь с представительством СССР.

И Серёга, в темпе одев свои туфли в прихожей, убежал. Выглянув в окно, заметил, как он садится в такси. Я тоже не стал медлить и отправился на автобусную остановку. Хорошо, что хоть езда до института и занимает по времени почти час, но зато никаких пересадок делать не нужно. Автобус подошёл к остановке почти сразу после моего появления на ней. Так как было утро выходного дня, то народу ехало относительно немного, и я устроился на сиденье у окна. Как это ни странно, в душе я был согласен с Серёгой, хоть и мало что знал о своей предстоящей командировке в Мир 1941 года. В конце концов, пришёл к выводу, что хуже уж точно не будет, и успокоился.

В деканате меня уже ждали. Я предъявил свой паспорт, расписался в какой-то амбарной книге и забрал характеристику. Она была выполнена аж на 3-х машинописных листах. Даже последний лист был заполнен на две третьих. Внизу красовались подписи декана, секретаря и аж 6 преподавателей! Умеет Батька чиновников заставить шустро побегать! И с чувством выполненного долга отправился домой.

Уже подъезжая к дому вспомнил, что в соседнем подъезде один старичок, жалуясь, что глаза совсем плохие стали, вроде как хотел продавать свой УАЗ-31512, в просторечье — 'козлик'. К тому же, по словам какого-то из моих соседей, машина находится практически в идеальном состоянии, так как у сегодняшнего хозяина руки откуда надо растут. Да и ездил он очень аккуратно и мало. И решил, не откладывая дело в долгий ящик, заглянуть к дедушке в гости. Оказалось, что пока ещё не продал, руки не доходят объявление дать. Сходили в гараж взглянуть на это чудо ещё советского автопрома. В самом деле, внешний вид — практически как у новой машины. Правда, когда дедушка назвал цену в 40 000 российских почему-то рублей, мне чуть дурно не сделалось. Но тут же выяснилось, что в цену входит и куча запчастей на него, что лежали в этом же гараже. Их было столько, что можно будет едва ли не ещё такую же машину из них сварганить. Договорились, что мы к нему с Серёгой в понедельник подойдём, благо мой приятель куда лучше меня в машинах разбирается, и тогда же и оформим документы. И с чувством выполненного долга я отправился домой.

И вот, мы сидим после подписания контрактов в конференц-зале и слушаем капитана Свиридова. Он кратенько знакомит нас с перечнем задач, что будет решать наша группа. Я внимаю его словам и, как бы это помягче сказать, понемножку охреневаю. Нет, я предполагал нечто подобное. Но такой размах!!! Мы должны будем организовать прослушивание лиц, потенциально опасных для СССР. Притом, это будут, ну, может быть, за редчайшим исключением, не граждане СССР, ибо предатели, о которых с открытием портала стало известно, уже давно сидят и наверняка активно сотрудничают со следствием, а иностранцы, которых по стране было не так уж и мало. И, думается мне, что это ещё далеко не всё, чем нам предстоит заняться! Основное нам сообщат тогда, когда мы уже прибудем на место службы. А ведь нас всего 18 человек, не считая докладчика...

Инструктаж, к моему удивлению, занял всего лишь минут 20. Затем, капитан заявил, что оставит нас одних и мы должны будем сами распределиться на 3 группы по 6 человек. Это, в дальнейшем, позволит повысить уровень секретности и облегчит распределение обязанностей. Затем он сказал, что в 19:00 мы продолжим работу, но уже отдельно, в составе групп и ушёл.

Разделение на группы произошло как бы само собой. К нам с Серёгой почти сразу подошло ещё 4 человека. 2 оказалось его сослуживцами, а 2 — моими. Михаил с редкой фамилией Иванов 27 лет и Виктор Коневич, мой одноклассник, работали даже на одном со мной этаже, только в других кабинетах. Тут же познакомился и с Серёгиными сослуживцами, Степановым Борисом, самым старшим из нас, 30 лет от роду, и Игорем Алексеенко, который оказался даже одноклассником Сергея. У остальных тоже как-то

само собой образовалось. На мой взгляд, наше, можно так сказать — подразделение, оказалось самым молодым. Хотя и там не было никого старше 40 лет.

Ровно в 19 часов появился Свиридов с двумя незнакомыми людьми в гражданке. Рассадили по рядам наши группы, быстро составили списки. Нашу шестёрку увёл в свой кабинет сам капитан, как мне показалось, взглянув перед отдачей команды именно на меня. Мы расселись на стульях с обеих сторон приставного центрального стула, а хозяин кабинета расположился на своём законном месте.

— Товарищи, — начал он, — нам с вами предстоит создать практически с нуля новую службу. Руководить нашим подразделением буду я, а курировать нас пока будет генерал Гоголев. Сейчас вам предстоит составить список необходимой аппаратуры из этого Мира для дальнейшей работы. Для вашей шестёрки, заметьте, остальные группы о себя позаботятся сами. Прошу только иметь в виду ту технику, которую реально найти и приобрести до вечера двадцатого июля, ибо в пять утра четырнадцатого июня мы должны уже выехать из Минска. Впрочем, не возбраняется указать отдельным перечнем и другую аппаратуру. По возможности, она будет доставлена позже. Я уже знаю, что большинство специалистов стараются ехать к нам на собственных авто, поэтому, проблем с вашим переездом быть не должно. Горючим мы вас обеспечим, но, с собой тогда захватите ёмкости для него. На всякий случай, ваши машины должны быть готовы проехать хотя бы тысячу км без дозаправки. Завтра, в восемнадцать ноль-ноль мы соберёмся в моём кабинете и ещё раз уточним этот вопрос. С нами пойдёт большая фура-КамАЗ, которая повезёт заказанное Вами оборудование и другие нужные грузы. При необходимости, вы можете поместить туда бытовую технику, что захотите с собой взять, но, пожалуйста, без фанатизма. Более чем 200–250 кг на человека выделить не получится. Впрочем, это уточним завтра ещё.

Я подумал, что если куплю 'уазик', что вчера смотрел, то у меня-то особых проблем не будет с этим. Он и тонну увести сможет. Только хорошо проверить перед поездкой машину будет нужно.

— О питании в дороге, — продолжал между тем Свиридов свою речь, — вам беспокоиться не надо будет, этот вопрос уже решён. Теперь перейдём к нашей предстоящей работе — займёмся списками.

Капитан положил перед собой листок бумаги с напечатанным текстом.

— Часть техники, нужной вашей группе, которая уж точно не станет лишней, закуплена. Ну, и, не буду всё перечислять, расходные материалы и некоторые запчасти для этой техники. Теперь, разбирайте пожалуйста ноутбуки и включайте. Батареи там полностью заряжены, часа на три их хватит. Поэтому не будем возиться с проводами. В каждой коробке лежит по записной книжке. Их возьмите с собой сейчас и запишите в них сразу инвентарный номер, он белой краской написан на нижней крышке, работать будете только на закреплённых за каждым из вас. Но, до переезда, ноутбуки будут пока тут...

Быстро разобрав ноуты, мы привычно их включили, чай не новички. И тут нас ожидал первый сюрприз... На машинах был установлен Линукс! Alt-линукс, если точнее. Правда, для нахождения нужного нам сейчас офисного пакета, ничего особенного делать не пришлось. Он присутствовал и его значок был на рабочем столе. И это был... Опен Офис. Впрочем, люди здесь собрались грамотные и, судя по выражениям лиц, как и я, дело с Линуксом имели. Во всяком случае в установленной и настроенной системе работали уверенно.

— Вижу, что вы немного удивлены, — начал Олег Николаевич, — у вас используется несколько иная, кхм, операционная система. Но наши белорусские товарищи, которые и установили все программы на технику, уверили нас, что она намного надёжнее в плане, — он посмотрел на лежащий перед ним листок с текстом, — информационной безопасности, чем, кхм, то, чем чаще всего в вашем Мире пользуются. Конечно, в настоящее время это не имеет особого значения, но не за горами времена, когда и у наших противников появится соответствующая аппаратура. Поэтому, лучше

сразу брать то, что нам больше подходит, а не переделывать всё потом и заново учить людей. И другой фактор: программами, что здесь установлены, можно пользоваться бесплатно. У СССР нет сейчас лишних денег, а зарабатывать здесь репутацию воров было бы недалековидно. Впрочем, перейдём теперь к нашему делу...

И мы стали обсуждать, какую аппаратуру нам следует брать с собой в Мир 1941 года. Заготовок списка уже был на флешке, что нам дал капитан. Чтобы не терять время на решение проблемы, как работать с беспроводной сетью в Линуксе — не все из нас умели это, мы задействовали только мой ноутбук. Хозяин кабинета, сказав, что в составлении списка он нам ничем не сможет помочь, ушёл, захватив пару папок из сейфа. Он сказал, что придёт не раньше, чем через полтора часа и если мы закончим с работой раньше, то нам надо будет дополнить тот список радиодеталей, который я составил дома.

Все мы были знакомы с подобной аппаратурой, но Боря Степанов, теперь уже бывший сослуживец Серёги по КГБ, как раз специализировался именно на операциях по подслушиванию, подглядыванию и прочим шпионским играм, поэтому первую роль в этом деле стал играть уже он. Мы же только изредка вставляли свои реплики. В основном — по количеству нужного. Почти единственное, чем мы дополнили общими усилиями список — цифровые УКВ радиостанции. Простенькие, так как даже незашифрованный цифровой сигнал в Мире 1941 года всё равно никто не мог слушать. Часа за полтора у нас уже было целых два документа: список того, что можно было достать уже сейчас и список желательных приобретений на потом. В графе 'примечание' было указано назначение каждого девайса. Когда капитан появился, то мы всю обсуждали уже мой список деталей. На это дело у нас ушло почти столько же времени, как и на составление предыдущих двух бумаг. Здесь дополнительно в почти каждой позиции мы указывали аналоги, благо на свою флешку я догадался скинуть дома несколько справочников по деталям. Наконец, закончив работу, мы передали флешку с результатами работы хозяину кабинета и выключили ноут. Капитану вставил флешку в свой ПК, пристроившийся сбоку от стола, и распечатал по несколько экземпляров списка на принтере, стоящем на какой-то тумбочке.

— Всё на сегодня, — подвёл итоги работы Свиридов, — можете пройти в кабинет номер четыре, там кассир ждёт вас для выдачи подъёмных. Кстати, если кто-то из вас собрался покупать машину с рук, то возьмите у кассира же по два экземпляра договора купли-продажи. Заполните их у продавца и один экземпляр ему оставьте. По нему наш представитель снимет машину с учёта. Номера у машины тоже снимите и оставьте у продавца тоже. Такой порядок сэкономит вам время. Местная милиция в курсе, но не надо им пояснять куда вы едете. Просто покажите ваш экземпляр договора и этого будет достаточно. Печать там тоже стоит уже. Завтра с утра можете пока решать свои дела, а в шестнадцать ноль-ноль жду вас всех в этом кабинете. Если возникнут какие-либо соображения по дополнению списков, тогда же и о них поговорим.

Затем Серёга довёз меня до дома. В процессе езды мы договорились, что в 9 утра он будет у меня и мы пойдём к дедушке покупать мне 'уазик'. Он не стал даже ко мне заходить, сказав, что хочет отдохнуть хорошенько к завтрашнему дню.

Сергей, как и обещал, к 9-ти часам был уже у меня. И мы сразу же направились на смотрины моего будущего авто. Хозяин, как мы и договаривались, уже ждал нас перед гаражом. Выгнав машину на улицу — стали её осматривать. Вернее, осматривал-то Сергей, а я с умным видом толкался рядом. Минут через 10 он попросил разрешения у хозяина немного на ней прокатиться. Получив одобрение, сел за руль и укатив. В ожидании его, мы с Иваном Григорьевичем (так звали дедушку) вели беседу 'за жизнь', коротая время на лавочке рядом с гаражом. Появился он лишь через четверть часа в сопровождении милицейской машины. Мы переглянулись с пока ещё хозяином 'уазика' и поспешили навстречу. Оказалось, что проблема была в полном отсутствии у Серёги каких-либо документов на авто. Слава Богу, бдительный сержант, оказался не вредным и, убедившись, что машину никто не собирался угонять, попрощавшись, уехал. А так как

Сергей был удовлетворён проверкой ходовых качеств 'лимузина', то мы пошли к деду на квартиру оформлять бумаги и расплачиваться за покупку. Последний, кстати, обрадовался, что ему никуда не надо будет идти для снятия с учёта своего уже бывшего транспортного средства.

Ну и, в заключение, я попросил у Ивана Григорьевича пару дней попользоваться его гаражом, пояснив, что рано утром 14 июня я хочу уехать в длительную командировку на купленной машине. Он сразу дал согласие, пояснив, что ключи от гаража я могу ему в почтовый ящик бросить перед самым отъездом, чтобы не оставлять машину на ночь без присмотра. И номера тогда же в гараже оставляю. И мы вернулись к моему 'лимузину', вежливо отказавшись от чая, предложенного гостеприимным хозяином.

— Лёха, — проговорил Алексей, — слушай, а ты не мог бы мой холодильник 'Смоленск' погрузить в свой 'уаз'? Он небольшой, такой же как и у тебя, но на 'Ниве' мне его всё равно не увести, а в фуре, кто их знает, может и места не хватить. А я тебя за это на своей покатаю по городу, всё равно нам почти в одни и те же места надо. Погрузим наши холодильники, запчасти из гаража, твоё барахло, и пусть в гараже стоит в готовности.

— Хорошо, — сказал я, немного подумав, — ты прав, пожалуй. Поставим сперва холодильники, а потом всё остальное. Заднее сиденье только снять придётся. До обеда нам вроде делать нечего? Заедем сейчас по дороге в авто магазин, надо пяток канистр под бензин и масло купить. Тот, что недалеко от твоего дома, вроде и в воскресенье работает? А запчасти, кажется, и так все есть уже.

Загнав 'Ниву' в гараж, мы отправились к Серёге, заглянув по пути в автомагазин. Кроме пяти двадцатилитровых канистр я приобрёл там автомобильный аккумулятор, среди запчастей его не видел, зарядное устройство для него, пару литровых банок ЛИТОЛа и три десятка различных автомобильных лампочек. Уж они-то лишними точно не будут. Серёга, глядя на меня, взял почти тоже-самое, только зарядное устройство не купил и канистрами только четырьмя ограничился.

После этого мы подъехали к подъезду дома моего приятеля. Быстро погрузив холодильник, благо он уже был отключен от сети и разморожен, мы отправились назад. Проезжая мимо небольшого блошиного рынка, решили заглянуть туда. Почти сразу же наткнулся там на мужичка, торгующего старым радио хламом. Меня заинтересовали несколько блоков питания от древних ламповых цветных телевизоров. Осмотрев их и убедившись, что трансформаторы не горелые, купил сразу три из них.

— Зачем они тебе? — спросил друг.

— Так автотрансформаторы сварганю из этого металлолома. И проволока из них же пригодится для этого. Да и остальные детали там, глядишь, куда и сгодятся.

— А-а-а, я как-то об этом не подумал, — пробурчал Сергей, и приобрёл оставшийся блок и лежащий рядом трансформатор от такого же агрегата. Чувствую, что мужик после нашего ухода, должен прибавить цену на подобный товар.

Оттащив всё это в машину, прошлись ещё по рынку, разойдясь по разным рядам. Вскоре наткнулся на, судя по возрасту, пенсионера, продающего старую радиолу 'Рекорд-314'. Оказалось, что как и всё здесь, стоит очень недорого. Правда хозяин признался, что УКВ диапазон работает очень плохо. Но он-то мне как раз и не надо. Зато иголка для проигрывания пластинок на месте, да и переключатель сетевого напряжения присутствует на этой модели в виде переворачивающегося сетевого разъёма. Неподалёку приобрёл пару комплектов ламп для этого девайса и побрёл к нашему транспортному средству. Увидев Серёгу, уже поджидавшего меня у 'уазика', не удержался от смеха — в руках у него была радиолка 'Серенада-405'.

Этот день запомнится мне надолго. Наверное, никогда до этого не приходилось за столь короткое время выполнить столь много дел. Всё это называлось 'подготовка к поездке'. Основную работу выполняли на первом этаже этого же здания

представительства СССР. В него бы выполнен отдельный вход с улицы и, в общем виде, это был довольно большой перевалочный такой склад. С самого утра к его входу стал прибывать автотранспорт с заказанными, в том числе и нами, грузами. В основном привозили это небольшие грузовички типа 'уазиков', мой, тоже смотрелся неплохо на их фоне. Часть нашего груза к утру уже лежала на складе. Наша шестёрка работала, в основном, именно со своим, грузом, только пару раз нам пришлось отвлекаться на проверку поступившей компьютерной техники. А так, мы занимались перекладыванием поступающего оборудования из разномастных коробок в большие фанерные ящики с одновременной проверкой его работоспособности. Ну, не в полном объёме, конечно, тестировали технику, но несколько явно неработоспособных образцов выявили. Одновременно составлялась опись каждого ящика в нескольких экземплярах — благо для этого был выделен компьютер и принтер. Ну а сами ящики уже имели заранее нанесённые на них номера.

Около часа дня нас отвели в столовую, что находилась в небольшой пристройке к нашему зданию. Похоже, что совсем недавно тут располагалась чья-то частная кафешка.

Сразу после обеда к складу подъехал КамАЗ с прицепленной к нему огромной фурой. Оказалось, что, примерно, на две третьих, она уже была заставлена точно такими же фанерными ящиками, как и у нас. И мы занялись перетаскиванием туда наших ящиков по мере их наполнения. В помощь нам даже пару грузчиков приставили, но Свиридов запретил в их присутствии вести, как он сказал, неподобающие разговоры.

Около четырех часов дня мне пришлось прокатиться на служебном 'уазике' до офиса одной из фирмочек, торгующих радиодетальями. Там возникли непонятки с ассортиментом заказанных нами транзисторов. Оказалось, что по словам хозяина с бегающими глазками, у них по 7-ми позициям есть только аналоги. Коммерсант вдохновенно стал мне расписывать, что эти аналоги ничем не хуже оригиналов, даже попробовал мне всучить справочник для сравнения. Но, услышав наименования этих 'аналогов', я на какое-то время от возмущения потерял дар речи. Как радиолюбитель с довольно большим стажем быстро понял, что мне пытаются впарить откровенный брак. После чего, довольно грубо прервал славословия торговца и заявил, что если через полчаса прямо сюда не доставят именно то, что заказано, он, согласно договору, окажется без штанов, ибо дело имеет с КОНТОРОЙ! Последнее слово я постарался произнести очень внушительным тоном. Сказав, что буду ждать в машине и, не слушая больше возражений, вышел из офиса.

К моему удивлению, уже минут через 25 к нам подкатила 'Тойота' и из неё вышел мужичок, неся картонную коробку. В ней, как оказалось после проверки, были в полном ассортименте спорные транзисторы. Подписав документы, благо они уже были в этой же коробке, и оставив себе свой экземпляр, я, не заходя больше в офис, вернулся на склад.

Работу мы закончили почти в 7 часов вечера. Свиридов, собрав нашу группу в своём кабинете, дал нам последний инструктаж. Оказалось, что к 5 часам утра мы должны уже быть на своей технике у представительства. Те из нас, что захотят часть своего имущества отправить в фуре, благо там было оставлено место, как и планировалось, должны были его не позднее 10:30 доставить к представительству. После этого, всё оставшееся место будет занято другим грузом, благо вести было что.

Серёга довёз меня до гаража, забрал лежащие у меня его канистры и уехал, пожелав мне на прощание не проспать. Я же, подогнав свою машину к подъезду, быстро догрузил в нее свои оставшиеся в квартире, но нужные мне в Мире 1941 года пожитки, чуть не забыв при этом о ноутбуке. После этого, загнав напоследок машину в гараж, отправился спать. Делать это пришлось на голом диване, так как постельное бельё было уже в машине. Проснувшись по сигналу сотового телефона в 4 часа утра, к моему удивлению, оказался хорошо отдохнувшим.

Быстро перекусив всухомятку, замкнул квартиру и выгнал машину на улицу из гаража. Ключи от одного, как и договаривались, оставил в почтовом ящике его хозяина. А сам покатил, кхм, на сборный пункт...

Санкт-Петербург. 2011 год. 21 июля.

КПП Петербургского тракторного завода (ПТЗ) — Кировец.

Митинг организованный партией 'Единый Союз'. Корреспондент Первого Канала программы 'Новости'.

— ...уже третий день с момента появления первого эшелона с битой техникой продолжается ажиотаж на Питерском заводе 'Кировец'. Добровольцы со всей страны едут в Санкт-Петербург, чтобы помочь восстанавливать поврежденную технику. За моей спиной вы видите добровольцев пришедших предложить свою помощь. Здесь можно встретить людей со всех концов нашей необъятной родины... Как только что нам сообщили, на платформу подан седьмой по численности состав, пришедший из Белоруссии. По словам главного инженера завода, пришло еще тридцать один поврежденный танк. А сейчас мы даем слово директору завода... Что вы можете сказать про происходящее вокруг завода, которым вы руководите?

Девушка направила микрофон ко рту директора, не давая его в руки. Чуть наклонившись, руководитель 'Кировца' продемонстрировал значок партии 'Единый Союз' приколотый к лацкану пиджака, и ответил:

— Здравствуйте. Я могу сказать, как патриот своей родины, все рады помочь товарищам из Советского Союза. Многие помнят и почитают те времена. Добровольцы есть. Сейчас на должность простого помощника мастера по сто человек на место. Идут патриоты, просто добровольцы, идут спецы по военной технике. Как вы видите сзади меня стоит восстановленная техника. Это два КВ — один, четыре тэ — двадцать восемь. И три бывших тэ двадцать шестых, из которых мы сделали ПТ-САУ. Вооружение для восстановленных танков поставлено со старых складов. Сейчас как вы знаете, идет большая скупка со старых, еще советских складов военной техники и вооружения.

— Простите, что прерываю, на территории завода видны силуэты более современных танков. Как вы это объясните? — прозвучал вопрос ведущей, играя микрофоном туда-сюда.

— Это закупленные на пожертвования в фонд 'Помощь нашим предкам', устаревшие танки тэ — пятьдесят четыре, тэ — пятьдесят пять и тэ — шестьдесят два. Фактически куплены они по цене лома и их состояние ужасно, но с помощью добровольцев восстановление этих закупленных трехсот танков займет не год, как было сказано, а всего несколько месяцев, благо помощь министра обороны 'зипами' очень существенна. После того как расконсервация будет полностью проведена, они по железной дороге будут отправлены по назначению...

Директор довольно продолжительное время объяснял и рассказывал про работу завода. В последнее время на предприятие было туго с заказами, и предложение Белоруссии и партии 'Единый Союз' фактически вырвали завод из долговой ямы. Как ни странно, но финансирование шло вовремя согласно договору. Добровольцы же работали с самоотдачей как в былые времена, не требуя зарплату, разве что только в столовой их кормили бесплатно. Директор не упустил возможности поблагодарить молодых парней и девушек, которые протянули руку помощи воюющей стране и делают все, что в их силах. Партия 'Единый Союз' тоже не осталась без внимания. Именно она закупала вооружения для СССР и 'выбила' разрешение оставить несколько более-менее целых танков для музеев. Помянул и про добровольческий корпус, формируемый на территории Белоруссии.

— ... поэтому общая политическая обстановка в России идет от повышенной реакции населения к последним новостям с фронта. Мы все помним показанные кинохроники боев в окрестностях города Минска, где героические солдаты сто восьмого стрелкового корпуса были вынуждены отойти под ударами немецко-фашистских захватчиков, неся тяжелые потери, — продолжала говорить ведущая, за ее спиной хорошо было видно, как облепили горелый Т-28 с пробоинами в башне, десяток парней в робах.

...В кабинете находилось восемь представительных мужчин в дорогих костюмах явно шитых на заказ, и внимательно смотрели на экран огромного телевизора. Сидели они молча, ни словом не комментируя слова корреспондента, которая, с чувством рассказывала о благе страны с появлением портала в прошлое.

Один из них, с проседью на висках, шевельнулся и, подняв пульт, нажал на кнопку выключения.

— Что вы скажите господа? — спросил он по-английски.

— Матерные подойдут? — слегка насмешливо поинтересовался один из присутствующих, рыжеватый мужчина с одутловатым лицом.

— Мы здесь не для того собрались, чтобы выражать свои чувства, по отношению к этой — не побоюсь этого слова, беде. А для противодействия.

— В отличие от вас я уже позаботился об этом, — продолжал говорить насмешливым тоном рыжеватый.

— Вот как? И как же вы это решили?

— Очень просто. Наемники. Киллеры, по-простому. Причем очень дорогие киллеры. Восемь человек отправились в мир СССР, задача у них одна, убить Сталина.

— Когда же они приступят к работе? — спросил третий из присутствующих, моложавый сухощавый мужчина, которого часто показывали по телевизору, а в последнее время особенно часто.

— Уже.

— Простите?

— Они уже в том мире. Три дня как ТАМ.

— Посмотрим-посмотрим, — тихо произнес себе под нос сухощавый, явно о чем-то задумавшись.

— Господа, вы все понимаете, зачем мы тут собрались. Смерть Сталина мало повлияет на обстановку в целом, — повернувшись, седой пояснил рыжеватому: — Нам нужно уничтожить портал и захватить изобретателя.

— Вы все еще верите в эти сказки. Ведь... — начал было говорить четвертый из присутствующих.

— Моя разведка принесла точные данные. Именно изобретатель, и именно его машина.

— Вы в этом уверены? — иронично изогнул бровь четвертый.

— Да, уверен. Запись разговора велась в кабинете Лукашенко при разговоре с его сыном. Они довольно четко озвучили эти данные.

— Давно пора было уничтожить этого любителя сала, сколько он нам крови попил, — поморщившись, вступил в разговор пятый.

— Сало едят на Украине, — пояснил сухощавый.

— Вам виднее, — отмахнулся пятый.

Шестой из присутствующих повернулся к сухощавому, и произнес:

— Меня позабавил репортаж одного из каналов в вашей стране. Как уж там было? А! Про ваших стариков, что теперь слова: 'Сталина на вас нет'. Уже по-другому звучат из их уст. Ваши чиновники забеспокоились.

— Я помню. Но мы собрались здесь не для этого. Если люди уважаемого... — слегка кивнул сухощавый рыжеватому, — действительно сделают свою работу. То нужно к этому подготовиться...

— Я согласен с этим, — произнес один из молчавших, — они уже железную дорогу проложили и третий день гоняют составы туда. Плотно гоняют...

Через двое суток запись этой встречи лежала в распечатанном виде на столе в кабинете Сталина.

1941 год. 23 июля по миру СССР. 21 июля по миру Александра. 19 часов. 37 минут.

Москва. Кабинет Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

— Что вы скажите, товарищ Берия? — поинтересовался Сталин, указав на папку, которую два часа назад принес фельдъегерь.

— Мы об этом знаем. Один из наемников сам на нас вышел, так что мы имеем данные еще про трех человек, их поиски начаты. Об остальных мы не знаем, но перебежчик догадывался, что были отправлены еще люди.

— Вы понимаете, что эти люди должны быть взяты в ближайшее время?

— Так точно, товарищ Сталин. Примем все меры к их поимке.

— Хорошо. Теперь нужно обсудить скорую встречу с премьер-министром России, пригласите товарища Судоплатова...

Спустя десять минут.

— Проходите, товарищ Судоплатов, садитесь. Ну, как там в этой Российской Федерации? Я спрашиваю вас, поскольку вы дольше всех наших сотрудников пробыли в том мире. И меня очень интересует ваше мнение. Вы все-таки сумели туда внедриться...

— В Российской Федерации, товарищ Сталин? — Судоплатов закусил губу: — Даже не знаю с чем сравнить... Разве что с обстановкой при Временном Правительстве... Как если бы после Февраля не наступил Октябрь.

— Хорошо! — кивнул Сталин, набивая трубку, — Теперь скажите, товарищ Судоплатов, почему, по вашему мнению, там не случился свой, как вы выразились, Октябрь?

— Я не теоретик, товарищ Сталин, но могу предположить, что причиной тому перерождение верхушки Партии и дискредитация ими советской идеи. Да и наших идейных наследников в их политической жизни практически нет. То, что там называется Коммунистической партией, если не троцкисты то очень близко, это я уже не говорю о так называемой Справедливой России. И все это несмотря на большое количество беспартийных коммунистов.

— Как вы сказали? — удивился Сталин: — Беспартийных коммунистов?

— Так точно, товарищ Сталин, так обычно называют себя люди коммунистических убеждений, которым противно троцкистское болото КПРФ и СР. Появившаяся недавно партия 'Единая Россия' тоже показала себя не с лучшей стороны.

— Но это наши люди? — раскуривая трубку, Сталин бросил острый взгляд на Судоплатова, у него вновь прорезался акцент: — Ви уверены?

— В большинстве своем да, товарищ Сталин, — уверенно ответил Судоплатов, — и среди них очень много молодежи. Наша партия 'Единый Союз', которой мне приходится управлять со стороны, ведет свою информационную войну со многими

партиями, и мы заблаговременно узнаем все их ходы. Разведка у нас поставлена очень хорошо, спасибо братьям белорусам.

— Хорошо, товарищ Судоплатов! — вождь пыхнул трубкой, выпустив клуб дыма, — троцкизм, это известный враг, и мы знаем, как с ним бороться. Пусть пока погуляют, но только пока, — он задумался: — А что вы скажете о Владимире Владимировиче Путине. Я вас спрашиваю, как вы знаете у меня завтра с ним встреча, и я хотел бы знать, что он за человек?

— Товарищ Сталин, премьер бывший разведчик, и в своем понимании выполняют все соглашения. Хотя должен упомянуть об армии, насколько её сократили при Путине и стали закупать вооружение за границей, развалив свой ВПК. А про базу НАТО под Ульяновском я вообще молчу, это выше моего понимания. В данный момент у нас просто нет выбора к кому обращаться. Вы сказали переговоры, но по их конституции вся власть у президента Медведева.

— Ерунда! — отмахнулся Сталин: — Мне уже доложили про него. Кукловод в стороне, и кто он ми знаем.

— Товарищ Сталин, возможно, что мы совершили ошибку, когда не пошли с премьер-министром на частный контакт по линии нашего наркомата. Скорее всего, это уберегло бы нас от многих проблем, — с сомнением в голосе продолжил полковник, он отправил по инстанции полный доклад по премьеру, показав его с не лучшей стороны, сейчас Судоплатов не понимал к чему эти вопросы: — Прошу учесть, что тогда мы не владели всей полнотой информации и доверились э-э-э, политическим предпочтениям ограниченной группы лиц. В некотором роде они правы... но с другой стороны жить люди стали лучше. Это не трудно признать. Объективно говоря за двенадцать лет у власти он сделал для своей страны очень много... в своем понимании. Вынужден признать, Российская Федерация девяносто девятого года и две тысячи одиннадцатого, это две разных страны. Но все-таки союз с ним мне кажется не совсем хорошей идеей. Может все-таки начать операцию 'Тайфун'? Товарищ Мурашов очень хороший политик и очень лоялен к нам. Он пойдет даже на сделку с дьяволом если она поможет его стране.

— С дьяволом, значит со мной? Сидите, сидите, товарищ Судоплатов, я пошутил.

— Товарищ Сталин, могу сказать точно, что вас он дьяволом не считает, но...

— Террор среды, это понятно. — Сталин пыхнул трубкой: — Ми тоже в свое время шли на сделку с дьяволом-Гитлэром для того чтобы оттянуть войну и получить два года на подготовку... Да, товарищ Судоплатов, с тамошними троцкистами разберитесь сами, не стесняйтесь действуйте па законам военного времени. Считайте, что это приказ! Они враги хуже любых либералов, у тех нет шанса на массовую поддержку. А в остальном, ми еще подумаем, можете быть свободными.

В том же кабинете полчаса спустя.

Отдав Берии тонкую папку с личным делом, Сталин произнес:

— Лаврентий, смотри, чтобы ни один волос не упал с головы этого человека. Мне кажется, ми сможем договориться, по крайней мере шанс есть... Без него ми потеряем Россию и белорусов просто сожрут, как у нас Югославию в апреле... Смотри в оба, Лаврентий! И что там у тебя по 'оборотням'?

За пять дней до описываемых событий.

16 июля. Восемь часов вечера. Национальный парк 'Завидово', Государственная резиденция 'Русь'.

Премьер-министр обвел взглядом собравшихся в его кабинете людей. Можно сказать ближайшие соратники. Иванов Сергей Борисович, первый зам и правая рука премьера. Довольно длинная правая рука. Сечин Игорь Иванович, второй по влиятельности человек в Российской федерации. Владимир Иванович Якунин, главный железнодорожник страны, а по совместительству тайный главный идеолог. Бортников Александр Васильевич, директор ФСБ. Эти люди собрались здесь, чтоб обсудить невероятное, ставшее железобетонно-очевидным фактом.

— Ну, Александр Васильевич? — обратился хозяин кабинета к опустившему голову директору ФСБ: — Обделались по полной?! Свои, своих не опознали?! Вам какая команда была? Наблюдать и доложить! А вы что учинили, мерзавцы? Должен вам напомнить, товарищи офицеры, КАКУЮ присягу и КАКОМУ государству мы с вами принимали в свое время. А это что такое? Сотрудник ФСБ крышует олигархов? С этого же началась вся история?! Что, Собственная Безопасность мышей совсем не ловит, или окончательно продались? Вам что, новый тридцать седьмой год устроить?! Напомнить, как это делается?! Вот даже специалисты под рукой есть! Значит, так! Список всех причастных к этой истории мне на стол. Мы с тобой птенцы одной конторы, знаешь, что потом делать. Да, обеспечить мне выход на товарища Судоплатова. Но чтоб, больше без пьяных выходок, нормальных людей поставь, проверенных. ТАМ Война идет, люди гибнут, а мы из-за твоих засранцев сейчас перед товарищем Сталиным в полной жопе.

— Сделаем, Владимир Владимирович, — кивнул Бортников, — я понимаю, больше такого не повторится...

— Ни хрена вы не понимаете, товарищи, война идет, и ТАМ и в любой момент может начаться здесь. Вы думаете пшеки просто так сдулись? Просто пришлось намекнуть пану Туску, что генерал Шаманов вот, вот выедет на учения в Белоруссию, во главе всех воздушно-десантных бригад. Мол, стратегические учения ВДВ, во взаимодействии с ВВС по принуждению к миру всяких отмороzków.

Тут премьер несколько лукавил. Они сами затянули с нотой протеста для возможности ввести на территорию Белоруссии свои части, якобы для миротворческой миссии, а на самом деле иметь свои подразделения и рычаг давления на крайний случай. План удался, две десантные бригады расположились недалеко от границы с поляками, а значит и рядом с порталом.

— И что проснувшись однажды утром он может, не найти на привычном месте, например, Варшавы, — продолжил ВВ: — Знаете, отлично подействовало! Правда пришлось реально вывести пару бригад из военных городков и поднять в воздух самолеты... Польша знает, что дядя Сэм за нее воевать не будет, опыт пяти дней в августе имеется.

— Да?! — иронично улыбнулся Иванов, своей сногшибательной улыбкой: — А что гарант?

— Дерьмо у нас, а не гарант, товарищи. Но тут уж моя ошибка, каюсь. Но, Сергей Борисович, если бы ты хоть немного порол в детстве своего отпрыска, то гарантом сейчас был бы ты, и нам было бы гораздо легче. Ты знаешь, что я имею в виду! — на этот раз опускать голову пришлось Иванову: — Не знаю что и как, но президентом в две тысячи двенадцатом году ему не быть, это точно. Короче, пришлось его 'заболеть' с временной передачей полномочий. Ставки в игре, товарищи, очень велики. В том числе и торговые связи с ТЕМ миром могут застраховать нашу экономику от кризиса. Владимир Иванович, как насчет возможностей подтянуть к порталу железнодорожные пути?

— Белорусские товарищи уже заканчивают, так что наша помощь не требуется, Владимир Владимирович. Можно помочь тепловозами и вагонами, — черкнул в своей записной книжке Якунин: — Есть и еще один вопрос, товарищ Путин, после выступления товарища Сталина народ кипит. Нам надо отреагировать в идеологическом смысле, потому что противоположный лагерь уже начал реагировать. Хотя ряды так называемых правозащитников изрядно прорежены, но все равно, немало дерьма осталось в нашей

стране. Только господа Федотов и Сванидзе чего стоят? Да и вся либерально демократическая пресса воет как в ж...пу укушенная...

— Значит так, наплевать и забыть! Развернуть контрпропаганду, объявить этих борцов с тоталитаризмом пособниками фашистов. С Моссадом свяжитесь что ли, у них к этому вопросу отношение серьезное. На месте товарища Сталина я бы всех местных евреев сплавил в наш Израиль, оптом. Так он и от собственного геморроя избавится и Праведником Мира станет. Да и там, в свое время не объявятся всякие Смоленские, Гусинские, Березовские, Ходорковские и прочие Абрамовичи и Дварковичи. Ну да, хватит о грустном, ближе к делу. Игорь Иванович, подумай со своими людьми над нуждами наших предков из сорок первого. Ну, там, танкоремонт, техника, боеприпасы... все что по промышленной части надо — подготовь.

— Владимир Владимирович... — вмешался в разговор Бортников, — по нашим сведениям порталы идут крест — накрест. Наш, из-под Казани — под тамошний Брест, где сейчас фашисты. А Белорусский из-под Бреста под тамошнюю Казань. Так что если и удастся открыть портал, то прямо в немецкий тыл.

— Так это же замечательно, — оживился Иванов, — может все-таки поручить товарищу Шаманову, провести давно запланированные учения?

— Не все так просто, товарищи, — заметил Бортников, — по нашим данным для открытия портала необходим специальный человек, у нас он проходит под позывными 'Гермес' и 'Проводник'. Во-первых, этот самый 'Гермес', по нашим сведениям, хоть и является уроженцем нашего времени, но принял гражданство СССР сорок первого года и теперь напрямую подчиняется товарищу Сталину. Но это только 'во-первых', а во-вторых, он сначала пропал на некоторое время, а два дня назад объявился из казанского портала. В результате чего был задержан группой наших не благонадежных сотрудников. В ходе задержания, при не до конца выясненных обстоятельствах, погиб боец Красной Армии. Кроме того, как удалось установить, в результате спецоперации осуществленной сотрудниками ГУГБ НКВД СССР, несколько часов назад он был освобожден из-под стражи. При этом все сотрудники нашей организации, — офицеры переглянулись, — принимавшие участие в этом незапланированном захвате, были уничтожены.

— Туда им и дорога, — кивнул премьер, — так что с этим 'Гермесом'?

— Скорее всего, его вывезли на территорию республики Беларусь, — уточнил Бортников, — И если так, то он уже на территории СССР.

— Понятно! — председатель правительства сжал пальцы в замок, — тогда мне нужна встреча с Александром Григорьевичем. Личная и абсолютно конфиденциальная. Никаких телефонных и радиопереговоров, только с глазу на глаз. Александр Васильевич это по твоей части, будем через товарища Лукашенко выходить на товарища Сталина. Да, и смотри у меня, чтобы наш Дмитрий Анатольевич с привязи не сорвался, вот это точно будет не приятность!

— Сделаем. Владимир Владимирович. Есть еще одна новость. Я получил ее перед самым совещанием.

— Что там?

— Сталин ответил на вопли правозащитников...

— Что опять?! Они и так уже более сорока человек под 'нож' пустили и они продолжают работать. Мы уже устали прикрывать их работу...

— Нет. Тут другое. Они ответили на Катынь...

— Это уже интереснее. Что?

— Вот. Этот документ отправлен не только полякам, но и во все СМИ. Копии разумеется. Этот перехвачен нами, — передавая листок бумаги, ответил директор ФСБ.

Взяв листок в руки премьер вчитался, после чего откинулся на спинку сиденья и задумался, передав документ Иванову. Прочистив горло, тот зачитал его вслух.

**'НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ВРУЧЕННАЯ ПОЛЬСКОМУ ПОСЛУ В
МИНСКЕ ЛЕШЕКУ ШЕРЕПКА**

**15 ИЮЛЯ 2011 ГОДА через представителя правительства Республики
Беларусь**

Господин посол,

*Советское правительство доводит до Вас и Вашего правительства
ниже следующее:*

*В ходе польско-германской войны, начавшейся 1 сентября 1939 года в нашей
реальности, уже через 10 дней военных операций Польша потеряла все свои
промышленные районы и культурные центры, и Варшава как столица Польши уже
больше не существовала. Польское правительство распалось и не проявляло признаков
жизни. Это означало, что Польское государство и его правительство фактически
перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные
между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства,
Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей,
могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское
правительство не могло более-нейтрально относиться к этим фактам.*

*Советское правительство не могло также безразлично относиться к тому,
чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши,
брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.*

*Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение
Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять
под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной
Белоруссии. Что и было выполнено.*

*В результате этого в лагере польских интернированных военнослужащих под
Катынью по состоянию на 30 июня 1941 года содержится 11246 бывших офицеров
польской армии.*

*В настоящее время СССР ведёт кровопролитную войну с немецко-фашистскими
захватчиками, на ведение которой уходят все возможные ресурсы нашей страны и
содержать такое количество иждивенцев нам затруднительно. Поэтому
правительство СССР решило передать этих людей Вашей стране, так как эти
военнопленные являются Вашими соотечественниками, пусть и из другой реальности. По
окончании войны мы предоставим возможность вернуть их на родину. В настоящее
время мы возможности туда их отправить не имеем, так как они будут расстреляны
немецкими фашистами там или помещены в концлагерь.*

*Проявляя добрую волю и руководствуясь самыми гуманистическими
соображениями, мы готовы передать вам всех иждивенцев без исключения, несмотря на
то, что среди них имеется значительное количество людей, запятнавших себя
преступлениями против граждан СССР.*

*Для передачи военнопленных польским властям мы готовы принять любое
разумное количество представителей польского государства.*

*Мы требуем от Вашего правительства оплатить расходы на содержание и
питание нами указанных выше военнопленных. По состоянию на 23 часа 59 минут 30
июня 1941 года они составили 29 341 138 долларов 27 центов США Вашей реальности.*

*В других лагерях у нас содержится ещё 30232 польских интернированных
военнослужащих по состоянию на 30 июня 1941 года. После передачи военнопленных из
катынского лагеря мы готовы передать Польской республике и их в полном составе на
сходных условиях. По состоянию на 23 часа 59 минут 30 июня 1941 года оплата за их*

содержание составляет 79 399 299 долларов 99 центов США Вашей реальности. В случае отказа, мы будем вынуждены отправить иждивенцев на работу в Сибирь.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

'Народный комиссар иностранных дел

Союза ССР В. Молотов 15 июля 1941 г. (13 июля 2011 г. Вашей реальности.)'

— Хм, жестко работают. Но это палка о двух концах, — покачал головой премьер.

1941 год. 24 июля 13 часов 35 минут.

Москва. Дача Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Четверо мужчин, сидевших за круглым столом, молча рассматривали друг друга. Вернее, трое — одного. Премьер-министр Российской Федерации сидел прямо, показывая армейскую осанку, положил локти на стол, придерживая правой рукой черную кожаную папку.

Сидевший во главе стола Иосиф Виссарионович, попыхивая трубкой, с интересом изучал премьера, явно составляя свое мнение по его внешнему облику. Нарком Берия, устроившийся справа от Сталина, тоже изучал гостя, но, похоже, по другой причине.

Президент Лукашенко, расположившись с левой стороны от Иосифа Виссарионовича, больше рассматривал папку с грифом 'совершенно секретно', что лежала под рукой премьера. Его явно интересовала та информация, что в ней находилась.

Компьютер в углу кабинета тихо гудел вентиляторами, монитор в режиме ожидания ненавязчиво напоминал, что недавно здесь работали.

Неожиданный писк динамика на компе вывел всех из задумчивости.

— Извините, товарищи, это мне сообщение пришло по почте, — произнес Сталин с легкой улыбкой, с удовольствием наблюдая за вытягивающимся от удивления лицом премьера.

— Хм? Товарищ Сталин, вас тут, что? И Интернет есть? — поинтересовался премьер.

— Есть.

— Это хорошо, можно будут общаться через него.

— Тут лучше старым добрым способом через посыльных, мне уже доложили о ненадежности в сфере безопасности. Прослушать нас могут, — слегка покачав головой, ответил Сталин.

— Ясно.

Лукашенко лениво слушал разговор, новости об интернет сети в Кремле для него секретом не были, так как это именно его специалисты ещё за несколько дней до начала войны занимались установкой необходимого оборудования. Да и ему самому неоднократно уже приходилось общаться через веб-камеру со Сталиным. Бывало и в режиме конференц-связи. Более того, уже были даже созданы несколько сайтов для ведущих наркоматов СССР и самого товарища Сталина, которые на данный момент уже работали в тестовом режиме, но об этом пока был проинформирован довольно узкий круг посвящённых.

Александр Григорьевич едва сдержал улыбку, представив как бы изумился премьер, узнай он о том, что около недели назад вступила встрой волоконно-оптическая линия связи, идущая из Москвы до Казанской Аномалии. В её сооружении принимала участия тоже довольно большая группа белорусских спецов, благо всё необходимое успели завести буквально перед самым закрытием портала после пропажи Александра.

Конечно, к этой работе дополнительно было привлечено больше сотни студентов старших курсов этого мира, обучающихся на радиотехнические специальности. Они должны будут составить костяк только что рождающейся абсолютно новой отрасли советской страны.

Лукашенко также был в курсе, что уже начаты работы по прокладке подобных линий в столицы союзных республик. И в планах на самое ближайшее время уже заложено охватить подобными высокоскоростными линиями связи столицы АССР, областные и краевые центры. Местные специалисты быстро подсчитали, что эти нововведения обойдутся едва ли не на порядок дешевле, чем модернизация существующих проводных телефонных линий, которые уже давно не справлялись с быстро возрастающей нагрузкой и требовали скорейшей модернизации. Он поразился, как Иосиф Виссарионович сумел так быстро вникнуть в преимущества нового вида связи и дать указания о быстрейшем внедрении новинки.

— Прежде чем начнем говорить о том, зачем мы тут все собрались, — произнёс Сталин, закончив читать довольно обширное сообщение на экране монитора, — я хочу поблагодарить вас за предоставленную информацию относительно планировавшегося покушения на меня...

Пока шла встреча глав государств, о которой я пока даже и не подозревал, у меня были свои дела. За время отпуска я в целом успел сделать косметический ремонт своей квартиры и сейчас как раз заканчивал обклеивать ванную голубой плиткой с корабликами: слегка, так сказать, оптимизировался под местные реалии.

Сейчас я стоял на одном из центральных перекрёстков Москвы, ожидая, когда пройдет батальон добровольцев, с интересом поглядывавших как на мою машину, так и на охрану. Нет, конечно, 'Хантеров' на улицах тоже хватало — закупили их действительно много, начальству уж больно понравилась эта не особо привиредливая машина. Правда, заправка для них была пока одна на весь город, зато состоящая сразу из нескольких одновременно работающих бензоколонок. Поэтому особых очередей не наблюдалось. Впрочем, и других машин из-за кромки было немало.

С интересом поглядывая на разнотипно одетых людей проходивших мимо, размышлял о будущем. Через неделю отпуск заканчивается и я снова должен буду приступить к исполнению своих обязанностей. В общем, опять буду ищейкой. Гоголев намекнул, что им бы пригодился Мир с более ранним временем. Зачем — и так понятно. Золота мало не бывает, тем более, они знают координаты всех месторождений.

Кстати, было довольно забавно наблюдать за машинами на улицах Москвы. Как раз впереди, за древней полуторкой пристроился 'Патриот' с каким-то наркоматовцем на заднем сиденье, после него стояла 'Победа'. Их опытное производство началось две недели назад, и эта машина уже начала занимать свою нишу в советском автопроме, хоть и выпущено всего 2–3 десятка. Мне тоже такую дали, бирюзового цвета. Сейчас на ней батя ездит, доволен, просто — ужас. Кстати, как я слышал, прошел большой заказ из РФ, многие хотели бы приобрести ее. Раритет все-таки. Но им, думается, придётся подождать. До открытия настоящего серийного производства. Не думаю, что это займёт меньше года. Запуск конвейера — довольно долгий процесс. Да ещё и смежные производства надо строить, а на дворе война пока что. Пусть и идущая несравнимо благоприятнее на начальном периоде, чем в моей реальности. Тот же Ульяновский завод только-только дал выпуск первых серийных автомашин. Я от кого-то слышал, ГАЗ-64 или ГАЗ-69 с несколькими вариантами кузова на одном шасси. Основной поток идёт на фронт, относительно небольшую часть планируется доводить в небольшом цеху, как говорят, напильником, до представительского класса.

Иностранные посольства очень заинтересовались новенькими машинами, слышал им даже дали небольшую пресс-конференцию на эту тему. Американцы заикнулись было что наша ходовая 4/4 похожа на их 'виллис', но их быстро утерли показав 'уазики' девятилетнего срока. Больше не возникали. Два завезенных из моего мира автозавода под

ключ, пока еще настраивались. Однако они шли чисто под грузовики. Один большегрузные, другой вроде 'газелей'. Нехватка полноприводных грузовичков для армии ощущалось очень сильно.

Из боковой улицы показалась туповатая морда трофейного 'Опеля'. Чуть дальше виднеется припаркованный 'УАЗ'-таблетка. В общем, разнообразие машин на улицах города просто поражает. За считанные недели всё так изменилось! Заметив, что замыкающий 'войсковой' колонны прошел мимо, включил сразу вторую и дал газу. Охрана слегка отстала, так что пришлось немного притормозить, ожидая пока они догонят. Водитель был из новеньких и еще не привык к машине, тем более такой. Да и охрана так же была из новичков. Вознесенского не было, он перешел под командование Гоголева и сейчас плотно работал с адмиралом. Благо, пока мы были в мире царя, повадки их изучить немного успел, чтобы не попасть впросак. Так что с новой охраной пришлось налаживать новые взаимоотношения.

Вдруг затренькал мобильный. Быстро же белорусы обеспечили Москву этим новым для неё видом связи. Правда, пока не до всех городских окраин связь достаёт, но, думаю, положение быстро улучшится! Достав из поясной кобуры телефон, нажал на кнопку, мельком глянув на экран. Звонил Гоголев.

— Слушаю, товарищ генерал!

— Ты сейчас где?

— К родителям еду, у бабушки сегодня день рождения, всем семейством собираемся.

— Ясно. Имей ввиду, что в восемь вечера ты должен быть на даче. В парадной форме. Понял?

— Понял, буду, — ответил я несколько озадаченно.

— Все, отбой.

— Принято.

Убрав мобилу обратно, я задумался, объезжая повозку с запряженной лошадью, которая вопреки всем правилам дорожного движения подрезала меня со встречной полосы и вкатилась во двор. Возмущенно посигналив седому старичку, который невозмутимо разлегся на дровах, погнал дальше. Развернувшись на первом же повороте, поехал обратно домой — нужно было переодеться. А я был в повседневной форме на данный момент. Следует поторопиться и заехать за Алей, она будет ждать меня через сорок минут у проходной управления.

Нажав тангетку, обратился к охране:

— Ребята, меня тут вызывают на дачу, так что вертаемся домой. Потом все по плану.

— Принято, — послышался голос лейтенанта Аминова, начальника моей охраны. Прослушки я не боюсь, в этом мире ещё нет специалистов и аппаратуры у наших недругов для перехвата цифрового сигнала.

Сообщил не просто так. О любом телодвижении я обязан уведомлять их, меня хорошо инструктировали, прежде чем выпустить на 'волю'. Да я и сам прекрасно понимаю необходимость подобных мер безопасности. Через десять минут я остановился у парадного входа дома.

Это же время. Мир Александра. Москва.

'Что же делать? Делать вид, что ничего значительного не произошло? Не получится. Не поймут. Игнорировать проблему, как всегда делали и надеяться, что ситуация рассосется сама? Опять не выйдет. Так! Стоп! — мужчина в кресле постучал пальцами по столу, выбивая какой-то знакомый ему ритм: — Нужно выделить главную

проблему. Главная проблема — это сбережение накоплений и имущества. Хе-хе... Как юридически сухо звучит: 'накопления и имущество'. А, вот, придет кто-нибудь из ведомства Лаврентий Палыча и назовет это похищенным и расхищенным... Стоп! Стоп! Стоп! Думать позитивно! Позитивно. И только позитивно. На нашей стороне армия и ядерное оружие. Стоп. Это не позитивно. Позитивно — это действия только в рамках закона... Я действовал в рамках закона! Закон разрешил приватизацию и я выгодно, в отличии многих неумёх, вложил свой ваучер, свои таланты, навыки. Я смог стать... Стоп. Это красиво, но бесперспективно. Та-а-а-ак... А если по-другому? Я такой не один. Многие занимались присвоением государственной собственности. Многие даже богаче меня. Но будет ли это значимым доводом?"

Человек, сидящий в удобном кожаном кресле, начал тереть себе виски и лицо. Глаза были закрыты. Губы сжаты. Любой посмотревший со стороны сказал бы, что человек что-то обдумывает.

"Это же... Это как признание в соучастии. Думай, думай, думай... Таких высот, как я, дураки не достигают... Думай!!! Нужно опередить... Опередить всех. ДУМАЙ!!! Так, а если заявить, что единственным методом сберечь от разграбления было мое мнимое участие в приватизации. И я хотел, при удобном случае, передать все в собственность государства... Теплей... А прибыль? А что прибыль? Я не мог выделяться, как белая ворона, в этом окружении и мне приходилось играть по их правилам. Теплей-теплей... И я готов передать все это НАРОДУ. Хорошо. Хорошо. Теперь нужно опередить и первым пойти на контакт. А контакт только у Лукашенко. Опять он... То его 'белорусская модель' народ будоражит, то эти ворота в другой мир. Ну почему все время он... Колхо-о-озник... Все равно нужен прямой контакт с ним. Немедленно", - тут человек открыл глаза: — 'И контакт с НИМ. Прямой и быстрый. Главное, опередить всех. И быть первым. Что я могу предложить? Я могу предложить... Да все, что угодно могу предложить, лишь бы меня признали. Та-а-ак... Танки? А они у нас есть или уже все запасы извели на металлолом? Самолеты... Самолеты... У нас к 2015 году должно быть 6 °Су-35. Мало-мало, очень мало... Нужны заводы. Какие заводы? Мы ж все закрывали, чтобы за бугор гнать... Заводы, заводы, заводики... Тогда отрывать? — впервые за несколько дней, после ошарашивающей новости и выступления, теперь только так, Великого Политического Дейателя, человек улыбнулся: — А это мой шанс. Пусть они воюют, пусть они решают свои проблемы, а я решу свои. Устроит ли их это? Устроит ли? Заводы буду запускать, производство. В наших институтах будем обучать их студентов. А как я буду смотреться перед выборами... Я-то заводы ОТКРЫВАЮ, а передо мной только закрывал. Ха... Да владельцы всех металлургических заводов пойдут за мной — я им такой рынок подгоняю. Так... Цены на электроэнергию нужно снижать. Срочно! Но только для заводов, для населения — шиш! Еще и поднять можно, а объяснить потребностями СССР. А если ввести дополнительный пятипроцентный налог с продаж — пусть быдло и финансируют помощь СССР. Ма-а-ать!.. Как феникс из пепла... Столько лет пугали призраком СССР, а он снова тут... Стой... Не отвлекайся. Вдох-выдох. Спокойно. Думать о деле. Так... Хорошо... Если они не пойдут мне навстречу, то я могу подкинуть кучу проблем. Пойдут. Пойдут. И будут платить золотом. Вот и пусть ломают себе голову, где взять золото. А плевать... Я хочу покоя. Устал я от них', - лицо человека разгладилось, появилась легкая улыбка. Палец нажал на кнопку связи с секретарем, человек произнес:

— Аркашу ко мне, быстро! Немедленно! И пусть готовят 'Гольфстрим' для вылета в Минск!

Примерно это же время. Мир Александра. Российская Федерация.

Солнце садилось в густое сизое марево из пыли и выхлопных газов. Забитое медленно движущимися дорогими иномарками шоссе было похоже на толстую струю

густого гноя выдавливаемого из страны. Таможня не справлялась, бывшие хозяева жизни стремились убраться за пределы бывшей Родины, пока не поступила команда опустить шлагбаумы. Из страны бежали те, кто еще вчера презрительно говорил про нее: 'Эта Раша'.

Все началось еще рано утром, когда ряд федеральных каналов сообщили в выпусках новостей, что премьер-министр Российской Федерации отбыл в республику Беларусь с рабочим визитом. Еще через два часа на телеэкранах появился сияющий как именинник Сергей Борисович Иванов и сообщил:

— В ходе рабочего визита Владимира Владимировича Путина в республику Беларусь также запланирован визит в СССР тысяча девятьсот сорок первого года с целью подписания ряда важнейших межправительственных соглашений.

Этого короткого сообщения, хватило для того что бы все пришло в движение. Испуганными голубями поднялись с аэродромов частные 'Гольфстримы', те олигархи, что случайно находились на территории Российской Федерации, стремились как можно скорее покинуть ее воздушное пространство. Куда угодно: в Швейцарию, Финляндию или даже Турцию. Только бы подальше от встающей на дыбы страны. Горечи им добавило то, что случившийся по великому совпадению тем утром компьютерный сбой на целые сутки заблокировал банковские транзакции с территории России. Те, кто имел свою службу безопасности, уже знали чья это работа. За час до полудня в эфире прошло сенсационное сообщение — в аэропорту Шереметьево задержан министр финансов Российской Федерации Алексей Леонидович Кудрин, пытавшийся вылететь по фальшивым документам в Прагу.

Тоненький ручек беглецов на границах стремительно набухал, превращаясь в ревущий поток. И первыми, впереди собственного визга, бежали уцелевшие правозащитники и десталинизаторы. Армейские патрули на перекрестках дорог и в аэропортах пока лишь молчаливо наблюдающие за происходящим, добавляя в картину исхода своеобразный колорит.

На фоне поднявшейся после этого паники прошло совершенно незаметным выступление президента о том, что он после возвращения из Минска досрочно слагает с себя полномочия, так как не готов взять на себя ответственность за страну в сложившейся обстановке.

Разработанный несколько дней назад план 'Тайфун' вступил в свою завершающую фазу. В час дня, 'по причине выбытия целевой аудитории' и, что уж тут говорить, бегства существенной части ведущего персонала, прекратили свою работу некоторые радиостанции и телеканалы. Другие же изменили сетку вещания и чередовали выпуски новостей с фильмами о Великой Отечественной Войне. Показали, как боевым частям Российской Армии снова вручают извлеченные из архивов боевые знамена советского образца. Продемонстрировали Минское шоссе, в отличие от других направлений забитое не элитными иномарками, а армейскими грузовиками и фурами МЧС. Невидимый диктор сообщил, что эти машины везут все необходимое для сражающейся страны: боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Некоторые радиостанции даже стали регулярно ретранслировать сводки Совинформбюро из Мира 1941 года, что сразу же существенно увеличило количество их радиослушателей.

Затаив дыхание, страна слушала выступление мужчины в форме командира РККА, объявившего о формировании партией Единый Союз Ударного Корпуса Народного Ополчения для помощи частям РККА в борьбе с фашистскими захватчиками. Выступивший после него генерал-лейтенант Ноговицын туманно сообщил, что генштаб ВС РФ, совместно со своими советскими коллегами, разрабатывает 'планы по быстрому и окончательному разгрому немецко-фашистских агрессоров'. Шли хроники с мест боев, некоторые чуть ли не в режиме онлайн. По крайней мере, встающие неподалеку от оператора кусты разрывов не были похожи на имитацию. Били явно крупным калибром. Да и горящий на холме танк, тоже привлекал к себе внимание телезрителей.

Через неделю все это завершилось показом по центральным телеканалам в вечерних выпусках новостей 'поступавших из СССР кадров' встречи лидеров СССР, России, Белоруссии, Казахстана и сообщением о подписании большого количества 'важных межправительственных соглашений'.

Вся остальная планета, совершенно обалдев, смотрела на происходящие в очередной раз на одной шестой части суши судьбоносные для всей планеты события. Кто-то в недоумении, кто-то — со злобой, кто-то — равнодушно. Но основная масса — с надеждой, так как они-то чувствовали, что Мир, основанный на жажде наживы любой ценой — создан не для людей. Во всяком случае — не для нормальных людей!

Многим недоброжелателям СССР, а потом и России, глядя на всё это, очень хотелось нажать на легендарную красную кнопку. Они прекрасно понимали, что это только начало. Стрелки переведены, локомотив истории, пусть со скрипом и дребезгом, пошёл по другому пути. И на старый путь не повернуть. Пустить под откос можно. Повернуть — НЕЛЬЗЯ!!! А попытаться пустить под откос — боязно! Ибо они знали, они очень хорошо помнили, что было, что это уже было в истории планеты: 1945 ГОД! МАЙ! 9-е число!

Естественно всего этого я пока не знал, и в благодушном настроении, в темпе переодевшись и забрав Алю, ехал к родителям, ведя легкую беседу с девушкой, одновременно слегка недоумевая из-за неожиданного вызова к Сталину. Там явно что-то случилось интересное.

Впрочем, причина для приподнятого настроения была не одна. Как я уже говорил, пусть и пока ещё не на всей территории Москвы, но работала сотовая сеть. Во всяком случае, с уровнем сигнала в моей квартире проблем не было. А тут ещё мне наконец-то привезли компьютер. Ну, на замену тому, что у меня в своё время приватизировали работники теперь уже моего ведомства. Правда, одновременно с этим пришлось подписать несколько бумажек, где мне вменялось в обязанность оберегать сию технику, так сказать, от посягательств враждебных элементов. Ну, нечто подобное тому, что было у владельцев огнестрельного оружия в моём Мире. Как мне кажется, на данном этапе вполне разумные предосторожности.

Компьютер, правда, оказался в целом, несколько слабее, чем мой старый агрегат. Впрочем, медлительнее была только видеокарта, так как сборщики ограничились интегрированной в материнскую плату, а сам процессор оказался даже быстрее и память в 2 раза больше. Я подумал, что неплохо будет при очередном походе в мой старый Мир прикупить отдельную видюху.

К слову сказать, приятности на этом не закончились. Когда мне вручали служебный сотовый телефон, то я, ни на что особо не надеясь, спросил о том, а не появился ли в связи с этим Интернет. К моему глубочайшему удивлению оказалось, что такое событие имело место быть. А вот для получения разрешения на подключение пришлось почти целый день затратить. Разных подписок дал — мама не горюй!!! Связь, как я и ожидал, осуществляется через обычный 3G-модем. Зато теперь, приходя домой, чувствую себя почти как в родном 21 веке! Правда, это удовольствие оказалось далеко не бесплатным: буду платить по 75 местных рублей в месяц. Очень даже приличная цена по сравнению со здешней средней зарплатой. Впрочем, моя-то зарплата далеко не средняя. Да и Интернет тут, как у нас сказали бы, безлимитный. Впрочем, других тарифов просто нет пока. Кстати, занимается здесь сотовой связью и Интернетом белорусский Белтелеком.

Интересные дела... Буквально через полчаса после начала опробования качества работы инета, наткнулся на интересную новость. Какой-то престарелый американский политик, судя по тому, что его звали Збигнев Бжезинский — этнический поляк, выбросился из окна какого-то здания с диким криком 'Русские идут!'. И этаж-то всего лишь третий был, но его голова почему-то не выдержала столкновения с асфальтом! Что-

то мне это напоминает... Но, вот, что — не могу вспомнить. Ну и леший с ним. Помер и помер. Он мне даже не родственник. Наследства ждать не придётся.

Наконец-то, приехали... Подруливаем к искомому подъезду и останавливаемся. Я, как мужчина, подхватываю сумки с подарками, и мы входим в дверь...

1941 год. 24 июля. 19 часов 08 минут.

Подмосковье. Дача Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

— Товарищ Сталин. Товарищ Лукашенко и... гражданин Путин пересекли границу портала, — доложил вошедший в гостиную дачи нарком Берия.

Те, кто знал Сталина по одному поведению могли определить его настроение. Одним из таких людей был и нарком, в данном случае он знал, почему хозяин в бешенстве расхаживает по комнате. Так как и сам находился не в лучшем настроении.

— Нет ну каков, а? Ставить МНЕ условия! — прорвалось наконец у Сталина.

— Товарищ Сталин, товарищ Лукашенко просил передать, что он полностью на нашей стороне.

— Знаю, только что эсэмэс прислал... Но наглец, пугать меня вздумал! — все еще не пришел в себя Верховный.

Бешенство Иосифа Виссарионовича имело под собой основу. Хоть премьер-министр и был предупредителен и вежлив. Но выражаясь политкорректно, встал в позу. Тут он имел все основания. В документе что он привез, стояли подписи многих глав государств с мнением которых стоило считаться. Там стояло уведомление, что господин Путин представитель не только Российской Федерации, но и Альянса государств, которые вступили в него в противовес Альянсу СССР и Белоруссии. Приятное, что премьер оставил напоследок, вроде всесторонней помощи в войне, было фактически не замечено, под наглым заявлением Альянса в совет которых входил и гость. Требовали они свободного доступа к portalу. И не только доступа, но и передачу его под контроль Альянса.

Сами переговоры прошли довольно нормально, однако Сталин не стал ничего подписывать, свалив все на дипломатов, с представителем от СССР товарищем Громыко.

— Да, товарищ Сталин. Однако с его стороны это шанс удержаться на плаву, раз он пошел на сделку с Обамой и иже с ним. Он понимает, что если портал закроется то он останется один на один со всем миром, ополчившемся на него. Договоренностей как с товарищем Лукашенко у него нету, да и не сможем мы перевезти всю Россию к нам. Это не Белоруссия. Я напомню вам, товарищ Сталин, аналитический прогноз товарища Судоплатова, он отметил подобное действие как один из возможных вариантов развития и разработал противодействие. Согласен, слегка жестко, но действительно, как раз в нашем стиле.

— Я, это, товарищ Берия все прекрасно понимаю, но если бы он первым пришел к нам... ситуация бы развивалась по-другому. Поставьте задачу нашим разведчикам узнать, чем на него надавили.

— Мы уже знаем, товарищ Сталин. Вернее предполагаем. У него дочь в США.

— Хм, думаете, они пошли на шантаж?

— Уверен, товарищ Сталин.

— Оставив этот вопрос до выяснения, товарищ Берия. Я согласен с товарищем Судоплатовым. Начинайте операцию 'Тайфун'.

— Есть, товарищ Сталин.

Хозяин кабинета прошелся по комнате, заметно успокаиваясь.

— Когда у нас награждение?

— Через сорок минут, товарищ Сталин. Скоро они подъедут.
— Хорошо. И передайте товарищу Судоплатову, чтобы работал по 'Тайфуну' лично. Пусть будет все под его контролем.
— Есть.

— Саша, ты уже уходишь? — перехватила меня на крыльце мама.
— Да, вызвали.
— По работе?
— Конечно.
— Заедешь еще?
— Да. Аля у вас побудет. Как все закончиться я ее заберу.
— Хорошо. Мы ждем.

Я уже подъезжал к даче, как поймал себя на мысли что что-то не так, однако это подозрение постоянно ускользало от моего внимания. Прокрутив в голове последние действия, вдруг понял, что не так. Охрана. По инструкции — хотя они знали, куда я еду — должен был связаться с ними и сообщить маршрут движения. Но я забыл это сделать! По той же инструкции они должны были связаться со мной, но этого не произошло. Это-то и было странно.

Достав рацию, нажал на танкетку. Ровный шум полился из динамика. Проверив мобилу увидел 'поиск сети'.

— Какой на хрен поиск? Тут до вышки километр.

Непонятность ситуации стала напрягать. Анализ ситуации дал следующее.

'Ехал я к Сталину. Цель? Возможно. Почему через меня? Охрана? Дача режимный объект и охрана там будь здоров. Но если преодолеть внешний периметр охраны задача хоть немного, но упрощается. Шансы? Есть, если они профи. Охрана на воротах в лицо меня знает. Значит и охрану проверять будут не особо напрягаясь. Тем более оборудованная стоянка именно на территории дачи. Их дальнейшие действия? Что там у нас после ворот? Машину на стоянку. Охрана остаётся там же. Где стоянка? Сразу после ворот справа, до дачи триста метров. Охрана у стоянки в небольшом домике-казарме. Шанс? Есть. Блин, это что я типа 'трояна' что-ли?! Блин-ин!'

Анализ и прикидка действий диверсантов в машине охраны напрягала. Появился еще один повод-уверенность в моих предположениях. Когда я проехал мост, ловко разминувшись с трактором груженным лесом, 'хантер' охраны полностью повторил мои действия. Виталик-водитель, если бы сидел за рулем, никак не смог бы повторить подобное.

До дачи оставалось всего пару километров, но плана у меня еще не было. Подъехать к воротам и заорать что в последней машине враги? Не смешно, шансы нарваться на пулю не просто велики, а точно возможны. Я окажусь между часовыми у ворот и машиной сзади. То есть, под перекрёстным огнем. Свалить сейчас, так я не на броневику, пулю жесть не остановит. Черт!

По краям дороги мелькали часовые из подразделения наркома Берия. Вооружены все 'акэсами' или 'акэсэушками', со старыми десантными разгрузками на боку. Однако и стояли они на расстоянии ста метров друг от друга. Шансы уйти от перестрелки с ними у диверсов были.

Пока я обдумывал, появились открытые ворота в которые как раз въезжал автобус.

Никакой идеи у меня так и не появилось. Может быть потом за чашечкой чая или кофе что-нибудь пришло бы мне в голову. Но сейчас, когда руки тряслись от адреналина я сделал то, что первым пришло мне в голову.

1941 год. 24 июля. 19 часов 53 минуты.

Подмосковье. Пост охраны ворот дачи Сталина.

— Пропускай, — махнул рукой старшина Мороховец.

Старшина хмуро посмотрел на автобус. Вчера диктор Левитан по Всесоюзному радио снова сообщил, что с тяжелыми и кровопролитными боями оставлен очередной город. Город оказался родным для старшины.

Ревя мотором автобус с будущими орденоносцами-танкистами стронулся с места, пересекая линию ворот, когда показались две новенькие машины.

Охрана их знала, полковник, что обычно сидел за рулем первой машины был известный лихач, поэтому, когда передний вездеход вдруг ударил по тормозам и с визгом покрышек развернулся чуть ли не на месте, их не особо удивило, а вот дальнейшее очень.

Развернувшись 'хантер' попытался ударить вторую машину в бок. Однако водитель, показав немалое мастерство, фактически умудрился увернуться, но избежать тарана не смог. Удар пришелся в левое заднее крыло, от чего машину занесло.

Надо отдать должное водителю второй машины он не растерялся, когда его занесло и поставило на два колеса. Он ударил по газам и попытался скрыться, давя на педаль газа.

— К бою!!! — закричал командир поста лейтенант Геворкян.

Почти немедленно по удирающей машине ударил пулемет с крыши сторожки, через несколько секунд присоединились еще четыре автомата.

Диверсанты ушли бы, если бы одна из пуль не попала в водителя. Но и тут нападающие проявили свой профессионализм, смогли покинуть машину, укрыться и открыть ответный огонь, несмотря на то, что спрятаться там фактически было негде.

— Отсекай! Отсекай! — кричал лейтенант пулеметчику, одновременно докладывая о нападении на пост по рации.

Пулеметчик тоже заметил, что один из нападавших привстал с трубой на плече. Что это такое, они знали. Даже стрелять приходилось, поэтому-то и открыли огонь на поражение. Однако целью была не будка, огрызающаяся огнем, а скатившийся с дороги 'хантер' с разбитой мордой и дымящимся радиатором. За все время пока шла перестрелка, полковник ни как не проявил себя. Хотя его неподвижный силуэт в окне бойцы видели отчетливо.

Диверсант выстрелить успел, и граната понеслась к цели. В последний момент старшина отчетливо рассмотрел как перед попаданием дернулась фигура полковника, через долю секунды вездеход вспух изнутри разбросав детали кузова и осколки стекла.

Глядя на медленно разгорающуюся машину, лейтенант Геворкян, махнул рукой приказывая подошедшей помощи отсекал противника от посадок. Бой закончился только через полчаса. Последнего из наемников загнали в овраг и давили огнем, пока пара бойцов подкрадывались на дистанцию броска. Однако наемник успел себя подорвать гранатой. Потери были большими. Восемь солдат охраны и полковник — против четырех нападавших.

Еще через полчаса Сталину доложили, что тела в машине полковника Демина, не обнаружено.

Нарком Берия стоял навтыжку преданно глядя на сердито ходившего по кабинету Сталина.

— Как такое могло случиться? Что там охрана совсем мышей не ловит?

— Группа личной охраны была полностью уничтожена, товарищ Сталин, их тела нашли в трехстах метрах от дома родителей Демина. Свалены в овраг. Группа прикрытия, которая должна была охранять 'объект' со стороны, исчезла. Мы предполагаем — тоже уничтожена.

— Его охраняли одиннадцать человек. Одиннадцать! Как они прошляпили подобное?!

— Скорее всего, им кто-то помог из нашей реальности. Напомню, что последнего наемника мы так и не нашли. Есть предположение, что он у наших 'друзей' англичан. Последние два дня они что-то засуетились. Шифровки стали более-нейтральными. Мы уже не имеем той информации как ранее.

— Есть информация, где он? — остановившись, поинтересовался Верховный.

— Наши люди точно подтвердили, что он в посольстве. Думаю, информация еще не ушла на остров. Курьеров мы перехватили, а связь... сами понимаете. Всех эмиссаров, что были отправлены для связи и координации из-за портала мы перехватывали. Думаем и здесь не сплешаем.

— Возможность ликвидации?

— Девяносто процентов, если он там.

— Действуйте немедленно, — дождавшись пока нарком отдаст распоряжения по мобильному телефону, продолжил: — А пока расскажите мне про нападение, и особенно об исчезновении Демина более подробно...

Линкор 'Принц Уэльский'.

Военно-морская база Арджентия в Ньюфаундленде. Конец августа.

Встреча столь значимых в мировой истории людей проходила в неофициальной обстановке. Некоторые курили сигары, мелькали бокалы с коньяком и французским вином.

Британским премьер Уинстон Черчилль и президентом США Рузвельт сидели особняком от своих людей, и тихо обсуждали происходящие в СССР события.

— ... а я вам говорю что они водят нас занос! — стукнул кулаком по столу Черчилль.

— Факты, я хочу слышать факты, — развел руками Рузвельт.

— Напомнить про нападение на наше посольство в Москве?

— Да я помню это шокирующее известие, ведь из посольских не выжил никто? НКВД заявил что в нападении причастны немецкие агенты, они даже предъявили вам несколько человек...

— ... которые вдруг оказались именно на 'Святой-Анне' которую торпедировали на Балтике, — чуть насмешливо отразил премьер.

— Всякие случаи бывают, тем более на воде, — пожал плечами президент, отпив вина.

— Но не в этот раз. Посол успел передать некоторые новости, там конечно размыто, но он подтвердил о проходе в другой мир.

— Чушь. И вы в это верите? Моя разведка носом в Москве рыла, но ничего не нашла. Так что все что нам передал Литвинов ложь и провокация.

— Да? Изучите это, — Черчилль достал из шкафчика небольшую папку.

— Что это?

— Это? Это ложь и провокация... причем фото задокументированная.

Через три дня было подписано ряд союзнических соглашений о взаимодействии между государствами против СССР. Занимательным был тот факт, что соглашение это просуществовало ровно год.

Мир Александра.

2011 год. 8 октября по миру СССР. 6-е по местному времени.

Массовое бегство тех, кого совсем недавно считали надеждой и опорой существующей власти, привело к страшному результату: в стране не было денег. Точнее, деньги были. Но это были ничем не обеспеченные и бесполезные бумажки, на которые было не возможно ничего купить. Третью продуктового рынка России обеспечивалось за счет ввоза продуктов купленных за валюту. Цены на импортные продукты сначала возросли пятикратно, рост цен на импорт потянул за собой цены на отечественные продукты. А позже стали закрываться магазины — продукты оказались очень дорогими для населения и спрос резко сократился. Владельцы продуктовых магазинов было поехали по селам закупать продукты у производителей, а там... Там царил запустение. И села были, и люди были. Не было только товарного производства сельскохозяйственной продукции в достаточном количестве. Сельскохозяйственное производство, как отрасль способная накормить население всей страны, в условиях весьма специфического российского рынка было уничтожено. Уничтожено надежно. И восстановление сельского хозяйства потребовало бы работы в течение десятка лет, как минимум. Но эти десять лет нужно было как-то жить.

У рабочих предприятий, работающих по заказам СССР, дела были несколько лучше — СССР снабжал работающих на этих предприятия продовольственными пайками. Но этого было мало. В стране реально появилась угроза голода. И голод мог привести к массовым выступлениям граждан, которые бы смели всю вертикаль власти, так долго и упорно выстраиваемую с начала двухтысячных.

На фоне этих событий прошло еще одно знаменательное событие. Скончался от инфаркта исполняющий обязанности президента Владимир Владимирович Путин, его место занял молодой политик премьер-министр Мурашов. Вой Европы по этому поводу Российским народом фактически замечен не был.

Единственное, что еще сдерживало народ, это была ВОЙНА. Та война, в которой практически у каждого был потерян родственник. Та война, которая и через семьдесят лет для многих была незаживающей раной. Только участие в той войне помогало держать страну под контролем. Еще помогало.

Настроение исполняющего обязанности президента было плохим. Новому и. о. президента нужно было думать, как решать проблемы государства, а не определять долю бюджетного пирога для каждого из приближенных и получать свои дивиденды как это делали его предшественники. Приватизация, о незыблемости которой столько раз говорили, оказалась миной под государством и его властью. Из страны вывозилась нефть, а деньги аккумулировались на счетах владельцев за границей, налоги не платились. Евросоюза четыре дня провел антимонопольное расследование и выставил 'Газпрому' громадные штрафы за нарушения антимонопольного законодательства. Штрафы трехкратно превышали годовую прибыль 'Газпрома' и, в обеспечении уплаты штрафов, все зарубежные счета были арестованы.

Даже Стабфонд оказался в недостижимости — США требовали свободного доступа в мир за Аномалией. Законодатели США приняли поправку Ромни-Маккейна о запрете правительству РФ операций со счетами Стабфонда до тех пор, пока РФ не обеспечит свободный и паритетный доступ в другой мир. Из Госдепа неофициально сообщили о том, что если российское правительство не согласится с законными требованиями США, то ими будет воссоздан СОСОМ и РФ будет лишена доступа к высокотехнологичным товарам, медикаментам и Интернету.

Это был тупик. Тупик существующей экономической модели. Тупик привычного мироустройства. Модели, которую начинал строить еще с Собчаком, которую обязался защищать и обеспечить ее нерушимость в декабре девяносто девятого года. И нужен был выход из тупика, вот только где его искать, было совсем неясно.

И.О президента Мурашов нажал кнопку вызова секретаря, и устало сказал:

— Примакова найдите и пригласите ко мне. Срочно. Это очень важно... И принесите мне чашечку кофе...

Через два часа состоялась встреча. Встреча, которая создала новую политическую систему в России и мире.

— Вы, наверное, испытываете чувство глубокого удовлетворения от всего происходящего? — начал первым хозяин кабинета.

— Смотря от чего, господин президент, — ответил Примаков и развел руки в стороны.

Президент фыркнул.

— От того, что происходит с моей властью.

— С вашей властью ничего не происходит, господин президент. Вы знаете, кто это сделал. Своими руками, своими решениями, своими законами. Все закономерно, ОН получил по заслугам. Но я, так понимаю, вы меня пригласили не для того, что бы я критиковал ЕГО, а зачем-то другим. Так что... Чем я могу быть вам полезен?

И.о президента скрестил руки на груди, откинулся на спинку кресла и с каким-то стоном выдохнул воздух через рот.

— Мы находимся на грани голода. Мы — это вся страна. Рубль обесценился и ничем не обеспечен. Зерновые интервенции на рынке зерна приводят только к скупке этого зерна. Зерно закладывают на долговременное хранение, в надежде на повышение цен, или тот час же вывозят за границу. Страну, самым натуральным образом, грабят. Механизмов, которые могли бы это остановить, у меня нет. Все в стране заточено под рыночную модель экономики. Письма и указания, которые рассылают министерства, не дают никакого эффекта.

— Вы хотите удержаться у власти любой ценой или начать работать в интересах России? — голос Примакова был по-прежнему ровным и спокойным: — Как только определитесь, так все сразу станет понятно. И действия, и меры, и контрмеры. Чего вы хотите добиться?

— Мне нужна власть, чтобы работать в интересах России, но и СССР без помощи я оставлять не хочу. Я патриот и этим все сказано.

— Хм... Ладно, давайте по-другому: что вы хотите в результате всего получить? — во взгляде Примакова читалось напряженное ожидание ответа.

— Хорошо, — медленно протянул хозяин: — Нужно закрепить во всех эшелонах власти и вывести страну из возможного голода, это пока приоритетная задача. И что мы будем делать? Какой план вы предлагаете осуществлять?

— Сталинский, — усмехнулся гость. — Вам подробно рассказывать или как?..

В течение четырех часов два человека обсуждали будущее внутренней и внешней политики России, будущее законодательство, меры по развитию экономики. Обсуждали то, что чуть позже на Западе назовут 'Русским ренессансом'.

Утром следующего дня 'Российская газета' опубликовала Указ и. о президента о введении в стране чрезвычайного положения. В стране создавался новый орган власти, который, ничуть не смущаясь, назвали ГКО. Государственный комитет обороны. ГКО состоял из пяти человек: президента, Примакова, Глазьева, Патрушева и... Кагановича Лазаря Моисеевича. Указы ГКО имели безусловное верховенство на всей территории Российской Федерации. Действие Конституции РФ 1993 года, как принятой с многочисленными фальсификациями, приостанавливалось до проведения всенародного референдума по новой редакции Конституции. Правительство РФ подчинялось ГКО. По отношению ко всем министрам и членам правительства вводилась безусловная и ни с кем не делимая ответственность.

Первый же Указ ГКО шокировал. Всем российским банкам были запрещены прямые операции, связанные с переводом средств в зарубежные банки. Единственным банком, который получал право работать с зарубежными коммерческими организациями, был ВТБ24. Цена этого разрешения — национализация банка. Так же национализировался Сбербанк. Национализировались все нефтяные компании, 'Газпром' преобразовывался в Министерство газовой промышленности, ОАО 'РЖД' превращалось в Министерство путей сообщения, вся разрозненная электроэнергетическая отрасль национализировалась, сводилась в единую энергосистему и отныне называлась Министерством электроэнергетики. А еще в стране вводились карточки. Продуктовые карточки, по которым каждый гражданин мог купить по социальным ценам набор продуктов, обеспечивающий полноценную физиологическую норму по калориям и белку.

Первое заседание ГКО открывал Примаков с докладом по сельскому хозяйству и перспективах экономического развития страны:

— Наиболее гипертрофированной для России является сфера розничной и оптовой торговли. Она равна почти трети ВВП. Это выше, чем у любой развитой или развивающейся страны, включая лидера постиндустриального мира США. Высокая доля в России внутренней торговли — следствие большого числа неэффективных, а зачастую криминальных посредников.

Так, по данным за прошлый год, цена килограмма зерна от зернотрейдерских организаций колебалась от восьми до девяти рублей за килограмм. Из этой суммы непосредственные производители зерна получали от двух с половиной до четырех рублей за килограмм. В случае хорошего урожая цена на зерно опускалась еще ниже. Из одного килограмма зерна получают семьсот грамм муки. Из семисот грамм муки можно сделать две полукилограммовые буханки хлеба. Цена буханки хлеба составляла шестнадцать рублей. То есть, если мы избавимся от зернотрейдерских организаций, и производители будут продавать хлеб напрямую потребителю по цене трейдерских организаций, то двукратное увеличение доходов производителей не приведет к увеличению цены буханки хлеба в магазине. Прижав полусотни организаций, мы получим рост прибыли у производителей и их заинтересованность в увеличении производства зерна. Точно такая же картина с производителями молока и мяса. Посредники — это зло.

Десять лет назад у нас было сто семнадцать миллионов гектаров посевных площадей. К сегодняшнему дню больше сорока миллионов гектаров оказалось заброшено, из них двадцать миллионов уже успели полностью зарости кустарником и деревьями и выпали из сельскохозяйственного оборота. В том числе — и в черноземной Курской области, над которой бывший президент восторгался сельскими красотами.

Но рынки-то наши завалены продуктами, в том числе и отечественными! Да, завалены, но только с этой точки зрения судить о состоянии сельского хозяйства некорректно. На продукты питания в России тратится львиная часть дохода обычной семьи. А это означает одно: продукты по отношению к средней зарплате у нас ужасно дороги. Именно поэтому при избытке на рынке своего — и привозного — мяса потребляют его меньше, чем хотелось бы, и чем нужно по нормам потребления на одну российскую душу в год. Здесь мы все еще не достигли уровня даже тысяча девятьсот восемьдесят девятого. Тогда, напомню, был кризис, СССР и его экономика летели в тартарары, однако потреблялось в пересчете на человека более семьдесят два килограммов мяса, сейчас — порядка пятидесяти, и это уже прогресс, недавно было куда меньше. Минздрав, кстати, считает нормальным уровнем потребления минимум семьдесят-семьдесят пять килограммов мяса и мясопродуктов в год. Ну, о нынешнем среднестатистическом годовом потреблении рыбы по сравнению с тем же тысяча девятьсот восемьдесят девятым, учитывая, что рыба лишь чуть-чуть теперь уступает по цене мясу, и говорить не стоит: показатели мизерные.

Многие наши экономисты, особенно правительственные при министре финансов Кудрине, считали и считают, что наличие обильных минерально-сырьевых богатств — это своеобразное 'ресурсное проклятие', которое позволяет нам меньше думать и заботиться о росте ВВП за счет других источников, что приводит к отставанию в технико-технологическом развитии. А с учетом исчерпаемости таких ресурсов достигнутое с их помощью благосостояние не имеет будущего. В определенном плане такие выводы имеют под собой реальную основу. Однако они явно односторонние. Например, богатая нефтью Норвегия заняла одно из первых мест в Индексе человеческого развития ООН. Дело, следовательно, упирается в правильность и эффективность использования и управления доходами от продажи сырья, поступающими в страну.

Сохранение энергосырьевого крена в специализации хозяйства грозит России превратиться в мирового поставщика энергии, сырья, финансового капитала, не нашедших применения у себя на родине. Эту тенденцию может переломить только новая индустриализация страны, иными словами, глубокие структурные сдвиги в пользу наукоемких отраслей промышленности, в первую очередь обрабатывающей. Нужно сказать, что в прошедшие годы этому по тем или иным причинам не уделялось достаточно внимания: с тысяча девятьсот девяносто пятого по две тысячи шестой годы доля инвестиций в машиностроение всех видов и приборостроение снизилась с трех процентов до двух и четырех процента от всего объема инвестиций в экономику.

Можно было бы отметить относительно низкую долю обрабатывающей промышленности в развитых странах. Но это объясняется, во-первых, высокой эффективностью этих отраслей и, во-вторых, переносом части производства в развивающиеся страны. Что касается необходимости активной промышленной политики нашего государства, то это очевидно. Без регулирующего участия государства невозможно решить задачу изменения структуры экономики. Бессмысленно ждать решения этой задачи от рынка: рентабельность в высокотехнологичных обрабатывающих отраслях примерно в два раза меньше, чем в среднем по экономике, и в три-четыре раза ниже, чем в добыче топливно-энергетических ресурсов. От этого нельзя абстрагироваться. Противникам государственной активности в экономике можно было бы напомнить, что даже в Соединенных Штатах важнейшим рычагом развития полупроводниковой промышленности, производства в Силиконовой долине в целом были государственные военные и авиакосмические заказы.

Почему дорого в России производить? Нет механизма по устранению диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию и используемую в сельскохозяйственном производстве промышленную продукцию. Так, за двадцать реформенных лет по Кировской области — в других регионах ситуация сходная — средняя цена реализации молока выросла в шестнадцать раз, мяса — в тринадцать раз, зерна — в одиннадцать раз. В этот же период цены на дизельное топливо выросли в триста шестьдесят шесть раз, на электроэнергию — в четыреста семьдесят один, на сельхозтехнику — в двести-пятьсот, на минеральные удобрения — в сто пятьдесят и более раз. Все ясно?

Семьдесят процентов сельхозработ выполняется у нас по старым технологиям. Для новых нет техники и оборудования из-за их дороговизны. Парк тракторов в стране ежегодно сокращается на семь процентов, зерноуборочных комбайнов — на восемь процентов. Что тут сказать?

Поэтому предлагаю следующее:

Использовать опыт плановой экономики и рыночные механизмы.

Первое: Создать государственное предприятие 'Заготзерно'. Данное предприятие будет кредитовать крестьян ГСМ, зерном, удобрениями, техникой и запчастями. Крестьяне долг будут гасить продукцией по твердым ценам, определенным еще весной. Тем самым, мы сможем избежать сезонного снижения цен на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию. Схема, примерно, выглядит так: в начале года крестьянин подает заявку в 'Заготзерно' на поставку определенного количества ГСМ,

зерна, удобрений, техники и запчастей. 'Заготзерно' указывает цену этого товара в объеме зерна. Цена зерна рассчитывается из среднегодовой цены. Таким образом, крестьянин будет знать, что спрос на его продукцию гарантирован, не будет никаких процентов по кредиту. Собранное зерно сверх договора крестьянин может свободно реализовать на рынке.

Второе: Уцелевшие отечественные предприятия испытывают недостаток оборотных средств. Поэтому предлагаю ввести следующий алгоритм: государство вносит на депозит полную стоимость, например, самолета. С этого депозита оплачивается труд рабочих и инженеров, материалы, электричество и прочие необходимые ресурсы. И только после завершения работы предприятие получает всю сумму с депозита. Так мы застрахуемся от затягивания работ.

Третье: Цена на ресурсы, добываемые в России, электричество и ГСМ, если сравнивать уровень зарплат, завышен в четыре-пять раз. Предлагаю снизить стоимость электричества для всех потребителей до восьмидесяти копеек за кВт, цену литра бензина и ДТ уменьшить до пятнадцати рублей. При себестоимости литра бензина в шесть рублей, прибыли в три рубля и акциза в шесть рублей — это вполне достижимо.

Четвертое: Так же предлагаю провести масштабную модернизацию НПЗ и довести выход светлых нефтепродуктов до семисот килограммов с одной тонны нефти. Опыт Белоруссии показывает, что это абсолютно реальные цифры.

Пятое: Крайне важный вопрос. Мы не можем простить преступления совершенные против граждан страны. Это я как раз говорю об организаторах приватизации и самой приватизации. Считаю крайне важным, чтобы Генпрокуратура и Следственный комитет провели проверку по фактам приватизации общенародной собственности, залоговым аукционам и дало этому правовую оценку. Без этого народ нам не поверит.

Это самое важное и первоочередное на мой взгляд. Доклад закончил.

Утром следующего дня в 'Российской газете' появились новые указы. А в 'Матросской тишине' поселился новый постоялец. В журнале учёта вписана первая соответствующая строчка: 'Чубайс А.Б, 1955 год рождения'.

1941 год. Москва. 9 октября. 17 часов. 12 минут.

Кабинет Сталина.

— Товарищ Сталин, к вам нарком водного транспорта, — послышался из динамика селектора голос Поскребышева.

— Пропустите, — ответил Иосиф Виссарионович, нажав на кнопку селектора.

Через некоторое время в кабинет вошел нарком.

Сам хозяин кабинета в это время на огромном экране плазменного телевизора с интересом изучал запись боев на УРах что проходили вчера.

— Товарищ Сталин, ваш приказ выполнен. Выпуск бронекатеров увеличен на двадцать процентов. Торпедные катера на тридцать. Заканчивается переоборудование двух лайнеров во вспомогательные крейсера зенитного прикрытия.

— Хорошо, Владимир Владимирович. Как семья?

— Все в порядке товарищ Сталин... и спасибо.

— Договоренность мы выполнили, хоть и пришлось подыграть вам немного, — чуть усмехнулся хозяин кабинета, шевельнув усами.

— Все равно, спасибо.

После того как новый наркомы ушёл, оставив доклад по своему наркомату, Верховный связался с наркомом Берией.

— Лаврентия, что-нибудь слышно?
— Нет, товарищ Сталин, второй месяц не слуху не духу, — послышался ответ.
— Будем надеяться, что он и в этот раз вернётся. А пока вышли мне полный аналитический доклад по РФ, пора нам вмешиваться или нет.
— Сейчас вышло, товарищ Сталин... и я думаю что да, пора.

За два месяца до последних событий. Август 1941 года.

Москва. Кремль. Кабинет ИВС.

— Ну что ж, передайте нашим белорусским друзьям запрос на данное оборудование тоже. На первое время этого должно хватить, но для массового использования стоимость килограмма продукта, — Сталин ухмыльнулся, произнеся это слово: — Получается великоватой. Пусть еще ваши люди поищут по другим направлениям, проработают другие варианты. Возможно, удастся найти старое списанное оборудование где-нибудь на складах или даже в других странах. Выкупайте. Стоить должно не дорого — для них это будет явно позавчерашний день, а у нас такого качества исполнения никто не сможет добиться еще годы. И проконтролируйте работу химиков — состав красителей должен быть неотличим...

Октябрь 1941 года.

Нью-Йорк. Небольшая дешевая итальянская забегаловка. Подсобное помещение.

Доминик Дженовезе находился в сложной ситуации. Он не понимал, что за человек находится перед ним, кто стоит за ним и главное что с ним делать. Лет через пятьдесят состояние, испытываемое главой одной из пяти Семей назвали бы 'когнитивным диссонансом'. Возможно, эти слова уже существовали в лексиконе психоаналитиков, но положи руку на сердце, скажи кто ему об этом, он бы только рассмеялся — что ему дело какие мудреные слова могли придумать всякие там еврейские мозгокруты. Но человек, что сидел напротив не вписывался в картину мира!

Во-первых, он говорил на идеальном британском английском, что нечасто встречается в Нью-Йорке. Настолько идеальном, что иногда начинало казаться, что он специально выставляет британизмы на вид, чтобы именно они и запомнились собеседнику. Но одет он был как-то неуловимо иначе, не так как одеваются ребята приехавшие с Острова. И еще у него была какая-то ДРУГАЯ манера оглядываться по сторонам — то, что этот человек не расстается с оружием даже ночью Дженовезе, понял сразу, как говорится 'рыбак рыбака...'. Но взгляд его цеплялся за другие точки, двигался он как-то невыразимо иначе, по-другому держал руки... Короче это был целый букет каких-то неуловимых черточек, которые не проникали в сознание каждая по отдельности, но создавали смутное ощущение, что что-то с этим человеком не так.

Во-вторых, неправильным был способ появления это человека. Его не представил ни младший ни консьержи. О нем никто не знал и никто не предупреждал. Человек просто пришел сюда, в пиццерию и просто в лоб попросил находившегося там капореджиме передать фотографию и сложенный листок бумаги Толстяку Доминику Дженовезе. После чего сел в угол за столик и стал ждать, когда его позовут. Его позвали. Довольно быстро — на фотографии был его погибший два года назад младший брат. А на листке всего пять слов: 'я знаю кто это сделал'. Его провели в подсобку, которая таковой была только на пожарном плане, а по сути была одним из рабочих кабинетов Босса Семьи. Он сел напротив и молча протянул папку. Доминик быстро просмотрел ее и спросил:

— Что Вы хотите за это мистер...

— Зовите меня Бонд, Джеймс Бонд, — человек улыбнулся, как будто сказал что-то смешное: — Ничего. Считайте это небольшим подарком, чтобы показать искренность наших... намерений.

Гость выделил последнее слово, явно показывая, что не представляет только себя одного.

— Хорошо, мистер Бонд, тогда что Вы хотите мне предложить?

И ответ стал этим самым 'в-третьих':

— Деньги, мистер Дженовезе, деньги. Очень. Много. Денег, — по частям проговорил собеседник.

Начало ноября 1941 года.

Южная Сицилия. Ночь.

Берег был скалист и причалить к нему могли только небольшие лодочки рыбаков. При свете керосиновых фонарей между камнями проходила очередная лодка. Ее зацепляли крюком, подтаскивали к небольшим мосткам и сразу с нее начинали перебрасывать тяжелые тюки. Через минуту лодка отчаливала и уходила в сторону стоящего на рейде транспорта под хорватским флагом, а на ее место подходила следующая. Один из тюков уронили и то ли он был плохо завязан, то ли был надорван, но на мокрые камни высыпалось несколько тяжелых брикетов. При желании, в слабом свете луны можно было с трудом различить какой-то портрет и надпись 'Zwanzig Reichsmark', там были и более мелкие надписи, но разобрать в такой темноте, что именно там было написано, было гораздо сложнее...

Ноябрь 1941 года.

Германия. 120 км восточнее берлина. Высота 14 тысяч.

— Внимание всем бортам, я полста-второй, начинайте сброс по готовности!

В эфире прозвучали подтверждения.

Три минуты спустя.

— Я полста-второй, Третий, расходимся. Твоя зона южная. Встреча через двенадцать минут над КарлМарксШтадтом

— Понял, прием

Еще пять минут спустя у шести 22-ых ТУшек и восьми ИЛ-76 открылись бомболюки и оттуда на два рабочих пригорода Берлина пошли 'подарки'. Как ни странно внизу их уже ждали — слухи о том, что вчера такое уже было быстро разошлись по городу и люди высыпали на улицы задрав головы кверху. Тем более что отдельные, так и не найденные впоследствии полицией, лица очень точно называли время и место. Их ожидания не обманулись — очень скоро с неба посыпались деньги. Купюры в десять, двадцать и даже пятьдесят рейхсмарок, как весенний листопад сыпались с неба

'...вбрасывание в экономику огромного количества фальшивых оккупационных марок и рейхсмарок в период октября-ноября 1941-го года подорвало доверие к финансовой системе Рейха как в оккупированных странах, так и в самой Германии. Качество подделок не позволяло отличить их от настоящих, а количество наличных фальшивых денег только за ноябрь превысило всю наличную денежную массу в номинальном исчислении находящуюся в обороте в Третьем Рейхе. Большая часть денег

ввозилась в Германию через нейтральные Швецию и Испанию, а также с помощью отрядов Народной Армии Сицилии (в то время часть Республики Италия). Но наибольшим психологическим эффектом обладали 'волшебные ночи' — когда деньги разбрасывались над городами. Преимущественно целями для таких акций служили оккупированные города Советского Союза, Польши и наиболее доступная часть Германии — Восточная Пруссия. Но одна из крупнейших акций была проведена в Берлине, когда на протяжении недели на рабочие пригороды столицы Рейха было сброшено порядка 2 миллиардов рейхсмарок. Уже в августе 1941 года началась гиперинфляция и процесс стал неуправляемым. Были подорваны товарно-денежные отношения внутри немецкой экономики. Падение производства в декабре-январе составило по разным оценкам от 30-ти до 50-ти процентов...'

БСЕ изд. 1994, Нью-Сталинск, СССР.

**Окрестности Минска. Линия Сталина. Минский укрепрайон.
Август. Полдень.**

Генерал Гудериан без особого интереса осматривал внутренний дворик артиллерийского дота, который его солдаты взяли буквально накануне. Бои за город настолько вымотали и истощили его части, что генерал серьезно подумывал обратиться к фюреру с просьбой о выводе его войск на пополнение и отдых. И это не смотря на постоянные звонки из Берлина и истеричные вопли генералитета штаба. Ладно, хоть сам 'бесноватый', как его прозвали в русских листовках особо не связывался с 'быстроходным Гейнцем', свалив все на своих подчиненных из Генерального штаба. Сейчас его внимание было привлечено больше к Украине. Где войска непобедимого Третьего Рейха, хоть и тяжело, но двигались вперед.

'Быстроходный Гейнец. Два месяца. ДВА! Мы бились об эти укрепления. Как, черт возьми, они смогли привести их в такое состояние?' — мысленно вздохнул генерал, припоминая свое прозвище.

'Это во Франции или Польше я был быстроходным, а здесь... М-да, русские как всегда приготовили сюрприз. Все-таки я был прав не стоило недооценивать противника, они скрупулёзно изучили мои действия в прошлых компаниях и нашли противодействие. Хорошее противодействие. Эти их 'АОПы' просто чудо. Много немецких танкистов поломали свои зубы, пытаясь взломать эти артиллерийские опорные пункты!'

Момент самобичевания бы прерван подбежавшим связным:

— Герр генерал. Сообщение от генерала фон Хубицки, — отпартовал он, протягивая 'быстрому Гейнцу' конверт с посланием

Генерал только стиснул зубы со злости. Разведка до сих пор не смогла узнать причину отказа всех радиостанций. То, что их что-то подавляет и так было понятно, но на все запросы представители разведки только невнятно отвечали, что ведутся поиски. Немногочисленные пленные тоже молчали, сами не знали. Так и приходилось использовать вестовых.

Разорвав конверт, генерал извлек лист бумаги.

— Шайсе! Гилберт, наш резерв к генералу фон Хубицки! Немедленно! — приказал он своему адъютанту.

— Есть!

— Машину к выезду.

Через десять минут два бронетранспортёра под охраной 'тройки', пыля по разбитым траками и колёсами полевой дороге покатали к начавшейся канонаде севернее Минска.

Спустя два часа танковые бригады Особых Армий сломив не многочисленное сопротивление войск Гудериана рванули вперед, на Минск. Впереди ожидало освобождение Бреста и других городов. Военная машина Красной Армии стала набирать свои обороты.

Наблюдая за ловкими движениями русского медика, который бинтовал его ногу, генерал Гудериан, грустно смотрел на колонну пленных немецких солдат, которую вело в тыл подразделение противника. Многие солдаты отворачивались, не смея взглянуть на своего командира сидевшего на подножке подбитого бронетранспортера.

— Мы проиграли это войну — не начав ее, — вздохнув, произнес 'Быстрый Гейнец'.

Ноябрь. 2011 год.

Мир Александра.

Экстренный выпуск CNN:

На фоне полощущегося красного знамени с пятью звездами в углу появились слова: China Crisis. Civil War!

'... Добрый день. Это СиЭнЭн и с вами Сьюзан Кандиотти. Мы продолжаем следить за развитием ситуации в Китае. Куда как вы знаете, неделю назад прибыл человек, выдающий себя за Мао Дзе Дуна, лидера китайской революции более чем полувековой давности. Несмотря на то, что он прибыл на личном самолете президента бывшей советской республики Белоруссия, он, вместе со всей правительственной делегацией этой республики, был немедленно арестован в аэропорту, в присутствии огромного количества иностранных журналистов... сейчас вы видите кадры его ареста. Буквально немедленно в городе вспыхнули беспорядки, уже на следующий день переросшие в крупномасштабные столкновения после того как на сторону этого 'Мао' стали переходить части внутренних войск и полиции. Еще день спустя самозванец был освобожден из правительственной тюрьмы армейским спецназом и возглавил силы восставших.

А прямо сейчас включение из Пекина нашего корреспондента Терри Митчелл. Терри, мы на связи. Расскажите, что сейчас происходит в Китае и как изменилась обстановка за прошедшую ночь?

— Доброе утро Сьюзан, спасибо. Всю ночь в городе стреляли и ситуация продолжает оставаться напряженной, но интенсивность перестрелок была гораздо ниже чем раньше. Похоже, бои действительно стихают. По непроверенным данным руководство КПК, не признавшее возвращение Мао было арестовано и даже немедленно и бессудно расстреляно. Пока мы не можем представить никаких доказательств, кроме вот этих фотографий...

...на экране идут фотографии тел со следами пулевых ранений.

...- Их выложил в интернете некто, назвавшийся Li Wan и утверждающий в подписи, что принимал участие в расстреле, а потом сфотографировал тела на телефон. Ни выяснить, кто такой Li Wan ни связаться с ним по телефону или электронной почте нам пока не удалось.

Здесь в Пекине и, по слухам, в нескольких приморских городах еще продолжают оставаться очаги сопротивления частей, оставшихся лояльными законному правительству, но похоже ситуация уже переломлена. К сожалению у нас есть картинка только из Шанхая, где обстановка относительно спокойная — там бои закончились еще два дня назад. Как только мы получим что-нибудь еще — сразу передадим в эфир...!.

Bloomberg TV.

'... Продолжается мощнейший обвал на финансовых рынках мира. Из-за постоянных приостановок, торги в основных секциях практически нигде не проводятся, но мы можем судить о настроениях участников на внебиржевом и фьючерсных рынках. А настроения там ужасные. Также в глубоком пике находится доллар США относительно практически всех валют: падение относительно Евро за последние два часа составило 18 %, фунта — 9 %, йены — 12 %. Доллар падает также относительно сырьевых валют — Канадского и Австралийского долларов на 14 и 8 процентов соответственно. Доллар упал также к швейцарскому франку, турецкой лире и шекелю. Единственная из валют Старого Света, показавшая сегодня снижение к доллару это Российский рубль: -13 %. Волатильность остается крайне высокой и движения...'

Бизнес ФМ.

'...То, что сейчас происходит на рынке иначе как коллапсом не назовешь. Уже очевидно, что вызвало его опрометчивое решение Федрезерва, отказать Китаю в начале погашения имеющихся у него госбондов. Но, похоже любое решение ФРС привело бы к сходным результатам. Слушайте через полчаса — 'Диалоги в траншее' с Бигварьяном: какие были бы последствия для глобальной экономики, если бы США выполнили требования Китая...'

Эхо Москвы. 'Экономика'.

'... не только не удалось отойти от кризиса 2008-го, но мы сорвались в совершенно беспрецедентный экономический штопор. 29-ый год отдыхает...'

За две недели до этого.

Москва. Кремль. Кабинет ИВС.

— Лаврентий, тут у товарищей возникла интересная мысль. Похоже, наши китайские товарищи в том мире показали себя не очень хорошими товарищами и плохими друзьями Советского Союза. Как только их поманили империалисты они предали своих советских товарищей, помогавшим им в борьбе. А позже вообще переродились в буржуазную партию, — Сталин лукаво ухмыльнулся глядя на наркома и продолжил: — Но во многом это следствие наших собственных ошибок, повлекших в будущем такие катастрофические последствия и для нашей страны тоже. И как настоящие большевики мы должны признавать и вовремя исправлять наши ошибки. Я думаю, что товарищ Мао не тот человек, который должен возглавлять коммунистическое движение в Китае нашем мире. Но с другой стороны, раз уж ТАМ он возглавлял строительство нового Китая, то ТАМ и сейчас он может оказаться очень полезным. Какими бы спорными они не были, мне кажется, что китайское руководство отошло от его идей и заветов. Вот пусть сам и исправляет свои ошибки. Нужно обеспечить его доставку ТУДА. Причем сделать это нужно так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что это действительно он....

Берия встал и уже собрался выходить, когда Сталин сказал:

— И вот еще что, Лаврентий. Мы любим Китай. Мы очень любим Китай. Пусть его будет больше. Пусть будет два Китая, или три. А может даже четыре... — Берия улыбнулся, ему тоже запомнилась забавная фраза про Германию, из краткого историко-политического справочника по Земле-один.

— Хотя восточно-туркестанская и маньчжурская ССР, тоже хорошее дело... — добавил Сталин задумчиво

Если кто думает, что последним что я помню, это как в меня летит снаряд гранатомёта и все... То, вы ошибаетесь, последнего не было. То есть сознания я не терял, и все что произошло, запомнил хорошо.

После тарана меня оглушило, и я несколько мгновений просидел в машине не шевелясь, просто не понимая, что происходит. Перестрелка как-то прошла мимо сознания. Нет, стрельбу, конечно, помню, но сознанием ее не фиксировал, так посторонний фон. В себя пришел, когда боковым зрением заметил, как справа встаёт силуэт человека с гранатомётом на плече. Так ладно бы он встал и куда-нибудь пальнул, так нет, этот гад, выпустил снаряд именно в меня.

Так что сами понимаете, единственным моим желанием оказаться как можно дальше от этого летящего предвестника смерти, поэтому меня несколько ошарашило, произошедшее дальше.

Судорожно дергая ручку открытия двери, которую видимо, заклинило от удара, я вдруг кубарем полетел по лесной траве в огненном облаке и куче ошметков, бывший некогда машиной, прикрыв руками самое дорогое... Нет, не пах, голову.

На самом деле, особо как таковых, обломков не было, так обивка салона да несколько пластиковых щепок от приборной панели и куски стекла. То, что именно панели я понял, выдернув острый кусок пластика из голенища сапога, меня каким-то чудом не задело. Разве что только пришлось тушить рукав френча.

Первым делом вскочив, сбил пламя с рукава и быстро огляделся, пытаюсь понять, куда я попал. На портал, то есть, то место где он должен был быть, глянул мельком. Ничего там не было, ни портала, ничего. Воздух да трава, поэтому я больше крутил головой определяясь со своим положением.

Слегка оглушенный, взрывная волна все-таки догнала меня, не сразу понял, что стрельба, которая до сих пор стояла у меня в ушах не прекратилась, а наоборот еще больше усилилась. Были слышны даже пушки.

Заставив меня вздрогнуть, над головой пронесся не единожды виденный 'мессершмит', через секунду тройка 'лаптежников' со своими узнаваемыми неубирающимися шасси.

'Низко пролетели, к дождю'.

— Фу-у-у! Я уж думал, опять куда-то в другой мир перенесся, — одновременно с мыслями облегченно выдохнул я.

Присев в тени старой березы отряхнул голову, стряхивая мусор. Вокруг стоял чисто русский лес, и судя по звукам вокруг, находился я где-то в глубине. Не на опушке точно.

Первым делом осмотрел то место, через которое попал сюда. Ни портала, ничего подобного не было. Весь осмотр занял минут десять, за это время было время подумать.

'Ошметки салона есть, однако обивки сиденья или чехлов нет. Подумаем... А что если я сам от испуга создал вокруг себя что-то вроде капсулы перемещения?.. Хм, тогда все сходиться. После перемещения капсула исчезала, а через не успевший закрыться портал проскочили еще и эти ошметки. Хм. Вроде сходиться!'

— Так что у меня с собой? — уже вслух пробормотал, проверяя карманы.

Был я в парадной форме, ну сейчас-то ее особо парадной не назовешь, после моих кувырканий. Фуражки не было, она лежала на сиденье рядом. У меня не было привычки ездить в ней, всегда бросал рядом, так что она осталось в машине. Царство ей небесное. Из оружия только пистолет. Причем под френчем. Почему-то на парадку сверху кобуру не надевают, можно только под нее. Достав ТТ, быстро проверил и сунул его в карман галифе. Пощупав голенище левого сапога, только поморщился. Порвано, жаль, хорошие сапоги.

В карманах кроме запасного магазина сунутого наспех, носового платка и чайной ложки ничего не было. Удостоверение, немного денег и расчёска не в счет. Все мои вещи остались в камуфляже, в многочисленных карманах. Знал бы где упасть, соломки бы подстелил. Мобила тоже осталась в машине на приборной панели. Да и вряд ли бы тут ловило. Вышки только в Москве и в Казани. 'Рация? А где рация?'

Пощупав пустой чехол, только сморщился, припомнив, что ее тоже положил рядом с телефоном, когда проверял связь.

Пока я проводил интервизацию всех четырех карманов, стрельба пошла на убыль. Звон в ушах прекратился, и слух возвратился в нормальное состояние, так что слышно было хорошо.

Насколько я знал, в данный момент наши войска используют политику маневренной обороны, уничтожая из засад кадровые части Вермахта. Но все равно стоило побережся. Как бы не нарваться. Тут главное что? Выйти к своим, предъявить удостоверение, и ждать когда меня вывезут.

Приведя себя в порядок, я осторожно двинулся в сторону полностью стихшей стрельбы.

На опушку вышел через полкилометра. Осмотрев открытое пшеничное поле с густыми дымами вдаль, явно от горящей техники, только передернул плечами. Выходить мне категорически не хотелось, поэтому хотел было развернуться и углубиться в лес, как заметил несколько движущихся точек неподалеку. Присмотревшись, понял, что это люди, скрытно двигавшиеся к моему лесу. Только войти они в него должны дальше метров на шестьсот.

Шли они осторожно, приседая и замирая.

— Танкисты что ли? — с легким недоумением спросил сам у себя. Продолжая выглядывать из-за толстой сосны, я разглядывал приближающихся бойцов. Теперь сомнения не было. Ребристые шлемофоны на головах, синие комбинезоны — у двоих были черные комбезы и пилотки — и два пулемета с круглыми блинами дисков наверху. Быстрый подсчет показал, танкистов оказалось восемь человек.

— Похоже, попались наши немцам на закуску, сплоховал Воронов, не уследил.

Приметив, где танкисты должны войти в лес, я быстро побежал им наперерез.

Пришедшая мысль-догадка заставила перейти на шаг, а после и совсем остановиться. Задрав голову, я с недоумением посмотрел на солнце, стоявшее в зените.

— Не понял?

Когда я ехал на дачу к Сталину был поздний вечер, солнце только краешком светило из-за горизонта, а тут явно обеденное время. Да и жарило сильно. В Москве жара уже спала, прохладно становилось вечерами.

— Что-то все это странно, — пробормотал, осматриваясь, — непонятки какие-то. Может тут широта другая? Да нет, чушь... Ладно, потом разберемся.

Тряхнув головой, последовал дальше, нужно посмотреть, что это за 'танкисты'.

Танкисты оказались настоящими, еще на подходе услышал командные нотки:

— ...овалев, в охранение, остальным отдыхать. Через полчаса двигаем дальше.

Стараясь не выдавать своего присутствия, пригляделся к лежавшим людям. Это точно были наши. Командовал ими невысокий командир, звания не было видно, но то, что он контужен было понятно, слишком громко командовал.

Один из бойцов поднялся и, подхватив пулемет встал у опушки, тревожно поглядывая на дымы.

Выйти я не успел, часовой вдруг крикнул:

— Товарищ лейтенант, там наши!

— Уверен?

— Да. Товарищ лейтенант, вроде старшина был.

Подбежавший командир, выглянул наружу, те из бойцов кто еще мог встать на ноги после бега, тоже подошли, и всмотрелись в поле.

— Где?

— Вон там, в овражек они спустились. Вроде раненого несут.

Тут-то я и выбрал время, чтобы появиться. Специально громко хрустнув сухой веткой, на которую наступил выходя на открытое пространство, и дождавшись когда ко мне все обернуться, хмуро спросил:

— Кто такие?

Первым пришел в себя тот командир, которого часовой назвал лейтенантом. Подскочив ко мне, он вытянулся и, отдав честь, быстро затараторил:

— Товарищ майор госбезопасности. По приказу командира танкового батальона майора Степанова, охранял автоколонну следующую в тыл к железнодорожной станции Жеребьевка. По пути следования мы были атакованы моторизованным патрулем противника, в результате скоротечного боя, все машины были уничтожены, мой танк подбит. Смогли выбраться из горящей машины, собрав вокруг себя уцелевших бойцов отвлекая внимание противника, пошли на прорыв. При отходе, из-за численного перевеса мы потерял половину бойцов, но смогли вырваться. Доложил командир танкового взвода сорок первой танковой дивизии лейтенант Быков.

— Ясно, более подробно расскажите потом... Лейтенант какое сегодня число?

— Двадцать пятое, товарищ майор госбезопасности.

— Какое? — не поверил я.

— Двадцать пятое... июня. Что-то не так, товарищ майор госбезопасности?

— Да нет, все так... Просто оказывается это я два дня, без сознания пролежал, — задумчиво ответил лейтенанту, слегка солгав. Не говорить же ему правду.

Пока мы беседовали, бойцы построились в шеренгу, поправляя обмундирование.

— Лейтенант, пошлите людей в помощь... Кого вы там видели? — взмахом руки распуская людей, не до них пока.

— Техник-старшина Лясов, из нашей техроты, товарищ майор госбезопасности. Разрешите выполнять?

— Выполняй, и выстави еще одного часового. Через час отправимся дальше. И да, лейтенант, обращайтесь ко мне армейским званием. Полковник. Вам так привычней будет.

— Есть, — козырнул он, после чего побежал к своим бойцам. А я присев в тени ближайшего дерева, стал изучать карту, которая была у запасливого Быкова.

'Украина, мать ее! Брянский фронт выходит? Или он еще не сформирован? А, точно. Киевский Особый военный округ'.

Судя по точке, где отмечена станция Жеребьевка, мы находились севернее города Владимир-Волынский. А его немцы в это время уже захватили, это я точно помню. Название города запомнилось при аналитической справке, которую составлял еще в свое время перед отправкой. Точно помню, что взяли его двадцать третьего.

Отложив карту в сторону, задумался о своем положении. Судя по всему я снова в сорок первом, только теперь в другом мире. Тут мне пришла в голову цветная картинка:

'... - Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, — чуть склонив голову, поздоровался Сталин, сверкнув своим тигриными глазами.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, — ответил второй Иосиф Виссарионович, пожимая руку своему прототипу из параллельного мира...'

Представив это встречу меня пробил нервный смех, который я старательно давил, чтобы бойцы не заметили.

Пока я предавался размышлениям своих дальнейших планов, прерываемых произвольными смешками — встреча товарищей Сталиных до сих пор стояла перед глазами — вернулись трое бойцов, которых Быков послал в помощь старшине.

— Лейтенант! Старшина! Подойдите! Садитесь, — велел им, когда они подошли.

— Вот, товарищ полковник, — положил передо мной планшет лейтенант, — это планшет и документы командира автоколонны капитана Ермолина.

— Старшина представьтесь, — отложив планшет в сторону, приказал я.

Пока они устраивались напротив, стал изучать их. Сперва, лейтенанта. Сбив шлемофон на затылок, на меня смотрел юный курносый паренек с сажей на щеке. Он кстати не контужен был, просто оглушён. Старшина был худощавого телосложения, лет тридцати. Руки в нем выдавали автомеханика. Со вьевшемся маслом и большими ладонями. Простое открытое лицо, легкие залысины под пилоткой и роскошные усы, явный предмет гордости старшины. Оба они были в комбинезонах, только у лейтенанта синий, а у старшины черный, видимо те двое из отряда Быкова тоже техники.

— Техник-старшина Лясов, Викентий Львович. Отдельная рота технического обеспечения восемьдесят второго танкового полка, сорок первой танковой дивизии.

— Хорошо, старшина. Представляюсь сам. Демин Александр Геннадьевич, майор госбезопасности, можно обращаться ко мне как к полковнику. По армейскому званию. Доложите, что произошло при нападении на автоколонну.

С интересом слушая старшину, я анализировал ситуацию, и чем больше говорил старшина, тем больше мрачнел. Теперь точно стало известно, что это другой мир. Всего я не знаю, но из вырвавшихся слов старшины было понятно, правит Сталин, уже хорошо, и немцы прут — это плохо. Судя по ситуации, все идет ближе к истории моего мира. Потеряны приграничные районы, наши отступают. Что творится вокруг, оба командира не знали. Их подняли по тревоге три дня назад и отправили занимать позиции. Теряя танк за танком из-за заболоченной местности и постоянных поломок устаревших Т-26-х, дивизия раздёрганная по кусочкам стала охранять тылы.

Взвод Быкова из трех танков отправили охранять мост, усилив подразделение местной комендатуры. Доехали только два танка из трех, один попал на зуб паре охотников. В результате металлический хлам, двое убитых и один раненный. У моста взвод простоял всего сутки, при ночном налете на город на мост упала — видимо случайно — бомба. От близкого взрыва второй танк перевернуло, и он тоже вышел из строя. Прихватив на броню экипаж, который уцелел отсидевшись в противовоздушных щелях, направился к месту дислокации, пока не был перехвачен капитаном Ермолиным из их же дивизии, и ими в приказном порядке усилили охранение автоколонны. Дальше понятно, выстрелы из-засады, чудом успевший выскочить экипаж, а дальше просто бегство.

— Он, товарищ полковник, один бронетранспортёр успел подбить, а потом из пулеметов прикрывал наших, когда они уходили, — заступился за лейтенанта Лясов.

— А вы как задержались?

— Нашу летучку перевернуло, пока выбирались, пока пытались понять, что случилось все и кончилось. В машине нас трое было, водителя убило, из-за этого машина и кувыркнулась на ходу, мы в кузове были. Я и красноармеец Маркелов. Заметили, как группа товарища лейтенанта отходит в поле и за ними. За теми бойцами, что в другую сторону уходили мы не пошли. В стороне капитана Ермолина увидели и бойца рядом. Капитана наповал, а боец живой был, оглушён только. Там снаряд рядом рванул, их и накрыло, все осколки на себя капитан принял, бойца только контузило.

— Seriously?

— Да, тащить пришлось, у него ноги заплетались.

— Ясно, сейчас определимся с нашими дальнейшими планами и пойдем знакомиться с бойцами. Лейтенант, у меня знания несколько другие, так что назначаю тебя своим замом. Если в бою что не так скомантую — не стесняйся, скажи что именно не так. Помни, от этого зависит жизни бойцов. А сейчас давайте по карте определимся. Я так понимаю, мы вот тут? — ткнул пальцем в зеленое пятнышко.

— Да, товарищ полковник. Вот дорога, на которой нас побили, — показал Быков,

— Понятно. Теперь главное определиться, где немцы.

— Они дальше пошли, я видел, товарищ полковник, — вскинулся старшина, и тут же стал показывать на карте, — в эту сторону двинули. Мы их не заинтересовали, даже патрули вдогонку не выслали, торопились похуже.

— Много их?

— Пехоты с роту будет, а танков десяток. Две пушки еще видел.

— Хорошо...

Обговорив маршрут, мы встали и направились к бойцам.

— Смирно! — скомандовал Быков.

Вглядываясь в эти молодые лица, я пытался понять, что они чувствуют в эти первые дни войны, понимают ли что происходит. Пройдя шеренгу, понял, понимают, но еще надеются что ситуация исправится и 'наши вдарят'.

— Бойцы, прежде чем познакомится, я немного расскажу о ситуации на фронтах, — развернувшись на каблуках, громко начал я: — Сейчас вы видите что происходит вокруг, как немцы, взламывая нашу оборону двигаются вперед. Как мы теряем один населенный пункт за другим и пятимся назад. Как некоторые несознательные бойцы и даже командиры впечатленные мощью противника сдаются. Все это так я не отрицаю, теперь небольшая политинформация. Наши войска к границе располагаться тремя эшелонами. Первый эшелон приграничные войска, это вы, сейчас они фактически разбиты и деморализованы. Это тоже так. Почему все это происходит? Именно поэтому. Немцев меньше чем нас. Это факт. Но они бьют нас именно поодиночке. С первым эшелоном они фактически закончили теперь на подходе второй. Сейчас пытаются наши войска перехватить инициативу, но когда это еще будет. Дальше! Все мобилизационное оружие и обмундирование сосредоточенно на границе, или рядом. Поэтому при мобилизации вновь сформированные дивизии вооружать просто нечем. Кто в этом виноват меня и послали разбираться из Москвы. Но, к сожалению двадцать третьего числа, вечером, самолет на котором я летел, был сбит. Что происходило дальше не знаю, очнулся несколько часов назад у обломков самолета в лесу. Как сообщил ваш командир, лейтенант Быков, без сознания я был почти два дня. Наши действия на данный момент, это сформировать боевую часть из окруженных частей и с боем по пути уничтожая немецко-фашистских захватчиков выйти к своим. У меня все. Вопросы?

Несколько секунд длилось молчание. Бойцы несколько ошарашенно смотрели на меня. Мое откровенное вранье про двухдневное бессознательное состояние пролетело незаметно на фоне остальных откровений.

— Кхм, товарищ полковник, а как же вперед, бои на чужой территории?

— Не нужно цитировать Тухачевского. Уверен, что многое успели натворить и в годы его командования. Те же мобилизационные склады тоже работа недобитков. Я скажу прямо, война эта не на неделю или месяц, а на год, а то и более. И это не мои слова, а генерала Жукова. Как он сказал: просрали мы начало войны.

— Все ясно, товарищ полковник, — за всех сказал старшина. Быков задумчиво кивнул.

— Я вот что скажу товарищи бойцы. Война эта — на уничтожение. Уже были зафиксированы нечеловеческое обращение противника с военнопленными. Например захваченный ими двадцать второго июня в Бресте полевой госпиталь полностью уничтожен. Огнематами прошлись. Так что мой вам совет, не воспринимайте их как друзей-рабочих. Это враги. Они прошли на нашу землю и убивают наших друзей и родственников. Пользуйтесь любой возможностью выбить кадровые части из строя, помните тем кто придет вам на смену будет легче. Сейчас противник прошедший Французские и Польские компании это опытный зверь, и надо пустить ему кровь.

Моя несколько пафосная речь, придуманная буквально на коленке имела успех. Бойцы восприняли ее близко к сердцу. После некоторого колебания невысокий боец спросил, задал видимо больной для всех вопрос:

— А где наша авиация? Где сталинские соколы, товарищ полковник?

— Нет ее. Первым налетом уничтожены практически ВСЕ приграничные аэродромы. Так что в первый день уцелело где-то тридцать процентов всей нашей приграничной авиации, добились ее на следующий день. А так как вся наша авиация располагалась именно у границы... Думаю сами догадываетесь сколько понадобится времени чтобы перегнуть свежие части из внутренних округов, но и они на ситуацию уже повлиять не смогут. Так что поддержки с воздуха нет, и в ближайшее время не будет. Я ответил на ваш вопрос сержант?

— Да, товарищ полковник, — со вздохом подтвердил боец.

Как-будто вторя моим словам на высоте с полукилометра проползла тройка 'ишачков'. Не могли позже пролететь. Все проводили их недоуменными взглядами, после чего посмотрели на меня.

— Видимо успели одну часть перебросить... Лейтенант. Старшина, познакомьте меня со своими бойцами.

— Есть, — снова козырнул Быков.

В шеренгу бойцы выстроились по росту. Первым стоял здоровый боец в черном комбинезоне. Русоволосый, без пилотки, видимо потерял где-то, без оружия.

— Где оружие?

— В машине сгорело, товарищ полковник.

— В бою добудешь.

— Есть.

— Лейтенант приступай.

Русоволосый был из подразделения старшины. Младший сержант Пирогов. Электрик. Вторым стоял заряжающий в машине Быкова, красноармеец Троянов. Третий, командир второго танка старший сержант Мирзоев. Четвертый, его механик-водитель, сержант Муртазин. Пятый, механик-водитель Быкова, младший сержант Мальцев. Шестой, оружейник из подразделения старшины Лясов, красноармеец Пименов. Седьмой, заряжающий из экипажа Мирзоева, красноармеец Смелов. И еще двое пришедших со старшиной. Это красноармейцы Маркелов и Григорьев. Маркелов моторист, а Григорьев водитель полуторки.

Вооружение на всех составляло два пулемета, винтовка Григорьева, которую подобрал старшина рядом с бойцом и четыре пистолета у командиров танков и их мехводов. Старшина тоже кроме ножа ничего не имел.

— Весело, — пробормотал я.

К пулеметам было по пол диску, хорошо еще, что у Григорьева в поясных чехлах нашлось сорок патронов. К пистолетам штатный боекомплект.

— Стройте бойцов, лейтенант, уходим. Вышлите двоих по маршруту движения, пусть идут в разведдозоре. Расстояние от основной группы триста метров. Выполнять!

— Есть!

Пока Быков командовал, я задумался, отойдя немного в сторону.

'Что делать? Рваться к Сталину? Так я эту систему успел изучить, спасибо Берии. Хрен я к нему прорвусь какие бы доводы не приводил. Удостоверение, закатанное в пластик показать? Так хрен вам, это еще на кого попадешь. Если на вменяемого сотрудника, который готов пожертвовать своей карьерой и жизнью, то считай повезло, а если... Сколько чисток провел Лаврентий Павлович после того как открыли портал в мой мир? Много провел, у него считай, половина управления омолодилось. Значит что делаем? Заявляем о себе как о командире с большой буквы. План, конечно, так себе, но шансы попасть в Кремль есть. Причем не призрачные, а что ни на есть реальные.

Осуществимые. Значит план такой. Формирую из окруженцев мобильную моторизованную группу и бью немцев, пока они расслаблены успехами. Шансы вполне есть. Если что можно переиграть ситуацию. Так, это решили, как с легализацией? Это неопытный летеха удостоверение не попросил показать, а если попадётся более храбрый, что ли? Что тогда? Играть и давить гонором? Вполне идея не плоха. Главное показать себя с первых дней, дальше этот вопрос отпадет сам собой пока мы не выйдем к своим...'

— Товарищ полковник, отряд к выходу готов.

— Высылай дозор, — приказал я, отвлекшись от размышлений.

Под начавшуюся далекую оружейную стрельбу, мы углубились в лес.

— Товарищ полковник! Товарищ полковник? — потряс меня за плечо Быков.

— Что? — открыв глаза, спросил я.

От опушки мы отошли километра на полтора, пока Григорьев снова не свалился. Все-таки контузия у него была довольно тяжелой. Во время привала, после отдачи приказов по стоянке и временной обороне, я устало присел у ствола большого дуба и неожиданно для себя задремал

— Немцы!

— Не паникуй! Где? Сколько?

— Танк и бронемашина. Сюда движутся по старой лесной дороге.

— Подожди, по лесу?

— Да, товарищ полковник.

— Совсем немчура страх потеряли. Поднимай людей. Посмотрим что это за храбрецы.

Раздвигая бронированными корпусами низко висящие ветви деревьев, которые устало склонились над узкой пробитой через лес дороге, по которой, судя по виду, ездили только на телегах, двигались две машины с крестами на боках.

Ладонью, опустив низко висящую ветку кустарника, я всмотрелся в двигавшуюся от нас бронетехнику.

— Ошибся твой наблюдатель лейтенант. Самоходка это и танк, только какой не вижу, корма самоходки закрывает.

— Артштurm, — уныло кивнул лейтенант, — а танк Тэ-три, я отсюда башенку вижу.

— Хорошо, берем их.

— Товарищ полковник, но как? — изумлённо выдохнул лейтенант. По его определению раз немцы сидят в неуязвимых железных коробках так они в недостижимости, если нет пушек, чтобы их выковырять.

— Лейтенант, хватит сидеть на стереотипах. Нож и пистолет вот отличное средство для захвата бронетехники. Люки у них открыты, видишь головы в наушниках торчат. Сзади вскакиваешь на броню, стреляешь в командира, и через открытый люк уничтожаешь остальной экипаж. Странно только что пехоты с ними нет, в этом случае ничего подобного не получилось бы. Значит так, самоходка твоя, мой танк. Кого в помощь возьмешь? Мехводов не трогай!

— Тогда красноармейца Троянова.

— Хорошо, вооружи его пистолетом своего мехвода и будем работать.

— А вы с кем будете?

— Один, но наподхват Мирзоева возьму. Гранаты не применять, техника мне целой нужна.

— Так у нас только одна граната, — напомнил лежавший рядом старшина. Мирзоев, который скрывался в трех шагах, молчал.

— Всегда найдётся идиот который все испортит. Все, мы догоняем танки и работаем по экипажам. Старшина ты пока командуешь группой. Догонишь нас чуть позже. Все, лейтенант, за мной, а то они двигаются хоть и медленно, но все дальше и дальше от нас. Работаем одновременно, ясно?

— Ясно, товарищ полковник.

— Все, пошли!

Вскочив мы чуть углубились в лес чтобы нас не было видно с дороги, и побежали, стараюсь обогнать боевые машины. Опередив их метров на двести, разбившись на пары, залегли по обеим сторонам дороги, с разницей метров в пятьдесят друг от друга, все-таки лейтенанту придётся действовать чуть раньше, чем мы.

Все получилось не совсем так как мы рассчитывали, но главное что получилось, даже с неожиданными для нас результатами.

Не знаю, толи командир следующей за 'тройкой' самоходки закрутил головой, толи засек лейтенанта боковым зрением но раздумывать он не стал, а что-то не различимо крикнув ловко скользнул внутрь бронемшины.

Как он не торопился Быков не сплосховал, успел рывком распахнуть закрывающийся боковой люк и дважды пальнуть внутрь.

Все это я заметил краем глаза, потому как сам, вскочив, уже мчался к танку, помахивая на бегу для равновесия пистолетом. Под хлопки выстрелов одним скачком вскарабкавшись к башне схватил оборачивающегося командира за ворот и приставив к его голове ствол пистолета нажал на спуск.

На лицо брызнуло кровью, танкист дернулся и обмякнув стал сползать внутрь 'тройки'. Отпустив его я сам наполовину втиснувшись следом в люк не переставая нажимал на спуск, посылая пулю за пулей в экипаж.

Движущийся танк сделал свое дело, если наводчик и заряжающий обмякли получив по своему кусочку свинца. То мехвод и стрелок-радист остались целы, хоть и ранены.

Запасной магазин был у меня в другой руке, так что перезарядка не заняла много времени, и снова зачастили выстрелы.

А вот дальше то и начались проблемы. Никто не знал как остановить технику, которая неуправляемая съехала с дороги и подминая молодую поросль стала углубляться в лес, глухо рыча двигателями. Тут мне и помог старший сержант Мирзоев. Ловко скользнув в открытый люк, он добрался до места мехвода, через две секунды дернувшись напоследок 'тройка' заглохла и замерла не доехав до векового дуба всего пару метров. Самоходка Быкова проехала на пятьдесят метров дальше, пока не смогли заглушить её.

— М-да, вкривь, вкось, но получилось. Сержант, давай за нашими. Пусть вытащат экипажи, почистят и осмотрят машины, смогут ли они с ними разобраться, — приказал я Мирзоеву, когда он весь измазанный кровью вылез из бокового люка.

Посмотрев на бледного сержанта, только покачал головой, не повезло ему вот так вляпаться.

— Есть, — козырнул он и слегка вялой трусцой побежал к основному отряду.

Посмотрев на пистолет с оттянутым до конца затвором, щелкнул курком, приводя пистолет в боевое положение и убрал в кобуру, теперь от него толку не было без патронов. Надо трофейным обзавестись, и часами еще, сто процентов у убитых они есть. Сам-то я привык сотовым пользоваться, и без часов было тяжело.

Устало подошедший Быков доложил о захвате самоходки, немного ошарашив меня тем, что они захватили пленного. Мехвода трофея. В данное время ценное приобретение.

— Хорошо, будет учить нас пользоваться трофеями. Значит так лейтенант. Самоходка твоя, так что собирай экипаж. Я на 'тройку', Мирзоев ко мне наводчиком, дальше раскидаем экипажи из наличного состава. Сейчас технику привести в порядок, отогнать подальше и замаскировать. Выполнять!

— Есть!

— И личное оружие соберите с танкистов, мне нужен пистолет и наручные часы, а то я свои разбил при аварии. Все, выполнять!

Снова козырнув Быков умчался. Явно опасаясь, что я еще чем-то нагружу его. Проводив летеху взглядом присел у правого борта слегка потрескивающего остывающим мотором танка и устало прикрыл глаза.

— Убивать тяжело, не убивать еще тяжелее, — тихо пробормотал я с закрытыми глазами.

— Что, товарищ полковник? — недопонял подошедший Муртазин, теперь мехвод 'тройки'.

— Изречение одного прославленного полководца. Посмотри что с машиной, — приказал я вставая.

— Есть.

Усталость столь необычного дня давала о себе знать, я снова прикорнул.

Проснулся я сам, от шума работающих бойцов. Стараясь не разбудить меня бойцы осторожно доставали убитых немцев и сгружали их у начавшейся появляться ямы которую копали трое красноармейцев.

Зевнув, я крикнул старшину, Быкова не было видно:

— Фрицев можно не хоронить сбросили бы где-нибудь под деревом. Не мы к ним пришли, а они к нам.

— Тут немного осталось, товарищ полковник.

— Хорошо, заканчивайте. Это просто на будущее. Что происходило, пока я в отрубе был? Докладывайте.

Как ни странно старшина меня понял, хотя я применил слово из своего мира.

— Мы успели вытащить экипажи — сейчас технику моют от крови, пока она не засохла, потом будем изучать. Подобные машины мы не знаем. Надеюсь, пленный поможет нам, сейчас с ним лейтенант Быков разговаривает.

— Хорошо, заканчивайте тут, я к лейтенанту. Он у самоходки?

— Да, товарищ полковник.

— Он сообщил что 'тройка' теперь моя?

— Да, товарищ полковник. Экипаж занимается танком, там командует старший сержант Мирзоев.

Сам старший сержант как раз появился из люка командной башенки, услышав свою фамилию обернулся и вопросительно посмотрел на нас.

— Доложите сержант, что там? Все цело?

— Да, товарищ полковник. Даже рация от рикошета не пострадала. Сейчас закончим мыть, и приступим к изучению вражеской техники, товарищ полковник.

— Продолжайте. Кстати, а кто-нибудь знает немецкий? Старшина выясните, посадите на рацию, пусть эфир слушает.

— Пименов знает, товарищ полковник. Он с Поволжья, там многие говорят на немецком. Он сейчас с товарищем лейтенантом, с пленным общаются. И вот, вам просили передать, — протянул мне старшина кобуру и часы с кожаным ремешком.

— Вот за это спасибо, а то безоружным я себя как-то неуютно чувствую.

Застегнув часы на запястье, поверх кителя накинул ремень и тоже застегнул его. Вытащив пистолет осмотрел.

— Парабеллум?

— Да, товарищ полковник, — кивнул старшина, поправляя ремень немецкого пистолет-пулемета. Запасные магазины старшина повесил справа на ремень.

— Хорошо. Я к Быкову.

Развернувшись, направился к самоходке, темная махина которой виднелась метрах в ста от 'тройки'.

— Докладывайте, — отмахнулся я от приветствия.

Радостно блестя глазами, Быков стал докладывать:

— Самоходка в норме, экипаж закончил приводить ее в порядок. Сейчас мы заняты изучением машины. Механик-водитель младший сержант Мальцев совместно красноармейцем Пименовым и с пленным ефрейтором Клаусом Шнитке изучают систему управления.

— Хорошо, закончите, отправьте пленного к 'тройке', пусть поможет нашему мехводу разобраться в управлении. И работаем в темпе вальса, через полчаса нас и след должен простыть. Через двадцать минут выдвигаемся, поторопитесь.

— Есть! — козырнул Быков

— И, да. Пименова ко мне стрелком-радиом назначаю, будет эфир слушать, — и под бормотание изнутри самоходки я отправился обратно.

Танкисты разобрались с управлением техники довольно быстро, через двадцать пять минут, урча моторами, они выгнали ее на дорогу. Осмотревшись, я взобрался на борт остановившегося рядом танка и, заняв свое место в командирской башенке, махнул рукой Быкову, одновременно приказывая Муртазину в ТПУ начать движение.

Из леса мы выехали через сорок минут, и тут же стал понятен маршрут движения немцев, что мы перехватили. На перекрестке развернувшись к нам задом стояло четыре танка направив дула пушек в противоположную сторону. Замаскированы они были не плохо, по крайней мере с воздуха их недолжно было видно. Воронки рядом показывали, что воздушная поддержка у немцев себя не оправдала. Не попали.

— Наши, товарищ полковник?

— Да, и нас они еще не заметили, мы как бы в низине, немцы, кстати, нас тоже не видят. Сержант, давай потихоньку назад, под прикрытие деревьев.

— Есть!

Быков, заметив, что мы пятимся, тоже стал сдавать назад.

— Все, стой, не видно нас тут, — скомандовав, вернул наушники наводчику, и вылез на броню. После чего заглянув обратно, приказал подать бинокль. Спрыгнув на землю, махнул рукой Быкову, подзывая. После чего направился к краю обрыва. Нужно было осмотреться.

На ходу невольно обернулся и посмотрел на 'тройку', которая грозно застыв, выставила вперед свой кургузый ствол. Машина мне понравилась, даже очень, это не вроде той, побитой, что показывали в Кубинке в виде трофейной техники. Я тогда в таком же посидеть успел, даже фиговинку одну покрутил, пока она не отвалилась. Правда, после мне сопровождающего навязали, который постоянно нудел: Ну не трогайте товарищ майор госбезопасности, опять сломаете.

Нравился мне танк, что ни говори, удобно в нем, просторно, сиди знай в перископы смотри да командуй подчинёнными через отличную связь в ТПУ. Короче, хрен кому я теперь его отдам.

У догнавшего меня Быкова спросил:

— Как с техникой? Освоился? — в отличие от меня лейтенант автомат прихватить не забыл, их было в каждой машине по три штуки, так что мы вооружили всех.

— Да, удобная машинка.

— Давай сразу поговорим об обязанностях самоходчика. Сейчас такой техники в войсках нет, так что слушай. Забудь что ты танкист. Никаких кавалерийских атак, ты это понял? Бить из засад и только наверняка. В бою сопровождаешь танки сзади и прикрываешь их огнём издали, подавляя огневые точки.

— Я понял, товарищ полковник.

После захвата техники уважения ко мне заметно прибавилось, бойцы теперь считали меня своим командиром. Не плюшевым, а реальным. Это не могло не радовать.

— Отсюда хорошо видно. Четыре танка стоят? — передавая бинокль, поинтересовался я.

— Вроде больше, там, в кустарнике какой-то непонятный силуэт имеется.

— Что за машины, не разгляжу?

— Три тэ-двадцать шестых, образца сорокового года, маски штампованные, и еще один, пулеметный. Что в кустах не видно. А так, грамотно стоят черти. Их только дальнобойной артиллерией скovyрнуть можно или авиацией.

— Атакой тоже, но она не получилась, — кивнул я на дымящиеся остовы немецкой бронетехники вблизи от засады.

— Не похоже, что тут бой был. Видимо колонна шла, а наши их встретили. Видите, те три грузовика и самоходка в линейку стоят? Точно колонна была.

— Ясно, давай пошли бойца пусть их командира ко мне вызовет.

— Есть.

Вернувшись к танку, отдал бинокль и, отхлебнув из фляги поданной наводчиком, приказал готовить ужин. Время было вечернее, к тому же бойцы не обедали.

Быков послал вестовым Пирогова, бойца старшины. Мы уже заканчивали ужинать когда показалось широкоплечая фигура красноармейца с тремя неизвестными бойцами. Один из них был в танковом комбинезоне с командирской фуражкой, двое других обычные красноармейцы.

— Так это ротный нашего второго батальона. Старший лейтенант Крапивкин, — удивился старшина Лясов.

Быков промолчал, после училища он прослужил в дивизии меньше месяца и всех командиров в лицо просто не знал.

Пирогов по моему приказу о нашей технике не говорил, поэтому пришедшие на несколько секунд застыли, разглядывая нас и технику. Отложив банку с трофейными консервами в сторону, я ответил на приветствие Крапивкина. У него действительно через открытый ворот комбинезона виднелись три алых кубика старшего лейтенанта.

— Товарищ майор госбезопасности, старший лейтенант Крапивкин прибыл по вашему приказу, — козырнул беловолосый парень лет двадцати пяти.

— Вольно, лейтенант. Доложите что там у вас происходит.

Проблема у комроты действительно была. Войну, как и остальные он встретил в казармах, после получения приказа на выдвижение вывел уцелевшие машины в количестве шести штук — в отличие от батальона где служил Быков, по этому был нанесен авиаудар, и направился по назначенному маршруту в составе батальона. Пользуясь опытом финской войны смог избежать особых потерь, и даже починить буквально на коленке два вышедших из-за поломок танка. Правда не своих, но теперь кто узнает про пропавшие брошенные на дороге машины? В течение двух дней он отражал совместно с восемьдесят седьмой стрелковой дивизией атаки немцев, и даже участвовал в контратаках, отбросив противника до границы. Попад в окружение, он совместно с командиром батальона, которому был придан, смог с потерями вырваться из окружения и с боями двинул дальше, пока на этом перекрестке не закончилось горючее. Стрелковый батальон двинулся дальше, Крапивкин технику бросать отказался. Через некоторое время подошла небольшая группка красноармейцев той же дивизии. Пока была возможность, лейтенант успел подготовиться к бою, используя танки как неподвижные огневые точки. Четыре часа назад произошла встреча с колонной немецкой техники. Воспользовавшись неожиданностью, из засады, практически в упор он смог побить немало броне и автотехники. Четыре легких танка, самоходка, два бронетранспортера и шесть грузовиков неплохой счет, тем более они потерь не имели. Даже авиация ничего не смогла сделать. Техника была хорошо замаскирована.

— Ясно. С горючим проблем нет, как видишь, канистры на броне нашей техники присутствуют. Не знаю только, подойдет она вашим машинам или нет...

— Подойдет, товарищ полковник, мы уже заправлялись захваченным горючим, — перебил меня старшой, радостно сверкнув глазами.

— Уже хорошо. Значит, немцы решили послать две единицы бронетехники вам в тыл и уничтожить засаду, — пробормотал я задумчиво, стоявшие рядом командиры навестили уши, ожидая что я изреку: — Значит план таков, они хотят уничтожит засаду так поможем им. Слушаем меня...

Танкисты план одобрили, даже предложили пару идей, как улучшить его. В течение десяти минут обсудив, мы приступили к его осуществлению.

Сам план был прост: после связи с командиром немцев, тут нам пленный поможет, начинаем стрельбу. Используя подручные средства, поджигаем облитые маслом тряпки, примерно там, где стоянки танков, как-будто это они горят, докладываем об успехе и ждем когда немцы выдвинутся вперед. А дальше просто тир.

Прихватив двенадцать канистр с трофейной техники и старшину Лясова, который с одним из своих бойцом ехал на броне, охраняя пленного, Крапивкин ушел. Начало нашего действия выстрел 'тройки'.

— Связывайся с немцами, — приказал я Быкову.

Что нужно и как говорить мы уже обговорили. Запуганный Пименовым до соплей пленный, быстро оттарабанил что-то в эфир, и вопросительно посмотрел на нас.

— Товарищ полковник, приказ от майора Шмиххера, уничтожить русских, — ответил мне Пименов.

— Вот еще, мне теперь немецкие майоры приказывают, — негромко, но чтобы слышали бойцы пробормотал я, — но делать нечего в этом случае придется выполнять.

Танкисты засмеялись, отлипнув от брони самоходки, я направился к своему танку. Заняв свое место командовал:

— Начали!

Не знаю, что Лясов там поджег, но горело классно. Густой дым очень походил на то, как будто там действительно горят танки. За полчаса, что мы им дали они не только заправились, но и подготовились. Правда, почему-то после моего первого выстрела почему-то вспыхнуло не в одном месте, а сразу в пяти. Что-то я не подумал обговорить этот момент, для меня само собой разумеющееся, что один выстрел один костер. Будем надеяться, что немцы не поймут, что там случилось, к тому же сразу за моим выстрелом бухнула самоходка.

— Все, ждем! — приказал я по ТПУ, после шестого выстрела.

Вообще-то бытует мнение, что все планы держатся только до первого выстрела, в нашем случае все получилось, как и задумывалось.

Нет, конечно, немец послал вперед разведку на мотоциклах, но и сам двинулся следом, так что фактически вся колонна оказалась под прицелом.

Как работаем дальше, мы уже договорились. Наши с Быковым пушки бьют по концу колонны, а слабенькие бронебойные снаряды тэ двадцать шестых голове и середине.

— Последний грузовик с пушкой на прицепе, осколочным заряжай... Огонь по готовности!

— Готов!

— Огонь!

Бронеколонна противника состояла из двадцати трех грузовиков, восьми танков, трех самоходок, четырех бронетранспортеров, одного штабного броневика с кучей антенн и пяти мотоциклов. Кстати к третьей машине от последнего грузовика была прицеплена

походная кухня. После первого же выстрела я приказал по радиации Быкову — эту машину не трогать. К сожалению, связи с Копыткиным у нас не было, радиостанции разные. Будем надеяться, что в нашу зону ответственности он не влезет. И зениток у немцев тоже, как ни странно не было, никаких 'эрликонов' не наблюдалось, не опасались они налета. Не обосновательно, кстати.

Командовать мне понравилось, это как в игровом шутере. Сидишь и отдаешь приказы с удобством развалившись в командирском кресле:

— Справа на два часа самоходка, борт подставила...

— Бронебойный!

— Грузовик на одиннадцать, скрыться пытается...

— Осколочный!

— Пехота до взвода...

— Осколочный! Осколочный...

— Пушка на два часа, к бою приводится...

— Осколочный! Осколочный...

- 'Двойка' на двенадцать, за горелым броневиком прячется. Бей прямо через него, броню прошибет и ей достанется...

— Бронебойный!..

Так и командовал, мешал только дым от сгоревшего артиллерийского пороха. Немного спасал вентилятор и открытые люки. Стреляли мы с места, только башню выставив над верхушкой холма, но все равно дважды ловили подарки. Умеют черти стрелять, но и наши не промах, вон как мой наводчик старший сержант Мирзоев с незнакомой пушкой освоился. За весь бой всего два промаха, да и то по мотоциклистам палил. Стрелял и все оптику нахваливал, себе под нос, но я слышал. Связь в танке уж больно хорошая.

— Прекратить огонь!

— Есть, прекратить огонь! — синхронно отвечают мне Мирзоев и Быков. Все-таки классная связь у немцев. Экранированная. С нашей, современной, конечно не сравнишь. Но по сравнению с той же советской образца сорокового и сорок первого года, вундерляфия можно сказать.

— Механик вперед, обходим колонну справа. Лейтенант прикрываешь!

— Есть, — откликнулся тот.

Пока мы выбирались из промоины, самоходка взобралась наверх и немного повозившись, устраиваясь поудобнее, нацелила свою пушечку на расстрелянную колонну.

Переваливаясь на неровностях поля и преодолев метровой глубины овражек мы объехали, колонну и как говорится, заперли её. Теперь деться уцелевшим немцам просто некуда.

Вдали показались коробки танков выкрашенных в родной 4БО, за ними цепью стрелки. Двадцать человек всего, но хоть что-то.

Глядя как маневрируют двадцать шестые, беря под контроль колонну, вздохнул, один из дымов был настоящим. Подожгли-таки одну из машин Копыткина. Причём пушечный, так как пулеметный танк я отчетливо видел, он как раз бил куда-то из своих ДТ.

Убедившись, что всех уцелевших немцев в количестве сорока человек согнали в одну кучу, велел гнать к месту общего сбора, куда уже ехала самоходка Быкова и один из двадцать шестых с поручнем антенны, видимо Копыткина.

Подождав, когда командиры подойдут к моему танку, велел докладывать по очереди, одновременно приказав подскочившему на летучке Лясову начать собирать и систематизировать сбор трофеев.

— Есть! — козырнул старшина и, прихватив пленного, умчался в сторону колонны. Намек на снятие с разбитых танков ЗИПа он понял, как и то чтобы прибрать подлежащую восстановлению технику.

— Начинайте, — кивнул Копыткину, начав со старшего.

Тот быстро доложил потери, и сам бой. Кивнув, что принял к сведению, приказал сформировать еще два-три экипажа из уцелевших танкистов, оказалось у него и такие были. К тому же прибежал вестовой от старшины, доложив, что два чешских тридцать восьмых, которых еще 'Прага' называют вполне целые и почти на ходу. Нужно только гусеницы с разбитых снять и под шаманить по мелочам. Еще одну самоходку вполне можно вернуть встрой, там только ведущее колесо разбито, работа по замене займет часа два, не меньше. Пленный так сказал.

— Значит так, отгоняем всю уцелевшую технику под прикрытие леса, ремонтируем и двигаем дальше. Через полчаса доклад мне по захваченному имуществу на стол. Старший лейтенант Копыткин на вас охрана нашей стоянки, можете привлечь любые силы, кроме людей, задействованных на сборе трофеев. Насколько я знаю, сейчас много частей выходит из окружения, можете забирать их под свое командование, соответствующий документ я сейчас подготовлю.

— А если?..

— Да хоть генерал ими и будете командовать. У вас будет соответствующий документ на руках, где четко и ясно будет написано, кто тут главный... Хотя генерала можете ко мне прислать. Лейтенант Быков переходит в ваше распоряжение. Передайте под его командование всю трофейную бронетехнику. Короче расставляй посты и всех под одну гребенку. Нам все нужно. И пошли на уцелевших мотоциклах разведку, пусть ближайшие дороги прошерстят, может, что интересное найдут. Все, работай.

После отдачи приказов повернулся к подошедшему командиру стрелков. Пехотинец был капитаном, с перевязанной рукой и полу оторванным рукавом гимнастерки.

— Кто такой? — хмуро спросил я его.

— Заместитель командира двести восемьдесят третьего полка по политической части восемьдесят седьмой дивизии, старший политрук Мурашев. Выхожу к своим со сводным отрядом полка в составе двадцати шести активных штыков и трех раненых. Вооружение, два ручных пулемета остальное винтовки. Два часа назад присоединился к отряду старшего лейтенанта Копыткина.

— Почему не приняли командование как старший по званию? И почему одеты не по форме?

Капитан замялся, но ответил честно:

— Форма моя сгорела, получилось так, товарищ полковник. Эту старшина выдал. Другой не было. А принять командование... знаний не имею, товарищ полковник.

— Ясно. Будете мои замом по политчасти. Займитесь пока созданием штаба мобильной группы. Мобильная группа это мы, из тех кого соберет лейтенант.

— Создам, мои бойцы как раз штабные, так что проблем не будет.

— Хорошо, из трофеев возьмете одну машину под штаб. Там еще кухня уцелела, узнаете насчет нее и продуктов... и кстати, вы серьезно ранены?

— Только синяки, это меня в рукопашной утром помяли.

— Хорошо, свяжитесь с Копыткиным, скажите, чтобы всех окруженцев, что он отловит к вам посылал, будем создавать группу.

— Есть, разрешите выполнять?

— Выполняйте. Штатную структуру группы я вам после составлю. Если что я у Лясова. Узнаю, что они собрали.

Пока я ехал к видневшейся летучке Лясова, которая застыла у осевшей на бок самоходки, припомнил слова Сталина:

'... и чтобы такого больше не было! Любые контакты только через нас!..'

Пропесочил, он меня тогда знатно, и вроде как накрепко вбил понятие, чтобы без них никуда, больше как с царским миром не подставлял, а я опять куда лезу? Ведь дал обещание.

'Хм. А ведь я слово дал, что больше на контакты не пойду. Но что делать? Портала нет, перед уходом я там все обнюхал, спонтанный был переход, тут и говорить нечего. Сам открыл от испуга. Может еще раз так же попробовать, только где взять подобную адреналиновую накачку? В бою? Так это не проблема, мы и так на грани качаемся, не знаю теперь, на чью сторону удача выпадет. А бойцы вон как с воодушевлением забегали после побед. Две неповрежденных бронемашин захватили без потерь. Автоколонну расчихвостили. Не знаю, правду ли писали историки, что в начале войны царила неразбериха и люди старались примкнуть к той части, где был хороший командир знающий свое дело. Судя по виду бойцов, именно таким они меня и считали. Тоже неплохо, не подвести бы их. Короче план таков. Зачем прорываться к своим, если можно сесть тут, благо все к этому располагает, и склады, и возможность укрыться. На карте смотрел, есть лесной массив, он нам точно подойдет. Дальше, первое время сидим и подгребаем под себя все что можно, окруженцев технику, боеприпасы склады продовольствием. А потом тёпленькие немецкие тылы наши, заодно и какую-нибудь 'аномалию' поищу. Не верю, что их тут нет. Оставлю грамотного командира, глядишь будущий Ковпак получится. И к своим. Все, так и сделаем'.

От самоходки, к остановившемуся танку подбежал Лясов и браво выпятив грудь, отрапортовал о текущем состоянии дел. Кратко ввел его в курс дела о создании нашей мобильной моторизованной группы, и что он теперь должен докладывать вновь созданному штабу, которым пока командует старший политрук Мурашев, отбыл к самому штабу. Там как раз бегали бойцы, создавая небольшой рабочий пятачок.

Крапивкин, уже успел позаботиться о безопасности и выставил несколько постов состоявших из одного танка и пары бойцов в охране. Три дороги ведущих к развилке оказались перекрыты. Ту, что шла через лес, контролировало охранение штаба и моя 'тройка'. Быков со своими орлами занялся трофейной техникой пытаюсь вернуть ее в строй. Не знаю, что у них получится, но несколько разбитых танков и самоходов они уже расчихвостили на запчасти, и одна 'Прага' бодро проползла к штабу, застыла под прикрытием деревьев. Посмотрев, как из нее вылез мехвод Быкова и трусцой побежал обратно, вздохнул, дело сдвинулось с мёртвой точки.

Нет, все-таки удобно быть командиром. Отдал приказы и следишь за их выполнением. На месте боя мы задержались до самой темноты, даже ночью пришлось работать. В строй вернули два обещанных танка, и самоходку. Грузовиков только три, правда кухня уцелела. Из разбитой 'тройки' смогли извлечь боеприпасы и некоторые запчасти, для пополнения в случае поломки, третья, к сожалению сгорела и интереса не представляла. Разношерстные какие-то танки были. Четыре типа в колонне, и это не считая самоходов.

За время стоянки и вынужденного ремонта штабные и Крапивкин тоже зря время не теряли. Во-первых: на наши посты вышло несколько групп окруженцев, и часть из них были танкистами, так что кем комплектовать экипажи трофейных танков нашлось. Кадровые военные они довольно быстро разобрались с их управлением и техобслуживанием. Кроме танкистов появилась и пехота, даже восемь пограничников. Из пехоты сформировал два мотострелковых взвода полного штата, вооружив их трофеями, а из пограничников создал особый отдел с их командиром во главе, старшим сержантом Климовым. Разведка у меня и так была, первым вышел почти полного штата разведвзвод той же дивизии. И вообще основная часть окруженцев состояла именно из служащих этих

двух дивизий. Сорок первой танковой и восемьдесят седьмой стрелковой. Были конечно и другие, вроде комендачей и городских ментов из райотдела. Некоторые окруженцы нам были нафиг не нужны, но не бросать же их. Шансы выйти к своим у этого полка были минимальны. Он кстати вышел на один из наших постов перед самым уходом, когда солнце почти совсем село.

— Товарищ полковник, восьмой пост передает, на них большая колонна идет, с машинами и пешком, вроде наши, — отвлек меня от составления планов на ночь и утро радист.

Что-что, а с ними нам повезло, цела радио-рота вышла на нас, это конечно правда два десятка человек, НО это два десятка разбирающихся человек. Это они занимались демонтажем радиостанций и приемников с разбитой немецкой техники, и смогли даже собрать несколько вполне работающих, и это за два часа! За время работы постов, они уже успели сообщить о двух крупных бронеколоннах, о трех пехотных, и одной авто. Правда все они прошли мимо, последние полчаса ни каких новостей с постов не поступало, видимо немцы готовились к ночевке и все движение замерло. Наша дорога, что вела к броду, их не заинтересовала, видимо мосты были захвачены не поврежденными.

Как раз один из наших постов был радиофицирован такой самоделкой с радистом в обслуживании. А так как был твердый приказ себя ни в коем случае не обнаруживать, они передали данные и снова затаились, отслеживая обстановку.

— Понял, — кивнул я командиру радистов, старшему лейтенанту Морозову, после чего повернувшись к командирам спросил:— Все всё поняли?

— Да, товарищ полковник...

— Мирзоев, готовь машину к выходу! — крикнул я наводчику, отдав приказа подчиненным разойтись.

Через минуту мы пылили в сторону восьмого поста. Заходящее солнце били прямо механику в глаза, так что пришлось через смотровые щели подсказывать дорогу.

— Стой! Да стой же! — закричал я, заметив вставших в оцепенении людей на дороге.

Пока ни чего не произошло, вроде конфуза из-за того что я на трофейной машине, быстро открыл верхний командирский люк и выскользнул наружу. Заходящее солнце хорошо осветило меня.

Мы метров десять не доехали до стоявшей впереди полуторки, которая оглушила меня шумом работающего глушителя, вернее не работающего.

'Теперь понятно, почему они не услышали работу двигателя танка, от такого рева любой звук будет заглушён'.

В нескольких метрах от замершей 'тройки', в некотором оцепенении стояло два десятка бойцов и командиров, причем только у восьми из них были винтовки, остальные с пистолетами.

Спрыгнув с брони на пыльную дорогу, я в который уже раз за этот долгий день спросил:

— Кто такие?

Послышался облегчённый общий вздох. Из-за спин бойцов выступил невысокий крепыш в командирской фуражке, и отрывисто представился:

— Майор Гаврилов, восемнадцатый ИАП.

— Майор госбезопасности Демин. Московское управление. Майор со своим штабом на броню, остальные следуют к месту нашей стоянки. Сколько вас?

— Триста человек, много раненных, товарищ майор госбезопасности. Фактически все машины их перевозят.

— Хорошо. Есть хотите?.. Понятно. Пименов, свяжись с нашими, пусть готовят кухню. Мирзоев, проводи остальных до нашей стоянки.

— Есть, — соскочив с брони откозырял он.

— А вы, товарищи, на танк, — приглашающе указал я на угловатую громаду бронемашин.

Через полчаса я знал всю подноготную этого истребительного полка. Войну они встретили на земле. Сорок процентов уничтоженной техники и двадцать процентов личного состава только за первый налет. Гаврилов, герой Испании сумел восстановить структуру полка, отправить первые истребители на прикрытие наших войск. За три дня боев у них осталось шесть боеспособных самолетов и ни капли горючего. После того как канонада продвинулась им за спину, Гаврилов своей властью приказал уничтожить все что можно и отходить к своим. На пути они встретили повозки с ранеными и персонал медсанбата. Взяв их под охрану, все вместе двинули дальше, где к вечеру повстречались с нами. Почти мгновенно на их счет у меня возник план...

— Товарищ полковник! Нашли, там аэродром. Техники побитой мильон! — радостно доложил боец-разведчик соскакивая с мотоцикла-одиночки.

Моя идея состояла в том, чтобы иметь свое воздушное прикрытие, для диверсий в тылу противника. Глупость? Возможно, но напомните мне, были ли такие группы окруженцев или партизан, кто имел свои летные части? Вот и я не знаю, а раз не знаю, то пусть будут. В общем, Гаврилов сообщил мне координаты расположения их дивизии, которая стояла не так далеко от нас, километрах в пятнадцати. Авиатехников у нас много, они сами обещали быстро восстановить, что можно. Так что я избавляюсь от раненых и пленных, заодно воздушную поддержку себе обеспечиваю. Пару транспортников мы там по любому найдем. Полк Гаврилова воевал на И-16, 'ишачках', но и другие машины они знали, так что толк будет. Обещали с огнем в глазах.

— Охрана?

— Да было два десятка пехотинцев, мы их на гусеницы намотали и из пулеметов постреляли. Больше никого, боевые части судя по всему бегло там все осмотрела, и дальше ушла. Охрана из тыловых подразделений состоит.

— Из немецких стреляли?

— Да, как и приказывали, товарищ полковник. Два летчика и два техника, что вы с нами отправили, осмотрели самолеты, говорят, восстановить можно быстро. Транспортники тоже есть, один быстро в строй вернут, а вот с еще двумя придется повозиться.

— Хорошо, выдвигаемся на аэродром.

Радиосвязью мы не пользовались, во избежание. Работали посыльными.

Выдвинулись мы понятное дело не всеми силами, которые, ближе к утру следующего дня насчитывали за семьсот бойцов и командиров. Меня кстати несколько забавляла ситуация, что ни кто из вышедших на нас старших командиров не претендовал на мою должность, которую сам на себя взвалил. Из старшего комсостава вышло два полковника, один интендант. Еврей по национальности, его я поставил на должность зампотылу. Второй командир, внимание, заместитель командира корпуса по строевой части. То есть прямой зам, который должен был занять должность комкора в случае его выхода из строя. Но и он даже намек на смену власти не делал. Сходу подойдя, внимательно всмотрелся в меня, освещаемого сполохами костра у самодельного стола за просмотром трофейных и наших карт, негромко спросил:

— Полковник Иванов, что прикажите товарищ командир?..

То есть, он успел расспросить бойцов, что встретили небольшую группу окруженцев, которую он возглавлял, расспросить их, и составив свое мнение. Его дальнейшее поведение несколько смутило меня. Я рассчитывал передать командование под начало другого компетентного командира и потихоньку свинтить на поиски ближайшей аномалии, а тут такой финт ушами. Сделал меня этот полковник, сделал. Ну, а так как за время боев я сроднился с бойцами то понятное дело, бросать их у меня просто

совести не хватало, просто воротило от одной мысли. Оставить на вменяемого командира еще куда ни шло, а так... В общем, никто у нас в России не любил ответственности за которую можно что-нибудь получить, и свалить обязанности на ближнего своего считалось чуть ли не долгом.

Но и я тоже не пальцем деланный, немедленно назначил полковника Иванова на должность своего начштаба, выложил свои мысли на ближайшие дни и устроил 'мозговой штурм', название которого привело собравшихся командиров в восторг. Иванов успел немало повоевать, два ордена Красного Знамени, и рваный шрам на щеке, это отчетливо демонстрировал. Моя Красная Звезда на его фоне не особо смотрелась. Впоследствии, много моих словечек ушло в массы. Дошло до того что в будущем, после одного из боестолкновений, я даже как-то услышал от Иванова изучавшего карту задумчивое: 'Не айс'.

Не помню, чтобы у меня это вырвалось, но больше подобное никто принести просто не мог.

В общем, план наш такой. Не так далеко находился один из крупнейших лесных массивов этой области, в котором могла затеряться не только наша группа, но и целые корпуса, так что Иванов с основной частью пошел туда готовить базы и ВПП, с несколькими первоочередными задачами, а мы небольшой колонной из трех машин и двух танков — трофейных разумеется — направились на аэродром.

Аэродром нас встретил разрухой и запустением. Многочисленные обломки некогда бывшей гордостью авиации ВВС РККА кучами обломков лежали на огромном поле. Приказ на осмотр первостепенной техники я дал загодя. Так что пара механиков что прибыли первыми уже успели, используя грузовик, не наш, видимо местный, затащить под тень опушки небольшой березовой рощи, рядом со зданиями в которых раньше, скорее всего, располагались штабы и вспомогательные службы, несколько самолетов.

Наша небольшая колонна сразу направилась к образовавшемуся стихийному ремонту.

— Докладывайте, что у вас, — ответив на приветствие, велел я майору Гаврилову, наблюдая, как из грузовиков высаживаются механики и летчики.

— Обнаружено неповрежденными восемь 'чаек' и три 'ишачка', сейчас они проходят предполетный осмотр. Еще около тридцати машин можно восстановить. Видимо немцы врасплох захватили наших... Это мы только про те, которые знаем. Есть и новейшие образцы, но мы в них ни зуб ногой, товарищ полковник.

— Ясно. Я там подрывников привёз пять бойцов, командир у них младший лейтенант Хвоя. Обойдите стоянку и покажите им те машины, к которым точно не подойдете. Начните с новейших образцов, пусть минируют.

Майор бросил на меня уважительный взгляд, с толикой благодарности, и приказав одному из своих подчиненных заняться подрывниками, которые стояли у кузова последней машины ожидая дальнейших распоряжений, прошел вместе со мной к самолетам.

— Иванов с нами связался на подъезде к аэродрому, сообщил кодовыми словами, что въехал в лес. Думаю, скоро получим сообщение, куда нам отправлять самолеты. Обещал подготовить площадку к встрече.

— Это хорошо, четыре машины можно отправлять уже сейчас.

— Заправлены, боеприпас загружен?

— Да, товарищ полковник. Вот они отдельной группой стоят, я их уже разбил на пары как вы и приказывали. Командир звена старший лейтенант Пламенев. Четыре 'чайки'. Даже 'эрэсы' загрузили.

— Хорошо, майор. Пусть они сидят в кабинах в готовности, если что, прикроют. Взлететь смогут?

— Да. Там дальше поле свободно, воронок мало. Пламенев пробежался, говорит, нормальное, взлететь сможем.

— Машину для транспортировки ЗИПов, горючего и боеприпасов обнаружили?

— В основном все машины при... э-э-э... отходе забрали, но есть те, что можно восстановить. На пять машин надеяться можно, их как раз восстанавливают. О! Кстати, мы же три бензовоза нашли, целые. Вон там стояли. И зенитки, тридцатисемимиллиметровые. Дивизион! Во-о-он там! Двенадцать штук.

— Не на сцепке?

— Нет, на грузовиках

— Это отличная новость. Бензовозы заправьте их под пробки. А насчет зениток... водителей сможем найти?

— Найдем, — убежденно ответил Гаврилов, — у меня каждый техник водить умеет.

— Приятная новость. Транспорта для вывоза, это наши проблемы. Десятка полтора вам хватит?

— Малова-то будет, товарищ полковник. Если только за три... нет, пять-шесть рейсов, — задумчиво пробормотал Гаврилов окидывая широкое поле деятельности. А так как основные планы у меня лежали на авиацию, то не прислушаться к нему было просто глупо.

— Поищем. Сколько водителей сможете предоставить?

— Механиков у меня тут сорок восемь... Тридцать пять я думаю за баранку посадить, — быстро прикинул майор.

— Вы продолжайте пока. Посты охранения выставлены, можете работать спокойно, а мы пока займемся транспортерами, нужно вытащить отсюда как можно больше запчастей и боеприпасов, чтобы действовать более эффективно. Придется всю следующую ночь возить. Главное на немецких трофейщиков не нарваться. Думаю, они скоро тут будут.

Оставив Гаврилова, который снова окунулся в работу по обслуживанию техники, и сбору материала к вывозу, вернулся к своей 'тройке'.

— Иванов на связь не выходил? — спросил я у радиста.

— Нет, товарищ полковник. Только немцы разговаривают.

— О чем именно?

— В основном по хозяйству.

— Про побитую колонну было что-нибудь?

— Не проскальзывало. Так рано еще. Девяти нет, товарищ полковник.

— Будут новости, сообщай. Я у Меньшикова.

Капитан Меньшиков, замначштаба по разведке. В основном всю разведгруппу он отправил с Ивановым со своим замом во главе, оставив при себе только десяток бойцов. Сейчас они как раз вернулись с поиска.

Подойдя к бойцам, они устало разлеглись в тени бывшего штаба местной дивизии, которое своим окнами и выбитыми стеклами производила впечатление полной разрухи и заброшенности, дал отмашку, чтобы не вставали.

— Что у вас?

Капитан с шумом пьющий свежую воду из ведра, передал его следующему бойцу и, поправив форму, быстро доложил:

— Есть тыловики, товарищ полковник. Двадцать две машины, с чем груз, знаем, испугнуть боялись. Но охранение всего десятков солдат, это не считая водителей.

— Где? Покажи по карте.

Расстелив карту на покатою капоте своего трофейного грузовичка с зенитным крупнокалиберным пулеметом в кузове, Меньшиков показал, где стояли тыловики.

- Далековато. Рядом ничего нет?
- Только боевые части. Эти для захвата самые легкие.
- Хорошо. Ставлю задачу. Тыловики по возможности уничтожить, транспорт захватить. Срок выполнения, как можно быстрее. Хотя бы к двум часам. Что вам нужно для выполнения задания?
- Десяток бойцов для охраны, ну и водителей конечно.
- Бойцов из охранения возьмишь, выберешь, какие понравятся. А за водителями к Гаврилову, он обещал выделить их из своих людей.
- Разрешите выполнять?
- Действуйте.

Не буду долго рассказывать про нашу авиационную эпопею, скажу коротко, нам дали ЧЕТЫРЕ дня нормально похозяйничать на аэродроме. Мы вывезли все что смогли, и не смогли, но вывезли. Как бы это не прозвучало. Возили на трофейных машинах с прикрытием из трофейных же танков. Во что были одеты бойцы, думаю говорить не стоит, и так понятно. Мой зампотылу не зря гордо носил свою фамилию Айзерман. Основная масса запчастей и самолетов пришлось на так не любимые историками 'чайки'. Может они и устарели, но для моих идей подходили просто идеально. Так что теперь у меня было сорок две 'чайки' и шестнадцать 'ишачков' разбитых на пары. Про четыре разведчика, два У-2 и два транспортника, я уже не говорю. И это только те, что летали, технари и летные инженеры на будущие замены, вывезли даже остовы с полосы и новенькие движки со складов.

Конечно, за такое короткое время не реально все что нужно вывезти, всё-таки восемьдесят километров в один конец, но мы сделали несколько временных укрытий, укрыв ящики и железо брезентом. В ближайшее время все это будет увезено уже на постоянные склады.

Причина, по которой мы смогли так безнаказанно действовать, была одна, эта причина именовалась капитаном Меньшиковым. Воспользовавшись поднявшимся волнением в связи с уничтожением передовой моторизованной группы он совершил несколько диверсий, уничтожил два моста и, дав нам сделать невозможное с суматохой вокруг. Не смотря на то что округ был наводнем немецкими боевыми частями у нас все получилось. Был случай как наша колонна — одна из последних — что вывозила горючее для самолетов вклинилась в немецкую и под их прикрытием спокойно доехала практически до нужного места где и беспрепятственно свернула. Появилась у бойцов некая лихость.

— Сколько площадок подготовили? — поинтересовался я у Иванова.

Это было первое совещание после тех сумасшедших дней, в вывозе всяких авиационных вкусняшек.

— Пока только две. Одна на краю озера в середине леса, садиться не совсем удобно, но практически вся площадка от взглядов сверху укрыта. Гаврилов там успел побывать, от площадки пришел в восторг, проблема только одна. Нет подъездных путей. Нужно пробивать дорогу.

— А вторая?

— Старое пожарище. Два на полтора километра. Немного выровнять, и вполне приличное поле. Подъезд есть.

— Хм. Прокладываем дорогу к озеру, но деревья не трогаем только молодняк, чтобы сверху не было видно, а пока равняйте вторую полосу, вы ведь там всех посадили?

— Да, только два самолета поломало шасси. Не совсем удобная площадка, но вы попросили поторопиться.

— Вашей вины нет, так что не беспокойтесь. К тому же Гаврилов уже доложил по ним. Завтра к обеду вернут в строй. Инженерному батальону нужно будет подготовить еще десяток аэродромов подскока, но это попозже. Полк хорошо разместили? Землянки? Кухню? Охрану?

— Все не успели, но в течение трех дней инженерный батальон закончит.

— Когда закончите постройку складов и вывоз имущества? — поинтересовался я у Айзермана.

— Вывоз в течение двух дней. Благо горючим и транспортом нас обеспечили, а вот с постройками пока придется погодить, думаю, обойдемся землянками. То, что можно хранить под открытым небом, будем хранить, — ответил интендант.

— Хорошо. Ладно, идем знакомится с вновь прибывшими. На сколько бойцов и командиров мы обогатились?

Ответ Иванова заставил меня запнуться.

— Сколько?!

— Наличный состав прибывших к нам частей составляет четыре тысячи двести сорок семь бойцов и командиров.

— Однако... Как же особый отдел справляется?

— Заняты они очень, тщательно работают. Мне особист уже докладывал о восьми выявленных и шести на подозрении.

— Нужно будет поговорить с ним.

— Да вон он, вместе со всеми командирами, собравшихся на совещание. Вон с подполковником Грайнбергом разговаривает.

— Кто такой.

— Грайнберг? Командир тяжелой артиллерийской бригады. Правда она с ним не вся, осталось полтора дивизиона. Семнадцать орудий. Но со всей техникой и вооружением. Его Меньшиков случайно нашел на той стороне леса, сидели без топлива. Он до сих пор по лесу патрули гоняет, таких же... хм, окруженцев ищет, товарищ полковник.

— И эту прорву, надо кормить... Меньшикова после совещания ко мне, пусть доложит об окружных продовольственных складах. Насколько нам их хватит, если все вывезти?

— Я там был, примерно... на год хватит, но это неточно. Туда ведь эшелонами гнали, на всю нашу группировку войск. Все там продовольствие получали, склады на огромной территории расположены. Даже ветка железнодорожная проложена.

— И они в пригороде Владимир-Волынска, — подытожил я, — что ж будем решать, и думать, как проверить эту операцию.

— Это невозможно, товарищ полковник.

— Нуда-нуда, — рассеяно пробормотал я: — Послушайте, полковник, а железнодорожные пути из города ведь не далеко от нас идут?

— В ста метрах от опушки, а в одном месте так вообще через лес идет. Пути так проложили, — с легким недоумением ответил Иванов.

— А наши мост рванули и пути пока не действуют... — продолжил задумчиво бормотать я, пришедшая мысль была, конечно, на грани фола, но в неразберихе первых дней войны могла проскочить: — Чувствую, есть у Меньшикова более подробный план. Быть ему майором если все пройдет удачно... Здравствуйте, товарищи командиры...

Командиров было много, и это еще слабо сказано, одних капитанов насчитал только восемнадцать человек. Растет отряд, растет. Но как оказалось, я несколько погорячился, не все горели желанием оставаться с нами и собирались со своими отрядами двигать дальше на соединение с основными войсками.

— Товарищи командиры, разрешите представиться. Майор госбезопасности Демин Александр Геннадьевич. Девятое управление НКВД.

Я действительно работал именно в 'девятке', так указано в моем удостоверении. Только я знал точно, в этом мире такого отдела нет и быть не может.

— По обстановке, принял командование над группой бойцов и командиров, попавших в окружение. После нескольких успешных боев, уничтожив десятки, а то и сотни солдат противника, захватив неплохие трофеи из техники которые я надеюсь вы видели, наша группа увеличилась до двух полков численного состава. Я так понимаю, несколько командиров решили идти дальше. Поднимите, руки, кто этого хочет.

Среди поднявших руки был и подполковник Грайнберг, он же и взял первое слово:

— Извините, товарищ майор госбезопасности, но все это пахнет авантюрой. Вы, недостаточно подготовлены к командованию подобным количеством войск, другая структура. Терять свое подразделение из-за ошибок и некомпетентности командования я не намерен.

'Вот тебе бабушка и Юрьев день. Кто мне говорил про забытых командиров, которые слово сказать поперек батьки не могут?! Это они Грайнберга не видели'.

— Хорошо сказано. Главное в точку. Не буду говорить, какой я хороший командир, тактик или стратег. Это не так, в вашей кухне, я, не разбираюсь, честно скажу. Все последние боевые операции, что прошли за четыре последних дня, были спланированы оперативным отделом штаба. Я только давал добро. То есть, разработкой операций занимался штаб из двух десятков командиров не последних званий, я же даю добро и в некотором случае несу ответственность в случае провала или больших потерь. Задача, на данный момент нашей группы — это полное парализование тыловых служб Вермахта, ни один эшелон или машина с военными грузами пройти не должен. Кстати, место моего зама по артиллерии вакантно.

— Я подумаю, — задумчиво кивнул подполковник.

— А это не предложение. Это приказ, который вступил в силу немедленно, — чуть усмехнулся я.

Тут главное держать 'лицо'. Маска невозмутимости кроме показа усмешки так и оставалась нетронутой.

Грайнберг кивнул более уверенно, после чего подошел к Иванову, с которым видимо был знаком.

— Кто еще хочет уйти?

Ушло четверо, остальные остались. На будущее я теперь смотрел увереннее. Мы с уходом несогласных потеряли двести, почти триста бойцов. Но это была капля в море, пока мы держали периметр по лесу одним эшелоном. А нужно было в два, а то и в три, тогда незамеченным никто не пройдет. В общем идеальным количеством войск подошедших моим планам было десять тысяч, да и то активно бы воевали из них только треть, остальные должны быть на охране баз. Главное — это авиация!

'Ну а пока идет формирование новых подразделений нашей группы, и штаб планирует налет на продовольственные склады, попробую как я полетать над лесом. Может, что увижу. Найти портал шансы есть всегда... Пойду озадачу Гаврилова насчет У-два, но сначала отдать штабу приказы по действиям группы на ближайшие два дня!'

Главное для командира что? Я считаю правильно сформулированный приказ. Поэтому посмотрев на озадаченно-ошарашенное лицо Иванова, вопросительно приподнял бровь и поинтересовался:

— Что вам непонятно, товарищ полковник?

Позади него стояли четверо из семи командиров оперативного штаба, адъютант записал мой приказ и подал на подпись. Быстро пробежав его глазами, расписался.

— Но, товарищ полковник... Это же...

— Нагло? Пусть так. Но я согласен с товарищем Меньшиковым, шансы есть. Рота красноармейцев, что к нам вышла вчера, и находиться под надзором особого отдела подойдет просто идеально.

— Товарищ майор госбезопасности, я категорически настаиваю... — начал было, наш начальник особого отдела старший лейтенант Кучера, который до этого занимал ту же должность в одном из полков сорок первой танковой.

— Я вас тоже понимаю товарищ Кучера, но в данной ситуации согласен с капитаном Меньшиковым. Эту роту мы забираем и отдаём под его командование, — и, повернувшись к капитану, приказал: — Формируйте разведбат, людей вам уже хватает.

— Есть, — козырнул он.

— Но это же немцы?! — не удержался особист.

Он мне нравился своей вьедливостью и профессионализмом. При первой же встрече не попросил, а потребовал удостоверение личности. Показал свое и сообщил, что такие, дают не каждому. Проняло, особенно голограмма серпа и молота.

— Немцы, но поволжские. Не беспокойтесь старший лейтенант, всю ответственность беру на себя. Не забывайте, что они с боями прорывались через немецкие порядки и вышли к нам с оружием в руках, а то, что практически вся рота состоит из выходцев Поволжья так это кадровиков надо благодарить за такой подарок. Подготовьте соответствующие бумаги.

— Есть, — козырнул он.

— Вернемся к вам, — повернулся я к Иванову, — что вам в приказе не понятно? Сформулировал идею капитана Меньшикова я довольно внятно, и четко.

— Но это авантюра какая-то.

— Знаю. И немцы знают что на склады никто из наших не полезет, тем более, по словам нашей доблестной разведки немцы уже включили эти склады в свой рацион. Так глядишь за пару месяцев, там ничего и не останется. Так что действуем быстро. Главное с вашей стороны спланировать операцию, чтобы она прошла без сучка и задоринки. Поволжцев тоже включите в операцию, думаю в немецкой форме и на трофейной технике они нам ой как пригодятся.

Похоже, Иванова и его людей захватила идея по тихому взятию складов. Через минуту штаб уже напоминал кипящий чайник. Кто-то куда-то бегал и только десяток командиров у длинного стола застеленного картами задумчиво перекидывались словами планируя будущую операцию.

— Знаете, товарищ майор госбезопасности, с вами мы работаем как-то по-другому. Как будто энергией от вас набираемся. Захват складов, которые охраняет минимум батальон, а скорее всего даже полк. Эта авантюра еще та. Но смотрите на них, они уже верят, что это возможно, — развел руками шедший рядом особист.

На самом деле про будущий захват складов кроме оперативного отдела штаба никто не знал, секретность соблюдалась свято, и именно про штабных и говорил особист, правда, почему-то указывая и на простых бойцов. Мимо нас как раз в полной выкладке промаршировал стрелковый взвод. Формирование нашей группы шло полным ходом. Приказ на формирование я уже отдал. По моему плану, кроме летного состава, будет сформирован полный стрелковый полк военного времени, людей хватало, и пара отдельных батальонов. Людей на них пока не было, мы рассчитывали на окруженцев. Плюс разведбат, артиллерия из восьми батарей, минометчики. Про тыловые службы я уже не говорю, они кстати первыми оказались сформированы. Большинство окруженцев были именно тыловиками. На боевые части приходилось едва пятьдесят процентов, причем некоторая ее часть, сейчас лежала в госпитале или лечились на месте. Благо его первым закончили строить.

— Странно слышать подобное, — пробормотал я несколько озадаченно.

— Моя работа наблюдать и анализировать. Вот взять хотя бы вашу утреннюю речь перед строем бойцов. Как вы прошли по нашим ошибкам и как немцы бьют нас не стесняясь признавать очевидного. Я уже думал: попался вражина, точно против нас воюет, а тут вы произнесли пламенную речь как нужно и должны мы бить врага. Как не надо привечать его и считать простых солдат такими же рабочими. Много, что вы говорили, тянет на статью, один только ваш приказ по группе. Лишить политработников возможности влезать в дела командиров сделали вас не просто величиной, но на вас чуть не молятся.

— Вы это политработникам скажите, — хмыкнул я.

— Но вы-то уже сказали? Утром. Пусть каждый занимается своим делом. Вроде так? Я прав?

— Было дело.

— Этим вы если не настроили их против себя, то изрядно потеряли в авторитете. А это не очень хорошо, могут нагадить по партийной линии.

— Авторитетом мне еще не приходилось быть, — себе под нос буркнул я.

— Что?

— Я спрашиваю, сколько у нас немцев?

— А, сто семнадцать человек. Из остатков батальона они сформировались в роту так и воевали.

— Понятно, с приказом о переводе их под командование Меньшикова не затягивайте, очень уж они нужны. Думаю, на них и ляжет вся тяжесть этой операции.

— Хорошо.

Гаврилов меня не обрадовал. У-2 еще не готов, в том смысле, что наши крупноголовые из радиороты не установили на него рацию, и порадовал меня сроком использования нашей авиации.

— Месяц активных боев товарищ полковник. И все. Летать будет не на чем.

— Месяц боев? Вы как считали? Сколько вылетов в день?

— По четыре вылета в день.

— А ну это нормально, я на меньшее рассчитывал. Вы готовьтесь, работайте строго по плану. В течение пары дней вас пока никто трогать не будет. Как с аэродромами подскока?

— Это где по звену сидеть будет?

— Именно.

— Нашли четыре площадки, но пока к подготовке не приступили. Нужно разобрать самолеты и на машинах перевезти их туда, собрать и подготовить техническую часть.

— Покажите по карте мне где они, — приказал я, доставая ее из планшета.

— Тут. И вот тут тоже было бы неплохо, но уж больно кочек много. Равнять замучишься.

— Кому равнять это мы найдем. Вот на этой и этой площадках посадите по истребительному звену, будут нас прикрывать если что. Тут и тут штурмовики. На каждую площадку по два зенитных орудия и радиостанции. Согласуйте все с Ивановым.

— Есть.

— Сообщите мне, когда У-2 будет готов.

— Это срочно?

— Не особо, но и медлить незачем. Выполняйте.

— Есть.

Проводив майора взглядом. Махнул рукой и направился в штаб. Нужно взять связной мотоцикл, благо у нас их три десятка, разведка натаскала, и проехаться по своим владениям, посмотреть, что и как. Потом в штаб, думаю, к этому времени наброски плана уже будут готовы.

Подготовка к операции заняло два дня. План по захвату складов, был довольно прост на бумаге, и авантюрен в действительности. Капитан Меньшиков подал идею, которую развил и доработал наш оперативный штаб. Даже я там отметил. Как? Да очень просто.

Основную операцию, по захвату и вывозу штабные проработали довольно тщательно. Единственное что не укладывалось в нее, это нехватка грузового автотранспорта. Сотня машин, что у нас было — это капля в море. Тут-то я и подал идею на счет липовых регулировщиков, вспомнив, как действовали 'брандербургцы'. Правда, Иванов быстро отойдя от удивления, почему ему самому не пришла в голову такая простой идея, быстро развил её. Ведь можно заводить засады не только транспорт, но и пехотные колонны, поставь пулеметы и встречай в удобном месте. Так что у нас теперь планировалось две операции, это захват и вывоз складов, и уничтожение небольших войсковых колонн противника, пользуясь неразберихой наступления.

Через два дня мы начали.

Письмо немецкого солдата, так и недошедшего до адресата.

'... Здравствуй, дорогая Марта. Ты жаловалась в последнем письме, что я тебе долго не пишу. Но ты сама знаешь, что сейчас твориться здесь на границе с Россией. Их подло-вероломное нападение на наши мирные войска, как сообщил по радио Геббельс, не даёт ни минуты передышки. Ты не представляешь, как мы ответили на их вероломство. Моя авторота уже пятый день колесит по дорогам России, тут такие красивые земли. Когда война закончиться, мы переедем сюда. Вчера наш командир сообщил, что отличившимся будут выдаваться земельные наделы. Я первым записался, теперь бы только оправдать доверие и получить достойную награду. Вчера, когда мы возвращались с трофейных складов, на дороге вышло трое русских солдат. Ты представляешь. Я! Первым успел взять их в плен, и вчера мой командир при строе похвалил меня за смелость, так что будущее наше не так призрачно как мне думалось. Тут в с письмом я нарисовал план нашей будущей молочной фермы, посмотри, если что надо добавь... Извини вчера не успел дописать, пишу сегодня. Много раненных. Пришлось делать три рейса, пока не вывезли всех. Русские странные, где есть комиссар, там они дерутся до последнего, иногда сдаются совсем командование. На днях один мой дружок из техвзвода, рассказал, что на них, когда они чинили броневик на дороге, вышел целый батальон русских со всеми командирами и сдался. О, снова нужно ехать. Нашим войскам требуется продовольствие, ладно, завтра допишу и отправлю...

Твой муж, фельдфебель второй автороты тылового обеспечения Маркус Норманн. 4.07.1941 г'.

Выписка из доклада немецкого офицера.

'Начальнику службы охраны тыла 6-й армии.

Срочно.

Секретно.

Вчера, 4 июля, еще одна колонна моего подразделения, осуществлявшая доставку предметов снабжения от тылового пункта передовым частям нашей армии, вышла с трофейных складов города Владимир-Волынский. До пункта назначения она так и не дошла. Пропала ориентировочно в квадратах 07/11; 07/12 или 08/12, потому как через комендатуру села Г... прошла по расписанию. Предположительно на дороге у лесного

массива в этих квадратах. Из-за того, что охрана колонны была возложена на самих водителей и старших машин, оказать существенное сопротивление нападавшим, они вероятно не смогли.

Напомню вам, что это была уже шестая колонна за этот день, что вынудило нас приостановить поставки в армию предметов первой необходимости.

Общие потери колонны составили:

Грузовики: 27.

Бензовозы: 8.

Мотоциклы: 2.

Личный состав: 6 унтер-офицеров и 35 рядовых;

Утрачено: вооружения — 21 тонн. ГСМ — 40 тонн. Боеприпасов — 17 тонн. Вещевого имущества -3 тонны. Продовольствия 52 тонны.

05.07.1941. Командир снабжения 55-го армейского корпуса майор Вольфминг'.

'Командующему 6-армии генерал-фельдмаршалу фон Рейхенау.

Срочно.

Докладная. Расширенная и дополненная.

Докладываю. Расследование, проведенное по заявке командира снабжения 55-го армейского корпуса майора Вольфминга привело к неожиданным результатам.

Начальником складов майором Адлера подтверждён выход 4 июля с трофейных складов шести колонн общей численностью автотранспорта 207-мь единиц. Однако расследование показало, что четыре из этих шести колонн никак не могло прийти в пункт назначения. Выяснилось, что их просто никто не отправлял.

Вывод: Вывоз большого количества продовольствия был организован противником, на захваченной технике и с подделанными документами. Опрос дежурного офицера, унтер-офицеров и солдат, выдававших по накладным имущество с трофейных складов, дал, что ничего необычного и подозрительного в солдатах ложных колонн они не заметили. Более того они заявили что не в первый раз выдают им имущество со складов.

Анализ по опросу и расследованию выявил следующее: с 2 по 4 июля противник на захваченных автомашинах нашей армии, и одетый строго по форме солдат и офицеров Вермахта. Используя подправленные в сторону увеличения накладные на вывоз продовольствия 55-го армейского корпуса, которые они предположительно захватили вместе с машинами, ориентировочно 1 июля, были обнаружены в бухгалтерии администрации складов. Согласно списку погрузочно-разгрузочных работ с 2 по 3 июля было вывезено до 55 % всего объема захваченного имущества. Судя по накладным, часть из них была подделана. За 2 июля склады приняли восемь транспортных колонн, причем, судя по опросу выдававших по накладным унтер-офицеров, некоторые принимались дважды. Обычное количество машин в колонах не превышал тридцати-тридцати пяти грузовиков. На 3 июля было уже одиннадцать поддельных накладных, соответственно одиннадцать принятых колонн. Что указывает на увеличение транспорта и людей у противника. 4-го июля, при вывозе одна наших транспортных колонн следовавшая в тот же корпус, выехала вместе с противником, который так же закончил загрузку, что видимо, облегчило её захват. Анализ показал, захват, произведенный 4 июля двух наших транспортных колонн был завершающим в фазе вывоза продовольствия.

Более противник на складах не появлялся.

Сообщаю так же что с 3 июля начали пропадать наши войсковые колонны, следовавшие к передовой. Это как одиночные грузовики, так и небольшие пехотные части. По сообщениям некоторых комендатур, они не раз слышали пулеметно-ружейную стрельбу. Но так как огонь велся в основном из нашего оружия, особого волнения не

было. Хотя патрули в сторону боя высылались. В одном случае их встретил регулировщик на одном из перекрестков и сообщил, что идет окружение небольшой части русских солдат, во второй раз патруль не вернулся. Наземные поиски ничего не дали, кроме пропажи еще двух моторизованных патрулей. В просьбе в воздушной разведке было отказано. Рапорт прилагается.

Вывод: В лесном массиве в районе 110/120 находятся русские части. Для их уничтожения охраны тыловых служб не хватит. Просьба выделить подвижные войсковые соединения для уничтожения крупной группировки противника, предположительно находящуюся в лесном массиве в квадрате 110/120...'

— Это всё?

— Это все черновики, товарищ полковник, еще есть доклады полевых агентов, — закопался наш штатный переводчик в бумагах, разложенных на капоте.

— Черновики? Хм, значит, рапорта уже отправлены? — задумался я.

Наша встреча с разведкой произошла на лесной дороге по пути к штабу. Со стороны мы смотрелись наверное странно, группа красноармейцев спокойно курящая с такой же группой солдат Вермахта. Офицер, как-будто сошедший с немецких агитационных плакатов, высокий, блондин с голубыми глазами, подтянутый, с выправкой кадрового прусского офицера времен первой мировой, в свежей отутюженной форме, со складками, бритое лицо, без малейших признаков щетины, и советские командиры, стояли у машин и спокойно обсуждали прошедший два часа назад захват курьера.

— Да мы и сами не собирались их брать, товарищ полковник, — чуть виновато пожал плечами 'офицер'. Старший сержант — внимание — Мюллер, был из поволжских немцев, сейчас командовал взводом в разведбате капитана Меньшикова.

— Доложите более подробно, — приказал я.

— Есть.

Взвод проводил разведку местности восточнее леса, в составе полного отделения на бронетранспортере и двух мотоциклах, где мы укрылись, и на пересечении дороги лоб в лоб столкнулись с легковой машиной. От удара у 'опеля' не только вылетело лобовое стекло, но и открылась водительская дверца. Бронетранспортёр не пострадал.

Следовавший в охране мотоцикл — ехавший почему-то сзади легковушки — успел остановиться.

Дальше было дело техники. Так как разведка была не только в форме противника, но и имела документы, выдавая себя за моторизованный патруль, то делая вид, что оказывает помощь пострадавшим в 'опеле', взяла в ножи охрану, и пленных в количестве двух офицеров. Один из них занимал немалую должность в службе охраны тыла немецкой армии, что тут наступала, другой был адъютантом.

— Ну, понятно. Вы прихватили этого майора, адъютанта, затрофеили мотоцикл, и рванули обратно. Надеюсь, следы успели замести?

— Обижаете, товарищ полковник. Легковушку в кусты затолкали, возвращались кружным путем.

— Молодцы. Смирно!

Оглядев выстроившийся строй немецких солдат, моя охрана встала в стороне, громко отблагодарил их от лица командования.

— Служим трудовому народу! — хором ответили они. Справа чуть громко щелкнуло. Сержант из особого отдела, что был закреплен за мной, убрал фотоаппарат обратно в чехол и немного смущаясь, ответил на мой удивленный взгляд:

— На память, товарищ полковник. В газету.

— Ты это даже не думай. Лица разведки показывать нельзя.

— Есть.

— Лейтенант, что там еще есть? — повернулся я к своему адъютанту, которого мне вместе с охраной навязал Иванов. Он же исполнял обязанности переводчика.

— Много что есть, товарищ полковник. И про аэродром есть, и про наши дела на складах, и то, что мы позавчера батальон в ловушку загнали и уничтожили. Кстати, тут есть рапорта очевидцев, все-таки четверо смогли уйти краем озера. Много что есть, и наши дела и чужие. Не одни мы тут.

— Ну, этого следовало ожидать. Окруженцев вокруг много.

— Уже нет, товарищ майор государственной безопасности, — особисты почему-то упрямо продолжали называть меня по полному званию, а не как армейцы. Вот и мой сержант от них не отставал.

— В смысле?

— За сегодняшний день ни один боец или командир к нам не вышел. Да и вчера меньше сотни на наши посты наткнулись.

— Ясно. Значит, лавочка прикрылась. Ладно, будем добывать людские ресурсы другим путем.

— А что товарищ майор госбезопасности, восемь тысяч уже мало?

Окинув взглядом окружающий нас лес, вздохнул и ответил:

— Мне? Мне, мало. Планы большие.

Пока в штабе изучали случайно добытые разведкой документы и потрошили пленных офицеров, я проехался по нашей группировке, проверяя их боевое состояние, и как они устроили свой быт.

Многие уже успели пройти через бои, взять, хотя бы те же засады с ложными регулировщиками. По последним подсчетам только за два дня мы накрошили более двух тысяч немецких солдат. Данные конечно немного преувеличенны, но ненамного. Проблемой стало сильный расход трофейных боеприпасов, но и он был решен с помощью захваченных колонн. На данный момент у нас скопилось более трехсот грузовых машин и полусотни легковых, это все последствия операции 'регулировщик'. Так что, проблема, как с боепитанием так и с продовольствием решена.

Начал я с полка Гаврилова.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — поздоровался он со мной.

— Докладывайте по существу, в каком состоянии полк, и когда он будет готов приступить к работе? — после взаимных приветствий начал я.

— Так техника к вылету готова, мы продолжаем увеличивать аэродромы подскока, как вы их назвали, и скоро будем перебазироваться.

— Как с моим У-два, не забыли?

— Нет, радисты закончили с ним возиться. Они оказывается, ваш штабной самолет радиофицировали трофейной радиостанцией.

— Ну это для меня не новость, сами же прошлый раз рассказали.

— Тут дело в том, что они сделали возможность более-менее нормально общаться. Например, на наших радиостанциях, если отлететь от полка километров на двадцать то кроме помех ничего не слышно, а тут после проверки на пятьдесят километров и прием вполне нормальный.

— А так это вы мой штабной броневи́к угнали, — припомнил я происшествие двухдневной давности.

— С разрешения начштаба, — тут же отмазался Гаврилов.

— Я в курсе, что с его разрешения, просто не уточнял, кто пользовался штабной радиостанцией. Что там с вылетом?

— Хоть сейчас. Радисты с вашим самолетом закончили, сейчас работают над 'ишачками'.

— Командир радиороты у вас, или у танкистов?

— У танкистов, товарищ полковник, но зам его тут.

— Давайте его сюда.

Через минуту подбежал младший лейтенант Самсонов.

— Лейтенант, доложите, что у вас с радиофицированием полка?

— Трофеев не хватает товарищ полковник, пока ставим только на командирские машины.

— Лейтенант запомните такую фразу одного нашего воздушного аса: Лучше иметь десять самолет с радиостанциями, чем двадцать без. Вам все понятно? Если у вас нехватка. Подайте заявку пусть разведка прошерстит немецкие тылы, думаю они смогут вам помочь.

— Есть, подать заявку, но по примерным прикидкам нам нужно до шестидесяти радиостанций, товарищ полковник.

— Куда вам столько?

— Танкистам, и пехоте, и артиллеристам...

— Все-все я понял. Подайте заявку.

— Товарищ полковник, вас в штаб вызывают, — окликнули меня от моего штабного броневика. Подойдя взял гарнитуру и сказал:

— Алый на связи.

— Алый, просьба Четвертого прибыть на базу.

— Понял, сейчас буду.

Развернувшись к командирам полка, продолжил:

— В общем, у вас три дня чтобы выполнить все намеченные работы, чтобы к сроку полк был полностью боеготовым. И приберитесь здесь, устроили свалу отходов, — пнул я пустую банку из-под машинного масла.

— Есть убраться, — козырнул начштаба полка.

— В штаб! — приказал водителю.

Срочный вызов в штаб, оказался по серьезной причине. На один из наших постов вышла крупная группа окруженцев, почти триста человек.

— Кто командир?

— Майор Ветров, из погранотряда. Его уже везут сюда, — ответил Иванов.

— Майор Ветров из погранотряда... майор Ветров... — задумчиво бормотал я, постукивая карандашом по столу.

— Вы его знаете?

— Что? А нет, не знаю, но планы на этого майора уже имею.

В это время послышался стрекот мотоциклетного движка и среди деревьев показался сам мотоцикл. За рулем сидел наш боец с поста, в люльке политработник в звании старшего политрука. На заднем сиденье сидел майор.

Познакомились быстро, представившись друг-другу, я поинтересовался у майора Ветрова:

— Какие ваши дальнейшие планы майор?

— Конечно, прорываться к своим, товарищ майор госбезопасности, — вместо майора ответил политрук.

— Я у вас спрашивал, товарищ политрук?

— Нет, — несколько растерялся он.

— Вот и помолчите. Я слушаю майор.

— Согласен, с товарищем Барановым, нужно выходить к своим.
— Замечательно. Мы вам поможем. В чем нуждаетесь?
— Так... во всем, — быстро скрыв удивление, ответил пограничник.
— Замечательно, — усмехнулся я.
— Товарищ полковник, я вас правильно понимаю... — начал было Иванов.
— Правильно, — ответил ему, после чего повернувшись к гостям, предложил пройти на кухню.

— Товарищ полковник...
— Да понимаю я тебя, но придется. Доложи мне по документам, что захватил сержант Мюллер.

— Охрана тыла шестой немецкой армии, что сейчас на нас наступает, о нас знает. Вернее подозревает. Кстати, вы знаете, что в документах были списки агентов, что работают на противника?

— Из местных?

— Да.

— Переводчик о чем-то таком заикался, но он тоже мельком просмотрел.

— Особисты уже взяли некоторых в оборот. Оказалось к нам забросили четыре группы диверсантов. Две особисты на ранних стадиях раскололи, еще две сейчас под присмотром, там Кучера сейчас работает. Очень доволен.

— Когда немцы за нас примутся?

— У них сейчас пока сил нет, но думаю в ближайшие дни... Так вы хотите отвлечь их от нас? Ветровым?!

— Именно, поэтому мы им с десятков грузовиков дадим, с продовольствием, вооружением. Танки как наши, так и трофейные, в общем, будем пускать немцам пыль в глаза.

— А если они прорвутся?

— Тоже хорошо, но вряд ли, сам читал сводки Меньшикова, немцы тылы подтянули, перекрыли все. Главное чтобы Ветров на нас поработал, нам кровь из носу, но две недели спокойствию очень нужно.

— Вы так и не сказали ваши дальнейшие планы, — опять забросил удочку Иванов.

— Всему свое время, полковник. Скоро вы все узнаете, а пока составьте список того чем поделимся, только кухни не давайте. Самим не хватает.

— Есть, составить список.

В течение двух часов, оперативный штаб готовил будущую трассу для группы Ветрова. Капитан Меньшов принявший активное участие в составлении маршрута, вызвался сопровождать группу майора до брода, где зона нашего влияния заканчивалась.

К вечеру колонна из тридцати семи грузовиков и шести танков двинула на прорыв.

— Не прорвутся, — вздохнул рядом Иванов.

Опустив бинокль, я ответил:

— Как ни горько это сознавать, но для нас это хорошо. Особенно если документы что мы дали Ветрову, попадут немцам в руки. Главное что они о нас мало что знают, то, что нас мало мы сумели их убедить. Если попадутся, то скажут то что нам нужно, а не как в действительности.

— Все равно, подло это как-то.

— Это война полковник, и по-другому тут не получится, — жестко ответил я: — Все равно бы пришлось что-то придумывать, чтобы отвести пока от нас подозрения, а так все нам на руку. Пусть немцы о нас пока забудут. Поэтому я приказал ввести в группе радиомолчание, которое вы, кстати, нарушили, и не афишировать свое присутствие.

Ветров в таком случае это просто находка. Ладно, я продолжу инспекцию подразделений, а вы держите меня в курсе дел... вестовыми.

— Есть, держать в курсе.

— Не обижайтесь Павел Анатольевич, так нужно. Кстати, через пять дней, четырнадцатого июля, сбор командиров оперативного штаба, будет вводная. Вот тогда и узнаете, зачем мы тут.

— Ясно, разрешите идти?

— Идите.

Проводив 'эмку' полковника взглядом, повернулся к своей охране и скомандовал:

— К танкистам.

Про У-2 теперь временно можно забыть, сам же ввел приказ о маскировке. Теперь только через неделю я смогу более-менее спокойно полетать и осмотреться.

Через два дня собрав всех штабных и политработников, как и командиров подразделения, начали разборки по инспекции, которую я только сегодня закончил.

— Товарищи командиры, могу сказать только одно, к будущим боям мы не готовы.

Достав из папки пронумерованные листы, начал доклад. Я конечно как командир так, с боку припека, но увидеть глазами и проанализировать еще в состоянии.

Прошелся по всему чему видел. Про быт простых бойцов особо. До мельчайших подробностей про обучение и взаимодействие частей тоже не забыл. С этим было ахово.

На полный доклад и разбор полетов у нас ушло почти четыре часа. Отпустив всех командиров с новыми инструкциями, попросил остаться Иванова, который за все время совещания то бледнел, то краснел, и капитана Меньшова.

— Капитан, доложите, что вам известно про группу майора Ветрова.

— Мы вели как визуальное слежение, так и полный радиоперехват немецких сообщений. Так что фактически все. Они не особо шифруется, а где идет шифр, помогают пленные немецкие радисты. Они их знают, в принципе мы теперь тоже.

— Конкретнее, что с ними?

— Немцы уже трижды сообщали, что уничтожили группу майора. Но это была ложная информация. Вы были правы, когда говорили что: для тыла наступающей армии целый батальон, хотя-бы при четырех-шести минометах на машинах и при танках, если умно поставить дело, то он способен пройти за ночь около ста километров. Довооружится на складах противника и занять Вермахт на целую неделю. Создать впечатление, что это именно они и шуровали все это время на коммуникациях. Наши же подразделения временно останутся вне внимания. Анализ действий группы Ветрова дает понять, что стреножить батальон не самое простое дело, — глянув на Иванова докладывал Меньшов, продолжив: — Ветров как его и инструктировали, не идет одной колонной и по одной дороге.

Согласно кивнув головой, сказал:

— В принципе, батальон и так первая самостоятельная тактическая единица, а на машинах и усиленный танками — это уже полностью самостоятельная тактическая боевая группа, смертельно опасная для тыловых подразделений, разных там складов, транспортных узлов и транспортных колонн противника. Не зря мы дали двое суток на переформирование и обучение группы Ветрова. Продолжайте.

Переглянувшись после моих слов, Иванов и Меньшиков кивнули друг другу, как будто вторя своим мыслям.

— Так как они располагают данными разведки, поэтому первые два немецких опорных пункта и встретившаяся маршевая колонна были уничтожены сходу, после обнаружения их передовыми и боковыми дозорами. Уничтожив тыловые гарнизоны,

персонал трех небольших складов, мастерских и две маршевые колонны они двинули дальше.

— Потери?

— Примерно двадцать пять процентов, но они восполнили потери. В их группу влилось несколько небольших групп окруженцев. Проводную связь мы держим и не дали предупредить других, перерезав несколько линий. Эфир забили морзянкой.

— Продолжайте

— Штаб прорабатывавший для них маршрут, сделал свое дело неплохо. За ночь им надо успеть преодолеть сто-сто пятьдесят километров до лесного района на дневку до того как немцы разберутся, что это не просто извините, банда окруженцев. Так от дневки до дневки и ехать, шумя и уничтожая как можно больше солдат противника. Сейчас они движутся двумя или тремя колоннами по параллельным дорогам вот тут, — указал капитан на карте, продолжив: — Рации что мы им дали для командиров, чтобы обеспечить фланговый обходной маневр в помощь соседям, если они наткнутся на заслон немцев, хорошо нам помогают следить за их перемещениями.

— Политрук не выступал?

— Нет, идут хорошо. Много сил на себя оттянули. По моему предположению, после изучения радиоперехватов, существовать группе осталось один, максимум двое суток. Все-таки мало времени им дали на подготовку, все еще шероховато действуют, наши вон вторую неделю пытаются наладить взаимодействие, все не получается.

— Хорошо, главное мы вбили им в голову, чтобы никаких подвигов и стояний 'нерушимой стеной'. А воевать с умом, сразу вперед минометы, выносить оборону и быстро уносить ноги в лес — авиация противника основной враг боевой группы, — согласно кивнул молчавший до того полковник Иванов.

— Держите меня в курсе относительно группы Ветрова. Кстати, выношу благодарность всему оперативному штабу за отличную проработку движения группы майора Ветрова.

— Служим трудовому народу, — встав и вытянувшись, серьезно ответил Иванов.

Дальше начались трудовые будни отдельной взятой мотогруппы. Было тяжело прививать некоторым командирам 'от сохи', командирские качества и умения. Открыли небольшую школу повышения мастерства, где читали лекции наши лучшие тактики и стратеги.

Двух совсем упрямых командиров пришлось понизить в звании и дать отделения под командования, предупредив, что за потерю хоть одного бойца под их командованием трибунал это малое что их ждет. Некоторых командиров такая 'порка' подстегнула, и качество обучения явно поднялось. Формирование согласно моему приказу, закончилось только шестнадцатого июля, но все подразделения теперь знали своих командиров с хорошей и плохой стороны, и примерно представляли к чему их готовят.

Что было дальше помнил смутно, меня внезапно свалила лихорадка, врачи констатировали воспаление легких и первые два дня я провел в полубреду.

Судя по заходящему солнцу, в себя я пришел вечером.

— Санитар... — пытался крикнуть я. В землянке было жарко натоплено, и это не смотря на лето, и пить хотелось неимоверно, несмотря на все еще заложенное горло.

— Товарищ командир, не разговаривайте. Вам вредно, — услышал я, и почувствовал, как мне на лоб легла маленькая девичья ладошка. Судя потому, что она была холодная жар у меня оставался.

— Попросите прийти полковника Иванова со свежими данными по части и разведданными, — не попросил, приказал я, и закашлялся.

Видимо это были последствия перенесенного заболевания в Польше в мире Царя, и сейчас наступил рецидив. Через несколько секунд я снова вырубился.

Когда я в следующий раз очнулся, было утро. Рядом дремала молоденькая медсестра. Я ее сразу узнал, она была из состава санитарного поезда, который стоял на разбитых путях и не мог эвакуироваться. Мы тогда вывезли все, даже операционную. Вместе с другими медчастями, что встретились нам, был организован общий госпиталь, под командование военврача первого ранга Михаила Петровича Ветровского. После инспекции я мог узнать все палаты-землянки, что у нас были. Эту не узнал, видимо мой приказ расширить прием, было уже исполнено. Скоро бои будут много раненых, а у госпиталя только столько палат, сколько сейчас раненых. То есть прием новых будет невозможно, просто некуда класть. Свободных мест не было. Так что утвержденный план по увеличению палат видимо был выполнен вовремя.

Взяв в руку прохладную девичью ладошку, разбудил медсестру.

— Иванова ко мне. Быстро, — и прежде чем она открыла рот, спросил: — Какой день?

— Двадцать второе июля, товарищ больной. Вы четыре дня были без сознания.

Это многое проясняло, но нужно было поторопиться. План, разработанный мной должен начаться через два дня, пора выпускать ребят Меньшова.

Через полчаса прибыл полковник Иванов, с туго набитым портфелем в левой руке. За ним прошел комиссар отряда батальонный комиссар Баранов, неприметный в быту и большой человек в работе, и начальник разведки капитан Меньшов.

— Присаживайтесь. Докладывайте.

Вошедший вслед за командирами начальник госпиталя, взял мою руку и стал сверять пульс. Потом положил ладонь на лоб, и спросил:

— Как вы себя чувствуете? — на командиров особого внимания он не обратил.

— Сильная слабость, боли в груди в висках. Сухость во рту. Помогите мне приподняться.

Военврач помог мне сесть, подложив подушку под спину, и выходя, тихо предупредил Иванова:

— Десять минут, не больше.

При выходе врач столкнулся с входящим Кучером.

— Докладывайте, товарищ полковник, — тихо попросил я Иванова.

Сейчас я узнаю, продолжает ли работать мой план. Так вовремя попавшийся нам под руку Ветров 'принёс' нововведения в тактику групп. Весь перехват, что делали наши радисты по действиям майора передавался всем командирам подразделений с просьбой найти ошибки и смоделировать свою модель поведения. Многие командиры ухватились за это предложение обеими руками, и до моей болезни среди них шли жаркие дебаты как бы они поступили на месте майора Ветрова в той или иной ситуации. Дошло до того что одного командира с низким уровнем... умения анализа пришлось сместить до зама, тут он неплохо проявил себя. И на его место поставить военинженера третьего ранга, который восхитил меня своими авантюрными предложениями. Думаю, тут он будет на своем месте.

— Формирование восьми мобильных групп закончено. Состав каждой группы: сто пятнадцать красноармейцев в составе трех взводов под командование командира роты. У каждого взвода автомашина и бронетранспортер, часть как десант на танках...

— Численный и материальный состав я сам составлял и в курсе всего. Главное, все группы обеспечены согласно приказу?

— Не совсем. У второй группы из четырех танков положенных по штату, не хватает двух, ремонтники все еще взяты, запчастей у них нет. Предлагают замену из самоходного дивизиона.

— Принять. По минометам?

— Три группы доукомплектовали трофейными. Благо боеприпасов к ним у нас больше чем к нашим минометам. У каждой группы мотоциклетный взвод из десяти машин...

В течение часа Иванов докладывал про готовности боевых групп, изредка сверяясь с бумагами.

— Хорошо, товарищ Меньшов, доложите последние данные по разведке...

После того, как все командиры доложились, я негромко сказал:

— Думаю, что пора сообщить, почему мы все тут собрались, и не пробиваемся к своим.

Командиры переглянулись.

— Да мы уже догадались, товарищ полковник. Пример майора Ветрова и формирование похожих групп навело на это.

— Хорошо, что вы догадались и проанализировали весь боевой путь майора. Жаль, конечно, что группа его была разбита, но опыт его мы переймем. Что вы помните о герое Великой Отечественной войны полковнике Давыдове?

— Партизан? — с некоторым сомнением спросил Меньшиков.

— Именно это я и имел ввиду.

— Но тактика майора Ветрова?!.. — начал было Иванов.

— Задача у майора была какая?

— Пробриться к своим, — несколько недоумевающе ответил полковник.

— А у нас?

— Не знаю, товарищ полковник.

— Вот когда будете знать, тогда можете меня перебивать, — несколько хмуро ответил я.

— Извините, товарищ полковник.

— Ладно... продолжим. Наша задача такая: полностью перерезать тыловые артерии снабжающие шестую армию на нашем направлении. Удерживать отбитую территорию по мере сил. Операция называется... хм, 'Ковпак'. Операция начинается в три часа тридцать минут через два дня. Полковник дайте карту... Вот эти три железнодорожных моста и вот эти восемь автомобильных, нужно уничтожить в первый же день. Хочу сразу сказать, что группы должны ударить одновременно и использовать только свои силы. Группы должны сработать как часы, скрытно выйти на исходные, согласованно и по графику ударить по назначенным целям...

Командиры слушали внимательно, особенно полковник Иванов. Это большая штабная работа. Нужно просчитать каждый взвод, каждый танк, машину и самолет. То есть, все перемещения и снабжение, транспортные потоки, которые где-то соединяются или наоборот расходятся, существующие коммуникации и коммуникации, которые надо создать. Препятствия для себя и для противника, каждую дорогу, посадочную площадку, каждый овраг и каждую реку учесть. Возможные трофеи обговорили особо. ГСМ, оружие, транспорт, продовольствие, снаряжение и человеческий ресурс из концлагерей. На той территории, какую я росчерком карандаша определил как будущую 'партизанскую вольницу' согласно разведки находиться пять лагерей для военнопленных и восемь пересыльных пунктов. В общем, это большая тема для всех. Для особиста, старшего лейтенанта Кучера тоже настали трудные времена, всю эту территорию он должен держать от вражеских агентов только со своими людьми. Благо бывшие коменданты, пограничники и милиция составили более трехсот бойцов, находились под его общим командованием.

— Товарищ полковник. Вы расписали действия наземных войск, как насчет Гаврилова?

— Гаврилова? — я усмехнулся: — У Гаврилова особая задача.

Подтянув к себе карту, я обрисовал двумя кружочками его будущие цели.

— В первый же день, разделившись на две авиагруппы одновременно с остальными подразделениями, они должны нанести бомбово-штурмовой удар по этим целям. Дальше они уже работают по заявкам неземных сил. Напомню. Что группы ведут бой только в крайнем случае, их задача добить противника после налета штурмовиков. Ну кроме конечно уничтожения мостов, тут им придется действовать самим.

Иванов, как и остальные мои распоряжения этот тоже записал, и внимательно осмотрев карту поинтересовался.

— Одним налетом тут не отделаешься.

— Возможно, но нам нужно парализовать транспортную ветку минимум на пару дней, это они смогут. Да и асов Люфтваффе поугаать тоже сумеют. Давай те поговорим о вот этих двух транспортных аэродромах, что находятся 'на нашей территории'. Товарищ полковник ваши предложения по их захвату с сохранением самолётов?..

Цели для Гаврилова были Варшавский железнодорожный узел и крупная авиабаза в Лиде.

Лопата в очередной раз врезалась в землю, вызвав небольшой обвал.

— Васильев, ты нишу для гранат делаешь, а не шахтерский туннель пробиваешь. Хватит уже, подровняй стенки и углуби траншею на два метра влево, — командовал копавший рядом боец с оголенным торсом.

— Товарищ старший сержант, там корни.

— Сбегай во второй взвод и попроси у них топор, пока нашему рукоятку новую делают.

— Есть, сходить, — козырнул молодой конопатый боец.

Подошедший молодой командир с лейтенантскими кубарями проследил взглядом за убегающим бойцом и присев на отвал земли, достал из кармана пачку трофейных сигарет.

— Как у нас дела сержант? — поинтересовался он, чиркая трофейной же зажигалкой. Сержанту он не предложил, знал, что тот не курит.

— К вечеру третью полосу закончим, потом маскировать начнем, — воспользовавшись возможностью отдохнуть, сержант разогнулся и, потеряв спину, неожиданно улыбнулся.

— Понятно. Артиллеристам капониры сделали?

— Второе отделение копает. Им еще на час работы... Товарищ старший лейтенант, а как командир наш?

— Сестричка сказала в себя пришел. Позавчера весь штаб вызвал, совещались.

— Это хорошо. Чую скоро настанут новые времена. Вдарим немцам?

— Возможно, танкисты что-то засуетились. Летчики забегали... — может быть, — задумался ротный: — Жаль только нас это минует. Мы в обороне, полк охраны тыловых служб.

— Может и нас в дело впрягут?

— Возможно. Ладно, пойду в штаб батальона, доложу, что наш участок к вечеру закончим, — вставая, пробормотал лейтенант.

В это же время послышался гул моторов. Третья полоса общей обороны, находившейся в километре от опушки в глубине леса, проходила неподалеку от дороги, так что бойцы второй роты третьего батальона стрелкового полка, могли наблюдать за движением крупной войсковой колонны.

— Двинулись... Только почему вечером, темнеет же? — удивился вылезший из окопа сержант.

— Видишь на передовых машинах и танках, сидят бойцы в трофейной форме?

— Видел троих, — подтвердил сержант.

— Думаю, они так рано двинулись, чтобы заранее занять позиции перед ударом. Понимаешь, что это значит?

— Началось?

— Началось.

Они провожали бойцов и технику глазами в душе желая быть вместе с ними.

— Стой! Кто идет?! — часовой взял винтовку наизготовку, когда услышал шорох.

Охрану крупного железнодорожного моста солдаты второй роты отдельного охранного батальона несли в усиленном режиме. Помня наставления унтер-офицера, часовой щелкнул затвором, направляя дуло маузера в сторону источника шума.

— Спокойно солдат. Разводящий со сменой, — услышал рядовой Курт Хоффман голос своего командира фельдфебеля Кранца.

— Пароль?

— Рицин.

— Москов, — часовой слегка расслабился. Отзыв был верен.

Солнце еще не показалось, хотя край небосклона окрасился в легкий оранжевый свет, но часовой, глаза которого привыкли к ночной тьме хорошо рассмотрел подходящих. Это были свои, солдаты его взвода.

Оставив смену, они направились к следующему посту. При подходе к посту, задумавшийся Хаффман вдруг понял, что не слышит окрика часового.

'Спит! Теперь Кранц его в нарядах сгноит... Кто у нас тут стоит? Вроде малыш Шульц?!'

Остановившийся наряд замер в ожидании.

— Приготовить оружие, — услышал Хаффман, тихий приказ фельдфебеля.

Не успел он снять винтовку с плеча, как что-то обрушилось на него сверху, это было последним, что помнил рядовой Хоффман.

— Эти готовы. Шульц, бери Давыдова и снимите последнего часового, а мы пока пулеметчиками займемся, — тихо прошептала одна из темных фигур, когда возня с уничтоженным нарядом стихла.

— Есть, — так же тихо ответила одна из крайних фигур.

Через секунду две тени скрылись. В тени небольшого домика пряталось одно из зенитных орудий рядом с которой вышагивал часовой.

— Стой!.. Тревога!!! — послышался крик часового, через секунду его крик заглушили выстрелы и разрывы гранат.

Еще через час, когда на железнодорожный мост въехал состав с топливом для одной из частей армии, средняя ферма моста дрогнула, приподнялась в племени взрыва и обрушилась вместе с частью эшелона в реку. Вниз поплыли чадящие островки пламени от разлитого топлива и разбегались радужные пятна. Война грязное дело.

Операцию начали без меня. Болезнь вызвала сильную слабость и головокружение и врачи категорически запретили мне вставать и волноваться. Так что пришлось отдать приказ на начало без собственного присутствия в штабе. Посмотрим как пройдет операция.

Прищурившись, младший лейтенант Абросимов, посмотрел на панель. Приборы плохо видно, а подсветку было категорически запрещено включать, и летчики шли можно сказать наощупь. Только серебристая тень в ночной мгле ведущего-разведчика, штурман которого вел восемь тяжело нагруженных истребителей к цели, слегка освещался

краешком показавшейся луны. Две недели тренировок на грани нервной и телесной усталости остались позади, и вот вчера... нет, еще сегодня вечером, зачитали долгожданный приказ по полку о единовременной ночной бомбардировке восьми целей. Шли они лесенкой вниз. Ведущий наверху, остальные ступеньками вниз чтобы было видно впереди идущую пару в ночном небе.

Сам лейтенант всего пару недель как из училища. Тогда семнадцатого июня прибыв в часть, он и подумать не мог, что всего через пять дней будет поднимать свой ястребок по тревоге и идти навстречу стервятникам Люфтваффе. Целых два дня они отбивали налеты противника, пока инфраструктура полка не была полностью уничтожена. Тогда приказав сжечь три оставшихся без горючего и боеприпасов 'ишачка' комполка скомандовал отходить. Этот день надолго запомнился молодому командиру чувством обиды и поражения. Несмотря на счет за два дня тридцать девять сбитых, один был на счету Абросимова, уходили они с тяжестью на душе. Тот памятный день, он помнил хорошо, на второй день пути их остановил немецкий танк. Абросимов тогда подумал что это все, конец, но из танка вдруг ловко вылез молодежавый майор госбезопасности с легкой сединой на висках, которая ему так шла. Именно тогда все изменилось, он смог их понять, поддержал, и так впряг в работу, что многие взвыли бы если бы не война. Почти три недели непрерывной учебы, и постоянная мысль: Когда? Ну, когда же?

И вот, сегодня зачитали приказ.

Командиры два часа простояли у карты, планируя налеты, и составляя количество самолетов и время вылета для каждой авиагруппы.

Абросимов знал, что тот майор, или полковник Демин сейчас в тяжелом состоянии в госпитале и не может присутствовать при построении, вместо него был начальник штаба их отдельной усиленной моторизованной группы полковник Иванов. Сам Демин частенько бывал в обоих полках, и в истребительном, куда попал лейтенант, и в штурмовом. Он часто заводил разговоры о войне, о немцах. Для многих было откровением такие слова как: геноцид, концлагеря, сверхлюди и унтермерши.

Если до этих разговоров летчики воспринимали немцев как близких по духу людей, то понемногу в их сердцах разгоралась ненависть. Один из комсоргов соседней эскадрильи заявил, что это все не правда, такого просто не может быть. Демин тогда грустно усмехнулся глядя на него и горестно, именно так показалось лейтенанту, покачал головой.

На следующий день комсорга забрали, в этом не было ничего необычного, всякое могло произойти, только было обидно, что и этот майор в которого начали верить, такой, как и многие. Но комсорг, вдруг к вечеру вернулся. На вопросы обступивших его летчиков он вдруг расплакался. Не как баба навзрыд, просто по его щекам текли слезы и он безостановочно повторял одно и тоже: Сволочи, какие же они сволочи.

— Да объясни ты толком что произошло?! — рявкнул на него тогда Гаврилов. Комсорг рассказал.

Его отвезли к разведчикам, тем самым немцам, что принял под свою руку капитан Меньшов и, выдав форму рядового пехотинца Вермахта, велели переодеться.

— ... долго колесили по дорогам. Мы на мотоциклах были, два мотоцикла шесть человек. Патруль изображали. В колясках по пулемету, винтовки у каждого, да два пистолета у командира и у меня. Правда мой в кармане был... А еще гранаты были, по две на каждого... Эти со смехом колесили. С шуточками. Со всеми встречными здоровались, кого останавливали, сигареты стреляли. Разговаривали по полчаса, знакомились... а я ни жив не мертв был. Страху натерпелся, думал все, сейчас сдадут...

— А они что?

— Да ничего, ездили дорогу изучали. Потом ближе к обеду нас остановили, тоже на двух мотоциклах, такой же патруль, только настоящий... — комсорг на секунду прервался, потирая дрожащие руки.

— И что?

— Ножамы они их всех... Я даже винтовку снять не успел, как они лежат... Командир у них сержант, подходит ко мне протягивает нож и говорит: на, пятый твой, дорежь... а рукоятка вся в крови.

— А ты?

— Сказали молодец. Мол, прошлый нахлебник, политрук какой-то, всю дорогу облевал.

— А дальше?

— После когда меня в порядок привели, поехали к концлагерю... двадцать тысяч наших как селедка в бочке. Каждый день умирает по две сотни. Сам видел, как их хоронят. Длинная канава, сыплут известью тела и засыпают, я там восемнадцать штук свежих канав насчитал. Медицинской помощи нет, наши мрут как мухи, еды фактически тоже. Мы три раза мимо этого лагеря проехали, прежде чем домой возвращаться, насмотрелся. Так что полковник наш чистую правду говорил. Он еще преуменьшал или недоговаривал многое.

— А разведчики что? — после недолгого осмысления шокирующей информацией спросил один из комэков.

— Сказали, что я еще женский лагерь не видел, они бы у меня тогда не только винтовку отобрали, но и связали. Я когда наших в тех условиях увидел, чуть на немцев с кулаками не пошел... правильно полковник говорит, убивать их надо, пока они руки не подняли.

— Разведчики-то как терпят?! — после недолгого обсуждения, поинтересовался начштаба полка.

— Сказали, слабовольные на ранних стадиях отсеялись, а терпеть... терпят, зато ножами с удовольствием работают. С огоньком, молодцы парни.

Поглядывая на ночную мглу внизу, приправленную редкими огоньками деревень, лейтенант размышлял:

'Наши, судя по сводкам, километров на триста от границы откатились. А мы тут. Иванов конечно объяснил какую значимую роль мы с играем в этой войне, но всё-таки среди своих — это среди своих. Как мама? Письма то ведь не уходят. Почему командир запретил отправку транспортников на большую землю? Секретность? Не выдать себя? У-2 ночью долетит куда угодно. Вон перед тем как свалиться сам три дня на биплане по утрам рассекал. Марьин говорил, что они над лесом в одном месте минут двадцать крутились, полковник там что-то разглядывал. Эх, когда почта заработает? Надо не только маме написать что я жив, но и Наташке...'

— Внимание. Заходим на цель. Приготовиться! — прервав радиомолчание, друг прозвучал в наушниках шлемофона, голос Гаврилова. Как один из опытных ночников он исполнял роль штурмана на разведчике.

Лейтенант довольно пощелкал языком. В боевом полку радиостанций не стояло, а вот в учебном им наглядно показали, почему летчики отказываются от этих тяжелых плохо работающих ящиков. Тогда и Абросимов считал, что они не к чему, но война быстро все поставило на свои места. Сейчас летчики на радистов чуть ли не молились, они помнили как 'мессеры' атаковали их товарищей, а они не могли предупредить.

— Курт, есть чем прикурить? — к одному из отдыхающих солдат-зенитчиков подошел товарищ из соседнего оружейного расчета.

Кинув коробок спичек, тот продолжил пиликать на гармошке.

— Наши летят, — вернув коробок и выпустив ароматный дым, проговорил куривший.

Прервав монотонное пиликанье, Курт поднял голову и прислушался.

— У русских самолетов не осталось, не зря же у нас две батареи забрали, но звук мне не знаком, а я наших всех различаю.

Вдруг в небе вспыхнула яркая слепящая звезда.

— Подсветка! Боевая тревога! — вскочив, тут же заорал Курт.

Однако было поздно, в свете опускающегося на парашюте осветительной бомбы мелькнул силуэт серебристого одномоторного моноплана, в котором солдаты мгновенно узнали по рисункам силуэт русского разведчика Р-10. Через мгновение на батарею посыпались мелкие осколочные бомбы.

Зажимая рану на ноге, распоротую мелким осколком, Курт со злостью смотрел, как русские истребители И-16 заходят на железнодорожный мост, что защищала их батарея. После четвертого самолета один из ажурных пролетов с жутким скрипом раздираемого металла рухнул в реку, подняв небольшую волну. Но пикировать истребители-штурмовики не прекратили, видимо у них бала задача нанести, как можно больше повреждений. И только когда они полностью освободились от бомб, при свете второй бомбы направились к железнодорожной станции. Только сейчас Курт понял, что и там звучат разрывы бомб, звук авиамоторов и слышен рев сирен.

Из восьми бомб в мост попали шесть, два больших всплеска легли совсем рядом. Лейтенант Абросимов радовался, свою вспышку он видел отчетливо.

— План 'Б'. Уходим, — слышалось в наушниках.

Под крыльями ишачков еще были эрэсы, их надо было выпустить по складам на железнодорожной станции. Так как задачу они свою выполнили и снаряды остались не использованными. Группа истребителей направилась к окраине Варшавы.

Удары по мосту и станции нанесены были фактически одновременно. Поэтому подлетая, они увидели свет пожарищ горящих эшелона и пристанционных построек. Через минут на склады обрушились двадцать четыре огненных стрелы.

— Все уходим.

Обратно, из всех авиагрупп не вернулись два поврежденных осколками от зенитных снарядов самолета. Эвакуационные группы из разведчиков Меньшова выехали по координатам, что сообщили подбитые летчики.

Вторая болезнь сильно ударила по иммунитету, поэтому восстанавливался я дольше обычного. Несмотря на это, на следующий день после 'часа Икс', я уже был в штабе, приказав перенести мою палату к нему, что было незамедлительно исполнено. Бойцы комендантского взвода быстро вырыли полуземлянку, связисты установили телефон, так что я был в курсе всего, что творилось в нашей группе. Даже выходил дважды, узнавать новые сводки, но так как быстро уставал, то выходы были редки.

За первые сутки все, что было намечено, парни выполнили. Сейчас мы переваривали все то, что успели захватить. Железнодорожные линии перерезаны, мосты взорваны. Броды заминированы, и находятся под присмотром мотопатрулей. Границы захваченных, вернее захватываемых территорий, проходят по рекам или болотам. Только в двух местах мы вынуждены были бросить два стрелковых батальона на перекрытие открытых мест, где нас могли сбить. Танкоопасное направление там было. Там сейчас возводились фортификационные сооружения усиленные крупнокалиберной артиллерией. Группы за два дня выполнили свои задачи, не считая мосты и броды, они захватили много тыловых служб противника, в основном своем в исправном состоянии. Даже восемь складов с продовольствием, про остальные я уж не говорю. Захватили два аэродрома, один из них тыловой, транспортный, другой боевой, дальняя авиация, там, в основном базировались разведчики. Теперь у меня было восемь 'Юнкерсов'-разведчиков и двадцать в бомбардировочном варианте. На аэродромы уже вылетел Гаврилов со своими командирами, и теми безлошадными летчиками, которым не хватило машин. Были у него

и такие, они должны принимать технику, перегнать к нам, полосы уже готовы, и начать освоение. Сейчас мотогруппы, зачищали ближайшие, от нашей границы, населенные пункты от немецких комендатур. В крупных селах уже уничтожены, сейчас работают по мелким. Я собирался устроить некую ничейную землю у своих границ. По нашей территории зачистку территории включая лагеря военнопленных, вели люди Кучеры усиленные бойцами охранного полка, пока они справляются. У капитана Меньшова была особая задача, и его люди в данный момент её выполняли. Сам капитан как координатор находился в штабе у радиостанции.

— Товарищ полковник, вам же прописали постельный режим! — вскинув голову, проговорил полковник Иванов, когда я мокрый от пота ввалился в штабную землянку. Несмотря на это работа штаба не прекратилась, бегали туда-сюда посыльные, командиры с бумагами. В радиорубке морзянкой работала радиостанция, и все это под какофонию команд, разговоров, предложений.

— Ничего, дотопал же... уф-ф... устал, — пробормотал я, плюхнувшись на ближайшую грубо сколоченную скамейку.

Вокруг бегала и щебетала медсестра, которую за мной закрепили:

— Товарищ больной, немедленно вернитесь, меня же товарищ военврач заругает!

— Товарищ красноармеец, почему вы не проследили за вашим больным?! Даже мне далекому от медицины видно как ему плохо, — строго обратился к медсестре Иванов.

— Так, не ругай ее, это я приказал, — нахмурился я.

— Товарищ полковник...

— Да знаю я... Лежи-лечись. Тут другое. Гаврилов принял захваченные аэродромы?

— Да, первые самолеты уже начали перегонять. Правда, это делают немецкие пилоты, но под присмотром наших.

— Хорошо. Что Гаврилов говорит, справятся они с транспортниками?

— Пилоты уверили что да.

— Тут такое дело... уф-ф... пора вводить операцию 'Воздушный мост'. Сегодня ночью отправите на 'Дугласе' опытного пилота и штурмана. Подготовьте документы по нашей группировке, они понадобятся. Пусть летят в Киев, старшим майор Краморов, он вполне компетентен... уф-ф... готовьте вылет к двум часам ночи, после того как они подтвердят что добрались отправлять остальных. Первая группа из пяти машин. Проверим, как они долетят, наших раненых вторым рейсом, первым пленных. Разобьются или собьют не так жалко.

— Товарищ полковник, это можно было по телефону приказать или вызвать меня.

— Знаю, лежать надоело. Через час с наброском плана ко мне.

— Есть.

— А я обратно.

— Есть хочется, — потеряв впалый живот, тихо проговорил невысокий небритый худой мужчина в солдатских галифе рваной, серой от грязи и пота нательной рубахе и в неказистых обмотках.

— Не напоминай, живот крутит после прошлой баланды. Сволочи, один раз в день кормят, — так же тихо ответил другой, сидящий мужчина. В петлицах его гимнастерки были видны на выцветшем фоне следы знаков различий. Судя по ним, ранее он был старшиной артиллеристом, сейчас же находился огромном Владимир-Волынском лагере для военнопленных.

Находились они с краю, совсем рядом с колючей проволокой и могли видеть, что происходит снаружи. Сам лагерь находился на горе, окруженный со всех сторон

тройными рядами колючей проволоки и рядом наспех сколоченных вышек. Даже по одному виду было видно, что лагерь временный.

— Смотри, еще одна колонна. Жратву возят сволочи... — проговорил собеседник старшины.

— Да, там продовольственные склады. Хм, слышал, утрям там стрельба была?

— Неделю назад тоже была, двух бойцов что укрывались в городе гоняли. Подавалщик на кухне рассказывал. Один вроде командиром был, лейтенантом. Убили обоих, загнали на окраину и убили.

— Там полминуты постреляли, и утихло, а тут минут десять трещало. Пулеметы работали... Вчера на рассвете помнишь, как за городом грохнуло, у границы? Земля аж тряслась.

— Охрана не беспокоилась, значит, немцы победили... опять.

— Вон, смотри, пехотный батальон пёхом топает. Хорошо идут, обоз немаленький, с сухпаем наверное. Блин, как жрать-то охота.

— Товарищи! — окликнули их.

— Что? — повернулся к окликнувшему их молодому пареньку лет двадцати, старшина.

— У меня тут сосед умер, помогите дотащить до ворот.

— Сейчас идем.

В лагере умирали часто, по приказу коменданта, соседи умершего должны донести его до ворот и оставить, там для вывоза. Зачастую у ворот скапливалось до сотни тел. Дважды вспыхнувшие бунты подавлялись пулеметами, от них только увеличивались канавы, где хоронили умерших.

Приближаясь к воротам, они увидели новую колонну военнопленных. За то время что они находились в плену, фронт отодвинулся далеко на восток, и в пеших колоннах пленных за время пути не выживали раненные и ослабленные. Доходили только сильные люди, поэтому бойцы изрядно удивились, увидев среди трех десятков новичков которых прикладами загоняли через ворота больше половины с бинтами. В отличие от прошлых партий, эти не стали тут же устало оседать на землю, а после некоторой заминки начали расходиться по лагерю.

— Засланцы, — зло прошипел старшина, укладывая тело умершего красноармейца в ряд мертвецов. Его напарник как раз снимал с тала шинель, мертвому она уже не пригодится.

— Думаешь?

— Сам подумай. Свежие они.

— Точно. Надо капитана предупредить.

В лагере были командиры, кто в бою успел скинуть форму и переодеться, кого в бессознательном состоянии переодели бойцы, были и такие. Капитан относился именно к этим командирам. Бойцы его любили и уважали, старшина с бойцом это знали не понаслышке, они были из одного полка.

— Предупредили уже, не одни мы такие глазастые... Хм, странно.

— Что?

— Они расходятся по углам, видишь? К вышкам идут.

Возвращаясь на свое место, они столкнулись с одним из новеньких. Как ни странно в его петлицах были до сих пор треугольники сержанта. Неловко прижимая к груди толсто замотанную бинтами руку, молоденький паренек прошел мимо старшины.

Поймав его острый изучающий взгляд из-под ресниц, старшина дернул спутника за рукав натальной рубахи, и кивком показал на свое место.

— Не простые парни.

Сержант устроился неподалеку от них, по приказу капитана, приславшего посыльного, они установили наблюдение за странным пленным.

Пехотная колонна, к этому времени уже удалилась от города на приличное расстояние, и сейчас как раз проходила недалеко от лагеря. Дальнейшее поразило всех, кто мог наблюдать за немецкими пехотинцами.

— Герр полковник, мы до сих пор не можем связаться с нашими тыловыми службами в этом районе, — ткнул в карту немолодой капитан с проседью в волосах.

— Попытки связаться? — хмуро поинтересовался, моложавый полковник тыловой службы.

— Телефонные линии перерезаны. Посланные связисты или не возвращаются, или отходят под обстрелом.

— Радио до сих пор не работает?

— Да, видимо те диверсанты, что взорвали мосты через Буг, забили все частоты морзянкой...

— На это понадобится, чертова уйма радиостанций и радистов, — сердито бросив карандаш на стол, — откуда там столько?!

— Наши специалисты сообщают, что работают на наших станциях, — осторожно ответил капитан.

— Разведку через Буг направили?

— Так точно, герр полковник. Понтонный мост еще наводят, он поздно прибыл, но разведку я послал на лодках. Переправились нормально, перебросили новую телефонную линию. Как сообщил связной, в городе все спокойно, правда, немного встретили нервно. Оказалось, комендант Владимир-Волынка майор Линке тоже отправлял связистов. Не один не вернулся. Нашли только тела, попытки преследования русских, а это были русские, не увенчалось успехом, две охранные роты попали в тщательно устроенную ловушку, выжили единицы. В городе солдат едва хватает на охрану дорог на въезде и у комендатуры.

— Какие у нас свободные силы в наличии?

— Никаких, все на передовой. Я своей властью снял с эшелона пехотный батальон со всеми средствами усиления и на понтонах переправил его на ту сторону. Одна рота должна была усилить городскую комендатуру, остальные идти вот сюда, — ткнул карандашом в точку на карте, капитан.

— Узловая станция и перекресток дорог, тот, кто сидит тут контролирует целую округу, — задумчиво протянул полковник: — Что с воздушной разведкой?

Капитан скривился, вопрос был болезненный. Непонятно откуда взявшаяся авиация противника атаковала два аэродрома, напроць уничтожив летный состав обеих частей дислоцировавшихся на этих точках. Самое скверное было в уничтожение летного состава. Капитан сам был на ближайшем аэродроме и видел, что уничтожили русские. Стоянки с самолетами были фактически целы, судя по виду, на них сбросили то, что осталось, так походя. Удары нанесли именно по казармам летчиков. Гестапо уже заинтересовалось, почему казармы технического состава остались целы, а летные уничтожены вместе со своими постояльцами. Очень похоже на работу разведки, но лично сам капитан думал, что это кто-то из сбитых русскими летчиков Люфтваффе, сообщил сведения о дислокации летного состава.

— Посланы два разведчика, оба не вернулись.

— Как вы думаете, капитан, предположение обереста Кляйне верным? — поинтересовался полковник.

— Оно не противоречит логике, — осторожно ответил капитан, вместо, да или нет.

— Возможно и так, но в свете новых событий, его предположение о сильной и хорошо вооруженной группировке русских, что скрывается в этих лесах не лишена смысла.

Капитан облегченно вздохнул. У Кляuze было несколько теорий. Первая: та, что озвучил полковник. Сам оберест изучив рапорта за последний месяц, предположил, что у этой группировки (вот смеху-то) есть даже авиация. Тут встает вопрос, что же они так долго сидели в своем лесу? Теория вторая: русские забросили своих диверсантов, много, те подготовили аэродромы подскока, и уничтожив мосты и ближайшие комендатуры сейчас охраняли эти аэродромы. Кляйне предположил, что следующие налеты будут на немецкие города. Капитан принял именно эту версию, поэтому и направил батальон к развилке, в случае чего батальон помешает русским. Сил для этого должно было хватить, да и приданный мотоциклетный взвод, поможет в поисках. Третья теория: о русском народе. Чушь про партизан капитан не воспринял всерьез, фантазия у обереста была буйная. Они кто? Освободители! Капитан сам видел, как радовались им приграничные жители.

— Возможно, там были так же небольшие мобильные группы диверсантов противника, — осторожно ответил капитан.

— Потеря связи с нашими подразделениями на этой территории, — ткнул полковник, в жирно обведенный неправильный овал на карте, — сильно ударило по управлению тыловыми службами. Перед Варшавской станцией стоят несколько эшелонов, командующий разрешил снять пехотную дивизию следующую к фронту. Тот батальон, который вы капитан отправили передовым отрядом, был из этой дивизии. Через два дня пешим порядком они будут у Владимир-Волынска. А пока усильте разведку, думаю мотогруппы тоже можно переправить понтонами?

— У нас нет мотогрупп, только небольшие подразделения фельджандармерии...

Тут в кабинет быстро вошел молодой адъютант и что-то прошептал на ухо полковнику. Отпустив офицера, полковник хмуро сказал:

— Понтонного моста больше нет, уничтожен с воздуха, капитан, в городе слышна сильная оружейно-пулеметная стрельба. Связь с городом снова потеряна...

— Товарищ старшина, смотрите что твориться! — воскликнул небритый военнопленный, и указал грязным пальцем с искусанным ногтем, в сторону двигавшейся колонны немецкой пехоты.

Посмотреть было на что. В будущем подобную ситуацию назвали бы просто ДТП, в местное время, столкновение военного транспорта на встречных курсах.

Какой-то шальной немецкий водитель выскочил из-за небольшого бугра поросшего лесом, и врезался ехавшим передовым советский броневик БА-20 с грубо намалеванным крестом на башне, видимо реквизированный в городе. Это был единственный броневик у пехоты, не считая десятка мотоциклистов что шныряли по бокам колонны, изредка вырываясь вперед.

Но удивило бойца не это, мимо пехотной колонны в это время как раз проезжала очередная колонна из двадцати грузовиков. Вот на них как раз и показывал небритый.

Из-за столкновения пехотная колонна встала. Вперед разгневанным козликов рванул кто-то из командиров. Странное было не это, а то, что грузовики тоже встали. Расстояние между машин было по пятьдесят, а где и шестьдесят метров, то есть они растянулись почти в то же расстояние что и батальон пехоты.

В тот момент как боец показал на машины, тенты их резко и быстро задрались, и с расстояния в двадцать метров, фактически в упор по немецкой пехоте заработали пулеметы. Видимо командиры, что разработали эту операцию, просчитали ситуацию, поэтому работали не по два крупнокалиберных пулемета, а по пять-шесть ручных с каждого грузовика.

— Мать моя женщина?! — изумленно и как-то вдохновенно выразился старшина, жадно наблюдая за бойней.

В это время они упустили действия сержанта, за которым наблюдали, и не видели, как он вытащил из нагрудного кармана... часы?! посмотрел на них, недовольно скривился и пробормотал себе под нос:

— На две минуты раньше начали.

Дальше он встав, спокойно направился к вышке. План, разработанный командирами буквально час назад 'на коленке' сработал как надо, на него никто не обращал внимания. Спокойно достав из карманов галифе гранаты, он с затяжкой кинул их на вышку. Через секунду в его правой руке появился ТТ, и вслед за двумя разрывами наступательных гранат, раздалось три pistolетных выстрела. Замерший от неожиданной стрельбы за колючкой патруль, упал замертво. Разрывы гранат и выстрелы гремели по всему лагерю, план по освобождению военнопленных близился к завершению. Расстрел обреченного батальона еще не закончился, а к лагерю уже направлялись две машины набитые красноармейцами. Когда они приблизились к воротам, находящиеся рядом пленные рассмотрели сборную солянку из милиционеров, пограничников и бойцов НКВД в кузове. Тут даже тупому стало понятно, что власть меняется.

— Немцы хорошо воевать умеют. Наши немного запоздали, — услышал старшина сбоку.

Повернувшись, он увидел стоявшего рядом с невозмутимым видом сержанта, только в этот раз без бинтов на руке, спокойно перезаряжавшего pistolет.

— Что?

— Я говорю, немцы хорошие вояки. До рукопашной дошло, — кивнул сержант на четыре горевших грузовика и разбросанных рядом с ними в послебоевом беспорядке людей в защитных гимнастерках и френчах мышиного цвета. Там как раз начали работать санитары. Практически все грузовики были выведены из строя ответным огнем, сидевших в кузове бойцов спасли мешки с песком, что были наложены со стрелявшего борта.

— Почему наши опоздали? — переспросил старшина.

— Танкисты должны были продольным огнем поддержать стрельбу, да не успели. Танки старые, ломаются часто, вон один на тросу, наверняка опоздали из-за него.

— Попадет им?

— Еще как, — кивнул сержант, — потери невосполнимы. Командир наверняка под трибунал попадет.

— Что с нами будете... товарищ сержант? Знаете?

Беседовавших командиров давно окружила толпа пленных, ловя каждое слово, поэтому этот вопрос поддержала одобрительным гулом.

— Знаю, — кивнул паренек: — Те, кто попал в лагерь по ранению или в беспамятстве, тех сразу в карантин и по распределению. Если сами сдались, тот тут особисты разбираться будут. Как, почему? С командирами сложнее... Там на приемном пункте, вам пояснят.

— А вы откуда знаете? — поинтересовался заросший до глаз, здоровенный боец в рванной гимнастерке с бурыми пятнами крови.

— Да мы уже третий лагерь освобождаем. Всегда одно и тоже, видите, все наши к тому строению отошли, охраняют? Там архив. При первом освобождении несколько пленных под видом разгрома пытались поджечь архив чтобы скрыть свои делишки, но мы тогда успели среагировать и потушить... Стрелять пришлось. Дальше понятно, в личных делах все написано, дальше опрос и в действующую часть. Уже отработано все.

Бойцы вслед за сержантами потянулись к воротам. Где уже поставили столы и лавки, за которыми сидели бойцы и записывали подходивших по очереди пленных, позади них стояли две походные кухни и дымили трубами. Хотя, теперь уже бывших пленных интересовали не кухни, есть конечно хотелось, а водовоз что разворачивался сейчас у

ворот. Жажда мучила сильнее голода. Видимо сержант не соврал, говоря, что освобождают они не первый лагерь, все было хорошо организовано, и освободители знали, что нужно бывшим пленным. Старшина же, остановившись у колючей проволоки заграждения и оперившись рукой о столб, смотрел на стрелковую змею, идущую к городу.

— Вернулись, вернулись же, — бормотал он, и по его щекам текли скупые мужские слезы.

— Товарищ командир, там наши в городе, — разбудил лежавшего на старом матрасе мужчину в командирских галифе, мальчишеский шёпот. Рядом с раненым висела ремень с кобурой, и капитанский френч.

— Что?.. Погоди Михайло, какие наши? — со стоном подтянув к себе костыль, стараясь не тревожить перебинтованную ногу, поинтересовался мужчина.

— Ну наши, советские. Сам видел. Там стрельба была, я побежал посмотреть. Там на выезде немцы убитые лежат и трое наших их в кювет носят. Там командир был, с тремя треугольниками в петлицах.

— Старший сержант, — задумчиво протянул раненый: — Вооружены?

— Да. А у командира даже автомат. И танки видел, но они мимо проехали, в сторону реки. Может рассказать про вас, товарищ командир?

— Подожди пока. Лютнев с бойцом пытались пробиться, и где они? Убили их. Жалко, совсем молодой лейтенант был... Ты вот что, понаблюдай, что они делают, чем занимаются.

— Хорошо, товарищ командир, я тогда Яшку позову, он тоже пионер, поможет.

— Надежный?

— Да, это он вам лекарства доставал, у него мама в аптеке работает.

— Вечером доложишь, а пока ступай, — велел раненый, и устало откинулся на подушку.

— Проезжай! — махнул флажком, боец-регулирущик, тормозя двух мотоциклистов.

Дымя дизельным выхлопом, мимо прополз порожний грузовик, повернув на продовольственные склады.

Устало разогнув спину, он осмотрелся. Чуть в стороне, находился блокпост, как их прозвали командиры, новое веянье из штаба. Там повернув пулеметы в сторону города, в охранении стояло отделение бойцов. Город группа не брала, просто не было сил для этого, но обеспечить охрану, чтобы немцы не совались, вполне была способна.

— Товарищ военный? — кто-то окликнул бойца детским голосом.

Закрутив головой, красноармеец рассмотрел под кустами двух мальчишек в пионерских галстуках.

— Что вам? — улыбнулся он.

Переглянувшись, мальчишки встали и подошли ближе.

— Вы советские бойцы? Красная армия?

— Ну да, — утвердительно кивнул боец и, наклонив голову, снял каску чтобы показать пилотку с красной звездой. К нему с подобными вопросами обращались не в первый раз, так что он знал, что и как отвечать.

— Нас, товарищ капитан послал, он раненый у Мишки на чердаке лежит, давно уже, — сказал кучерявый паренек цыганистого вида.

— Капитан? — нахмурился парень, с подобными новостями жители тоже подходили, всякое за эти два дня бывало: — В городе?

Мальчишки кивнули.

— Тогда вам к командиру надо. Вон пост, туда идите, он разберётся, — махнул регулировщик в сторону поста.

У города было довольно сильное движение. Вывозилось все, продовольствие, ГСМ, с захваченных немцами и отбитых назад складов мобилизационное вооружение, боеприпасы, обмундирование. С пунктов эвакуации советские танки собранные немецкими трофейщиками. Так что боец отвлёкся, пропуская очередную колонну, тормозя другую.

— В городе говорите? В центре?

— Да, у комендатуры, — кивнул белообрый паренек.

— Там немцем много, не пробьёмся... хотя... — сержант задумался.

Он был в курсе, что особисты готовят прорыв в центр для захвата комендатуры и освобождения пленных, что содержались в местной тюрьме. Да и архив их интересовал тоже.

— Попробую помочь. Вы в городе как ориентируетесь?

— Чего?

— Город знаете?

— Конечно, — аж возмутились мальчишки от такого вопроса.

— Хорошо, сейчас вас на мотоцикле отвезут к командирам, они помогут, да и вы им тоже. Силантьев слышал?

— Да.

— Мухой их к капитану.

— Есть.

Помощь мальчишек оказалась существенной, рота мотострелков на трофейных бронетранспортерах и грузовиках в сопровождении танков, через переулки спокойно проехала к центру. Бой начался, когда они показались на главной площади города, тут уже вступили в дело танки, и быстро подавили немногочисленное сопротивление.

Через два часа советские бойцы покинули город. За то время что они находились, к ним неустанным ручейком текли люди. Тут были и госслужащие не успевшие эвакуироваться, и раненные бойцы с командирами, были так же местные жители.

— Товарищ Сталин! Срочное сообщение из Киева. Лично от товарища Кирпоноса, — предварительно постучавшись, в кабинет Главнокомандующего вошел секретарь, неся в руках папку.

— Что там?

— Неизвестно, товарищ Сталин.

Поскребышев, прежде чем Сталин успел отпустить его, заметил, как взлетели брови Иосифа Виссарионовича, вчитавшегося в текст.

Через полчаса был созван срочный совет Ставки.

— Накладную! — невысокий интендант требовательно протянул руку.

Старший автоколонны, в звании капитана, протянул нужные бумаги, хмуро бросив:

— Мы торопимся, как сказал майор, время, чьи-то жизни.

Оба командира осмотрели друг друга, составив свое мнение о каждом. В последнее время по внешнему виду можно было определить 'старослужащих' и 'новичков'. Интендант был именно из 'старослужащих', округлое лицо с румянцем, так и дышало жизнью. В противовес него капитан выглядел по-другому. Был он ненормально худ, так что красноармейская гимнастерка с капитанскими шпалами болталась на нем как на вешалке. В нем сразу можно было определить недавно освобожденного, да и глаза

выдавали его. Так и мелькала в них ненависть. Сам интендант, как и капитан, согласно приказу штаба был в красноармейской форме, только знаки различия давали определить, кто он есть на самом деле. Терять командование своих командиров, одетых в демаскирующие их форму, явно не желало. Что тут говорить многие командиры поддерживали этот приказ, в парадной форме можно щеголять в тылу, там пули меньше свистят.

— Не волнуйтесь вы так, тут как раз две автоколонны из Первой мотострелковой бригады ушли, так что становитесь под погрузку, очереди нет... Так, вы из Третьей бригады?

— Да.

— Формируют из тех, что освободили у Владимир-Волынска? — полюбопытствовал интендант, быстро заполняя бумаги и ставя в нужных местах подписи.

— Да, из тех.

— Понятно. Так первые шесть машин ко второму складу, там отдадите накладную завскладу сержанту Малешкину, он вам выдаст боеприпасы согласно заявке. Тяжелое вооружение четвертый склад. Крупнокалиберные пулеметы и противотанковые ружья получите у сержанта Ибрагимова. Пушки? А пушки это не к нам. Это вам надо в другое место. Двадцать километров дальше, там пункт сбора, и наряд на получение у вас именно туда.

Капитан тщательно записал все что сказал начальник складов, и вернувшись к машинам стал распределять технику, ставя ее под загрузку. Бригада остро нуждалась в ручном вооружении и боеприпасах. Обмундирование и шанцевый инструмент они получить уже успели, и сейчас утрясали штаты, стараясь притереть людей друг к другу. Постоянные марши, непонятно зачем бригаду заставляли копать траншеи, не ячейки, как положено по уставу, а именно полнопрофильные траншеи, с наблюдательными пунктами, выдвинутыми вперед пулеметными точками, командными пунктами, блиндажами, артиллерийскими капонирами. Причем все это возводилось в засадной манер. Все выкопанное тщательно маскировалось, и... оставлялось, чтобы отойти километров на пять-десять и начать все заново. Как ни странно, за два дня с момента формирования бригады, люди действительно притёрлись друг к другу, правда, оружие им пока не давали, кроме тех же лопат. Как узнал капитан, назначенный командовать отдельным противотанковым дивизионом, в остальных трех бригадах было тоже-самое. Главное теперь-то они получают оружие, и вернут должок немцам, которых в последнее время стали называть 'фрицами'.

Широков зевнув, я потянулся и, сделав пару разминочных движений, резко сел. От быстрой смены движения, закружилась голова. Болезнь ушла, но слабость осталась, поэтому под присмотром врачей я стал нагружать себя физкультурой. Выйдя наружу, посмотрел на пробежавшего мимо и козырнувшего бойца с ведром. Проводив его взглядом, посмотрел на стоявшее в зените солнце и, потеряв небритую щеку, вернулся в землянку. После всех процедур, свежепобритый и умывшейся я был в штабе.

Создавая оперативный штаб, я рассчитывал, что сгружу со своих плеч командование группировкой, ожидания оправдались на все сто процентов. Фактически теперь я выполнял только административные функции, но все равно отслеживал все, что решил штаб. Некоторые приказы приходилось тормозить, они были... несколько шаблонными, немцы прочухали бы.

— Докладывайте что у нас нового? — приказал я Иванову.

Отпустив летчиков, которым он давал вводную на разведку. Мы уже сутки наблюдали за движением от Варшавы какой-то пехотной части. Судя по количеству, солдат двигавшихся по параллельным дорогам к нам шла полнокровная дивизия. Это примерно соответствовало стрелковому корпусу Красной Армии, по количеству людей и

вооружению. Бомбить её я пока запретил, вот когда подойдут поближе, чтобы артиллерия доставала...

Сейчас у нас конечно появился дополнительный ресурс — захваченные мобсклады — это оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие, а концлагеря дали нам сверхмотивированных бойцов, которых нужно просто за пару дней откормить и переодеть, попутно проверяя их и комплектуя боевые части с учетом их военных специальностей — на все про все именно те самые два дня, за это время немецкая дивизия дойдет до Буга.

Впрочем, еще два-три дня нужно на легкую дрессировку, но большинство надо рассовать по уже имеющимся боевым частям, но не более пятидесяти процентов в каждое подразделение — в идеале надо чтобы распахивали на уровне отделения и тогда они воспримут наши новации даже без учебы. В принципе пришлось расформировать части и сформировать на их основе четыре мотострелковых бригады. Так же отдельный танковый полк, четыре отдельных дивизиона, два автобата, и еще несколько частей.

Политработники говорили им, что терять им теперь всяко нечего — они уже все практически умерли, но им дается еще одна попытка, что они и сами поняли — их вынули из перспективы смерти от голода и болезней и дали шанс отомстить за свои мучения, умереть за Родину.

Это сильно озлобленные люди, а шансов выжить не много, поэтому надо ставить на эту их озлобленность и жажду мести. Так что, инструктируя политработников, говорил — говорить надо честно и обидно, что облажались все от простого красноармейца до генерала, потому что самоуспокоились, перестали изнурять себя боевой учебой и сами засрали себе мозг сказками о немецких рабочих-братьях. Реально же немцы оказались бойцами лучше их и что есть всего несколько дней на подготовку ко второму шансу и что это реально, потому что освободили их такие-же окруженцы, организованные в войско и располагающие самым главным — хорошими командирами и оружием.

— Все идет согласно плану. Заканчиваем вооружать вновь сформированные бригады. Сейчас они занимают позиции согласно приказу.

— Что с немецкой дивизией?

— Передовые части подошли к Бугу. Авианаводчики доложили, что можно стрелять, дотянемся.

— Хорошо, можете начинать.

— Пока рано товарищ полковник, — отрицательно мотнул головой Иванов, — не все подразделения вышли на намеченные позиции. Авиация готова, но два дивизиона еще на марше.

— Как определитесь со временем, так и откройте огонь. Артиллеристы довольны? Жалоб нет?

— Не было, радиостанций и радистов получили согласно штатам. Вооружение тоже. Даже с переизбытком. Свободных радистов отправили в команды глушения эфира.

— Ясно. Гости, когда будут? Сообщение получили?

Эфир мы глушим не все время, в специально отведенное время. Это обычно ночью, идет перерыв через которое мы обмениваемся шифровками с Большой землей.

— Сегодня, четвертым самолетом в четыре часа ночи придут.

— Ну, сперва они проверяющих пришлют. В штабах у нас очень подозрительные люди сидят, но все равно встретить их как положено. Что с зенитками?

— Сформированы еще четыре батареи. Формируются еще восемь но орудий к ним пока нет, мастерские не успевают их делать. Проблемы со станками. Кстати, во время учебы одна из батарей, открыла огонь по прорвавшемуся на бредущем 'мессеру' и сбила его. Случайность, но факт.

— Часто летать стали?

— Истребительные части быстро реагируют на сообщения наблюдателей... но да. Стали появляться. Видимо подтянули лётную часть.

— Выясните где она и уничтожьте.

— Есть.

— Продолжайте работать товарищ полковник, я пока в стороне посижу, сводки изучу. Через полчаса приготовьте мне машину, хочу объехать части, познакомиться с людьми.

— Хорошо... Корнилов! Что у нас там по броду на реке? Где схема минирования?..

— Товарищ комиссар, подлетаем, пристегнитесь, — выел из дремоты прозвучавший едва слышно за ревом двигателей голос штурмана, потрепавшего за плечо.

Полет занял три часа, вместо прямого полета, летели почему-то зигзагами, меняя маршрут.

Дивизионный комиссар Мартынов, осмотрелся. При тусклом свете лампочки, что зажег штурман, было видно людей в салоне. Из пяти человек комиссии, что направлялись к 'партизанам', как их метко обозвал сам товарищ Сталин, не спал никто. Из присланных специалистов, спали четверо бойцов осназа, направляющихся по заявке 'партизан'.

Повозившись на жесткой и не удобной лавке, 'Юнкерс' был транспортный и не рассчитывался на перевозку пассажиров, комиссар снова прокрутил тот день, когда его вызвали в Кремль. Сперва, с ним разговаривал генерал армии Жуков, коротко введя в курс дела.

Оказалось, пока наши полководцы отступали, отдавая свою землю, какой-то майор госбезопасности, до сих пор выясняют чьего отдела, да и вообще кто это такой. Так вот собрал этот майор из нескольких разрозненных групп окруженцев целую дивизию и, вооружив ее до зубов захваченным у немцев оружием и боевой техникой, ударил по глубоким тылам поперек коммуникаций, да так удачно, что взорвав погранично-железнодорожные мосты и разбомбив до щебенки Варшавский железнодорожный узел, отрезал немцев от снабжения.

О масштабах деятельности этого майора ходят какие-то неправдоподобные легенды в Генштабе о необычной боевой выучке его группировки, собранной из окруженцев и освобожденных им военнопленных, что он не просто вооружил, а вооружил свое войско просто до зубов. Располагая автотранспортом и боевой техникой по штатам механизированной дивизии со сверхштатными средствами усиления, широко использует еще и авиацию различных типов, силами до смешанной истребительно-бомбардировочной авиадивизии, что и позволило ему практически одномоментно нанести удар из района Владимир-Волынка по рокадным железнодорожным станциям и шоссейным дорогам по всей полосе от района Львова ориентировочно до Лиды. Подавив малочисленные тыловые гарнизоны, он выжег в глубоком тылу Вермахта их аэродромы и инфраструктуру на приграничной территории СССР в полосе до трехсот пятидесяти километров и по не уточненным данным, глубиной от ста двадцати. Местами до двухсот километров по линии в районе Сарн-Лунинец-Барановичи, поэтому снабжение фронта у немцев в ближайшие пару недель возможно только в обход, через Прибалтику и Румынию — это хороший шанс для Красной Армии. Поэтому-то отправили Мартынова организовать взаимодействие. Товарища Сталина, да и командование заинтересовали манера боевых действий, что вела группировка 'партизан', она даже краем не касалась боевого устава Красной Армии.

Самое интересное, этот майор госбезопасности Демин не признает 'нерушимую стену' в принципе. Войска под его командованием воюют мобильными группами, используя различного рода диверсантов, для ночного нападения на колонны в ничейной полосе, для артиллерийско-пулеметных засад и наведения на колонны днем артиллерии, а

на ночные лагеря направляет штурмовики с кассетами легких бомб — им точность не нужна, плюс-минус сто метров не критично — побольше сыпанут.

Комиссар не будь дураком, понял причину, почему выбрали его. Несмотря на то что 'воздушный мост' действует вторую ночь и раненых вывезли уже ближе к полутысяче, столько же примерно пленных, Ставка все равно опасалась провокации, несмотря на довольно плотный допрос летчиков и раненых. Наверняка после Мартынова должен прибыть другой человек, с более широкими полномочиями.

Посмотрев в иллюминатор, комиссар увидел неярко горевшие электрические огни на земле. Судя по всему, аэродром у партизан работал в полную силу. Чуть подпрыгивая на кочках самолет катился по полю притормаживая в конце посадки.

Как только дверца открылась, их осветили фонариками.

— Дивизионный комиссар Мартынов? — поинтересовался кто-то снаружи.

— Это я.

— Меня прислали за вами, прошу следовать за мной.

Через десять минут на трофейном автобусе комиссия въехала на лесную ночную дорогу.

— Со светом ездят, ничего не бояться, — пробормотал один из членов комиссия капитан Артемьев, наблюдая за довольно оживлённым движением на дороге.

— Вопросов много, скоро все узнаем, — ответил Мартынов.

Сильное движение было не только на земле, но и в воздухе. Когда машина остановилась, и командиры вышли из автобуса, стало отчетливо слышно тяжелое надрывное гудение самолетов и далекую орудийную канонаду, переходящую в сплошной орудийный гул непрерывных выстрелов. Входящий в комиссию майор мотострелковых войск был обстрелянным командиром, приняв свой первый бой на границе в Белоруссии двадцать второго июня, он был одним из немногих кто смог вырваться из Кобринской мясорубки. Спрыгнув на землю, майор замер, прислушиваясь.

- 'Юнкерсы'... тяжело нагруженные... Гаубицы бьют. Много. Далеко... километров в двадцати. Судя по залпам, полк работает не меньше.

— Четыре отдельных дивизиона, и восемь батарей входящих в состав частей. А бомбардировщики наши, трофейные. От Варшавы к нам немецкая пехотная дивизия шла, как раз сегодня Буг достигла, разведка выяснила, где они на постой встали, теперь по точкам отрабатываем, — пояснил сопровождающий, в его голосе только глухой бы не услышал гордости: — Пройдемте в штаб, вас уже ждут. Вещи пока в машине оставьте, позже вас увезут на место расквартирования.

Мартынов внимательно выслушал майора и сопровождающего, составив свое мнение разговора. В этой части действительно все по-другому, если бы не форма, можно было подумать, что они попали в совершенно другую армию, чужого государства. Он припомнил, как майор Лисин расспрашивал сопровождающего в автобусе:

— Лейтенант. Какая у вас должность?

— Командир четвертого взвода управления комендантской роты, товарищ майор.

— Но в комендантской роте, как я помню по уставу положено три взвода?! — сыграл удивление майор.

— Это так, но наш взвод только номинально числится за комендантской ротой. В основном наша задача одна, охранять командира группы.

— Майора госбезопасности Демина?

— Так точно, товарищ майор.

— Он так беспокоится за собственную безопасность?

— Нет, товарищ майор. Товарищ полковник был как раз против, это командование штаба решило. Наш командир ведь как 'савраска' везде ездит, в каждой части побывает, с

простыми бойцами поговорит с командирами познакомиться. Один раз под обстрел попал, на каких-то шальных немцев нарвался, вот командование и решило выделить ему охрану.

— Понятно. Беспокоятся о нем?

— Так точно, товарищ майор. Если бы не беспокоились, меня бы командовать взводом не поставили, и не разрешили самому бойцов набирать. Я раньше разведвзводом командовал. У меня все бойцы обстрелянные, некоторые не по одному языку брали.

— Языку?

— Пленного. Это командир словечко ввел, он много разных слов знает. Как говорить в самую суть попадает.

— Да-а, похоже. Надо же, 'язык', - покачал головой майор, — это получается как бы 'говоруна' берут?

— Так точно.

— Лейтенант, а почему вы старорежимные 'так точно' произносите?

— Тоже командир ввел. Говорит мне ваши 'Да' — 'Нет' уже поперек горла. Война идет, будем вводить новый боевой устав.

Мартынов тогда засмеявшись, произнёс:

— Хорошо, что ВАШ командир еще погоны не ввел.

— Надо будет, товарищ комиссар, введут, — было видно, что лейтенант, потерял интерес к разговору и как-то быстро свел его на нет.

Автобус остановился на небольшой поляне, освещаемой только лунным светом, похоже светомаскировка тут была очень хороша. Рядом с автобусом стояли три легковых машины, под тенью деревьев угадывались массивные корпуса бронетранспортеров.

— Прошу следовать за мной, — сказал лейтенант.

— Восемь! — послышалось откуда-то из темноты.

— Тринадцать.

— Верно.

После произнесения пароля, лейтенант почему-то остался на месте.

— Лейтенант Старцев с сопровождением, — произнес в пустоту.

Через минуту в лунном свете откуда-то сбоку вышли трое бойцов в касках и плащ-палатках. Их осветили фонариками, и проверили документы у сопровождающего.

— Проходите, — велела одна из фигур.

Через минуту комиссия спустилась в небольшую землянку, освещаемую электрическим светом. В ней находились младший лейтенант, вскочивший из-за стола, и трое бойцов с автоматами, один из них как раз поправлял материю, что закрывала дверь, видимо, чтобы свет не выходил наружу. Слева от стола лейтенанта находилась еще одна дверь, судя по едва слышному гомону, там было много людей.

— Сообщи о нас, — велел сопровождающий младшему лейтенанту.

— Есть, — козырнул тот, открыв вторую дверь, и впусив шум работающего штаба, скрылся за ней.

Через минуту московские гости прошли в следующее помещение. Оно было огромных размеров, никак не меньше метров шестьдесят на сорок, с множеством подпорок из толстых бревен, державших свод. На гвозде, вбитом в ближайшее бревно, висел немецкий автомат. В штабе находилось два десятка командиров разных званий. Но привлекло внимание комиссара не это, а длинный стол весь устланный картами, и макет с видом на район и окрестности, куда они прилетели. Там были игрушечные дома, озера, и много другое. Столь тщательная организация штаба невольно внушало уважение.

— Полковник Иванов, начальник оперативного штаба. Извините, что не встретили вас на аэродроме, но как раз началась активная фаза боев, и мы вынуждены были присутствовать здесь, — к ним на встречу шел коренастый полковник со шрамов на щеке.

— Ничего, бывает, — кивнул комиссар, пожимая руку. Несколько минут командиры знакомились.

Позади полковника стояли люди, видимо командование группировкой.

— Мартынов? Тезка?! — услышал вдруг комиссар чей-то удивленный голос. Обернувшись к двери, он увидел мужчину лет тридцати, которого он ранее точно не знал, в форме майор госбезопасности с орденом Красной Звезды на груди. Позади него стоял лейтенант НКВД, и с подозрением рассматривал комиссию.

Вот это я лопухнулся, ведь мог догадаться, что пришлют кого-то знакомого.

Мартынов был моим соседом по дому, по службе мы не пересекались, но соседями были хорошими. В гости друг к другу ходили постоянно. Это я про тот мир, где первый Сталин.

Глядя на поднимающиеся брови комиссара, стал судорожно искать ответ, как объяснить нашу встречу.

— Мы знакомы? — прозвучал ожидаемый вопрос: — Простите, не припомню.

— Нас в Наркомате Гоголев познакомил. Не помните? Месяца два назад, если не ошибаюсь, — с легкой небрежностью ответил я. Никто не догадается, как мне дался этот тон. Внутренне холодея от ожидания вопроса: Гоголев? Что за Гоголев? — услышал:

— Сергей?

— Ну не Юра же, — тем же тоном ответил я, скрывая облегчение.

— Не припомню что-то, — смущенно ответил комиссар.

— Вы тогда с дежурства шли, уставший видимо были, — отмахнулся я и, протянув руку, произнес: — Давайте заново знакомится. Майор госбезопасности Демин Александр Геннадьевич.

Чтобы не мешать работе штаба мы перешли в следующее помещение, оно было меньше и предназначалось для переговоров и совещаний. Дождавшись, когда командиры усядутся, получил документы из Генштаба, что люди сидевшие передо мной и есть их представители и имеют широкие полномочия. Изучив документы, начал их знакомить комиссию с нашим положением.

— ... так что на данный момент, мы ожидаем атаки подошедшей пехотной дивизии через Буг для создания плацдарма. Сегодня ночными налетами, как авиа так и артиллерии мы изрядно потрепали их. Основные удары были направлены на уничтожение артиллерии, как самое опасное для нас, и по штабам. Выявить наблюдателям к сожалению удалось всего два. Но по сообщениям разведки уничтожены оба.

— Как вы предполагаете, когда они начнут переправляться? — поинтересовался Мартынов. Комиссия не принимала доклады, ее больше интересовало наше мнение об обстановке у нас.

— В обще-то они уже начали. Сейчас действуют разведподразделения под покровом темноты, но создать плацдарм и обеспечить переправу под прикрытием вполне в их силах. Места переправ сейчас под постоянным минометным огнем, так же ведётся контрбатарейная борьба.

— Какие понесены потери? — поинтересовался у меня Мартынов.

— На этот вопрос вам ответит начальник артиллерии группы подполковник Грайнберг. Товарищ подполковник прошу вас.

— Кхм, — прочистив горло, Грайнберг встал из-за стола, взял указку и подошел к большой карте, висевшей на столе: — Потери есть, но не такие большие, как мы ожидали. В основном нам сыграло на руку то, что немцы были только что с марша. То есть, как только они остановились и стали готовиться к ночёвке, наши дивизионы и батареи, совмещенные в одну артиллерийскую группировку из двухсот восьми орудий под мои командование, нанесли общий удар по координатам под номером 'шестнадцать', высоте 'четыре' и по обочинам дороги под наименованием 'Засека'. Где, как сообщила нам

разведка, и распределились немецкие артиллерийские части. На данное время расход боеприпасов составил полтора боекомплекта. По достижении рубежа 'Бугор' для развёртывания дивизии в боевые порядки полков поставлен заградительный огонь тремя гаубичными дивизионами. Выявлены районы сосредоточения пехоты — это цели номер восемь, одиннадцать и пятнадцать (показ на карте), открыт беглый огонь на подавление по дивизиону семидесяти шести миллиметровых дивизионных орудий на каждую, уничтожено порядка шестидесяти автомобилей. Рассеяно до трёхсот солдат пехоты, — подполковник говорил также о расходах боеприпасов и их подвозе, манёвре огнём по направлениям с ведением различных видов подвижного и неподвижного, заградительного, на подавление огня с целеуказанием разведчиками: — За время боя мы потеряли семь орудий, из них два безвозвратно, в людях более двухсот человек, из них половина ранеными. Потери у немцев пока неизвестны. Могу только сказать, что ответный огонь был несильным, в последнее время вообще стих. Утром разведка доложит потери противника.

— А что авиация? — поинтересовался у меня Мартынов.

Тут я дал слово представителю ВВС:

— Как вы знаете, трофеи, что мы захватили, были довольно велики. Это не только техника, но и вся инфраструктура. Среди освобожденных в лагерях было много бойцов ранее служивших в летных частях, что дало нам возможность сформировать третий авиаполк...

Капитан говорил уверенно и четко. Если что-то было непонятно, разъяснял подробно, даже с фамилиями летчиков что участвовали в той или иной операции.

— ... товарищ командир запретил нам штурмовку дивизии на марше. Воздушного прикрытия у дивизии не было, поэтому у нас были большие шансы нанести сильный урон живой силе и технике противника.

Я поощрял командиров на обдумывание своих действий, и можно сказать заставлял иметь свое мнение. С одной стороны, летчики правы и немцы бы понесли от авианалетов несомненно большие потери. С другой стороны, мы бы открыли все карты, и действовать в будущем нам бы пришлось с оглядкой.

Так как Иванов был в штабе и продолжал вести боевые действия, то отдуваться за него пришлось мне. Я подробно объяснил, почему пришлось отдать приказ на отмену налетов на дивизию, и к каким последствиям это привело:

— ... на данный момент артиллерия уничтожает технику и тяжелое вооружение противника. Авиация — атаковала живую силу. То есть удар был нанесён двойной силой, что, несомненно, более выгодно чем налеты во время марша. Нам не требовалось затормозить продвижение дивизии, нам нужно уничтожить ее. Не ждали они от нас ни удара авиации — ни артиллерии.

Комиссия с моими доводами согласилась, однако лицо капитана-летчика продолжало оставаться упрямым. Видимо хотел отплатить немцам той же монетой.

— Товарищ майор госбезопасности, сколько вы сможете продержаться? — поинтересовался майор с орденом Красной Звезды.

— Проведенный анализ силами оперативного штаба... Две недели, край. Больше не сможем.

— Через пять дней у наступающих на Киев войск появиться острая нехватка, как боеприпасов, так и топлива, — задумчиво протянул он.

— Продовольствия тоже, — кивнул еще один из членов комиссии в звании капитана.

— Первое время продержаться за счет населения, — отмахнулся майор.

— Они могут временно начать подвоз через Белоруссию, — снова озвучил капитан с глазами особиста.

Я молча стоял и слушал, не сказать что не без интереса, хотя все это уже было просчитано моим штабом.

— Это капля в море, особо на обстановку не повлияет, — ответил майор.

— Вы товарищи продолжайте, а нам с товарищем майором надо поговорить отдельно, — сказал вдруг Мартынов.

— Это можно сделать в комнате отдыха. Там есть все необходимое, — ответил я комиссару, после чего сказал уже остальным членам комиссии, — штаб у нас работает круглосуточно, так что на кухне всегда есть чем подкрепиться. Через полчаса повар организует вам ранний завтрак. Товарищ комиссар, пройдемте за мной.

Как только мы вошли в кабинет, комиссар спросил:

— Майор, КТО ВЫ?

На несколько секунд в комнате повисло молчание. Обдумывая ответ, я тянул время, спокойно разливая чай по стаканам.

— Сложный вопрос... — задумчиво протянул я. На самом деле ответа на этот вопрос у меня пока не было, не задумывался, оставляя все на потом, и вот этот потом наступило.

— Но ответ должен прозвучать, — едва заметно усмехнулся комиссар, добавив в чай несколько кусков колотого сахара.

— Сладкое любите? — спросил я вместо ответа, кивнув на сахарницу.

— Есть такая слабость.

— Да, я тоже сладкоежка. Особенно пирожное с воздушным кремом нравятся. Знаете, у Наркомата есть магазин, где они продаются. Там продавщица есть, Марья Игоревна, она мне всегда свежие продавала. Вкусны-ы-ые.

Завел этот разговор я не просто так, чувствовался некоторый дискомфорт в разговоре, сейчас же он понемногу стал исчезать. Убедившись, что комиссар готов к адекватному разговору, продолжил:

— Давайте рассуждать логически. Кто я такой вы не знаете, выяснить не удалось, но... я дал вам наводку. Однако и здесь вас ждет поражение. Гоголев заявит, что никакого Демина он не знает и никогда не знал. Что в принципе верно, он действительно меня не знает. Продавщица тоже не опознает частого покупателя. И что получается? Со всех сторон не удача.

— Значит, вы не ответите на мой вопрос?

— Знаете, пожалуй... — я выдержал нужную паузу и ответил, — ... нет. Но я дам вам подсказку.

Открыв клапан нагрудного кармана, я достал закрытый конверт. Передав его в руки комиссара пояснил:

— Это не ответ, это еще множество вопросов.

— Что в нем? — поинтересовался Мартынов, не делая попытки открыть конверт.

'Не дурак', - подумал я.

— Мои удостоверения. Мои НАСТОЯЩИЕ удостоверения и спецпропуск. Открывать не советую. Как сказал один мой хороший знакомый... перед смертью: Я слишком много знал.

— Мне нужно что-то передать, — развел руками комиссар.

— Пусть пришлют кого-нибудь с более широкими полномочиями. Лучше всего того, кому товарищ Иванов безгранично доверяет, и кого не закопают после нашего разговора.

— Заинтриговал, но хорошо, я все передам.

Комиссар, как я и думал дураком не было, и понял, что большего от меня не добиться.

— Думаю, продолжать месить эту тему не стоит. У вас широкие полномочия, но предупрежу сразу, вы тут только наблюдатели, если попытаетесь во что-то вмешаться, извините... приму жесткие меры, — последнюю фразу я произнес без улыбки.

— Я понял, — тоже без улыбки ответил комиссар.

— Ну раз мы пришли к консенсусу, то можно и позавтракать. Дежурный!

Как только к нам заглянул командир с повязкой дежурного, я велел накрыть на стол.

— Ну, а сейчас поговорим спокойно.

Мартынов как представитель Ставки получил те сведения, которые должен был получить. Много или мало, сейчас это неважно, я немного оттянул время — оно того стоило. Главное в том, что я нашел портал.

Тяжелый ста двадцати миллиметровый миномет ближайшего расчета, ухал с периодичностью пятнадцать выстрелов в минуту.

— Товарищ лейтенант! Наблюдатель докладывает о поражении цели. Просит добавить еще пару 'гостинцев' и перенести огонь по цели номер восемь, — оторвавшись от радиостанции, четко произнес боец. В нем, в бойцах расчетов и в командире можно было легко опознать недавно освобожденных из концлагерей. Хотя у некоторых вернулся румянец на щеки, вследствие довольно хорошего и калорийного питания, все равно по худым фигурам и несколько злым на противника лицам, понимающие люди сразу определяют кто есть кто. Командира батареи лейтенанта Малинина освободили из лагеря для командиров, тогда группировка что захватила лагерь, пополнилась на триста семьдесят шесть командиров. Более сорока тогда, по приказу особого отдела, что вело расследование, были отправлены во вновь создаваемые штрафные части. Как неблагонадежные. Малинина тогда тоже изрядно промурыжили, в личном деле, что хранилось у немцев, не было указано, как лейтенант попал в плен. Повезло, что служба у особого отдела была поставлено как надо и они, связавшись со своими коллегами что освободили лагерь с простыми бойцами нашли и допросили подчиненных лейтенанта и те подтвердили то, что минометы были подавлены танками, батарея захвачена.

Батарея лейтенанта сформированная всего три дня назад, была она пополнена фактически одними доходягами, тех кто врачи признали ограниченно годными. Из-за задержки с особым отделом Малинин не успел на формировку и получил то, что осталось. Радовало одно — восемь бойцов были из его старой батареи и сейчас они составляли костяк подразделения.

— У нас время подошло. Передай, меняем позицию, — отрицательно покачал головой лейтенант. Немецкие звукарки работали очень продуктивно, и хотя в сплошной канонаде трудно засечь метки батареи, они умудрялись это делать.

— Есть! — козырнул боец, после чего снова приложился к гарнитуре рации, — Гвоздика я Молот, отбой. У нас пересменка, уходим на два-ноль семь. Как поняли меня?

Количество стволов было так велико, что батареи менялись посменно, сейчас как раз первая батарея их минометной роты закончила передислокацию и была готова вести огонь. Несмотря на то, что батарея была сформирована из слабосильных, в отличие от других частей в ней было аж две машины на четыре миномета. Бойцы споро по салазкам погрузили минометы в кузова и, заняв свои места на ящиках с боеприпасами, уехали с позиций.

На дороге им часто встречались регулировщики и машины снабжения что возили боеприпасы, проехав командный пункт они отъехали на полкилометра и заняли запасную позицию. Через сорок минут батарея снова открыла огонь по заявкам наблюдателей.

Проследив взглядом, как мимо КП проехали два больших грузовика с одним минометом на прицепе и одним в кузове, я посмотрел на чистое летнее небо, где шел

воздушный бой пяти 'мессеров' против шести 'ишачков'. Пока наши лидировали, сбив три 'мессера'. Проследив за дымным следом подбитого 'ишачка', судя по всему, пилот решил посадить поврежденную машину, снова повернулся к командиру Второй бригады подполковнику Лазареву.

— Вы уверены в этом?

— Да, товарищ полковник. У меня самые свежие разведданные, они начали.

— Хорошо. Раз понтонный мост наводят на вашем участке, то Третью маневренную группу я передаю вам. Согласуйте удар с оперативным штабом.

Идея нанести ответный удар зрел у меня уже четвертые сутки, с того момента, как разведка донесла о подходе дивизии. Свою идею я выложил Иванову, дав приказ подготовить операцию, которую назвал 'Багратион', в кратчайшие сроки.

Суть операции была простой, за этой дивизией просто ничего не было, после двух дневного боя, как мы и рассчитывали дивизия изрядно потеряла в людях и технике, хоть и оставалась все той же грозной силой. Ослабленной, но грозной. В общем, мы собирались пощипать тылы, насколько сможем. Именно поэтому я попросил у 'Большой земли', как можно больше диверсантов, теперь они не полягут на подступах к Москве кидаясь с гранатой под танки. Остановили они тогда прорыв, что уж говорить, но терять столь ценных спецов, очень не хотелось. Сейчас две сотни этих парней безобразничали на коммуникациях противника, мешая подвозу тылового обеспечения дивизии. Семь моторизованных групп с момента захвата территории я не сформировал, да и глупо это было, уничтожать получивший опыт и надежду к победе подразделения. Более того я их еще и усилил, как людьми так и техникой.

Понтонных мостов у нас не было, вернее были, но теми огрызками пользоваться было невозможно, вот и я решил использовать немецкий понтонный мост. Он сейчас как раз возводился под плотным артиллерийским огнём, вот немцы то удивляются, как наши мажут, по живой силе на берегу попадают, а водяные столбы от разрывов лежатся совсем рядом с мостом. В штабе решили, что немцы, возможно будут наводить мост рядом со старым, на месте обороны Первой бригады, там и дороги, и узко, да и вообще логично именно там. Поэтому-то позади Первой и были сосредоточены группы для прорыва и окружения дивизии, но немцы решили переправляться в другом месте. Как только командир Второй бригады доложил об этом, я сразу же выехал на место, пока штаб передислоцировал ударные группы.

Третья маневренная группа, была усиленной, она состояла из штрафников, это они должны захватить мост и удержать плацдарм на том берегу пока вводятся в бой ударные подразделения и Четвертая бригада, которая участвует в охвате и уничтожении дивизии.

— Вся артиллерия на вас. Перед штурмом, нужно огненной метлой вымести тот берег, чтобы у штурмующих было меньше потерь, — командовал я, такая пальцем в карту. Там были отмечены позиции противника.

— Товарищ полковник, а когда вводить в бой танки?

— Полк введут после занятия вот этих высоток...

Возвращаясь в штаб, я вспомнил, как у самолета прощался с Мартыновым сегодня ночью. Комиссар пробыл у нас всего день, улетев следующей же ночью. Комиссия осталась и занялась своей прямой работой, изучением новой тактики применения подвижных соединений, комиссар же получив то, что ему приказано, вылетел обратно.

— Передайте, на вопрос обо мне одной фразой: Всему свое время.

— Хорошо, но вы тоже должны понять, что все станет явным, и если вы Враг Наро...

— Бросьте, — отмахнулся я, — ваши подозрения беспочвенны. Я про другое. Хотелось бы чтобы прислали человека компетентного, который не рубит с плеча. Гоголев, по-моему мнению вполне компетентный товарищ.

— Я передам.

Отправив вместе с комиссаром документы по группировке и ближайшим планам, про будущее окружение Киева предупреждение было передано еще три дня назад, я отправился в штаб.

Прежде чем сесть в машину подумал:

'Если будет контакт, то наверняка пошлют Серегу, надеюсь, он оценит мою шутку со встречей с двойником'.

Как ни странно, все получилось, видимо я единственной в нашей группе сомневался. Немцы, конечно, были опытными войсками, но они ни как не ожидали от окруженцев такого фортеля. Ладно бы еще контратака, что-бы там мост уничтожить, но захватить его встречным ударом?! Что-бы пропустить по нему на территорию Рейха около десяти батальонов мотопехоты со средствами усиления и танковый полк во фланг и тыл готовящейся к переправе наступающей дивизии?! Это верх наглости. А учитывая, что артиллерия, то есть вся, или большей частью, выбита, то шансы были велики. Особенно в том порядке, как назвал Иванов, 'расходящейся рогаткой', где второе направление вспомогательное только в качестве заслонов, прикрывающих ударную группировку от немецкого удара с другого фланга и в тыл, а основная группировка ударила во фланг и частью обошла с тыла, массированно используя артиллерию и авиацию. Все мотогруппы сейчас добивали остатки дивизии. Я ввел в бой последние резервы, отдельный танковый батальон вооруженный Т-34 и КВ, и последнюю стрелковую бригаду. С этими танками нам повезло, когда мы заканчивали зачистку захваченных территорий, то обнаружили два десятка новеньких 'тридцатьчетверок' и пятнадцать КВ на сборном пункте. Немцы их захватили на пандусах грузовой станции, снять с эшелонов их успели, но перегнать и передать в сорок первую дивизию не смогли. Опытных танкистов знающих эти машины у меня не было, но подобрать экипажи было нужно. Тут нам помог 'Воздушный мост', мы получили не только экипажи имеющие хоть какой-то опыт, но и дизельные двигатели, по несколько штук на танк. Пока мы готовились, они тренировались. Я часто появлялся на полигоне, помогая, где советом, где неосторожно оброненным словом, к концу танкисты считали меня одним из своих. Понятное дело все те болячки, что помнил у танков, я успел упомянуть. Дальше работали инженеры.

Танковый батальон уже успел получить хоть какой-то опыт боевой стрельбы и передвижения подразделениями, в бою с дивизией, там его хоть и использовали как подвижные артиллерийские засады, но опыт есть опыт. Радиофицировать немецкими радиостанциями мы тоже их успели. Батальону совместно с бригадой главное было дойти до назначенного места и перекрыть отход остатков пехотной дивизии противника, а после того как все кончится немедленно вернуться назад. Понятное дело в прорыв по коммуникациям противника мотогруппы пойдут на трофейных легких танках, уж их-то изучить и освоить успели, как ни странно у нас их было большинство. В общем, этот батальон был у меня тузом в рукаве, главное натренировать экипажи и командиров в боевом слаживании. Опыт засад у них уже был.

Приложив платок к ране на виске, я попытался остановить кровь.

— Как же вы так, товарищ полковник? — засуетился рядом начальник моей охраны, лейтенант Старцев.

— Кто же знал, что мы не всю артиллерию у немцев выбили, — пробормотал я. Мощные разрывы продолжали вставать как на берегу, так и в воде, ладно хоть попаданий в понтон пока не было. Только одна из машин от близкого разрыва загорелась, ее как раз сейчас в воду сталкивали, да я получил по касательной осколочную рану. Медик взвода начал накладывать повязку.

У меня была мысль, что могут быть неприятности, поэтому и приказал во время прорыва, чтобы над переправой постоянно висело звено загруженных бомбами штурмовиков. Вот и сейчас три 'чайки' определившись, откуда бьют гаубицы, деловито поползли вглубь немецких позиций, туда, куда уже ушли наши моторизованные группы.

'Зря я наверное к мосту рванул, захотелось видишь ли посмотреть на переправу, своими глазами увидеть что все получилось', - мысленно вздохнул я, морщась, когда сержант закончил бинтовать голову. Теперь фуражка не налезала.

Один из бойцов в кузове бронетранспортера затащил последний музыкальный хит. Что уж тут говорить руку к этому приложил я, случайно, но все-таки. Планируя операцию, я стоял со всем командованием группировки у стола с расстеленными картами, задумчиво замурлыкал себе под нос 'Русские дороги' Растеряева. Наконец, когда повар принесший обед выронил поднос, мне дали вежливо понять, что пора завязывать.

— Товарищ полковник? — отвлек меня от раздумий вежливый голос Иванова.

— Что?

— Вы песню поете...

— Что, понравилось? А мне говорили, что у меня нет музыкального слуха, мол, там медведь потоптался, — улыбнулся я.

— Вас не обманули. Только там слон потоптался. Вы, товарищ полковник, когда спеть захотите, идите к разведчикам, когда они пленных допрашивают. Пусть немчура мучается.

Посмотрев в смеющиеся глаза Иванова, я хмыкнул и кивнул.

— Учту.

Но песней вдруг заинтересовался человек необычной выдержки, тот, кто выслушал трижды напев этой песни в моем исполнении, наш комиссар. Он записал слова песни, правда, кое-что переставив по своему. Теперь она называлась 'Советские дороги'. За четыре дня незамысловатый мотив и бодрые стихи разнеслась по всей группировке.

Выскочивший откуда-то сбоку особист с перемазанным глиной и тиной лицом и формой, подбежал ко мне.

— Ну что? Узнал? — спросил я у него, поправляя фуражку то так, то эдак, наконец, просто надев ее набекрень.

Сержанта Успенского закрепил за мной Кучера, по моей просьбе, наш начальник особого отдела. Мне хотелось создать вокруг себя тех, кто мне будет верен и на кого я смогу положиться. За две недели я смог в достаточной мере повлиять на теперь уже своих людей. Я знал каждого бойца взвода охранения по имени, командиров тоже. Так что теперь был уверен, они выполняют любой мой приказ.

— Так точно. По словам товарища Лизюкова штрафные батальоны в полной мере показали себя, правда, потери большие. Почти шестьдесят процентов.

— Ожидаемые потери, — вздохнул я.

— Сейчас выживших отводят в тыл, те у кого раны получают амнистию после трибунала. Сейчас там военюрист разбирается. Кто искупил свою вину, а кто нет.

— Пленных много?

— У-у-у, — только и махнул рукой Успенский.

Что делать с захваченными пленными, даже если их будет всего около тысячи? Будет... По последним подсчетам, количество только тех что успели захватить уже перевалило за пять тысяч. Что с ними делать? У нас была тысяча военнопленных, но фактически полностью мы успели перевезти их на большую землю. Да они были набиты как кильки в бочке, но мы избавились от обузы, что же делать сейчас?

Ответа у меня пока не было. Мысль перевезти их на 'Большую землю', как появилась, так и пропала, мы от тех-то с трудом избавились, такое количество наши

транспортники не потянут, но и оставлять на своем обеспечении тоже было нельзя. Хомяки и то меньше жрут... Нужно думать.

— Тадеуш, слышишь? Стихло, — отпив пенного напитка, произнес один из завсегдатаев пивного бара, выделявшийся среди посетителей солидным брюшком.

— Побили красных, нечего говорить, пан Витковский, — ответил невысокий худенький старичок. Его костюм, потёртости на локтях и руки истыканные иголками выдавали в нем портного, правда, с не великим доходом.

Небольшой тихий городок, что стоял на пересечении автомобильных дорог, находился не так далеко от границы и жители уже третий день слышали глухую канонаду вдали.

— Пан Пушевичус, что работает в комендатуре, слышал разговор гауптмана Рихте со своим заместителем лейтенантом Милке. Мол, большая банда прорвалась к Владимир-Волынску освобожденному от большевистской заразы доблестными войсками Третьего Рейха, — несколько пафосно произнес пан Витковский.

— Банда это плохо, разворуют, пограбят, насильничают, — с умным видом закивал старичок, утопив свой длинный нос в пене пива.

— Герр гауптман говорил, что в банде много русских военных, что дезертировали, когда поняли, что Третий Рейх непобедим.

— Побьют, как есть побьют.

Остальные посетители на них внимания не обращали, привыкли. Во всех народах есть такие личности, которые стелются как преданные собачки у ног рядом с победителями. Именно такими и были пан Витковский служащий на почте и старый портной.

— Техника едет, — прислушался один из посетителей, крупный мужчина. Замасленная куртка выдавала в нем автомеханика.

— Наверное, раненых везут. Вчера две автоколонны были, одна тут остановилась, в нашей больнице оставили раненых, другая дальше пошла, в полевой госпиталь, — ответил мужчина, судя по измаранным йодом рукам, он работал именно в этой больнице.

— Много раненых?! — удивился пан Витковский.

— Очень, — кивнул медик.

— Значит большая, очень большая банда, — проговорил старый портной.

— Ничего, справятся, — отмахнулся пан Витковский.

В это время нарастающий шум ворвался эхом на улицы городка. Грохоча траками, двигались облепленные солдатами танки, за ними знакомые грогообразные бронетранспортеры на гусеничном ходу и грузовики. К некоторым были прицеплены пушки.

— Вот, а вы говорили банда да банда, — довольно насупился пан Витковский: — Побили банду, возвращаются герои.

— А почему герои одеты в форму Советов? — озадаченно спросил кабатчик.

Пан Витковский прищурился, и полез за очками. Надев линзы, он ошарашенно уставился на бойцов РККА, а то, что это были они, стало сразу понятно. Передовой танк, ссадив десант, ударил и повалил на себя телеграфный столб. После этого время понеслось вскачь. Танки, подминая заборы, разъезжались по городку, у комендатуры закрытой от наблюдения со стороны кабака, громадой костела, заработали пушки и пулеметы, хлестко били винтовки, короткими очередями трещали автоматы. Бухали гранаты. Звонкими голосами звучали команды на русском:

— Второе отделение занять оборону в церкви! Снайпера туда же!..

— Задвинь танк кормой к стене, дорогу перегородил!..

— Замкомвзвода Васильева к комвзводу!..

— Усанбеков, проверь здания на площади!..

Деловито разбившись на отделения, советские бойцы разбежались по городку. Небольшая группа в сопровождении двух танков двинулись дальше, видимо перекрыть выезд из города. Суetyащиеся советские бойцы, никак не походили на банду. С иголки форма, идеально пригнанные по фигурам, ухоженное оружие, тщательно выбритые молодые лица. Старше тридцати ни одного не было, всем едва за двадцать, но несмотря на это и в командирах и в простых красноармейцах сразу можно было признать уверенных и опытных солдат.

Последний приказ видимо относился и к ним. Молоденький командир с треугольниками в петлицах, в котором легко можно признать азиата, стал командовать, распределяя бойцов по зданиям, а сам в сопровождении трех бойцов направился к кабаку.

Зайдя внутрь здания, он с удивлением посмотрел на поднятые руки портного и пана Витковские, которые только сейчас обнаружили что их примеру никто не последовал, а продолжили пить пиво с насмешкой наблюдая за сдавшимися.

— Слава русским солдатам! — испуганно завопил портной, в конце дав петуха.

'Русские солдаты' насмешливо переглянулись и, проигнорировав 'патриотов', направились к двум немецким солдатам, которые при приближении встали и молча посмотрели на подошедших бойцов.

Несколько секунд длились переглядывания. Оба немецких солдата, видимо пребывавших в отпуске, да и свежие нашивки за ранения это подтверждали, исподлобья смотрели на русских. Их руки в отличие от двух последователей Иуды, держали руки по швам.

Закончив изучать немецких солдат, азиат повернулся и спросил у посетителей на русском языке:

— Кто на немецком, тут говорит? Перевести сможет?

— Я пан унтер-офицер. Могу перевести, — поднял руку кабатчик.

— Переводите. Согласно приказу за номером сто восемь для мотогрупп: Запрещается брать в плен солдат противника. После боя, в случае если пленные есть, дать им выбор. Или пуля в висок или в колено. Выбор за солдатом противника. Лишать матерей их сыновей мы не можем, но и оставлять в живых солдат, чтобы они потом стреляли в нас — мы тоже не можем. Что вы выбираете?

— Но Женевская конвенция?.. — начал было кабатчик.

— Советский Союз ее не подписывал.

Кабатчик встав рядом с тридцатилетним ефрейтором честно все переводил. Заметив, что солдаты хмурятся, русский сержант улыбнулся и, разведя руками, произнес:

— Вы станете калеками, но останетесь в живых, подумайте о будущем. Германии понадобятся мужчины... Жаль!

Молодой солдат бросился на ненавистного русского, мало того что он оказался из ненавистной расы азиатов, так еще и такие слова говорит.

Раздался выстрел, выкинув пустую, испускающую дым сгоревшего пороха гильзу на пол, стоявший позади сержанта боец, снова щелкнул затвором винтовки.

— Пулю в колено, — произнес вдруг кабатчик.

— Что?

— Пан ефрейтор выбрал пулю в колено, — повторил кабатчик.

— Хорошо, — улыбнулся сержант, — передай ему. Когда мы будем в Берлине, встретимся. Хлопков!

Рыжий боец, от бедра выстрелил в немца, с криком тот упал на пол схватившись за колено.

— Я медик, я помогу! — крикнул подскочивший фельдшер.

— Хорошо, ловите, — кинул сержант, кинув медпакет.

Через открытую дверь на площади слышалась гармошка и молодой голос громко и задорно выводил:

*По плачущей земле не чуя сапогов
Наш обескровленный отряд уходит от врагов
Питаюсь на ходу щавелевым листом
Ночуя в буераке под калиновым кустом
Нам отдохнуть нельзя — бегом, бегом, бегом
А наши якобы друзья засели за бугром.
И смотрят как нас бьют, не отрывая глаз
И только длинные дороги полностью за нас
Вытри слезы, отдохни немного, я советская дорога
Отходи, а я тебя прикрою, грязью да водою
Но по уши в грязи, в воде до самых глаз
Через какой-то срок враги опять нагнали нас
И бьют ещё сильнее, вот-вот и порешат
Но лютые морозы к нам на выручку спешат
Отдохни утри горючи слёзы, мы советские морозы
Заморозим, заметём тоскою, поманив Москвою
Природа на войне нам как родная мать
Но есть время хорониться, а есть время наступать,
И вскоре объявились мы во вражьих городках
И стали всё крушить в ответ, разбили в пух и прах
Порвали на куски, размолотили в хлам
И, добивая, объясняли стонушим врагам:
Запомните загадочный тактический приём -
Когда мы отступаем — это мы вперёд идём!..
(Игорь Растеряев)*

— Проходите, товарищ Мартынов. Товарищ Сталин ждет вас, — произнес Поскребышев.

Подойдя к двери, глубоко вздохнув, комиссар положил ладонь на ручку двери, и чуть помедлив, потянул ее на себя.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, — громко поздоровался Мартынов, войдя в кабинет.

— Здравствуйте, товарищ Мартынов. Присаживайтесь.

Сам Сталин стоял у секретариата и что-то изучал в открытой папке. Минут пять длилось молчание. Закрыв папку и убрав ее в один из отделов секретариата, Сталин подошел к своему креслу и приказал:

— Докладывайте товарищ Мартынов. Что за человек этот Демин.

— Он без сомнения наш, возможно бывший. Возможно действующий сотрудник. Слишком многих знает, и товарища Гоголева и вас.

— Меня? — удивленно приподнял брови Сталин.

— Мы с ним общались несколько часов, в наших разговорах мы несколько раз касались ВАС, в некоторых моментах я ясно понял, что он вас лично знает.

— Вы изучили фотографии?

— Да, я изучил фотографии всех действующих сотрудников, с кем общался Гоголев, так же уволенных и арестованных, там его нет. Когда мы прощались, я намеком сказал что если он Враг Народа, то мы можем простить его.

— А он что?

— Засмеялся, товарищ Сталин.

— Действительно, наш.

— Демин просил передать вам вот этот конверт. Его, не вскрывая проверили наши специалисты. Он чистый, по словам Демина там его удостоверения, по прощупыванию это действительно так.

— Что он сказал, когда передал его, — поинтересовался Сталин, взяв конверт.

— Что это не ответ, а еще вопросы, товарищ Сталин, — четко ответил Мартынов.

— Да? Интересно.

Достав из ящика нож для резки бумаги, Иосиф Виссарионович вскрыл конверт. Из него выпали на стол, два красных удостоверения и небольшая белая пластина заплавленная в какой-то прозрачный материал с зажимом в углу.

— Действительно, появились вопросы, — после минутного изучения произнес Сталин. Больше всего его заинтересовало удостоверение, где четко было написано, что данный сотрудник является прямым порученцем Сталина Иосифа Виссарионовича и дата выдачи. Август тысяча девятьсот сорок первого года. Переливающаяся разными цветами картинка герба СССР, цветное фото, тоже привлекло его внимание.

Сняв трубку телефона, Сталин произнес в микрофон:

— Вызовете ко мне, товарища Берию. Срочно.

После уничтожения дивизии, прорвались из колечка единицы, ударные группы ушли вперед. Их основная задача захват тыловых баз и складов уничтожение всего, что мы не сможем вывезти. Авиация сейчас работала по всем узловым станциям, до которых можно было дотянуться, уничтожая не только железнодорожные пути, но и автомобильные мосты. Работали они по всем направлениям, как только я получил известие, что с фронта перебрасывается боевую авиацию, то дал команду уничтожать бомбардировками и их. Бомбили стоянки самолетов, палатки с личным составом, взлётную полосу. 'Ишачки' пока справлялись, хоть у меня их был и полный полк в шестьдесят машин, после захвата территорий мы нашли много техники на пунктах сбора, как целой, так и повреждённой. С лётными специалистами тоже проблем не было, после освобождения военнопленных. Моторизованные группы продвинулись вглубь территорий на сто и больше километров, взятых сходу населенных пунктов уже числилось за сорок, я это в сводках узнал. Под охраной броневиков, а также и танков целые автоколонны захваченного имущества вывозились к нам. Это хоть немного, но даст продлить время на удержание 'Свободной земли'. Да, наконец, информацию о нас объявили по радио, миллионы советских граждан слушали сводки Совинформбюро, о героической обороне и встречным уничтожением пехотной дивизии противника. Не понимаю зачем это нужно, но захваченные трофеи были перечислены чуть ли не до гайки, даже те что мы захватили в Польше и сейчас вывозим тоже не раз упоминалось. На мои возражение комиссар ответил, что так надо. Людям надо, народу.

Подлетом боевой авиацией противник не ограничился. Да он был ошарашен подобной ситуацией, но отреагировал неприятно быстро. Авиаразведка группировки на 'Юнкерсах' неся потери от высотных истребителей, тут к нашему удивлению, как ни абсурдно это было, немцы во всю использовали наши же МиГи-3, разведка доложила о ночных, а иногда и дневных перемещениях к нашей границе войск противника. И их было много, перевес будет в три, а то и в четыре раза. Против сорокатысячной группировки наших войск немцы выставляли более ста тридцати тысяч своих.

Пять дней, что дал нам противник покататься по их тылам, истекали, я отдал приказ вернуть три из семи групп на базу. Остальным, велел затаиться в больших лесных массивах, мне они еще были нужны.

— Присаживайтесь, товарищи, — произнес Сталин, когда трое мужчин в командирских френчах вошли в его кабинет

Первым из них был Лаврентий Павлович Берия, он спокойно прошел к стулу, что находился ближе всего к Сталину, спокойно сел, и открыл папку, которую принес с собой. Еще двое были командирами. Один, комиссар госбезопасности Гоголев, другой дивизионный комиссар Мартынов. Последовав повелению Сталина и примеру наркома, они тоже заняли места за Т-образным столом.

— Начинайте вы, товарищ Мартынов. Начните с момента как вы покинули группировку наших войск на 'Свободной земле'.

У комиссара тоже была папка, открыв ее он взял первый лист, и начал доклад:

— После захвата территорий встала проблема переварить то, что они захватили. Объем захваченного, как немецкого, так и отбитого обратно советского имущества составлял огромное количество. Тут Демин поступил по своему, слегка не логично, но правильно. В тот момент число освобожденных пленных являлось около двадцати тысяч, причем сорок процентов из них были служащие именно тыловых подразделений. Тут надо отметить организационные способности полковника Иванова, который согласно приказу Демина организовал тыловые службы сверх штата. В тот момент группировка войск численностью едва доходившая до корпуса имела тыловую службу как для армии. После того как Демин отправил на зачистку приграничных окрестностей моторизованные группы, разведчики капита... извините майора Меньшова, выполняли специальные задания. Они не только освободили лагеря, до которых смогли дотянуться в не территории 'Свободной земли', увеличив численность группировки до сорока восьми тысяч бойцов и командиров, но и занялись своей прямой обязанностью. Они уничтожали железнодорожные и автомобильные мосты, уничтожали полотна железной дороги. Взрывчатки было мало, и они согласно приказу поступали просто, на стыках рельсов разводили костер и ехали дальше. Так были повреждены до сотни километров дорог. Взрывчатку использовали как это ни странно на обычных дорогах, они с помощью подрываемых снарядов и другой взрывчаткой. Взрывали перекрестки дорог, особенно в узких местах чтобы не объехать — это существенно, впоследствии снижало продвижение противника. Минировали броды, при возможности уничтожали подрывами и их, на середине или у берег брода получались большие воронки скрытые водой. Именно из-за этого немецкие войска вместо пяти предсказанных, сосредотачивались девять дней. Тут Демин время выиграл.

— Чьи эти все были идеи? — поинтересовался вдруг Сталин, когда Мартынов переводил дух.

— Нам достоверно известно, что почти все идеи шли лично от Демина, но некоторые предложения пришли и от простых командиров, после анализа их приняли к исполнению. Демин очень серьезно относиться к инициативе, и подобрал себе таких же командиров.

— Хорошо, продолжайте.

— Было захвачено очень много артиллерии, как и танков. Если с бронетехникой проблем не так много, Демину просто не нужны большие танковые части, то с артиллерией беда. Захвачено было более пятисот стволов разного калибра, но поставить в строй смогли только едва ли половину. Да, в основном современные пушки, гаубицы и минометы, но расчетов и на них не хватало. Тут помогли мы, с помощью 'Воздушного моста' сняли часть проблемы. Несмотря на то, что артиллеристов нам и самим не хватает, мы отправили добровольцами командиров батарей, орудий и наводчиков, остальную

обслужу подобрали из местных. На данный момент они закончили формировать еще двадцать батарей и три минометные роты.

— Демин ставит основную тяжесть боев на артиллерию? — поинтересовался Сталин.

— Как показали первые дни боев, да. И не без успеха кстати, потери как у нас так и у немцев не сравнимы. Возьмем, например, потери в бою с дивизией. Мы потеряли восемь тысяч убитыми и ранеными. Немецкие потери четырнадцать тысяч, пять взято в плен, около восьмисот разбежалось. Большая часть потом попались нашим моторизованным группам.

— Какие сейчас потери?

— Как вы знаете, вчера сосредоточившиеся у границ немецкие войска в десять часов дня, нанесли совместный удар авиацией, артиллерией, бронетехникой и пехотой в районе деревни Лесновка вбив клин, углубились на пять километров вглубь 'Свободной земли'.

— Как Демин объяснил такой успех немцев? — поинтересовался Берия. Сталин промолчал, видимо был в курсе.

— Он объяснил это одной фразой: Это не успех — это поражение. И как оказалось, был прав. Разведка еще при перемещении сообщили в штаб Демина, где сосредотачиваются крупные силы противника. Определившись с местом удара, они заранее подготовили первую и вторую линию обороны к оставлению. Каждый боец и командир знал, что ему делать. Первую атаку, как и вторую они отбили, с большими потерями, но отбили, после в второпях по приказу 'побежали', остановившись только на третьей линии обороны. Так как наступил вечер, они потянули время, немцы тоже встали. Сегодня утром, когда немцы попытались в лоб взять третью линию обороны, наши нанесли совместный удар. Противник попытался обойти по флангам, но попал на минные поля. Наши не дали немцам отступить и нанесли свой удар, мало того они не только уничтожили группировку что атаковала их, но и на плечах отступавших солдат ворвались на их позиции захватив артиллерию. Дальше уничтожив все, что можно отступили на свои позиции.

— Какие потери с обеих сторон? — поинтересовался Сталин.

— Мы потеряли почти три тысячи. Как сообщил пленный офицер взятый сегодня к обеду, то их потери приближаются к двенадцати тысячам, точно они пока сами не знают. По клину било почти триста стволов артиллерии, они там все с землей перемешали.

— Судя по потерям с обеих сторон, умение воевать с нашей стороны растет.

— Да, товарищ Сталин, с той дивизией хорошо получилось. Кузница кадров — как назвал те бои Демин, и оказался прав... как всегда.

— Продолжайте.

— В данный момент немцы предприняли еще три попытки прорыва на разных направлениях. Все безуспешно. На данный момент уничтожено сорок шесть танков, восемь бронетранспортёров, двести три грузовика, до ста пятидесяти орудий и минометов. Наши потери четырнадцать танков, один броневи́к, сорок три автомашины, двадцать шесть пушек и минометов. Среди авиации двадцать шесть с нашей стороны, и сорок два с их. У Демина очень хорошая зенитная оборона переднего края, очень много захваченных зениток, одних только автоматических пушек 'эрликонов', восемнадцать батарей.

— Мы понимаем, что с сегодняшнего дня начинается противостояние между нашими войсками на 'Свободной земле' и войсками противника. Мы так же понимаем что стабилизация фронта после прорыва танковых групп на Киевском направлении, которые, кстати, остановились шесть дней назад из-за недостатка топлива, что дает нам возможность контратаковать, зависит только от того сколько продержаться войска... хм, Демина? — задумчиво произнес Сталин, слегка споткнувшись на имени командира 'Свободных территорий'.

До этого официально Кремль пока не признавал Демина как командира, с этой минуты Сталин дал понять теперь и со стороны Кремля Демина считают командиром.

— Недели две, пока со стороны Польши не подойдут подкрепления и не начнут давить с двух сторон, — уверенно ответил Мартынов.

— Вы подготовили списки представления к награждению?

— Да, вот они товарищ Сталин. Тут полторы тысячи фамилий, большинство представлены на ордена. Трое на Золотую медаль Героя Советского Союза. Двое посмертно. Для всех награжденных краткая справка, кому и за что идет награда. Тут есть один момент, один из представленных к высшей награде поволжский немец старший сержант Мюллер. Во время захвата 'Свободной земли' разведгруппа выполняя прямое поручение Демина в трофейной форме и на трофейной технике смогли проехать к штабу шестой армии. Сделав вид что направлен к генерал-фельдмаршалу фон Рейхенау с важным посланием проник в штаб и открыл стрельбу из двух пистолетов.

— Мне докладывала разведка об этом происшествии. Генерал и несколько высших чинов тогда были убиты, насколько я помню?

— Да, это так, товарищ Сталин.

— Награждение посмертно?

— Нет, товарищ Сталин, воспользовавшись паникой под прикрытием своей группы сержант, теперь уже младший лейтенант Мюллер смог уйти.

— Оставьте папку, я позже изучу ее. Что вы можете сказать о Демине по своему личному мнению?

— Как я уже говорил, вас он знает лично, у меня создалось такое впечатление. Мы пока не выяснили кто он, но пытаемся.

— Как командир, как он?

— Командир хороший, это можно судить по его группировке. Но как военный он полный ноль. Даже азы любого командирского училище для него откровение. Как сообщил мне один из наблюдателей из комиссии, как-то отдав странный приказ, на отход с хорошо укрепленной высоты, он искренне удивился, что это делать нельзя, мол, мы потеряем преимущество. Когда ему вручили новый пехотный устав, он в течение часа изучил его, и назвал макулатурой. Хоть и читал не без интереса. В общем, все эти его необычные приказы и управление войсками, как оказалось ответ на это до удивления прост. Он просто не умел, да и не знал как воевать по-другому. Однако именно эта тактика и необычные решения, просто выдуманные им на ходу, и привели его к победам. Да и штаб, которые перерабатывали его приказы во все относительно работоспособное, тоже неплохо поработали. Демин тоже не дурак, и свои способности осознает вполне очевидно. Он понимает, что если бы командовал сам, то группировка недолго бы просуществовала, поэтому то и был создан им оперативный штаб под командованием Иванова. Прослойка, можно так сказать, между командиром и бойцами. Симбиот штаба и Демина, вот как это можно назвать, причем очень работоспособный симбиот.

— А что с той высотой? — поинтересовался Берия.

— Высота? Все оказалось, как обычно, гениально просто. Окопы на высоте заминированы, как только немцы начали занимать позиции, последовал удар с флангов, и одновременный подрыв высоты. В окружение попало два батальона, да пара рот оказалось под действием мин. Они тогда потеряли около роты, немцы полк. В общем, интересная система обороны.

— Хорошо, товарищ Мартынов, вы можете быть свободны.

Как только комиссар вышел, Сталин поинтересовался у Берии:

— Что удалось выяснить по этому Демину?

Чуть помедлив, нарком честно ответил:

— Ничего.

— Что можете сказать по этому поводу? — нахмурив брови, поинтересовался Сталин. Ему не понравился ответ.

— Наши специалисты осмотрели удостоверения и карточку-пропуск. По первым: выданы они все хоть и в разные дни, но только через две недели. В августе. То есть должны были их выдать. Дальше. Неизвестный материал и составление. Если удостоверения стандартные, то неизвестно какой аппаратурой нанесены рисунки и это непонятная картинка с символикой СССР. Специалисты в недоумении. По их словам, это очень трудно сделать.

— Но возможно? — уточнил Сталин.

— Возможно, раз сделали, но не наш уровень, товарищ Сталин.

— Что с пропуском?

— Такая же картинка с гербом, но заплавленная в непонятный материал, что-то вроде пластика, как сказали специалисты. Вот их отчет, — передал нарком справку.

— Следы нагрева?

— Запаяна, — кивнул Берия: — Судя по застёжке на пропуске, она открыто крепится на форму, чтобы охрана могла видеть, кого пропускает. Вопрос у специалистов только к этим странным рисункам в виде вертикальных черточек, на всех документах. Как вы видите их много, они короткие, но разной толщины. По словам специалистов, все они разные, совпадения почти нет.

Сталин с интересом осмотрел на удостоверениях штрих-коды, после последовал очередной вопрос:

— Что с фотографиями?

— Цветные, очень хорошего качества, которое нам недоступно, но если мы их видим, значит сделать такие возможно.

— Поучается, товарищ Берия, Демин все-таки не наш человек?

— Получается так, товарищ Сталин. Сделать подобные документы в СССР невозможно. Встает вопрос, зачем привлекать к себе подобное внимание, если с подобными специалистами можно получить удостоверения любого качества? Один из специалистов после долгого изучения удостоверения майора госбезопасности высказал предположение, что оно было поточным. То есть одно из множества, люди, что сделали его, уже набили руку. В общем, эти удостоверения не в единичном экземпляре.

Сталин на некоторое время задумался. Через некоторое время он очнулся от раздумий и обратился к Гоголеву:

— Сегодня ночью вы вылетаете на 'Свободную землю'. Задача узнать кто такой этот Демин.

— Как мне представиться?

— Он вас знает, именно так он сказал. Расскажите ему о нашем разговоре, пусть сообщит кто он откуда, в противном случае наше сотрудничество будет закончено. А официально вы вылетаете на награждение полковника Демина орденом Ленина. Приказ подготовлен. Так же на вас, награждение остального командного и личного состава группировки...

Повесив фуражку на гвоздь, вбитый в один подпоров землянки, и отмахнувшись от дежурного командира, я подошёл к столу, заваленному картами, и отрывисто спросил:

— Какие потери?

Один из присланных с 'Большой земли' старших командиров, которого мы поставили командовать батальоном, хотя по званию мог получить полк, отличился. Несмотря на строгий приказ, решил проявить себя встречной атаке. Подвиг соседней бригады, когда бойцы на плечах солдат Вермахта ворвались на позиции противника и не только смогли удержать их до прихода подкреплений, но и захватили немало трофеев, что изрядно повысило авторитет не только бригады, но и их командиров.

Так этот майор, решил во время атаки, ударить в штыки, чтобы свалить первый вал и опрокинув наступающих ворваться во вражеские позиции. В принципе он неплохо подготовил и продумал операцию, беда в том, что он не оповестил штаб, что и привело к трагическим результатам, его не поддержала артиллерия, кроме закрепленной батареи. В приказах на прикрытие не было ни слова, они только и смогли, что подавить выявленные огневые точки.

— От батальона остались рожки на ножки. От списочного состава едва тридцать процентов. Дыру пришлось закрывать батальоном резервного полка.

Прикрыв глаза, я крепко сжал от злости кулаки. Подстава была крепкая.

— Майора под трибунал! Заслужил сволочь.

— Расстрел?

— Какой на хрен расстрел?! У нас что, в штрафротах людей много?.. До третьей крови, — добавил я, уже успокаиваясь. Сказанное означало, что только после третьего ранения бывший майор мог получить амнистию и новое звание, майором ему теперь уже не быть, лейтенантом, максимум.

— Есть. Товарищ полковник, тут последним рейсом прибыл представитель Ставки Главнокомандующего, — указал Иванов на стоявшего за моей спиной, и с интересом слушавшего командира. Стоял он в тени, хоть его фигура мне не сразу показалась знакомой, узнал я его только сейчас.

— Гоголев? — удивился я, посмотрев на петлицы, покачал головой: — Еще майор?

— Не помню, что бы мы были знакомы. Хотя Мартынов сообщил, что это Я вас познакомил.

Посмотрев на командиров штаба, которые с интересом к нам прислушивались, я задумчиво повернулся к Гоголеву.

— Мы сейчас в таком положении, что не до дискуссий, — повернувшись к Иванову, спросил: — Реальный срок, сколько мы продержимся?

— Если судить по запасам боеприпасов и продовольствия, то месяца два точно. По людским резервам недели две, это максимум.

— Пока мы сдерживаем транспортный поток, наши подготавливают оборону и стабилизируют фронт, — задумчиво протянул я.

Мы не только держали транспортный поток тут, но и изрядно ночными налетами на станции, да и просто на железнодорожные пути, сдерживали объездные дороги. Не все, но хоть до тех до которых дотянуться могли. Ночники у нас молодцы, работают как звери, набирая немалый опыт ночных полетов.

— Вы хотели узнать, кто я и откуда? — обратился к Гоголеву. То, что нас слушает весь штаб, я не обратил никакого внимания.

— Я прилетел награждать участников последних боев, но и это тоже одно из моих дел, — честно ответил Серега.

— Награждение?

— Да, со мной более трехсот орденов и пятисот медалей.

— Хорошо, после награждения пообщаемся. Товарищ полковник, — обратился я к Иванову, — завтра с утра, часикам к шести, мне будут нужны три шинели, вещмешки с продовольствием на три дня и три автомата с боекомплектком.

— Будет сделано, — удивленно козырнул Иванов.

— Начнём? Чем быстрее закончим, тем быстрее займёмся НАШИМИ делами, — с намеком выделил я предпоследнее слово.

— Хорошо, вот у меня списки, нужно согласовать их с начштаба. Награждать начнем со штаба, дальше определимся как быстрее, — передав папку Иванову, произнес Гоголев.

Как командир, награждал я лично. К моему удивлению, когда работники и командиры штаба получили то, что они действительно заслужили, Гоголев вдруг произнёс:

— Майор госбезопасности Демин, два шага вперед!

После того как я сделал два шага, последовала следующая команда:

— Кругом!

Сделав четкий поворот через плечо, я услышал следующее:

— Личным приказом товарища Сталина, майора госбезопасности Демина Александра Геннадьевича наградить орденом Ленина за командования войсками, освободившей Советскую землю, и ряда городов от немецко-фашистских захватчиков...

После того как Гоголев приколот орден на френч, я под крики ура работников штаба, вернулся в строй командования группировки, встав рядом с Ивановым, у которого на груди красной эмалью сверкал новенький орден Боевого Красного Знамени.

'А ведь это не просо так, Сталин явно дал понять, что он мне доверяет, но все-таки просит открыть все карты, не любит он темных лошадок', - размышлял я.

Тех, кого наградили Золотой Медалью, ночью отправили на Большую землю, их награждать будут в Кремле. Мы же объезжали все подразделения, до темноты понятное дело не успели. Заранее предупрежденные части ждали нас и до часу ночи, но к трем часам мы успели объехать всех. Восемнадцать наград пришлось отправить назад, герои недожили до награждения.

Броневик, раздвигая туповатой мордой низко висящие ветви, и отбрасывая упавшие на заброшенную дорогу тонкие деревца, двигался по лесной дороге. Уже час как вставшее над горизонтом солнце, изредка через листву бросало блики прямо на лобовое стекло машины следующей на расстоянии пятидесяти метров от броневика. Замыкал процессию бронетранспортер с бойцами.

Я сидел на переднем пассажирском сиденье 'Галентвагена', как я называл трофейный вездеход. Гоголев и Успенский, сидели сзади. Вещи, собранные по приказу мы сложили в багажник.

— Может, объясните, куда мы едем? — поинтересовался Гоголев.

— Вы же хотели выяснить, кто я и откуда? — поинтересовался я, — вот и узнаете. Потерпите немного.

Сперва на дороге нам еще попадались бойцы или машины стоявших тут тыловых частей, но чем дальше, тем заброшенной была дорога, проехав последнее хозяйство, мы через полтора километра выехали на небольшую поляну.

— Приехали. Машины под деревья, — велел я водителю.

Бойцы шустро оцепили поляну, сторожа. Подошедшему лейтенанту Старцеву, я приказал:

— Оставляешь тут отделение на одной машине, пусть ждут нас.

— Надолго, товарищ полковник?

— Неделю-две. Пока не вернемся. Иванов в курсе, что мы надолго, сейчас он исполняющий обязанности командира, нужный документы я подписал. Я ухожу за помощью — это чтобы ты знал. От Большой земли ждать помощи трудно, а это реальная. В общем, лейтенант, если успею, то мы немцев как блин раскатаем. Ждите. Успенский и майор Гоголев уходят со мной.

— Ясно, товарищ полковник. Я сам тут вас ждать буду.

— Хорошо, — кивнул я, после чего повернувшись к Гоголеву и особисту, поинтересовался: — Чего стоим? Кого ждем? Вещи в багажнике.

Сидор за спину, автомат на плечо, шинель через руку и колонной по одному мы втроём углубились в лес.

В принципе, почему я пошел на это? Да, я обнаружил, летая над лесом и окрестностями, портал. Не сразу, но разглядел, проверить, конечно, было нельзя, просто времени не было, и шли мы на свой страх и риск. Как уже было выявлено профессором Траупергом, миров множество, но по его словам они как веер, то есть пятьдесят на пятьдесят что я вернусь обратно в свой мир, а не попаду в соседний-параллельный. Идти сейчас вынудило меня множество причин. Первое это конечно будущее группировки, что ни говори, а бойцы мне теперь как родные, и бросать их в беде я не собирался. Помощи от Большой земли, как я и говорил лейтенанту, ожидать было нельзя, да и чем они могут мне помочь?

Так что единственный шанс или уйти в портал, или привести оттуда помощь. И все равно уйти в портал. Я ожидал, что сбудется вторая версия и будет помощь. Заодно отвечу на вопрос Гоголева — кто я. Вроде как и отвечу и обещание Сталину выполню не рассказав о себе.

От поляны портал находился в полукилометре, и это расстояние мы прошли минут за двадцать.

— Стой! — достав из кармана повязки, отдал их сержанту и Сереге, — повязываете, дальше только так.

— Это обязательно? — посмотрев на просвет материи, подозрительно поинтересовался Гоголев. В отличие от него, сержант сразу одел и повязал сзади.

— Ну ты же хотел знать кто я? Вот и узнаешь. Не волнуйся, в данном случае безопасность гарантирую. Вон, Успенский достаточно хорошо изучил меня, и знает, что ничего просто так я не делаю. Вяжи.

— Ну... хорошо, — с сомнением ответил Гоголев.

Проверив, как повязаны платки, взял сержанта за руку, а тот соответственно Гоголева, и направился к portalу. Активировав его, я шагнул вперед, следом за мной прошел и мой караван. С портлом повезло. Уровни земли с обеих сторон были одинаковые.

Тут тоже было утро, но пасмурное, однако это меня только обрадовало, время совпадало. Близилась зима, сейчас явно была осень. Отойдя от портала метров на пятьдесят, отпустил сержанта и скомандовал:

— Все можете снимать, — после чего подув на руки, добавил: — Надо было еще шапки-ушанки взять и перчатки. Ладно, одеваем шинели.

Однако мои спутники моему приказу следовать не спешили, а дикими глазами оглядывались вокруг. Я бы тоже удивился, если бы из лета попал в позднюю осень с желтыми листьями на деревьях и настоящее российской, вернее советской грязию вокруг.

— Мы где?! — крутясь, спросил-выкрикнул Гоголев.

— Где-где, в загробном мире. В СССР конечно, где же еще?

Это я сразу определил по пролетевшему самолёту. Я конечно не эксперт в авиатехнике, но это явно был МиГ-21, с его тупым носом. Я уже успел одеться, застегнув шинель накинул на плечи лямки сидора и, повесив автомат на плечо, осмотрелся. Раньше мне было как-то не до этого.

Оказались мы у придорожной посадки, рядом шла гравийка, и посадка была от наносов снега.

— О, 'ишачок'. Значит все правильно, — пробормотал я, вглядываясь в пролетевший самолет. Видимо рядом был аэродром, раз тут часто летают.

Больше нигде, кроме как в моем мире подобной технике не встретишь, так что я спокойно, посмотрев на одевающегося Гоголева, сержант уже стоял рядом одетый строго по форме, произнес:

— Ну что, пошли?

Удалиться от посадки мы успели метров на четыреста, когда, наконец, Гоголев прорвался. Введя затвор автомат, он холодно произнес:

— Требую ответа сейчас!

— Вот неймётся все тебе Серега, сколько тебя знаю, ты всегда последователен и спокоен. Трудно вывести из себя. Сейчас-то, что на тебя нашло?

— А ты оглянись, погода не показалось странной? — несколько язвительно поинтересовался он.

— Извини Серёг. Не могу сказать. Слово дал.

— Всё-таки я требую ответа сейчас, — напряженно сказал Гоголев. Успенский занял позицию посередине, нейтралитета.

Я его взял то только из-за того, что предвидел реакцию Сереги, да и умения Успенского спокойным тоном и определенной мимикой гасить любые конфликты, тоже могли пригодиться.

— Да тьфу на тебя... Кстати к нам машина приближается. Оружие убери, я говорить буду. Если все нормально пройдет, через пару часов мы в Кремле будем. Чай пить с товарищем Сталины.

Гоголев после короткого колебания повесил автомат на плечо, но все равно был на стороже.

— Что-то мне эта машина не нравится, — пробормотал я.

— Немецкая?

— Да нет, не знакомая, наверное, за бугром закупили, сейчас по местным дорогая какие только калымаги не ездят.

Около нас остановился явно военный, и явно командирский вездеход, на вроде нашего 'уазика', только побольше. Звезда на боку немного успокоила меня.

— Майор госбезопасности Демин! Проводите нас к вашему командиру, — приказал я, как только сидевшие в ней военные покинули машину.

— Раський?

— Киргизы что ли? — удивился я, только сейчас поняв, что они не в нашей форме и с непонятными знаками различия.

На нас наставили явные 'Калашы' и что-то залопотали по-своему.

— Китайцы! — ахнул я и тут же под мат Гоголева крикнул: — Не стрелять, опустить оружие!

Тут же началась свалка. Пятеро китайцев врубились в нас, размахивая автоматами, слышался мат Успенского и Гоголева. Моя попытка разнять их крича, чтобы не стреляли, сразу же погасла после удара прикладом 'Калаша' по голове. Последней мыслью было:

'Зря автоматы немецкие взяли!' — после чего отрубился.

Конец второй книги.
